

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XI.

Подъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкою и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова.

Книга I (51).

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1900 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ . №
Пименовская ул., соб. домъ.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Статьи, посвященныя памяти Н. Я. Грота:

Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота.—В. Н. Иванова	1
Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора.—Д. В. Викторова	48
Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота.—Ю. И. Айхенвальда	61
Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель.—П. П. Соколова	74

Философія права. (Окончаніе).—Б. Н. Чичерина	101
І. В. Гумбольдтъ въ исторіи философскаго языкознанія.— П. И. Житецкаго	1
Новый переводъ Упанишадъ.—В. В. Джонстонъ	31

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Mind. Vol. VIII, New Series, №№ 29—39, январь—октябрь 1899 г. П. Мокіевскаго	43
---	----

(См. на слѣдующей стран.).

НОВЫЯ КНИГИ	Стр. 52
ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ	54

Московское Психологическое Общество.

(Отчеты объ очередныхъ и годовыхъ засѣданіяхъ, отчеты секретаря и казначея Общества за 1899 г., представленія объ избраніи въ почетные члены Общества, списокъ членовъ Общества).	55
---	----

Петербургское Философское Общество.

(Протоколы общихъ собраній)	74
---------------------------------------	----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота *).

Когда умираетъ общественный дѣятель, мы испытываемъ не одно горе, не одну скорбь; мы переживаемъ и нѣкоторое чувство благодарности къ памяти этого человѣка за все, что онъ сдѣлалъ для насъ и для всего общества, и нѣсколько горделивое сознание проявившейся въ немъ силы человѣческаго ума, таланта или энергіи. Измѣняя нѣсколько выраженіе поэта, мы одновременно и „говоримъ съ тоской: его нѣтъ, и съ благодарностію: онъ былъ“, онъ жилъ, онъ работалъ—съ пользой и успѣхомъ.

*) При составленіи настоящаго очерка, читаннаго (съ большими сокращеніями) въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 6 ноября 1899 г., въ видѣ рѣчи, мы пользовались слѣдующими матеріалами: 1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Томъ III, Спб., 1896; 2) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб., 1895; 3) В. И. Шенрокъ. Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ (Историч. Вѣстн., 1899 г., № 9); 4) Я. Кодубовскій. Н. Я. Гротъ (статья въ 18-мъ полутомѣ Энциклопедическаго Словаря, изд. Брокгаузомъ и Эфрономъ); 5) Его же. Н. Я. Гротъ (статья въ приложеніи къ «Исторіи новой философіи» Ибервега-Гейнце); 6) К. Д. Кавелинъ. Задачи психологіи. Спб., 1872; 7) И. М. Сѣченовъ. Замѣчанія на книгу г. Кавелина „Задача психологіи“ (Вѣстн. Европ., 1872, № 11) и Кому и какъ разрабатывать психологію? (тамъ же, 1873, № 4); 8) дальнѣйшая полемика между К. Д. Кавелинымъ и И. М. Сѣченовымъ (тамъ же, 1874, №№ 3, 4, 5, 6, 7 и 9); 9) М. М. Троицкій. К. Д. Кавелинъ. (Русская Мысль, 1885, № 11); 10) Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета. Историческая записка проф. А. И. Маркевича. Одесса, 1890; 11) Извѣстія Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, за 1877—84 гг.; 12) Записки Императорскаго Новороссійскаго университета, томы 39—43; 13) Рѣчь и отчетъ Императорскаго Московскаго университета, годы 1887—1899; 14) Сочиненія Н. Я. Грота; 15) Poleмика его съ обыкновеннымъ читателемъ (В. В. Лесевичемъ) и архіеп. Никаноромъ.

Вопросы Философіи, кн. 51.

1

Такое же двойственное чувство испытываемъ и мы сегодня, собравшись на наше печальное торжество: съ торжественной печалью смерти въ нашей душѣ, сливаясь, переплетается бодрящее вѣяніе жизни, еще такъ недавно отъ насъ ушедшей, еще столь живой въ нашей памяти.

Другія имѣющія быть сегодня произнесенными рѣчи будутъ характеризовать Н. Я. Грота, какъ ученаго и мыслителя; онѣ покажутъ намъ и ту внутреннюю связь, какая существовала между его личностью и общимъ строемъ его возрѣній. Я же укажу тѣ внѣшнія рамки, въ которыхъ протекла жизнь покойнаго, и въ связи съ этимъ намѣчу самыя общія свойства его личности, его темперамента.

Легко понять, что я отнюдь не берусь излагать здѣсь сколько-нибудь полной біографіи Николая Яковлевича: время для этого далеко еще не наступило. Сейчас не приведены еще въ извѣстность и оставшіяся послѣ него рукописи, среди которыхъ, на ряду съ собраніями матеріаловъ, случайными, летучими замѣтками и черновыми набросками, несомнѣнно, должны быть и вполне обработанныя вещи*). Мало того, нѣтъ даже просто вполне исчерпывающаго перечня напечатанныхъ статей, замѣтокъ, рецензій Н. Я. Наконецъ, несомнѣнно, много матеріаловъ могутъ дать въ послѣдствіи личныя воспоминанія о покойномъ, которыхъ пока опубликовано еще очень немного; ихъ должно быть съ теченіемъ времени гораздо больше, если судить по тому количеству лицъ, съ какимъ пришлось Николаю Яковлевичу вступать въ тѣ или другія отношенія въ тече-

*) Такъ, еще въ предисловіи къ своей докторской диссертациі („Къ вопросу о реформѣ логики“. Лейпцигъ, 1882, стр. XII) Н. Я. писалъ слѣдующее: „Въ процессѣ изложенія авторъ оставилъ безъ употребленія нѣсколько совершенно готовыхъ къ печати главъ, принужденъ былъ отложить до другого времени рядъ вопросовъ, уже значительно обработанныхъ и по которымъ у него былъ собранъ довольно обширный матеріалъ“. Вѣроятно, объ этихъ именно частяхъ своей работы замѣчаетъ Н. Я. въ составленномъ имъ спискѣ своихъ сочиненій по логикѣ: „есть рукописи еще на 100 стр.“. Затѣмъ, мнѣ лично пришлось слышать отъ Н. Я., что у него собрано много матеріала по вопросу объ инстинктахъ и что кое-что онъ даже началъ уже обрабатывать.

ніе его недолгой, но кипуче дѣятельной жизни. Поэтому я дамъ лишь необходимое введеніе къ тому изложенію его научныхъ трудовъ, его вѣрованій и убѣжденій, которому, будутъ посвящены остальные рѣчи.

I.

Н. Я. Гротъ былъ старшимъ сыномъ нашего извѣстнаго ученаго и литератора, академика Якова Карловича Грота *).

Въ 1850 г. Я. К. женился на Натальѣ Петровнѣ Семеновою **), а 18 апрѣля 1852 г. у нихъ родился первенецъ-сынъ,

*) Родоначальникомъ семьи Гротовъ въ Россіи былъ голштинецъ Іоакимъ Гротъ (1733—1799 или 1800), переселившійся при императорѣ Петрѣ III въ Петербургъ; онъ былъ довольно виднымъ общественнымъ дѣятелемъ въ эпоху Екатерины II, занимая (съ 1764 г. до смерти своей) мѣсто пастора при лютеранской Екатерининской церкви въ Петербургѣ (на Васильевскомъ островѣ). Его сынъ Карлъ Іоакимовичъ (или Ефимовичъ, какъ его обычно звали порусски, скончался 1816 г.) дослужился до начальника отдѣленія въ департаментѣ Государственныхъ Имуществъ.

У Карла Ефимовича было двое дѣтей; Яковъ Карловичъ былъ старшимъ сыномъ. Второй его сынъ—Константинъ Карловичъ—умеръ осенью 1897 г., будучи членомъ Государственнаго Совѣта.

Родился Яковъ Карловичъ 15 декабря 1812 г.; по окончаніи (въ 1832 г.) курса въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицейѣ, онъ сначала служилъ въ канцеляріяхъ (Комитета министровъ, Государственной и финляндскаго статсъ-секретаріата). Но всегда сильные въ немъ литературные вкусы и ученныя склонности въ концѣ концовъ взяли верхъ: онъ разстался съ чисто чиновнической службой и въ 1841 г. поступилъ профессоромъ русскаго языка, словесности и исторіи въ Гельсингфорскій университетъ. Въ 1852 г. онъ перешелъ въ Петербургъ профессоромъ русской литературы въ Александровскій бывшій Царскосельскій) лицей, въ которомъ онъ самъ получилъ образованіе, и въ то же время былъ приглашенъ преподавателемъ нѣсколькихъ предметовъ къ Великимъ князьямъ: Николаю, Александру и Владимиру, дѣтямъ тогдашняго Наслѣдника, а потомъ Императора Александра II. Въ 1855 г. Я. К. былъ избранъ въ члены Академіи Наукъ по II отдѣленію (русскаго языка и словесности); съ 1865 г. онъ сталъ предсѣдателемъ этого отдѣленія, а умеръ вице-президентомъ Академіи.

**) Сестрѣ сенатора и автора обширныхъ мемуаровъ по исторіи крестьянскаго вопроса при Александрѣ II Николая Петровича Семенова; другой ея братъ, Петръ Петровичъ, состоитъ въ настоящее время и членомъ Государственнаго Совѣта, и президентомъ Императорскаго Географическаго Общества; въ то же время П. П.—одинъ изъ самыхъ выдающихся и заслуженныхъ русскихъ статистиковъ.

названный Николаемъ въ честь старшаго брата Натальи Петровны.

Въ 1861 г. девятилѣтній, бойкій и живой мальчикъ поступилъ въ училище д-ра Видемана (на Васильевскомъ Островѣ); гимназическій курсъ онъ окончилъ съ золотой медалью въ 1871 г. въ Ларинской гимназіи въ С.-Петербургѣ и осенью того же года поступилъ на первый курсъ историко-филологическаго факультета въ Петербургскій университетъ.

Этотъ періодъ жизни Н. Я. чрезвычайно живо описанъ въ „Воспоминаніяхъ о Н. Я. Гротѣ“ его университетскаго товарища и друга всей его жизни В. И. Шенрока (помѣщенныхъ въ сентябрьскомъ номерѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ). Быть можетъ, эти воспоминанія уже извѣстны части нашихъ читателей; но мы не можемъ пройти мимо нихъ, потому что въ нихъ въ симпатичномъ свѣтѣ обрисовывается основное свойство личности Николая Яковлевича—общій ея, такъ сказать, динамическій характеръ, его постоянно подвижный и энергичный темпераментъ, всегдашняя способность и готовность увлекаться: мало того, неспособность его не увлекаться всѣмъ, что ему приходилось дѣлать,—неспособность, доходившая до того, что его дѣятельность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производила впечатлѣніе разбрасыванія, неумѣнья экономить свои силы и сосредоточивать ихъ на чемъ-либо одномъ. Но, съ другой стороны, эта же самая черта темперамента, отличавшая Н. Я. въ теченіе всей его жизни, дѣлала изъ него довольно рѣдкій у насъ въ Россіи типъ человѣка, какъ нельзя болѣе далекаго отъ того квіэтизма, отъ той умственной косности и душевнаго безразличія, которыя составляютъ болѣзнь многихъ русскихъ людей.

„Сдѣлавшись студентомъ, пишетъ г. Шенрокъ, Гротъ необыкновенно скоро—можно сказать, тотчасъ же—обратилъ на себя общее вниманіе всего курса замѣчательной жизнерадостностью, соединенной съ чрезвычайной общительностью и привѣтливостью ко всѣмъ товарищамъ; онъ

скорѣе другихъ знакомился съ однокурсниками и, неотразимо привлекая къ себѣ всѣхъ своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, значительно способствовалъ на первыхъ порахъ общему взаимному сближенію“. Въ то же время онъ былъ исполненъ какого-то особеннаго чувства счастья быть студентомъ... „Оживленной, быстрой походкой, съ постоянно ликующимъ видомъ, не столько озабоченный своими постоянными хлопотами, сколько счастливо настроенный и полный бодрого возбужденія, онъ вихремъ носился въ промежутки между лекціями по длинному университетскому корридору, вѣчно въ суетѣ и движеніи. Въ массѣ товарищей, большею частію съѣхавшихся изъ дальнихъ городовъ, удрученныхъ нуждой и насущными житейскими заботами, группировавшихся въ небольшіе и тѣсные кружки, какъ то особенно выдѣлялся этотъ привѣтливый молодежавый юноша, съ виду совсѣмъ почти мальчикъ, отъ души наслаждавшійся и новой для него университетской обстановкой, и профессорскими лекціями, и общеніемъ съ товарищами, и всѣми впечатлѣніями жизни, такъ радостно имъ воспринимаемыми. Онъ одинъ чувствовалъ себя привольно, какъ рыба въ водѣ, никого не сторонился и не хотѣлъ замкнуться ни въ какомъ уединенномъ кружкѣ, но совершенно просто и естественно сближался со всѣми“.

„Изъ всѣхъ университетскихъ предметовъ Гротъ особенно увлекался сначала исторіей, которую полюбилъ, еще будучи воспитанникомъ Ларинской гимназіи. Вскорѣ, замѣтивъ затрудненіе большинства товарищей, чувствовавшихъ нужду въ картѣ древняго Рима при слушаніи лекцій по древней исторіи, онъ весь предался, со свойственнымъ ему рвеніемъ, дѣлу изданія ея примѣнительно къ лекціямъ профессора, цѣлыя недѣли проводя за черченіемъ, всевозможными справками и хлопотами по литографированію, безъ всякихъ матеріальныхъ расчетовъ, единственно по побужденіямъ товарищескаго чувства. Въ слѣдующемъ году онъ составилъ такую же карту древней Греціи“. Однако, уже „къ концу перваго года университетскаго курса Н. Я.

сталъ интересоваться и философией“. „Занимался онъ въ университетѣ вообще порывами и съ большимъ увлеченіемъ и отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ студентовъ, которые благоразумно и равномерно изучаютъ всѣ предметы ради экзамена и диплома. Онъ имѣлъ способность передъ экзаменомъ, такъ сказать, брать приступомъ курсы, по которымъ нужно было отвѣчать“. „Мы съ нимъ готовились (пишетъ г. Шенрокъ) большею частію вдвоемъ, и я живо помню свое изумленіе, когда передъ экзаменомъ по древней исторіи со второго курса на третій Гротъ съ непостижимой быстротой впитывалъ въ себя имена, факты и генеалогическія таблицы—съ тѣмъ, чтобы немедленно послѣ экзамена пустить ихъ изъ головы на всѣ четыре стороны. Напряженіе его памяти доходило до виртуозности... Еще больше изумило меня, когда Гротъ, отчаянно запустившій занятія по славянскимъ нарѣчіямъ, послѣ непродолжительной подготовки далъ на экзаменѣ одинъ изъ самыхъ блестящихъ отвѣтовъ у профессоровъ Срезневскаго и Ламанскаго“... Характеризуя тѣ свойства личнаго характера Н. Я., которыя отчетливо обнаружались уже въ студенческіе годы, г. Шенрокъ еще разъ особенно подчеркиваетъ „необыкновенную ясность и бодрость его духа. Все, что ему приходилось перенести горькаго или тяжелаго, онъ всегда умѣлъ, какъ-то незамѣтно для другихъ, перерабатывать въ себѣ... А во время прогулокъ по окрестностямъ Петербурга весной, въ пору экзаменовъ, иногда даже наканунѣ или за день, Н. Я. весь отдавался столь свойственнымъ ему, особенно въ первой молодости, живости и веселью и воодушевлялъ все общество товарищей-спутниковъ. Грота отъ души любили товарищи“...

Несомнѣнно, что на счастливомъ „тонѣ“ всей молодости Н. Я. отразилась, помимо его темперамента, еще и обстановка его молодости—домъ его родителей.

Вотъ какими чертами описываетъ г. Шенрокъ семью Якова Карловича Грота въ эпоху студенчества Н. Я.: „Вся семья произвела на меня, говоритъ онъ, весьма импо-

вирующее и приятное впечатлѣніе своей любовью къ порядку и привлекательными нравственными качествами. Здѣсь было царство честнаго труда и полнѣйшей корректности во всемъ. Всѣ члены семьи относились другъ къ другу съ любовью и полнымъ уваженіемъ... Самъ старикъ Гротъ, бодрый и дѣятельный, былъ образцомъ трудовой жизни и разумнаго употребленія времени: у него были строго опредѣленные часы для занятій и отдыха и для прогулокъ, и ни одна минута не пропадала даромъ. Аккуратность его, въ особенности при исполненіи общественныхъ дѣлъ, простиралась до того, что при отправленіи какой-нибудь официальной телеграммы или письма у него всегда заранѣе были приняты запасныя мѣры въ предупрежденіе возможныхъ неисправностей на почтѣ или телеграфѣ^{*)}.

Трудолюбіе Я. К. было поразительно: правильно будетъ сказать, что вся его жизнь была посвящена работѣ: не даромъ полный списокъ его трудовъ (правда, съ повторными изданіями и мелкими вещами: напр., стихотвореніями) состоитъ не болѣе и не менѣе, какъ изъ 428 №№^{**)}, среди которыхъ стоятъ такія вещи, какъ академическое изданіе сочиненій Державина, „Филологическія розысканія“ (во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ составившія цѣлыхъ 2 тома), книга „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, 1-й вып. академическаго „Словаря русскаго языка“, руководство къ русскому правописанію и множество статей по другимъ вопросамъ русскаго филологіи и исторіи литературы. Погруженный всю жизнь въ литературныя и ученые занятія, въ отправленіе своихъ нелегкихъ служебныхъ обязанностей, вращаясь сначала въ чисто чиновническихъ, потомъ въ учено-чиновническихъ кругахъ, будучи близокъ (по своей должности учителя Великихъ Князей) ко Двору, Я. К.

*) Характеристикѣ Я. К. Грота посвящена статья Б. Б. Глинскаго „Наставникъ царскихъ дѣтей“, помѣщенная сначала въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, а потомъ въ недавно вышедшемъ сборникѣ статей г. Глинскаго, озаглавленномъ «Очерки русскаго прогресса» (Спб., 1900).

**) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб., 1895, стр. 199—235.

вездѣ умѣлъ остаться самимъ собою, не жертвовать своею личностью нивеллирующему вліянію „службы“. Свои задуманные нравственныя воззрѣнія, свои лучшія надежды онъ высказалъ въ небольшой тетрадкѣ, которую вручилъ Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія (8-го сентября 1859 г.). Въ первой главѣ этого документа*), озаглавленной „Молитва Цесаревича“, Я. К. излагаетъ отъ лица своего Высокаго воспитанника слѣдующія размышленія: „Я вступаю въ совершеннолѣтіе въ такомъ возрастѣ, когда другіе считаются еще незрѣлыми юношами. Поставленный Провидѣніемъ и законами государства въ такое необычайное положеніе, я долженъ понять и великость сопряженныхъ съ нимъ требованій... Господи! Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣніе отличать людей преданныхъ ей отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человѣчеству. Даруй мнѣ сердце любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить, что Ты поставилъ меня такъ высоко не для моего собственнаго счастья, но для того, чтобы я способствовалъ къ распространенію счастья между другими, чтобы я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины“...

Въ другомъ мѣстѣ Я. К., по праву учителя и воспитателя, даетъ своему Царственному ученику слѣдующія наставленія:

„Ваше Императорское Высочество, говоритъ онъ во второй главѣ („Особенность Вашего положенія“) сравните Свое положеніе съ положеніемъ обыкновеннаго юноши: онъ долженъ создавать себѣ поприще, Ваше поприще уже готово въ будущемъ; онъ долженъ трудами и борьбою съ

*) Онъ изданъ въ указанной выше книгѣ: Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ и т. д. (стр. 143—164).

препятствіями проложить себѣ путь, Вашъ путь уже проложенъ; онъ долженъ для стяжанія успѣха привлечь на себя вниманіе общества, на Васъ уже обращены взоры цѣлаго народа... Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица... Ваше имя уже заранѣе занесено на страницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; тутъ нѣтъ середины... для Васъ будутъ позоромъ не одни темныя дѣла и ошибки; для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ... Мы живемъ въ такое время, когда Россіи предстоитъ рѣшеніе великихъ задачъ, борьба съ вѣковыми заблужденіями и трудностями. Сѣмена этой жатвы должны зрѣть въ цѣломъ настоящемъ молодомъ поколѣніи; но особенно важны тѣ изъ нихъ, которыя положены въ Вашу душу. Будьте же Сами заботливымъ ихъ хранителемъ, бодрствуйте и трудитесь, и помните, какая великая отвѣтственность возложена на Васъ Провидѣніемъ^{*)}...

*) Особенно настаиваетъ Я. К. въ этомъ обращеніи къ своему Царственному ученику на важность любви и правды. Въ главѣ „О любви народа къ Монарху“ онъ пишетъ: „Государь и народъ должны составлять одно... Вѣчная хвала тому Государю, который понялъ это, который счастье своего народа поставилъ задачею жизни, для котораго внутреннее благосостояніе Государства выше блеска оружія, выше шума побѣдъ и завоеваній... Нелюбовь народа къ Государю печальна не только сама по себѣ; она доказываетъ, что и Государь не любитъ народа, ибо любовь приобрѣтается любовью же. Она доказываетъ, что Государь мало думалъ о своемъ народѣ, мало его изучалъ, не понялъ его нуждъ,—однимъ словомъ, не узналъ и не оцѣнилъ его; но она доказываетъ также, что онъ не возлюбилъ выше всего правды и добра, поэтому что народу всегда дорогъ Государь, которому они посвящены...“

Необходимости и важности стремленія узнать правду посвящены цѣлыхъ двѣ главы: „Правдивость“ и „Какъ узнавать правду“. Въ нихъ Я. К. пишетъ: „Для вѣнценосца нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ частное лицо прибѣгать ко лжи. Чтобы говорить правду, ему не нужно даже рѣшимости... Но для него нужно другого рода мужество: онъ долженъ уметь *выслушивать* (курсивъ подлинника. В. И.) правду, искать ее, узнавать и принимать безъ гнѣва даже и тогда, когда бы въ ней заключалось противорѣчіе его собственнымъ мыслямъ и желаніямъ“. Въ главѣ „Какъ узнавать правду“ мы читаемъ: „Конечно, первое условіе, чтобы научиться открывать правду, есть искреннее желаніе знать ее. Кто оживленъ этимъ желаніемъ, тотъ, безъ сомнѣнія, найдетъ и способы осуществить его. Однако же предметъ этотъ такъ важенъ, что

Я позволилъ себѣ привести дословно эти выписки изъ тетради Я. К. потому, что они ясно рисуютъ передъ нами нравственный обликъ Я. К. Грота. Въ знаменательный для него моментъ совершеннолѣтія его Царственнаго ученика онъ высказываетъ ему свои задушевные идеалы, надежды, мечты, старается внушить ему, по праву воспитателя и учителя, возвышенныя нравственныя настроенія и стремленія! И какихъ бы кто общественныхъ взглядовъ ни держался, всякій долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что человѣкъ, выставлявшій такія общія цѣли и желанія, не могъ быть равнодушнымъ къ морально-общественнымъ вопросамъ.

нелишне будетъ посвятить ему нѣсколько замѣчаній.—Отчего правда такъ легко затмѣвается передъ людьми высоко стоящими и сильными? Оттого, что они по большей части сносятся только съ такими лицами, которыя на лѣстницѣ общественныхъ званій и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ. Такъ какъ не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ стремленіемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, бываютъ движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что несогласно съ ихъ собственной выгодой. Итакъ, человѣкъ, высоко стоящій, находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для него интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть люди, всячески старающіеся удалить отъ него тѣхъ, которые могли бы открыть ему глаза.—Отсюда ясно, что главное средство узнавать истину заключается въ правилѣ: не гнушаться общенія съ людьми, гораздо ниже насъ стоящими. Часто немногія слова, обмѣненные съ такимъ человѣкомъ, могутъ озарить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія. Эту истину понимали многіе великіе люди; назову только Петра Великаго, Екатерину II, Генриха IV, Фридриха II, которые не только не избѣгали, но даже искали случая въступать въ разговоръ съ лицами всѣхъ сословій... И не должно думать, чтобы такая доступность и вообще снисходительность въ сношеніяхъ съ низшими могла сколько-нибудь вредить сильнымъ въ должномъ къ нимъ уваженіи. Напротивъ, доступностью пріобрѣтается общее сочувствіе и довѣріе, потому что она свидѣтельствуетъ о любви къ ближнему и вниманіи къ его нуждамъ. Сильнаго человѣка любятъ тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ доступенъ и привѣдливъ; въ этомъ заключается тайна дѣйствительной и прочной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тайна все видѣть и знать и доходить до сокровеннѣйшей правды. А что можетъ быть дороже правды для того, кто облеченъ властію и желаетъ добра? Зачѣмъ и власть, если не для содѣйствія торжеству правды на землѣ?"

II.

При такихъ домашнихъ условіяхъ, подъ руководствомъ такого отца складывался и развивался характеръ Н. Я. Съ другой стороны, на него вліяли, конечно, и условія тогдашней общественной жизни. Для „интеллигенціи“ это время (начало 70-хъ годовъ) было временемъ необыкновеннаго подъема самосознанія и пылкихъ надеждъ. Но пусть намъ охарактеризуетъ ту эпоху ея очевидецъ и другъ Н. Я., на котораго мы уже ссылались: „Въ средѣ студенчества преобладало сильное демократическое направленіе; молодежь была проникнута необыкновеннымъ энтузіазмомъ; горячія головы мечтали о жертвахъ, о посвященіи всей жизни благу „меньшей братіи“, скорбѣли о неоплатномъ долгѣ передъ нею и рисовали въ своемъ воображеніи картину переустройства всей личной и общественной жизни на началахъ альтруизма и разумнаго, безкорыстнаго труда, опирающагося на изученіе реальныхъ наукъ. Студенты горѣли желаніемъ отдать свои силы и молодость любимой идеѣ служенія народу... Воодушевленіе было такъ велико, что, казалось, нашему поколѣнію свѣтила заря еще небывалой, разумной и честной, прекрасной будущности... Теперь даже крайности того далекаго времени имѣютъ въ воспоминаніи какую-то особую прелесть, какой-то трогательный отпечатокъ“. „Въ ту пору, продолжаетъ г. Шенрокъ, мы переживали чудные годы молодости, когда, по выраженію Шпильгагена, жизнь бываетъ озарена блестящимъ отблескомъ солнечнаго свѣта, когда вся предстоящая жизнь представляется сплошнымъ счастіемъ, когда намъ ярче свѣтитъ солнце, для насъ нѣжныѣ благоухаютъ цвѣты и птицы поютъ намъ свои волшебныя пѣсни, когда мы еще не испытали незамѣнимыхъ утратъ и горькихъ разочарованій“...

Если такъ чувствовали всѣ, то можно себѣ представить, съ какими радужными надеждами вступалъ въ жизнь особенно отзывчивый и впечатлительный Н. Я. Правда, онъ

стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ политическихъ и социальныхъ стремленій своихъ сверстниковъ, за что его и не долюбливали наиболѣе радикально настроенные изъ его товарищей, видѣвшіе въ немъ, какъ въ сынѣ академика, т.-е. лица, занимавшаго высокое общественное положеніе „отверженнаго аристократа“, по выраженію г. Шенрока. Поэтому для своихъ реформаторскихъ плановъ и стремленій Н. Я. выбралъ другую сферу—область отвлеченной мысли. „Общій духъ тогдашняго студенчества отразился въ Гротѣ, пишетъ г. Шенрокъ, рѣшеніемъ посвятить свою жизнь правильной постановкѣ философскихъ знаній въ Россіи на плодотворной и разумной почвѣ опытнаго изслѣдованія, опирающагося на результаты, добытые естествознаніемъ... То была пора сильнаго и весьма распространеннаго, по истинѣ трогательнаго увлеченія естественными науками. Имена Менделѣева, Сѣченова и другихъ свѣтилъ естествознанія внушали молодежи какой-то священный трепетъ“, и Н. Я. отдалъ дань этому увлеченію.

III.

По философіи Н. Я. въ университетѣ слушалъ рядъ курсовъ проф. Владиславлева; но его самостоятельные и живые интересы въ области философскихъ наукъ сосредоточились на одной изъ нихъ—на психологіи. „Увлеченію Н. Я. послѣднее особенно способствовалъ многихъ занимавшій въ свое время и, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересный ученый турниръ между двумя свѣтилами первой величины: Сѣченовымъ и Кавелинымъ“. Остановимся нѣсколько на этомъ спорѣ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, сильно повліялъ на складъ мышленія Н. Я.

Кавелинъ не былъ собственно спеціалистомъ въ области философскихъ наукъ, и тѣмъ не менѣе онъ много сдѣлалъ для развитія ихъ въ Россіи. Въ началѣ 70-хъ годовъ русская философская мысль едва только начинала выходить изъ той летаргіи, въ которой она находилась всѣ 50-ые и большую часть 60-хъ годовъ. Прекращеніе преподаванія философіи

въ университетахъ въ 1850 г. „въ виду предосудительнаго развитія этой науки современными германскими учеными“ (т.-е. лѣвыми гегеліанцами) и передача чтенія логики и опытной психологіи профессорамъ богословія и церковной исторіи (они же и священники университетскихъ церквей)—съ одной стороны, ослабили философскіе интересы въ русскомъ обществѣ, съ другой—уничтожили философскія науки, какъ область профессиональной преподавательской дѣятельности. Поэтому, когда уставъ 1863 г. возстановилъ въ университетахъ кафедру философіи, лицъ для ея замѣщенія пришлось искать среди бакалавровъ духовныхъ академій... Это гоненіе не вытравило, конечно, совѣмъ философскихъ интересовъ въ русской публикѣ; въ замкнутыхъ кружкахъ держался попрежнему объективный идеализмъ Гегеля, въ молодежи все больше и больше распространялся матеріализмъ школы Фейербаха. Но все это были обособленныя и скрытыя теченія; они не выходили на широкую арену, не подвергались взаимной критикѣ и провѣркѣ.

Однимъ изъ первыхъ признаковъ возрожденія интересовъ къ этой области знанія въ широкой публикѣ явилось то движеніе, какое возбудила диссертація М. М. Троицкаго „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“. Въ это время выступилъ впервые, въ качествѣ психолога, и К. Д. Кавелинъ. Гегеліанецъ въ первую пору своей учено-литературной дѣятельности, воспринявшій затѣмъ много элементовъ изъ психологіи Бенеке, игравшей видную роль въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ пятидесятыхъ годахъ, а въ 60-хъ годахъ заинтересовавшійся эмпирической психологіей и вообще опытной философией, К. Д. въ 1872 году издалъ свои *Задачи психологіи*, гдѣ, съ одной стороны, „старался примирить нѣмецкій идеализмъ съ матеріализмомъ при помощи психологіи Бенеке“, а съ другой—пропагандировалъ примѣненіе къ психологіи эмпирическаго изученія сознанія. Признавая, что „все психическое обусловлено въ концѣ концовъ матеріальнымъ“, Кавелинъ доказывалъ, что тѣмъ не менѣе „оно не есть модификація матеріи, а

обнаруженіе новыхъ свойствъ того же начала, откуда брать свое существованіе и матерія“ *). Эти свойства, эти психическія начала—не матеріальны; ихъ три: идеальность, сознательность и произвольность. Душа есть нѣчто не простое, а въ высшей степени сложное, образующееся изъ многочисленныхъ элементовъ; это—особый организмъ, стоящій въ связи съ организмомъ тѣлеснымъ и вырастающій изъ *единого* корня, *единой* основы человѣческой природы. Монизмъ есть основная метафизическая идея Кавелина; но монизму у него подчиненъ дуализмъ духа и тѣла, какъ двухъ субстанцій, организмовъ.

Можно находить неудовлетворительными отвѣты Кавелина, но нельзя не признать за его трудомъ очень серьезнаго значенія. „Съ метафизической точки зрѣнія (говорить проф. Троицкій въ своей статьѣ о Кавелинѣ), психологическія комбинаціи К. Д. Кавелина обличаютъ въ немъ сильнаго и глубокаго мыслителя, и его *Задачи психологіи*, по ихъ метафизическому содержанію, останутся навсегда однимъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашей философской литературы *пятидесятихъ годовъ*“, къ которымъ относится, по мнѣнію проф. Троицкаго, составленіе собственно метафизическихъ частей этого сочиненія.

Но время, протекшее отъ составленія этой первой редакціи до выхода книги въ свѣтъ, наложило на нее свою печать: за это время Кавелинъ постепенно приближался къ позитивизму въ его англійской формѣ, и это отразилось на его сочиненіи въ видѣ утвержденій о непознаваемости сущностей и вытекающаго отсюда основнаго постулата о необходимости освободить психологію отъ метафизическихъ теорій. Надо замѣтить, однако, что оба эти теченія—метафизическое и позитивное—стоятъ въ книгѣ рядомъ другъ съ другомъ, остаются несогласованными.

Противъ Кавелина съ его *Задачами психологіи* выступилъ

*) М. М. Троицкій. К. Д. Кавелинъ. („Русская Мысль“, 1885 г., № 11).

И. М. Сѣченовъ *). Завязалась полемика, тянувшаяся два года на страницахъ „Вѣстника Европы“ **). Главные пункты возраженій, какія Сѣченовъ дѣлалъ Кавелину, сводятся къ слѣдующему: для естествоиспытателей „матерія представляетъ идеальную точку, въ сторону которой направлены ихъ усилія; но точка эта для нихъ еще въ густомъ туманѣ, и они идутъ къ ней, руководясь не ею, а тѣми ближайшими точками новыхъ горизонтовъ, которыя раскрываются передъ наукой при ея медленномъ, послѣдовательномъ движеніи впередъ“. Также должны были бы дѣлать и психологи: „душа“ должна быть не исходной точкой, а путеводной звѣздой ихъ изслѣдованій, не началомъ, а концомъ, конечнымъ синтезомъ ихъ. Въмѣсто этого, „философы древняго закона, а вслѣдъ за ними и г. Кавелинъ, сразу махаютъ въ своей области съ почвы конкретныхъ фактовъ въ густѣйшій туманъ общаго начала. Оставьте душу въ практической жизни, какъ благороднѣйшую часть человѣка, писалъ Сѣченовъ; принимайте ее и въ наукѣ за общее начало, подобно тому, какъ натуралисты смотрятъ на матерію; пусть она даже будетъ путеводной звѣздой въ психологическихъ изысканіяхъ; но какъ же возможно объяснять что бы то ни было необъяснимымъ! вѣдь это значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца“... ***). Отвергнувъ такимъ образомъ возможность строить въ данный моментъ какую бы то ни было метафизику души, Сѣченовъ доказываетъ дальше, что „субъективный анализъ духа не можетъ быть положительною наукой; что изученіе духа историческое, при помощи сравнительнаго метода, можетъ быть только вспомогательнымъ, а отнюдь не главнымъ орудіемъ

*) „Замѣчанія на книгу г. Кавелина: Задачи психологіи“ (В. Е., 1872 г., № 11) и „Кому и какъ разрабатывать психологію?“ (тамъ же, 1873 г., № 4).

**) Кавелинъ отвѣчалъ Сѣченову „Письмами въ редакцію В. Е. по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ проф. Сѣченова“ (В. Е., 1874 г., №№ 3, 4, 5 и 6). Въ № 7 того же года Сѣченовъ помѣстилъ „Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „Письма“ г. Кавелина“, на которыя Кавелинъ отвѣтилъ „Нѣсколькими словами въ отвѣтъ на „Нѣсколько словъ“ проф. Сѣченова“.

***) Вѣстникъ Европы, 1872, № 11, стр. 394.

анализа психических фактов; а такъ какъ затѣмъ не остается никакого другого объективнаго анализа психическихъ явленій, кромѣ физиологическаго, то физиологическій анализъ и долженъ быть признанъ основаніемъ всей науки о духѣ“ *).

Въ отвѣтъ на это Кавелинъ блестяще защищалъ изученіе сознанія. Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ деталяхъ этой полемики; споръ шелъ о самыхъ важныхъ психологическихъ вопросахъ: объ отношеніи тѣлеснаго и психическаго, физиологіи и психологіи, о сознаніи, произвольности, о положительномъ научномъ методѣ, о томъ, что такое „наука“, что значитъ „объяснить“ явленіе, и т. д.

Этотъ-то споръ и захватилъ Н. Я. Грота въ его бытность на послѣднихъ курсахъ университета. „Съ малыхъ лѣтъ хорошо зная Кавелина, какъ близкаго друга своего дяди, покойнаго статсъ-секретаря Константина Карловича, Н. Я. еще юношею студентомъ обратилъ на себя сочувственное вниманіе Кавелина, предоставившаго въ его распоряженіе свою бібліотечку. Несмотря на разницу возрастовъ, а особенно на цѣлую пропасть въ отношеніи ихъ научныхъ познаній, Кавелинъ находилъ явное удовольствіе въ бесѣдахъ съ молоденькимъ студентомъ, нерѣдко принимавшимъ сторону его противника, Сѣченова... Обычнымъ мѣстомъ ихъ перипатетическихъ бесѣдъ былъ Румянцевскій скверъ близъ академіи художествъ, гдѣ любилъ прогуливаться Кавелинъ... Очень симпатичнымъ (говорить г. Шенрокъ) припоминается мнѣ лицо Кавелина, съ любовью и оживленіемъ слушавшаго своего собесѣдника, а часто также воодушевленно что-то ему говорившаго“. Къ сожалѣнію, г. Шенроку никогда не приходилось впослѣдствіи напоминать объ этомъ Н. Я., и ему осталось неизвѣстнымъ, какое значеніе Н. Я., слѣвавшись самъ виднымъ ученымъ, придавалъ толчку, данному его научному развитію Кавелинымъ. Не можемъ, вмѣстѣ съ г. Шенрокомъ, не пожалѣть объ этомъ и мы, такъ какъ ина-

*) М. М. Троицкій. К. Д. Кавелинъ. (Рус. М., 1885 г., № 11, стр. 182).

че мы имѣли бы еще одну интересную страницу въ исторіи умственной жизни Н. Я. Грота.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что живой интересъ, возбужденный въ Н. Я. полемикой Кавелина съ Сѣченовымъ и его личными спорами на тѣ же темы съ Кавелинымъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на развитіе въ немъ вкуса къ философіи *).

Насколько мы можемъ судить, въ то время Н. Я. держался воззрѣній, приближавшихся одними своими частями къ научному матеріализму (а также Спенсерову реализму), а другими—къ англійскому субъективному идеализму. Впрочемъ, вопросы теоріи познанія мало тогда его интересовали, и врядъ ли онъ замѣчалъ всѣ трудности, лежавшія въ нихъ; его взгляды просто были еще не вполне ясны, не вполне закончены.

Психологическіе споры того времени „привели его къ мысли заняться для изученія психологіи *естественными науками*, которыя онъ и принялся усердно штудировать по курсамъ и книгамъ своихъ знакомыхъ студентовъ-естественниковъ. И этимъ занятіямъ онъ отдавался съ тѣмъ большею горячностью, что считалъ, на ряду со многими другимъ, существеннымъ недочетомъ въ знаніяхъ тогдашнихъ спеціалистовъ-психологовъ ихъ недостаточную освѣдомленность въ области естествознанія; и его особенно воодушевляла мысль, что онъ пойдетъ по болѣе широкому, болѣе соответствующему требованіямъ времени пути“.

Какъ свидѣтельствуесть г. Шенрокъ, Н. Я. „находилъ отчасти отголосокъ своему направленію въ московскомъ профессорѣ Троицкомъ. Напротивъ, извѣстная диссертация Вл. С. Соловьева „Кризисъ западной философіи“ (съ полемическимъ подзаглавіемъ: „противъ позитивистовъ“) сильно волновала Н. Я., совершенно не сочувствовавшего В. С. Соловьеву; онъ хотѣлъ даже оппонировать на диспутѣ, но

*) Его философскія занятія въ университетѣ выразились, между прочимъ, въ написаніи сочиненія на медаль на тему: „Опроверженіе Платона и пиагорейцевъ по метафизикѣ Аристотеля“.

„не рѣшился или не приготовился“. Наконецъ, свидѣтельствами направленія интересовъ и воззрѣній Н. Я. въ ту эпоху являются обѣ его диссертации, въ которыхъ господствуетъ духъ спенсеріанства и эмпирической психологіи“.

IV.

Пришелъ и конецъ университетскаго курса,—надо было подумать о томъ, что дѣлать послѣ выхода изъ университета. И тутъ Н. Я. остался вѣренъ своему темпераменту: у него сразу оказалось нѣсколько плановъ дальнѣйшей дѣятельности; его живое воображеніе рисовало ему вездѣ заманчивыя картины. „Однажды, говоритъ г. Шенрокъ (онъ вмѣстѣ съ Н. Я. готовился къ окончательнымъ экзаменамъ), я былъ удивленъ тѣмъ, что, несмотря на явный недостатокъ времени, Н. Я., противъ обыкновенія, видимо отдалялъ время возобновленія занятій. Вдругъ, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ предложилъ мнѣ начать хлопотать о совмѣстномъ занятіи открывающейся каяедры русскаго языка въ русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, основанной для приготовленія учителей древнихъ языковъ. При этомъ онъ такъ увлекательно сталъ рисовать мнѣ (продолжаетъ г. Шенрокъ) картину предстоящей намъ совмѣстной жизни въ Лейпцигѣ и перспективу путешествій по Германіи, что планъ его совершенно очаровалъ меня. Оказалось, что планъ этотъ былъ уже извѣстенъ Якову К. и имъ одобренъ. Сначала дѣло почти уладилось; но потомъ Н. Я. получилъ предложеніе занять каяедру философіи во вновь открывавшемся тогда Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ“ и далъ свое согласіе.

Въ половинѣ іюня 1875 г. (въ которомъ Н. Я. кончилъ университетъ) онъ писалъ г. Шенроку: „Сегодня утромъ я наконецъ получилъ давно желанное письмо отъ Лавровскаго (директора Нѣжинскаго института), въ которомъ онъ подтверждаетъ всѣ свои прежнія условія, но вдобавокъ еще старается меня склонить сейчасъ же, т.-е. въ августѣ, ѣхать въ Нѣжинъ, а не ждать годъ за границей. Я, од-

нако же, отказался, надо еще подготовиться"... И г. Шенрокъ сообщаетъ намъ, что Н. Я. занимался лѣто 1875 г. аптудированіемъ „Логики“ Владиславлева, „Психологіи“ Чистовича и набрасывалъ собственныя замѣтки „по вопросамъ философскаго круга“, а также читалъ разныя вновь выходившія книги.

„Въ эту пору счастливые планы и предположенія роились одинъ за другимъ въ воображеніи Грота; онъ мечталъ о германской наукѣ, о путешествіяхъ, о будущемъ своемъ устройствѣ и объ ожидавшей его дѣятельности въ Нѣжинѣ... Наконецъ, пришла пора отъѣзда за границу; но первоначальный планъ нѣсколько измѣнился, и Лейпцигъ былъ замѣненъ Берлиномъ... Въ самомъ ликующемъ настроеніи пролетѣлъ Н. Я. всю дорогу, набираясь новыхъ впечатлѣній въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Львовѣ, Краковѣ, при чемъ онъ осматрѣлъ знаменитыя соляныя копи въ Величкѣ, въ Бреславлѣ, и даже смотрѣлъ маневры въ Лигницѣ“.

Въ Берлинѣ Н. Я. прожилъ съ сентября 1875 г. до половины апрѣля 1876 г. (зимній семестръ). „Однако, въ берлинскихъ профессорахъ-философахъ онъ скоро разочаровался: одинъ изъ нихъ, жаловался онъ, отличается односторонностью направленія и эклектизмомъ, другой—краснорѣчивымъ многословіемъ, и большинство—переставшіе работать старики... Совсѣмъ не то было въ Страсбургѣ, гдѣ Н. Я. провелъ лѣтній семестръ 1876 г.; тамъ къ нему тотчасъ же вернулось снова его обычное свѣтлое и жизнерадостное настроеніе... Страсбургская академическая жизнь имѣла на него самое отрадное и возбуждающее вліяніе... „Занятія мои,—писалъ Н. Я. оттуда,—идутъ успѣшно, въ десять разъ успѣшнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Дѣло въ томъ, что тутъ отличные, молодые профессора... Недаромъ Страсбургъ славится теперь лучшимъ германскимъ университетомъ: тутъ всѣ учатся, занимаются, интересуются живыми вопросами науки. По субботамъ утромъ, въ философской семинаріи (отъ 7 до 9 утра), мы ведемъ, подъ руководствомъ Либмана, оживленныя пренія о философскихъ вопро-

сахъ; одинъ готовить рефератъ о какой-нибудь психологической проблемѣ, остальные критикуютъ и спорятъ. Въ одну изъ первыхъ субботъ и я держалъ такой рефератъ о метафизическихъ направленихъ въ наукѣ о душѣ, и очень удачно; съ этого дня Либманъ все ко мнѣ обращается съ вопросами во время лекціи. Живо и весело идетъ дѣло“.

V.

Въ началѣ сентября 1876 г. Н. Я. возвращается изъ-за границы въ Нѣжинъ и становится экстра-ординарнымъ профессоромъ тамошняго Историко-Филологическаго института. Здѣсь онъ встрѣчаетъ самый радушный пріемъ со стороны директора и товарищей. „Они не только тотчасъ же удостоили его полного довѣрія, но и отвели ему видное, и даже почетное мѣсто въ своей корпораціи“. Лекціи его съ самой первой пошли удачно („удачнѣе, чѣмъ я желалъ и надѣялся“, какъ Н. Я. самъ писалъ г. Шенроку). Тотчасъ же по пріѣздѣ Н. Я. былъ избранъ ревизоромъ институтской бібліотеки, редакторомъ „Извѣстій Нѣжинскаго института“, старостой хозяйственныхъ профессорскихъ артелей; ему же, наконецъ, было поручено произнесение академической рѣчи на торжественномъ актѣ слѣдующаго года *). „Я счастливъ общеою любовью и выказываемымъ мнѣ уваженіемъ (пишетъ Н. Я.), которое трудно носить на плечахъ, зная, что ничѣмъ его не заслужилъ“.

„Нѣжинская жизнь дала Николаю Яковлевичу большой просторъ для научныхъ занятій... Къ услугамъ юнаго профессора (ему было въ это время 24 года) былъ весь отдѣлъ фундаментальной бібліотеки по части философіи, пополнявшійся по его указаніямъ“. Не мѣшали Н. Я. и ме-

*) Подробности служебной дѣятельности Н. Я. въ Нѣжинѣ см. въ «Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1877 г. (стр. 84, 87, 97), за 1878 г. (стр. 9, 25, 29, 33, 49—51, 62), за 1880 г. (стр. 7—21, 24—26), за 1881 г. (стр. 3—21, 26, 35, 37, 39—40), за 1882 г. (стр. 1—25, 36—37, 39—41, 57), за 1883 г. (стр. 1, 3, 14—15, 35, 41), за 1884 г. (стр. 4, 6, 12—13, 18—19, 41, 45, 54). 14 мая 1880 г. (28 лѣтъ отъ роду) Н. Я. былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора.

лочныя требованія учено-чиновническаго провинціального общества: онъ „рѣшился во-чтобы то ни стало отстоять свою самостоятельность въ этомъ отношеніи, руководясь при этомъ примѣромъ своего отца, умѣвшаго не дѣлать уступокъ толчеѣ празднои жизни“. Вскорѣ Н. Я. женился на дочери директора института Натальѣ Николаевнѣ Лавровской.

Обрабатывая и читая свои курсы въ институтѣ *), Н. Я.

*) Въ 1876—7 учебномъ году Н. Я. читалъ «студентамъ 1-го и 2-го курсовъ (при 2 недѣльныхъ лекціяхъ въ каждомъ курсѣ) слѣдующіе отдѣлы психологіи: 1) задачи психологіи, методы психологическаго изслѣдованія; приемы изложенія; пособія по психологіи; 2) общій очеркъ психическихъ отправленій въ связи съ нервными процессами; описаніе строенія и дѣятельности нервныхъ тканей; 3) историческое развитіе вопроса о сущности души; 4) анализъ психической воспримчивости; исторія вопроса объ ощущеніяхъ; статическій и динамическій анализъ ощущенийъ; исторія вопроса о чувствованіяхъ; анализъ чувствованій и ихъ законовъ; 5) анализъ психической дѣятельности; теорія стремленій и выраженій; 6) основы психическаго развитія; анализъ законовъ осложненія психическихъ феноменовъ; анализъ основныхъ моментовъ развитія наслѣдственности и индивидуальной жизни; 7) анализъ сна и психическихъ отклоненій въ ихъ значеніи для развитія». Въ 1878—9 г. Н. Я. читалъ цѣлыхъ 4 курса: 1) психологію (2 лекціи первому курсу); 2) логику (первому и второму курсамъ—1 лекція), по слѣдующей программѣ: «Введеніе. Различныя взгляды на предметъ логики. Краткій историческій очеркъ ея судьбы. Критическая оцѣнка ея задачъ и общее распредѣленіе ея матеріала. Общій анализъ познавательной дѣятельности: 1) матеріалъ, изъ котораго слагается познаніе; 2) объ ошибкахъ въ познавательной дѣятельности и о законахъ мышленія; 3) логическіе приемы мышленія: процессы образованія сужденій, теорія умозаключеній; разборъ 4 фигуръ силлогизма; 4) приемы наблюденія и опыта; анализъ индуктивныхъ методовъ»; 3) исторію древней философіи (второму курсу, 1 часть въ недѣлю)—включительно до Аристотеля; 4) исторію послѣднихъ періодовъ древней философіи, средневѣковую и новую до Канта включительно (III и IV курсамъ вмѣстѣ, 2 часа въ недѣлю). Всего, такимъ образомъ, 6 недѣльныхъ часовъ.

Приведемъ, наконецъ, еще выдержку изъ отчета института за 1880—81 гг. «По философіи ординарнымъ проф. Гротомъ пройдены: съ I курсомъ психологія, со II логика, съ III исторія философіи до XIX вѣка, причемъ съ особенною подробностью рассмотрѣна англійская философія XVIII в. послѣ Локка. Чтеніе логики происходило по значительно измѣненной программѣ, а именно: 1) о предметѣ логики, ея задачахъ, средствахъ и цѣляхъ; 2) разборъ понятія истиннаго знанія; критерій истины, изслѣдованіе источниковъ знаній ошибочныхъ; вопросъ о способахъ уменьшенія заблужденій; 3) критика ученій о законахъ мышленія; различныя способы пониманія этихъ

успѣвалъ писать и печатать и другія вещи. Такъ, въ первое же время своей жизни въ Нѣжинѣ онъ напечаталъ свои возраженія на диссертацию А. А. Козлова („Философскіе этюды“, часть I), которому онъ оппонировалъ на его диспутѣ *), затѣмъ актовую рѣчь „О сновидѣніяхъ, какъ предметъ научнаго анализа“ и статью о „Классификаціи чувствованій“, помѣщенную имъ (на французскомъ языкѣ) въ *Revue Philosophique*.

Вскорѣ Н. Я. избрали еще въ ученые секретари конференціи института и въ секретари комиссіи по разработкѣ каталога библіотеки института. „Въ это время онъ работалъ усиленно и непрерывно, не зная праздниковъ и часто засиживаясь часовъ до 3 ночи; но широкія надежды и постоянный успѣхъ поддерживали его энергію и одушевление... „Я все болѣе и болѣе укрѣпляюсь (писалъ онъ г. Шенроку) въ надеждѣ кое-что сдѣлать по своему предмету: силы не ослабѣваютъ и энергія воли тоже. Только бѣситъ медленность всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Какъ я ни скоро работаю, а вотъ уже болѣе года сижу надъ диссертацией. Сколько труда, времени и терпѣнія потрачено, а все недоволенъ! Моя работа, главнымъ образомъ, будетъ имѣть историко-психологическій характеръ, и тутъ я долженъ изучить бездну премудрости древней, средневѣковой и новой“.

„Наконецъ, диссертациа была окончена и напечатана, и оставался магистерскій экзамень“ **). По поводу экзамена

законовъ и ихъ анализъ; 4) ступени познавательной дѣятельности и ихъ отличительные признаки; 5) механическіе познавательные процессы и ихъ результаты; 6) разборъ органическихъ процессовъ познанія, анализъ сужденій и умозаключеній».

*) Н. Я. «возражалъ очень удачно, но волновался и потомъ жалѣлъ, что говорилъ болѣе рѣзко, чѣмъ хотѣлъ».

**) Въ большинствѣ русскихъ университетовъ магистерскій экзамень и диссертациа не представляютъ собою, какъ въ московскомъ университетѣ, двухъ отдѣльныхъ стадій ученой карьеры, имѣющихъ каждая одинаково важное значеніе; обычно главную суть испытанія составляетъ диссертациа, экзамень же имѣетъ значеніе только общаго ознакомленія съ знаніями ищущаго степени и держится, когда диссертациа уже совершенно готова, непосредственно передъ ея защитой.

Н. Я. обратился съ запросами въ Москву и Кіевъ. „Изъ обоихъ мѣстъ пришли отвѣты благопріятные, писалъ Н. Я. г. Шенроку. Троицкій написалъ, что онъ находитъ диссертацию достойной и другой степени (докторской) *). Изъ Кіева тоже пишутъ, что достоинство диссертациі всѣми безъ спору признано, что Козловъ считаетъ ее единственнымъ полнымъ историческимъ изложеніемъ вопроса, какое только существуетъ, что экзамень будетъ только формальностью, и т. д.“ **). Защищаль диссертацию и дер-

*) Отмѣтимъ, кстати, что проф. Троицкій далъ въ послѣдствіи очень хорошей отзывъ и о второй диссертациі Н. Я. „Къ вопросу о реформѣ логики“ (Учебникъ логики, кн. I, стр. 112).

**) Вотъ часть подлиннаго отзыва проф. Козлова объ этой диссертациі Н. Я. (приведень проф. Кочубинскимъ въ „предложеніи“ Н. Я. на кафедрѣ философіи въ Новороссійскій университетъ въ „Запискахъ Имп. Новорос. университета“, т. 37, стр. 65 и сл.); „Оба историческіе отдѣла [первая часть диссертациі состоитъ изъ 2 историческихъ очерковъ: а) исторіи классификаціи психическихъ феноменовъ и взглядовъ на отношеніе чувствованій (и аффектовъ) къ прочимъ явленіямъ психической жизни и б) исторіи ученій объ удовольствіи и страданіи и различныхъ способовъ классификаціи чувствованій (и аффектовъ)] составлены авторомъ весьма полно, такъ что, если можно поставить въ упрекъ, то развѣ только нѣкоторый педантизмъ въ полнотѣ его историческаго очерка, ибо безъ всякаго ущерба ей могли бы быть опущены указанія на микроскопическія различія въ психологическихъ возрѣніяхъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ писателей. Но достоинство историческаго обзора состоитъ не только въ полнотѣ указаній, но и въ ихъ вѣрности. Въ большинствѣ случаевъ авторъ пользовался первыми источниками, и гдѣ таковыхъ у него не было подъ рукою, то руководился сочиненіями извѣстныхъ писателей по исторіи философіи и психологіи вообще и по исторіи ученій о чувствованіяхъ въ частности...

„Теоретическая часть сочиненія г. Грота также отличается признаками досрочовѣстнаго изученія нѣкоторыхъ лучшихъ представителей современной психологіи, самостоятельную переработку ихъ теоріи и нѣкоторой оригинальностью въ постановкѣ и проведеніи собственной теоріи“. Заключаетъ свой отзывъ проф. Козловъ слѣдующими словами: Не только у насъ, но и въ европейской литературѣ сравнительно рѣдко ученые начинаютъ свое поприще такими почтенными трудами, какъ „Психологія чувствованій“.

Тамъ же проф. Кочубинскій даетъ и свою собственную оцѣнку предлагаемаго имъ кандидата на кафедру. „Съ возникновеніемъ, одной за другою, частныхъ наукъ,—говоритъ онъ,—область философіи болѣе и болѣе суживалась, и въ ближайшее къ намъ время изъ нея выдѣляется новый разрядъ специальныхъ наукъ, относящихся къ душевной жизни и дѣятельности чело-вѣка. Это—психологическія науки... специальность Н. Я. Грота. Эти науки

жалъ экзаменъ Н. Я., однако, не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, потому что, благодаря близости разстоянія, ему удобнѣе было прїѣзжать туда отдѣльно на каждый экзаменъ и тотчасъ же возвращаться къ семьѣ“.

Блестяще защитивъ 8 мая 1880 года въ Кіевѣ свою магистерскую диссертацию („Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ“), Н. Я. испросилъ себѣ заграничную командировку *) и снова погрузился въ работу

г. Гротъ, не соглашаясь съ позитивистами и нѣкоторыми физиологами, признаетъ самостоятельными отъ другихъ наукъ объ организмѣ, ибо явленія природы, ими изучаемыя, осложнены особымъ факторомъ—сознаніемъ, которое изученію обыкновенной физиологіи не подвергается. Н. Я. Гротъ по преимуществу психологъ и старается поставить рѣшеніе всѣхъ философскихъ вопросовъ, которыми онъ занимался, на почву психологическую. Его нельзя считать прямымъ послѣдователемъ той или другой школы; онъ стремится, на основаніи научныхъ результатовъ, добытыхъ различными психологическими школами, дать самостоятельную постановку каждому вопросу, съ которымъ онъ встрѣчается въ своихъ работахъ. Критики—русская и иностранная—до сихъ поръ встрѣчали эти попытки самостоятельнаго анализа сочувственно и тѣмъ поощряли автора къ дальнѣйшимъ работамъ въ томъ же направленіи“.

*) Привожу здѣсь ту часть прошенія, поданнаго Н. Я.—чемъ въ конференцію Института, которая касается его плановъ занятій („Извѣстія Института“, томъ VII, стр. 39): „Приступивъ съ начала настоящаго (1880—1) учебнаго года къ собиранію матеріаловъ для написанія докторской диссертаци, я постепенно приведенъ былъ къ убѣжденію, что для успѣшнаго выполненія моей задачи мнѣ необходимо было бы заняться въ библіотекахъ заграничныхъ (а именно германскихъ) университетовъ и войти въ личныя сношенія съ нѣкоторыми новѣйшими представителями той науки, къ которой относится моя тема. При сложности и запутанности логическихъ вопросовъ, особенно полезно было бы для меня слушаніе курсовъ логики, читаемыхъ проф. Вунд- томъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и проф. Зигвартомъ въ Тюбингенскомъ. Личный обмѣнъ мыслей съ этими учеными значительно облегчилъ бы мнѣ усвоеніе духа современныхъ системъ логики, господствующихъ въ Германіи. Кромѣ того, близкая связь изучаемыхъ мною логическихъ вопросовъ съ теоріей развитія языка породила во мнѣ желаніе освѣжить и пополнить свои свѣдѣнія по наукѣ сравнительнаго языкознанія, что возможно тоже лишь при содѣйствіи ученыхъ специалистовъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я рѣшился прибѣгнуть къ конференціи съ покорнѣйшею просьбой ходатайствовать передъ министерствомъ о командированіи меня на годъ съ ученою цѣлью за границу... На ходатайство конференціи я тѣмъ болѣе рассчитываю, что пять лѣтъ тому назадъ приглашеніе меня на кафедру философіи въ Институтъ кв. Безбородко неожиданно сократило срокъ моихъ занятій съ 2 лѣтъ, на которые я былъ первоначально командированъ с.-петербургскимъ

надъ докторской диссертациею. Онъ намѣтилъ было мѣстомъ своихъ ученыхъ занятій Лейпцигъ, куда его особенно привлекала перспектива работы подъ руководствомъ Вундта, но потомъ выборъ его остановился на Тюбингенѣ.

Тюбингеномъ Н. Я. остался въ высшей степени доволенъ. „Вы не можете себѣ представить, писалъ онъ г. Шенроку, какъ здѣсь легко и удобно живется. Вездѣ честность, аккуратность, взаимное довѣріе; на все таксы и правила, и благодаря такой строгой регламентаціи остается только выговорить слово, и все, какъ изъ земли, растетъ и готовое лѣзетъ въ ротъ... Вы спросите, почему я выбралъ Тюбингенъ? Во-первыхъ, это одинъ изъ лучшихъ университетскихъ городовъ по климату, воздуху и живописному положенію. Во-вторыхъ, тутъ богатѣйшая философская библіотека. Въ-третьихъ, тутъ извѣстный своими сочиненіями по логикѣ проф. Зигвартъ; наконецъ, отсюда рукой подать въ лучшія мѣста Германіи и вообще средней Европы“. Чрезвычайно доволенъ былъ Н. Я. и ходомъ своихъ занятій и отношеніями въ средѣ профессорской корпораціи Тюбингена. „Есть здѣсь и развлеченія въ умѣренномъ количествѣ, пишетъ Н. Я. въ другомъ письмѣ, но вообще тихо, и работать ничто не мѣшаетъ. У меня здѣсь знакомствъ, какъ всегда, уже множество. Всѣхъ профессоровъ знаю лично и со многими сошелся. Всѣ они очень любезны ко мнѣ и ввели меня въ свой кругъ, какъ родного. Я бываю по вторникамъ на ихъ собраніяхъ, гдѣ читаются по очереди рефераты по всѣмъ наукамъ. Прекрасный обычай!—прибавляетъ Н. Я. Онъ поддерживаетъ энергію въ работѣ, и самолюбіе заставляетъ каждого слѣдить за своей наукой... Нравы профессоровъ очень просты: они и танцуютъ, и на конькахъ катаются, — вообще ведутъ

университетомъ, на 1 годъ. О возмѣщеніи мнѣ этого потеряннаго для свободныхъ ученыхъ занятій за границею года я и прошу ходатайства конференціи“. Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 23 іюля 1881 г. Н. Я. командированъ съ ученою цѣлью за границу на годъ съ 1 сентября 1881 г. по 1 сент. 1882 г.

себя, какъ всѣ смертные... Недавно былъ маскарадъ въ клубѣ, устроенный профессорскимъ обществомъ, и на немъ самые почтенные ученые, европейскія знаменитости, были въ костюмахъ и дурацкихъ колпакахъ, заодно со студентами. Вообще я убѣждаюсь, прибавляетъ Н. Я., что истинная наука не драпируется въ тогу ученой серьезности и глубокомыслія. Эта драпировка нужна только пустоголовымъ, которые боятся, чтобы ихъ не смѣшали съ толпой. Здѣсь, несмотря на отсутствіе всякой внѣшней выставки, студенты глубоко уважаютъ своихъ профессоровъ, и никакіе скандалы немислимы, ибо внутреннее содержаніе не подлежитъ сомнѣнію и внушаетъ къ себѣ почтеніе“.

Диссертация Н. Я. (докторская) въ теченіе 5-мѣсячнаго пребыванія въ Тюбингенѣ быстро подвинулась впередъ, и была защищена имъ въ Кіевѣ 11 февраля 1883 г.*).

Вотъ какъ описываетъ этотъ диспутъ его очевидецъ, Г. С. Кулябка въ своей замѣткѣ „Памяти Николая Яковлевича Грота“ („Научное Обозрѣніе“, 1899 г., № 9, стр. 174б-50): „Я слушалъ, пишетъ онъ, блестящую вступительную рѣчь Н. Я., возраженія оппонентовъ и защиту диссертанта и былъ свидѣтелемъ восторженной оваціи, импровизированной кіевской студенческой молодежью Н. Я. послѣ объявленія деканомъ факультета о признаніи молодого нѣжинскаго профессора докторомъ философіи. Послѣ шумныхъ и продолжительныхъ апплодисментовъ, студенты подхватили Н. Я. на руки и обнесли вокругъ большой залы торжественныхъ собраній кіевского университета при крикахъ: vivat! vivat! Несомнѣнно, такую симпатію молодежи къ Н. Я. вызвала его блестящая, почти художественная по конструкціи рѣчь о томъ, что такое философія, и объ ея отношеніяхъ къ наукѣ и искусству. Вызвала симпатіи и сама личность молодого ученаго, выступившаго въ

*) Часть отзыва Кіевского Историко-Филологическаго факультета о докторской диссертации Н. Я. приводится въ „представленіи“ проф. Кочубинскаго („Записки Имп. Новоросс. унив.“, т. 37, протоколы Совѣта, стр. 72—79).

своей рѣчи со своимъ, *новымъ* словомъ о философіи: философію въ этой рѣчи Н. Я. признавалъ особымъ видомъ искусства, а не наукой^{*)}.

VI.

Въ томъ же 1882—3 учебномъ году, въ которомъ Н. Я. защитилъ свою докторскую диссертацию, произошелъ рядъ очень важныхъ перемѣнъ въ жизни Нѣжинскаго Института. Высочайшимъ приказомъ 20-го сентября 1882 г. былъ уволенъ отъ службы, согласно прошенію, директоръ института Н. А. Лавровскій (тестъ Н. Я.) и на его мѣсто назначенъ директоръ Харьковской 2-й гимназіи Н. Е. Скворцовъ, который 3 января 1883 года и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей... Въ Институтѣ начались „новыя вѣянія“.

При Н. А. Лавровскомъ Институтъ представлялъ собою, *mutatis mutandis*, историко-филологическій факультетъ русскаго университета по уставу 1863 года; имѣя своею спеціальной задачей подготовку учителей, преимущественно по древнимъ языкамъ, для гимназій и прогимназій, онъ, несмотря на это, не чуждался и общеобразовательныхъ задачъ; онъ, по мѣрѣ силъ, давалъ учащимся свѣдѣнія

*) Тамъ же приведены и слѣдующія подробности диспута: „Изъ официальныхъ оппонентовъ долго говорилъ профессоръ Гогоцкій, но говорилъ такъ тихо, что только по отвѣтамъ и улыбка диссертанта можно было судить о характерѣ оппозиціи стараго философа“... Вторымъ долженъ былъ возражать А. А. Козловъ... „Стоя, маститый профессоръ громко сказалъ Н. Я.—чу: „Вы съ вашей реформой логики прошли мимо логики, а потому у васъ въ результатѣ получилось все, что угодно, только не логика; а старая логика, какъ была логикой до вашей реформы, такъ и остается логикой, несмотря на вашу реформу. Я здѣсь спорить съ вами не буду и не буду препятствовать вамъ получить докторскій дипломъ: вы имѣете на него право, доказавъ свою эрудицію. Въ печати же я докажу вамъ, что въ вашей „Реформѣ логики“ совсѣмъ нѣтъ логики и что вы, быть можетъ, прекрасный психологъ или какой тамъ другой специалистъ, но что философъ вы никакой. Такъ и знайте, а дипломъ получайте; я не помѣшаю“... Первый изъ неофициальныхъ оппонентовъ, г. Козловскій, велъ продолжительный споръ съ Н. Я.—чемъ... Впослѣдствіи Н. Я. передавалъ, что эти возраженія онъ считаетъ самыми серьезными и самыми существенными изъ всѣхъ слѣданныхъ ему во время ученаго спора“.

въ области гуманитарныхъ наукъ: философіи съ логикой и психологіей, всеобщей и русской исторіи и исторіи литературы. Всѣ эти предметы были равноправными членами въ общей системѣ образованія. Передъ уходомъ Н. А. Лавровскаго конференція Института провела даже учрежденіе въ немъ историческаго отдѣленія.

Институтъ вначалѣ состоялъ изъ 2 отдѣленій: классическаго и словеснаго. Какъ и всегда, классическое было гораздо бѣднѣе студентами, и, напр., въ 1881—2 учебномъ году на III курсѣ вовсе не было студентовъ-классиковъ. И вотъ, заботясь о болѣе полномъ удовлетвореніи запросовъ учащихся и о болѣе широкой постановкѣ преподаванія въ Институтѣ, конференція его въ засѣданіи 7-го марта 1881 г. рѣшила учредить на III и IV курсахъ института и третье—Историческое—отдѣленіе... Начинается борьба большинства конференціи съ профессорами древнихъ языковъ *). Въ концѣ-концовъ проектъ учрежденія историческаго отдѣленія былъ принятъ 7-го марта 1882 г., и 6-го августа того же года это отдѣленіе было разрѣшено къ открытію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Но уже немедленно послѣ ухода Н. А. Лавровскаго равноправность образовательныхъ предметовъ начинаетъ оспариваться; нѣкоторые предметы начинаютъ читаться на латинскомъ языкѣ, а 24-го февраля 1883 года новый директоръ вноситъ въ конференцію и затѣмъ проводитъ уничтоженіе въ институтѣ отдѣленій и „концентрацію“ всего преподаванія на древнихъ языкахъ**). Мѣняется и отношеніе къ

*) Смотри „Извѣстія Ист.-Фил. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, томъ VIII, стр. 24—40, томъ IX, стр. 22, 31 и слѣд.

***) Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ „мнѣнія“ новаго директора о специальныхъ отдѣленіяхъ въ институтѣ: „Дѣленіе учебнаго курса на отдѣленія—въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у насъ,—неблагопріятно отражается на всемъ ученіи студентовъ. Въ немъ нѣтъ потребной концентрации, въ силу которой умъ студента могъ бы расти и крѣпнуть на занятіяхъ науками и приобретаемыя имъ научныя познанія твердѣли бы въ немъ все болѣе и болѣе, становясь глубокими и основательными... Это происходитъ, повидимому, отъ того, что ученіе наше, по цѣли заведенія всецѣло основанное на классической филологіи, дѣлится на нее, какъ на одну изъ

учащимся; это новое отношеніе необыкновенно отчетливо выступаетъ, напр., въ слѣдующемъ „заявленіи“ новаго директора (на конференціи 20-го октября 1883 года): „у студентовъ, какъ онъ замѣчаетъ, есть, между прочимъ, неправильное мнѣніе, будто бы они еще въ Институтѣ могутъ быть какими-то специалистами. Поэтому онъ покорнѣйше проситъ членовъ конференціи содѣйствовать развитію между студентами правильнаго мнѣнія о томъ, что спеціальныя занятія ихъ впереди, а что въ Институтѣ они единственно должны сосредоточивать свои занятія на изученіи древнихъ языковъ“. Конференція опредѣлила: „занести въ протоколъ“...

Это была та же волна, которая 2 года спустя обрушилась и на филологическіе факультеты нашихъ университетовъ; только въ Нѣжинѣ она ударила нѣсколько раньше.

частей себя самого... Въ нашемъ учебномъ курсѣ не должно быть никакихъ отдѣленій, въ смыслѣ перегородокъ въ тѣхъ же предѣлахъ учебнаго курса, отдѣляющихъ и потому отстраняющихъ классическую филологію, чтобы дать въ нихъ просторъ другимъ наукамъ. Классическая филологія должна быть въ нашемъ курсѣ не общею основою, но существеннымъ содержаніемъ всего курса, его истинною спеціальностью... Напротивъ, другія науки должны быть только дополненіемъ къ классической филологіи, притомъ или обязательнымъ для каждаго нашего студента (какова, напр., философія, богословіе), или необязательнымъ... Всякая спеціальность въ наукѣ возможна только какъ результатъ продолжительнаго, самостоятельнаго и личнаго труда въ извѣстной области вѣдѣнія, и я рѣшительно отказываюсь понимать, какъ можетъ быть испеченъ въ специалисты, напр., славянской филологіи или исторіи нашъ студентъ, не достигшій хорошихъ успѣховъ въ области классической филологіи и прослушавшій въ теченіе двухъ лѣтъ нѣсколько разнообразныхъ лекцій по разнымъ исторіямъ или по славянскимъ нарѣчіямъ съ нѣкоторыми другими придатками. Комическая сторона въ этомъ случаѣ можетъ состоять въ томъ, что иной студентъ, чуть не съ первыхъ дней пребыванія своего въ Институтѣ, пожалуй, мнитъ себя специалистомъ по исторіи или славянской филологіи. Это сторона комическая; но серьезная, даже опасная сторона дѣла та, что такіе специалисты, дѣйствуя потомъ въ гимназіяхъ, склонны бывають иногда предосудительно смотрѣть на классическую систему гимназическаго образованія и, сами безъ основательнаго филологическаго ученія, готовы, пожалуй, колебать его и въ своей гимназической средѣ“... Соотвѣтственно тону и содержанію этой бумаги г. директоръ составилъ и схему преподаванія, и правила объ экзаменахъ.

Совершенно понятно, что всѣ профессора не-классики стали въ эту эпоху стремиться вонъ изъ Нѣжина.

Н. Я. все время былъ, конечно, противъ „реформы“; но борьба тяготила и утомляла его, и онъ сталъ стремиться занять кафедру въ какомъ-нибудь университетѣ.

Предположеніе пригласить Н. Я. Грота на кафедру въ Москву возникло у занимавшаго московскую кафедру философіи проф. М. М. Троицкаго еще ранѣе защиты Н. Я. магистерской диссертациі. Проф. Троицкій всегда видѣлъ въ Н. Я. наиболѣе желательнаго для себя преемника по кафедрѣ философіи въ Московскомъ университетѣ. Сношенія, сначала только письменныя, между Н. Я. и проф. Троицкимъ начались еще въ 1879 году, и сразу стали очень дружественными. Посылая Матвѣю Михайловичу первую часть своей магистерской диссертациі, Н. Я. писалъ (7 ноября 1879 года), что для него „сужденіе М. М. было бы въ высшей степени интересно по различнымъ причинамъ. Во-первыхъ, я считаю васъ, писалъ Н. Я., наиболѣе компетентнымъ во всей Россіи судьей моего направленія и моихъ работъ, такъ какъ на мое направленіе значительно повліялъ и Вашъ извѣстный трудъ о нѣмецкой психологіи, бывший постоянно, со времени студенчества, настольною книгою при моихъ занятіяхъ. Во-вторыхъ, по моимъ симпатіямъ къ Вамъ лично, къ Московскому университету и къ Москвѣ вообще, я считаю очень вѣроятнымъ, что выберу Москву мѣстомъ защиты диссертациі и держанія магистерскаго экзамена, если только моя работа встрѣтитъ сочувствіе съ Вашей стороны...“ Въ отвѣтъ на это-то письмо М. М. поздравлялъ Н. Я. „въ высшей степени полезнымъ трудомъ и заявлялъ, что „всѣ ученыя работы Н. Я. всегда казались ему наиболѣе соответствующими современнымъ потребностямъ философскаго изслѣдованія“ и что въ частности такой трудъ, какъ психологія чувствованій, „годился бы и для другой степени, на которую Н. Я. пока не претендуетъ...“ „Вашъ трудъ,—писалъ М. М. въ слѣдующемъ письмѣ,—увеличил мое желаніе видѣть Васъ, какъ можно скорѣе, въ Московскомъ университетѣ. Мнѣ кажется, что я достаточно подготовилъ радушный Вамъ пріемъ со сто-

роны факультета и совѣта...“ Въ такомъ же тонѣ шла и дальше эта переписка *). Такъ, когда у Н. Я. встрѣтились (потомъ улаженныя) затрудненія относительно принятія Кіевскимъ факультетомъ его книги „Къ вопросу о реформѣ логики“, въ качествѣ докторской диссертациі, М. М. пишетъ: „Послѣ всего, что я узналъ изъ Вашего письма, могу вамъ предложить одинъ совѣтъ: оставьте Кіевъ и прѣзжайте къ намъ, въ Москву. Въ моемъ мнѣніи о Вашемъ трудѣ и отношеніи къ нему нашего факультета не сомнѣвайтесь ни на одну минуту: мы Вамъ дадимъ степень доктора, и дадимъ съ почетомъ“... Первые переговоры съ проф. Троицкимъ насчетъ перехода въ Москву не привели къ этой цѣли: помѣшали разныя обстоятельства. „Съ Троицкимъ мы уговорились, писалъ Н. Я. г. Шенроку (повидимому, въ 1880 г.), отложить мой переходъ (въ Москву) лишь на время; но я, признаться, плохо вѣрю (прибавляетъ онъ) въ возможность улаженія дѣла черезъ годъ. Теперь я уже доцентомъ не пойду, а профессорскихъ ваканцій у нихъ нѣтъ“.

Такимъ образомъ, дѣло о переходѣ въ Москву затянулось, и Н. Я. принявъ сдѣланное ему въ это время предложеніе занять каѳедру въ Новороссійскомъ (Одесскомъ) университетѣ **). Университетъ этотъ былъ преобразованъ въ 1865 г. изъ прежняго Ришельевского Лицея; до 1876 г. каѳедру философіи занималъ въ немъ Р. В. Орбинскій, а послѣ Орбинскаго до осени 1883 г. читалась только исторія древней философіи профессорами по каѳедрѣ греческой литературы.

*) Я имѣлъ въ рукахъ (повидимому, почти всѣ) письма Н. Я. къ М. М. и отвѣты послѣдняго за время съ 1879 по 1886 г., т.-е. до перехода Н. Я. на каѳедру въ Москву, чѣмъ я обязанъ любезности С. М. Троицкой и Н. Н. Гротъ.

***) Подробности о приглашеніи Н. Я. въ Одессу—въ „Запискахъ Новороссійскаго университета“, томы 37 и 38 („Протоколы засѣданій совѣта“ за 1883 г., стр. 55—81, 117—118 и 183—4). Здѣсь (стр. 59—81) помѣщено и мотивированное предложеніе Н. Я. къ избранію профессора Новороссійскаго университета, внесенное въ Историко-филологическій факультетъ проф. Кочубинскимъ и содержавшее въ себѣ общій обзоръ и характеристику литературной дѣятельности Н. Я. (кончая его докторской диссертацией).

„Осенью 1883 г. Н. Я. уже переселился въ Одессу, куда, по своему обычаю, слишкомъ поспѣшилъ переѣхать“—еще до полученія оффиціальнаго утвержденія, какъ сообщаетъ г. Шенрокъ; утверждень былъ Н. Я. профессоромъ Одесскаго университета 1 ноября 1883 г.

VII.

Въ теченіе времени между окончаніемъ докторской диссертаци и переѣздомъ въ Одессу въ строѣ возрѣній Н. Я. начинается совершаться переворотъ, отразившійся на всей его дальнѣйшей учено-литературной дѣятельности: изъ позитивиста онъ превращается мало-по-малу въ метафизика-спиритуалиста. Надо замѣтить, однако, что Н. Я. никогда не былъ совершенно послѣдовательнымъ спиритуалистомъ: въ его возрѣніяхъ до конца оставалась, несмотря на всѣ его колебанія, значительная примѣсь его прежняго спенсеріанства и тѣхъ чисто психологическихъ интересовъ, съ которыхъ онъ началъ свою умственную жизнь. Поэтому, разорвавъ съ позитивистами, онъ далеко не вполне присталъ и къ спиритуалистамъ. И все остальное время, вплоть до самой смерти своей, Н. Я. колебался между этими ученіями, приближаясь болѣе то къ одному изъ нихъ, то къ другому.

Чѣмъ же объясняется этотъ умственный кризисъ? Мы не можемъ сейчасъ съ увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ; для этого нужно было бы изучить переписку Н. Я. за начало 80-хъ годовъ, собрать свѣдѣнія отъ лицъ, которыя съ нимъ въ это время встрѣчались. Мы позволимъ себѣ сдѣлать только нѣсколько сопоставленій.

Припомнимъ, какіе мотивы, какія цѣли одушевляли Н. Я., когда онъ выступалъ на поприще самостоятельной дѣятельности: онъ весь горѣлъ тогда желаніемъ реформировать основныя начала умственной жизни своихъ современниковъ, Мы уже приводили слова г. Шенрока, что, когда Н. Я. кончилъ курсъ въ университетѣ, его „особенно воодушевляла мысль, что онъ пойдетъ по болѣе широкому и болѣе соответствующему требованіямъ времени пути“; въ то же

время онъ, несомнѣнно, рисовалъ въ своемъ пылкомъ воображеніи и ту „картину переустройства всей личной и общественной жизни на началахъ альтруизма и разумнаго, безкорыстнаго труда, опирающагося на изученіе реальныхъ наукъ“, о которой упоминаетъ тотъ же авторъ, какъ о всеобщей мечтѣ своего поколѣнія. И Н. Я., выбравъ своею спеціальностью разработку философскихъ наукъ на „реальныхъ“ основаніяхъ и успѣшно работая въ этомъ направленіи, несомнѣнно, надѣялся на то, что и въ другихъ сферахъ общественной жизни дѣло пойдетъ такъ же хорошо, какъ у него шло въ области логики и психологіи...

Но дѣйствительность, какъ извѣстно, самымъ жестокимъ образомъ попрала всѣ надежды того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Н. Я., т.-е. молодого поколѣнія 70-ыхъ годовъ. Оказалось, что всѣ геройскія усилія отдѣльныхъ личностей, весь безкорыстный энтузіазмъ, самое усердное изученіе образованными людьми „реальныхъ наукъ“ ничего не могутъ подѣлать съ Левіафаномъ русской общественной жизни. И мы знаемъ, каковы были послѣдствія этого разочарованія для людей того времени: лишь сравнительно немногіе остались при прежней вѣрѣ; изъ остальныхъ одни отреклись отъ своихъ прежнихъ чаяній и перешли въ лагерь своихъ недавнихъ враговъ; другіе извѣрились во всемъ, перестали быть людьми, какъ говорится, „идейными“; третьи, наконецъ, стали искать новыхъ путей, выхода изъ состоянія разочарованія. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые откликнулись на проповѣдь гр. Толстого, стали на его особенную моралистическую точку зрѣнія и пробовали „опрощаться“; другіе, въ отпоръ прежнему культу разума, превозносили „красоту“ и строили цѣлыя міровоззрѣнія „эстетическія“, и т. д., и т. д.

Однимъ изъ такого рода искателей является, несомнѣнно, и Н. Я. Гротъ. Онъ отдалъ значительную дань тому мистическому анархизму, къ которому пришелъ гр. Толстой; и это было ему тѣмъ легче, что онъ, всею душою сочувствуя всему хорошему, что появлялось въ нашей общественной

жизни, тѣмъ не менѣ сравнительно мало обращалъ вниманія на тѣ *реальныя*, органическія узы, которыя связываютъ распыленныхъ индивидуумовъ въ цѣлое: общество, государство.

Поэтому, Н. Я. сравнительно очень легко далось то морализированіе „въ пустомъ пространствѣ“, которое составляетъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ „толстовства“.

Параллельно этому, у Н. Я. все болѣе и болѣе развивалась и склонность къ спиритуалистической и идеалистической метафизикѣ. Я отдѣляю эти два понятія потому, что по существу они совершенно не тождественны: можно быть спиритуалистомъ, т.-е. вѣровать въ существованіе души, какъ особой субстанціи, и тѣмъ не менѣ не считать міра строящимся по идеямъ, цѣлямъ. Конечно, обычно эти два умственные теченія ставятъ другъ отъ друга въ зависимость, сдѣпля ихъ рядами силлогизмовъ; но по существу и въ идеѣ они раздѣльны; и напр., трудно сказать, является ли спиритуалистъ В. Джемсъ (американскій психологъ) въ то же время и идеалистомъ.

Н. Я., повторяю, одно время очень увлекался спиритуалистически-идеалистической метафизикой. Тяжелыя общественныя потрясенія, полное разочарованіе въ силѣ „критически мыслящей личности“, сознаніе необходимости перестать выдѣлять себя подъ этой маркой изъ всего остального народа и человѣчества, найти какой-нибудь универсальный, охватывающій всѣхъ людей и дажѣ всѣ живыя существа морально-общественный принципъ заставили Н. Я. обратить свои взоры въ ту область, которая никогда не отказывалась давать людямъ поддержку въ критическіе моменты ихъ личной и общественной жизни. Онъ ухватился за идеи нравственнаго міропорядка, возвышеннаго назначенія человѣческой души, за идею обязательности закона нравственнаго долга и любви... Могутъ сказать, что вѣрованіе въ эти идеи, какъ въ уже существующія субстанціи, является только временной передышкой; что эти идеи—для того, чтобъ онѣ стали истинно плодотворными,—надо понять какъ долженствующія имѣть въ дѣйствительности мѣсто отношенія меж-

ду реальными факторами и элементами жизни... Пусть такъ; пусть Н. Я. попалъ въ своихъ исканіяхъ на слишкомъ уже старый и заѣзженный путь; пусть онъ колебался, испытывалъ недоумѣнія; пусть до конца жизни онъ не нашелъ вполне твердаго и опредѣленнаго міровоззрѣнія, которымъ можно было бы замѣнить *sedes* 70-ыхъ годовъ,—за нимъ остается заслуга этого вполне искренняго исканія! Да и развѣ такъ легко было найти новое міровоззрѣніе, которое смѣнило бы старую вѣру?... Во всякомъ случаѣ, утверждая существованіе нравственнаго міропорядка, Н. Я. надѣялся этимъ путемъ провести его до извѣстной степени въ жизнь, заставить людей считаться съ нимъ, подчинять ему свой эгоизмъ, свои низшіе инстинкты, свою животную сторону...

Н. Я. вообще жилъ необычайно быстро: 24 лѣтъ онъ былъ профессоромъ, въ 30 лѣтъ—докторомъ философіи, авторомъ двухъ выдающихся диссертаций и цѣлаго ряда статей; все ему давалось необыкновенно легко и просто: все было къ его услугамъ. Онъ слишкомъ рано началъ жить и, быть можетъ, отчасти и поэтому рано же разочаровался въ вѣрованіяхъ своей юности.

Въ Одессѣ лекціи Н. Я. были хорошо приняты студентами; въ то же время онъ быстро сталъ и популярнымъ чтецомъ публичныхъ лекцій. Такъ, въ 1884 г. онъ прочелъ въ видѣ публичныхъ лекцій свои статьи: „О свободѣ воли“ и „О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній“; въ 1885 г. — „Джордано Бруно и пантеизмъ“ и „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джордано Бруно“; въ 1886 г.—„О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ“ и „Предѣлы знанія и антропоморфизмъ“. Въ этомъ-то рядѣ лекцій и выразилось прежде всего то измѣненіе въ воззрѣніяхъ Н. Я. Грота, о которомъ мы только что говорили.

Но литературная дѣятельность Н. Я. за это время не ограничивается, однако, чтеніемъ курсовъ въ университетѣ и публичными лекціями; она проявляется еще въ цѣломъ рядѣ статей. Вообще въ это время Н. Я. очень

много, можно сказать, слишком много печатаетъ; такъ, въ списокъ его печатныхъ трудовъ за 1884 годъ приходится цѣлыхъ 13 номеровъ.

Вотъ какъ передаетъ общее впечатлѣніе объ одесскомъ періодѣ жизни Н. Я. Грота проф. Маркевичъ, авторъ „Двадцатипятилѣтія Новороссійскаго университета“ (стр. 312—13): „Въ бытность въ нашемъ университетѣ проф. Гротъ, согласно правиламъ 23 авг. 1884 г., преимущественно знакомилъ своихъ слушателей съ философіей Платона и Аристотеля, затѣмъ читалъ исторію греческой философіи, еще нѣкоторые специальные курсы и психологію и велъ со студентами очень оживленныя практическія занятія. Вообще очень живой преподаватель, съ оригинальными, хотя и нѣсколько неустановившимися взглядами, до фанатизма вѣрующій въ значеніе философіи и страстно пропагандировавшій свои взгляды, Н. Я. Гротъ, „волнуясь и спѣша“ проведенный время пребывания своего въ Одессѣ, оживилъ изученіе философіи въ Новороссійскомъ университетѣ; слушателей у него, и изъ студентовъ иныхъ факультетовъ, была всегда масса; изъ учениковъ его вышли и такіе, которые серьезно занимаются философіей. Не довольствуясь университетскою кафедрой, проф. Гротъ составлялъ кружки для занятія философіей, постоянно читалъ публичные лекціи и проч., причѣмъ онъ всегда и вездѣ готовъ былъ преломить копье за свое философское ученіе. И дѣйствительно, противники у него были самые разнообразныя: и высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій *), и извѣстный проф. философіи въ Киевскомъ университетѣ А. А. Козловъ **), и студенты, его собственные слушатели, печатавшіе критическія статьи о его сочиненіяхъ или лекціяхъ“ ***).

*) Статья архіепископа Никанора въ „Православномъ Обзорніи“ 1886 г., № 10.

***) Въ „Русскомъ Богатствѣ“, статья по поводу докторской диссертациі Н. Я.

***) Такъ, студентъ Холмскій (какъ сообщаетъ г. Маркевичъ) напечаталъ особую брошюрой болѣе чѣмъ рѣзкую критику взглядовъ Н. Я. на философію Шопенгауэра.

Къ этой же эпохѣ относится и полемика Н. Я. съ „Обыкновеннымъ читателемъ“ (въ „Дѣлѣ“ 1883—4 годовъ). Мы не будемъ на ней останавливаться.

VIII.

Наконецъ, весною 1886 года старая мечта Н. Я. и М. М. Троицкаго осуществилась: истекъ срокъ службы М. М., и его кафедре освободилась. Различныя затрудненія были, въ концѣ-концовъ, улажены стараніями М. М. и хлопотами Н. Я., и 1 июня 1886 года на московскую кафедру философіи былъ назначенъ Н. Я.

Этотъ послѣдній московскій періодъ жизни и дѣятельности Н. Я. прошелъ въ большей или меньшей степени на глазахъ у многихъ изъ нашихъ сочленовъ по Психологическому Обществу и, конечно, живъ въ ихъ памяти. И если бы я захотѣлъ сколько-нибудь подробно излагать дѣятельность Н. Я. за этотъ періодъ, то въ мою статью должна была бы войти составною частью исторія Московскаго Психологическаго Общества и журнала „Вопросы философіи и психологіи“, и я далеко зашелъ бы за предѣлы журнальной статьи. Поэтому я лишь укажу главные области дѣятельности Н. Я. въ московскій періодъ его жизни и дамъ общую ихъ характеристику.

Въ Московскомъ университетѣ Н. Я. первое полугодіе послѣ своего пріѣзда читалъ курсъ, посвященный разбору нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ психологіи (преимущественно методологическихъ); вступительную же лекцію онъ прочелъ „Объ истинныхъ задачахъ философіи“. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Н. Я. читалъ, согласно требованіямъ правилъ 1884 г., діалоги Платона и исторію греческой философіи. Наконецъ, когда эти требованія были отмѣнены и было возстановлено преподаваніе философіи въ его прежнихъ размѣрахъ (т.-е. и логики, и психологіи, и *всей* исторіи философіи, а не однихъ только Платона и Аристотеля), онъ до самой своей смерти читалъ обычно свою любимую науку — психологію, присоединяя иногда I

часъ по этикѣ или семинарїи по этикѣ, либо по психологїи. Мы еще узнаемъ объ этой сторонѣ дѣятельности Н. Я. изъ воспоминанїи одного изъ его учениковъ.

Перехожу къ дѣятельности Н. Я. въ Психологическомъ Обществѣ.

Психологическое Общество при Московскомъ университетѣ было открыто въ 1885 году, по инициативѣ проф. М. М. Троицкаго, который былъ и первымъ его предсѣдателемъ. Осенью 1887 г. проф. Троицкій уѣхалъ за границу, и 6-го октября 1887 года Н. Я. первый разъ предсѣдательствовалъ въ засѣданїи Общества; съ этихъ поръ въ теченїе 10 слишкомъ лѣтъ руководилъ работой Психологическаго Общества *), такъ какъ на ближайшемъ годичномъ собранїи (24 янв. 1888 г.) онъ былъ избранъ его предсѣдателемъ.

Н. Я. сталъ тратить на дѣла Общества массу силъ и энергїи, и результаты этого сразу обнаружили. 14 февраля 88 г. состоялось публичное засѣданїе Общества, посвященное памяти Шопенгауэра; а уже 10-го марта рѣшено было напечатать отдѣльной книгой произнесенныя въ этомъ засѣданїи рѣчи, и тѣмъ было положено начало издательской дѣятельности Общества. 3-го декабря того же года были доложены письма гг. Д. А. Столыпина и А. А. Абрикосова, изъ которыхъ первый предложилъ Обществу 2.000 рублей на учрежденїе премїи за лучшее сочиненїе на тему: „Критическое разсмотрѣнїе ученїя О. Конта о естественномъ совпаденїи первообразныхъ законовъ неорганической природы и основныхъ законовъ органической жизни и о стремленїи всѣхъ реальныхъ знанїй человѣка къ логическому и

*) Членомъ Психологическаго Общества Н. Я. былъ избранъ (вмѣстѣ съ другими 52 лицами) въ первомъ же засѣданїи (24 янв. 1885 г.), а временнымъ товарищемъ предсѣдателя—въ засѣданїи 24 янв. 1887 г. (первомъ, на которомъ Н. Я. присутствовалъ). Уже 25-го февраля того же года Н. Я. прочелъ въ Обществѣ свой первый рефератъ—„О свободѣ воли“, сразу возбудившїи въ членахъ Общества такой интересъ, что пренїя по нему не могли быть закончены въ томъ же засѣданїи и заняли все засѣданїе 5 марта и часть засѣданїя 14 марта.

научному единству“ и 1.000 рублей на расширение издательской дѣятельности Общества. А. А. Абрикосовъ, съ своей стороны, заявилъ о своемъ желаніи „взять на себя изданіе задуманнаго Н. Я. философскаго журнала“.

Премія, какъ извѣстно, была учреждена *), а съ конца 1889 г. началъ издаваться и журналъ „Вопросы философіи и психологіи“.

Все это показываеетъ, какое оживленіе наступило въ это время въ дѣятельности Психологическаго Общества, какой интересъ начала проявлять къ нему публика. И это оживленіе, и этотъ интересъ обязаны своимъ возникновеніемъ преимущественно Н. Я. Онъ работалъ въ Обществѣ и въ качествѣ члена: читалъ рефераты, участвовалъ въ преніяхъ, и какъ его предсѣдатель: онъ подготовлялъ и организовалъ засѣданія, предсѣдательствовалъ на нихъ, руководилъ преніями, завѣдывалъ изданіями Общества, привлекалъ въ Общество новыхъ членовъ. Стоило ему замѣтить въ университетѣ среди студентовъ, или среди посѣщавшей засѣданія Общества публики, или среди лицъ, обращающихся къ нему по всякаго рода дѣламъ, человѣка, способнаго быть полезнымъ Обществу, и онъ сейчасъ же старался привлечь къ Обществу его симпатіи и дать ему извѣстный просторъ для дѣятельности тамъ.

Для журнала Н. Я. былъ не только его инициаторомъ и (вмѣстѣ съ А. А. Абрикосовымъ) основателемъ, но и редакторомъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ его существованія. Кто знакомъ съ положеніемъ редактора русскаго журнала, тотъ знаетъ и всѣ трудности этого дѣла. И надо отдать справедливость Н. Я.: онъ въ общемъ мастерски справлялся съ этой работой. Здѣсь, какъ и во всей его дѣятельности въ Психологическомъ Обществѣ, проявились тѣ черты его характера, которыми онъ отличался всю свою жизнь: его энергія и предприимчивость, его живой характеръ, спо-

*) Въ 1891 г. она присуждена въ половинномъ размѣрѣ Б. Н. Чичерину за сочиненіе «О. Контъ и позитивная философія»; вторая же ея половина не присуждена до сихъ поръ.

собный всякаго увлечь и заставить работать, наконецъ, его выдающійся организаторскій талантъ и большіе литературныя и издательскіе навыки. Н. Я. во все входилъ самъ; онъ вникалъ во всѣ мелочи—иногда до такой степени, что забота его объ этихъ деталяхъ начинала, со стороны, казаться просто утомительной.

Но зато надо отдать ему полную справедливость: никто, вѣроятно, не могъ бы, когда было нужно, проявлять такую дѣятельность, объѣзжать массу лицъ, упрасывая ихъ, настаивая на томъ, чтобъ они сдѣлали все, что могутъ, сноситься съ такой массой официальныхъ учреждений, съ цензурой, типографіями, и т. д., и т. д. Н. Я. всегда все заранѣе предвидѣлъ; онъ предусматривалъ всякую мелочь практической постановки всякаго дѣла, доходя до ничтожной опечатки въ выходявшихъ подъ его редакціей изданіяхъ—опечатки, заставлявшей его поистинѣ страдать, огорчавшей его до глубины души. Это-то *живое* отношеніе къ дѣлу и дѣйствовало такъ обаятельно на всѣхъ, кому приходилось имѣть съ Н. Я. дѣло.

Изъ-за работы въ Психологическомъ Обществѣ и журналѣ Н. Я. не забывалъ, однако, и другихъ общественныхъ начинаній: и имъ онъ удѣлялъ часть своего досуга и силъ. Такъ, онъ принималъ участіе въ работахъ московской Комиссіи для организаціи домашняго чтенія, состоящей при Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, для которой составилъ программу занятій по философіи; работалъ онъ также въ комиссіи, избранной московскимъ дворянствомъ для разработки вопроса о желательной реформѣ средняго образованія въ Россіи, и т. д.

Наконецъ, параллельно всей этой работѣ продолжалась и его литературная дѣятельность. Только теперь онъ не давалъ уже болѣе такихъ крупныхъ трудовъ, какими были объ его диссертации; онъ писалъ рядъ отдѣльныхъ статей и очерковъ по разнымъ вопросамъ. Надо замѣтить вообще, что Н. Я. и по всему складу своей натуры, своего темперамента, и по особенностямъ той эпохи, въ которую онъ

началь свою ученую работу и которая наложила печать на всю его дальнѣйшую дѣятельность, всего менѣе былъ изслѣдователемъ детальныхъ вопросовъ. Онъ любилъ и могъ ставить вопросы только широкіе, основные. Это замѣтно даже въ его диссертацияхъ: историческій отдѣлъ „Психологіи чувствованій“ имѣеть (несмотря на свой большой объемъ) значеніе лишь введенія къ основной, теоретической части работы; а эта послѣдняя представляетъ собою новую *общую* теорію происхожденія и развитія чувствованій. Это—только общій очеркъ, проектъ науки. Она такъ и озаглавлена: „Основы анализа и синтеза чувствованій для *будущей* психологіи“. То же можно сказать и о второй диссертации, ставящей цѣлью опять установленіе общихъ основъ для *реформы* логики, для созданія новой науки. Такимъ образомъ, обѣ диссертации имѣють, такъ сказать, „динамическій“ характеръ: онѣ столько же подводятъ итоги предыдущей работѣ автора, сколько приглашаютъ всѣхъ и каждаго идти впередъ; онѣ много *даютъ*, но еще больше *объясняютъ*.

Въ московскій періодъ дѣятельности Н. Я. эта черта его умственныхъ интересовъ становится особенно рѣзкой: онъ вращается почти исключительно въ сферѣ самыхъ общихъ и основныхъ вопросовъ философіи. Наше поколѣніе, передъ которымъ отнюдь не открывается такихъ всеобъемлющихъ горизонтовъ, какими грезило поколѣніе Н. Я., съ гораздо большею любовью занимается детальной работой и уже мало понимаетъ такую широкую (иногда слишкомъ широкую) постановку вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, эта черта характеризуетъ цѣлую эпоху; къ тому же она со служила большую службу русскому просвѣщенію: именно она привлекла къ философіи интересы общества, на которое были бы безсильны повліять болѣе детальныя, болѣе спеціальныя работы.

Съ другой стороны, въ послѣдніе годы жизни Н. Я. у него все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ звучать моральная рефлексія, и цѣлый рядъ своихъ статей онъ посвящаетъ проблемамъ этики.

Лично мнѣ пришлось познакомиться съ Н. Я. осенью 1892 года; въ это время онъ далеко уже не былъ тѣмъ всегда бодрымъ и жизнерадостнымъ человѣкомъ, какимъ его рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Шенрокъ: онъ производилъ впечатлѣніе человѣка переутомленного, надорвавшегося, и то и дѣло хворалъ. Первымъ ударомъ, положившимъ начало разрушенію его организма, былъ жестокій ревматизмъ, перенесенный имъ въ Нѣжинѣ въ 1882 году. Затѣмъ, въ Москвѣ Н. Я. съ 1891 г. почти каждую зиму испытывалъ какіе-то припадки, выражавшіеся упадкомъ силъ, подавленнымъ самочувствіемъ и всевозможными нервными болями. Въ общемъ онъ чувствовалъ себя послѣднее время настолько плохо, что на текущей учебный годъ взялъ отъ Московскаго университета заграничную командировку; часть этого года (послѣдняго въ 25-лѣтіи его службы) онъ хотѣлъ провести за границей, а часть въ Харьковѣ. Въ Харьковъ онъ перевезъ и свою семью, надѣясь выйти черезъ годъ въ отставку и поселиться тамъ окончательно. Онъ уѣхалъ изъ Москвы 13-го мая совсѣмъ больной, съ отеками на ногахъ. Въ ночь на 23-е мая его не стало!...

Погребенъ Н. Я., согласно выраженному имъ при жизни желанію, въ селѣ Кочеткѣ (въ 50 верстахъ отъ Харькова) гдѣ онъ обычно проводилъ лѣто. Погребеніе пришлось какъ разъ на 26 мая—день празднованія столѣтія рожденія Пушкина. Это обстоятельство помѣшало многимъ изъ харьковскихъ почитателей Н. Я. пріѣхать на похороны, имѣвшія самый скромный характеръ.

Мы увѣрены въ томъ, что не одно Психологическое Общество, но и гораздо болѣе широкіе круги русской публики скорбятъ объ этой безвременной утратѣ! *)

В. Ивановскій.

*) Изъ некрологовъ, статей и замѣтокъ, вызванныхъ смертью Н. Я. Грота, намъ извѣстны: 1) Л. М. Лопатина „Н. Я. Гротъ“. („Вопросы фил. и психологии“ № 48); 2) Ю. А. Замѣтка въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1899 г. 25 мая; 3) „Погребеніе Н. Я. Грота“ (тамъ же, 29 мая); 4) Л. Е. Оболенскій. Высокій нравственный образецъ (Изъ моихъ воспоминаній о Н. Я. Гротѣ),

Приводимъ списокъ сочиненій Н. Я. Грота, насколько мы могли его составить теперь. Онъ не полонъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ, во-первыхъ, части газетныхъ статей покойнаго, какъ подписанныхъ, такъ и не подписанныхъ, особенно изъ послѣднихъ лѣтъ его жизни; во-вторыхъ, статей, напечатанныхъ Н. Я. подъ псевдонимами (такія статьи, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, имѣются); наконецъ, возможно, что Н. Я. издавалъ въ литографированномъ видѣ и еще нѣкоторые изъ своихъ университетскихъ курсовъ, на которые мы, однако, не нашли указаній въ нашихъ источникахъ.

При составленіи настоящаго списка трудовъ Н. Я. я пользовался: 1) спискомъ сочиненій Н. Я., помѣщеннымъ въ видѣ приложенія къ его краткой біографіи въ „Двадцатипятилѣтіи Новороссійскаго университета“. Одесса, 1890; 2) другимъ спискомъ, составленнымъ самимъ Николаемъ Яковлевичемъ и помѣщеннымъ на обложкѣ отдѣльныхъ оттисковъ его статьи „Памяти Н. Н. Страхова“; 3) спискомъ статей Николая Яковлевича въ „Указателѣ статей“ въ „Вопрос. философіи и психологіи“ (№ 50); 4) „Отчетами о состояніи и дѣятельности Историко-филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ съ 1876 по 1883 годы (въ „Извѣстіяхъ Института“); 5) Отчетами Новороссійскаго университета за 1884—1887 гг. (въ „Запискахъ Императорскаго Новороссійскаго университета“); 6) „Краткими отчетами о состояніи Московскаго университета“ (въ изданіи „Рѣчь и отчетъ“) за 1887—1899 годы; 7) „предложеніемъ“ Николая Яковлевича въ профессору Новороссійскаго университета, внесеннымъ проф. Кочубинскимъ („Записки Императорскаго Новороссійскаго университета“, т. 37, стр. 59—81); 8) очеркомъ „Философія у русскихъ“, приложеннымъ Я. Н. Колубовскимъ къ его переводу „Исторіи новой философіи“ Ибервега-Гейнце (стр. 565—6); 9) наконецъ, составленнымъ самимъ Н. Я. Гротомъ спискомъ его сочиненій (для задуманнаго имъ въ 1898 г. изданія собранія своихъ сочиненій).

Всѣ эти списки я провѣрялъ по подлиннымъ изданіямъ всего, что могъ достать изъ сочиненій Николая Яковлевича. Мнѣ не удалось отыскать только трехъ №№ (30, 31 и 32) изъ списка, приведеннаго въ книгѣ „Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго университета“; въ то же время они и тамъ названы настолько неполно, что мы не могли внести ихъ въ настоящій списокъ.

Итакъ, вотъ въ какомъ видѣ удалось намъ возстановить списокъ сочиненій Николая Яковлевича:

1) „Опроверженіе Платона и пивагорейцевъ по метафизикѣ Аристотеля“ (студенческое сочиненіе, за которое Николай Яковлевичъ получилъ золотую медаль, осталось не напечатаннымъ).

2) „Козловъ: Философскіе этюды. Критическій очеркъ“. Въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института“ за 1877 г. и отдѣльно

(„Одесскій Листокъ“ 1899 г., № 212); 5) Вл. С. Соловьевъ (Вѣстникъ Европы, 1899 г., № 7); 6) И. Эйзенбергъ. Памяти проф. Н. Я. Грота (Смоленскій Вѣстникъ); 7) С. Н. Кулябка. Памяти Н. Я. Грота (Научное Обзорніе 1899 г., № 9); 8) Два письма Н. Я. Грота къ С. Н. Кулябкѣ (тамъ же, № 10); 9) Некрологъ Н. Я. Грота (въ Московск. Вѣдомостяхъ); 10) П. П. Соколовъ. Философскій скиталецъ (Богословскій Вѣстникъ 1899 г.); 11) В. И. Шенрокъ. Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ (Историч. Вѣстникъ 1899 г., № 9).

Кіевъ, 1877, 28 стр. (изложеніе возраженій, сдѣланныхъ Николаемъ Яковлевичемъ на диспутѣ А. А. Козлова).

3) Анатомическіе рисунки строенія малаго мозжечка (въ Archiv für microscopische Anatomie, 1877, XIV Band, 2 Heft, подъ №№ 6, 7 и 8, на таблицахъ XIII и XIV).

4) „Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа“. Кіевъ, 1878, 68 стр. (актовая рѣчь въ Нѣжинскомъ институтѣ).

5) «Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments»—въ Revue philosophique 1878, № 9, и отдѣльно—Paris 1878. 38 стр.

6) „Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ“. Спб. 1879—1880. XIV, 569 стр. (магистерская диссертация, съ посвященіемъ „Дорогимъ родителямъ моимъ Якову Карловичу Гроту и Натальѣ Петровнѣ Гротъ въ знакъ неизмѣнной любви и глубокой признательности“).

7) „Философія, какъ вѣтвь искусства“ (въ журналѣ „Мысль“ 1880 г., № 8), 4 стр.

8) „По поводу вопроса о психологіи чувствованій“ (въ „Вѣстникѣ Европы“, 1880, № 12, 29 стр.).

9) „Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій“ (Отвѣтъ А. Козлову) (въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института“, 1881 г., т. III, и отдѣльно, Кіевъ 1881 г., 38 стр.).

10) „Къ вопросу о реформѣ логики“ Лейпцигъ. 1882. XXVI + 349 стр. (докторская диссертация, съ посвященіемъ „Брату моему Константину Яковлевичу Гроту, магистру славянской филологіи“).

11) „Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству“. Рѣчь, произнесенная на докторскомъ диспутѣ въ Кіевскомъ университетѣ 2-го февраля 1883 г. (въ газетѣ „Заря“ 1883 г., №№ 27 и 28, и отдѣльно, Кіевъ 1883 г., 27 стр.).

12) „Къ вопросу о критеріяхъ истины. Возможность научнаго оправданія наивнаго реализма. (Этюдъ изъ области науки о познаніи)“ (въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1883 г., №№ 4 и 5, 26 стр.).

13) „Изъ міра науки: Загадки значія“ (въ газетѣ „Заря“ 1883 г.).

14) „Опытъ новаго опредѣленія понятія: прогрессъ“ (въ „Одесскомъ Листкѣ“ 1883 г. и отдѣльно, Одесса, 1883, 21 стр.; вступительная лекція въ Новороссійскомъ университетѣ, читанная 1 декабря 1883 г.).

15) „Прогрессъ и наука“ (тамъ же, 1883 г., 16 стр.).

16) „Отвѣтъ Обыкновенному читателю“ (въ „Дѣлѣ“ 1884 г., 11 стр.).

17) „Къ вопросу о свободѣ воли“ (въ „Одесскомъ Листкѣ“ 1884 г., публичная лекція, читанная въ Биржевомъ залѣ 8-го января 1884 г., въ пользу Краснаго Креста, и отдѣльно, Одесса 1884 г., 21 стр.).

18) „Еще къ вопросу о свободѣ воли“ (въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1884 г., № 3, 23 стр.).

19) „О субъективизмѣ въ социологіи“ (въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1884 г., 6 стр.).

20) „Еще нѣсколько соображеній о задачахъ социологіи и о научномъ анализѣ понятія прогресса“ (тамъ же).

21) „О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній“ (въ „Запискахъ Новороссійскаго университета“, т. XL, 1884 г., 26 стр.; публичная лекція, читанная 11 марта 1884 г. въ залѣ университета).

22) „Основные типы философскихъ построений въ разныя эпохи („Русское Богатство, 1884, №№ 8 и 9; 40 стр.).

23) „Къ вопросу о классификаціи наукъ“ (тамъ же, №№ 11 и 12; и отдѣльно, Спб. 1884 г., 70 стр.).

24) „Эгоизмъ и альтруизмъ передъ судомъ здраваго смысла и науки“ (въ „Нови“ 1884 г., № 4, 25 стр.).

25) „Лекціи по психологіи“ (литографированное изданіе, Одесса, 1884 г., 248 стр.).

26) „Введеніе въ курсъ исторіи философіи“ (литографированное изданіе, Одесса, 1884 г., 199 стр.).]

27) „Джордано Бруно и пантеизмъ“ (въ „Запискахъ Новороссійскаго университета“ 1884 г. и отдѣльно, Одесса 1884 г., 86 стр.).

28) „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джордано Бруно“. Публичная лекція, читанная въ Одессѣ въ Биржевомъ залѣ, 28 апрѣля 1885 г. (въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1885 г., №№ 98, 99 и 105, и отдѣльно, Одесса, 1885 г., 18 стр.).

29) „О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости“ (въ „Запискахъ Одесскаго Юридическаго Общества“, 1885 г., 47 стр.).

30) „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“ (въ „Запискахъ Новороссійскаго университета“, т. XLIV, 1886 г., 92 стр.).

31) „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“ (въ „Русской Мысли“ 1886 г., № 11, 41 стр.; вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ).

32) „О направленіи и задачахъ моей философіи. По поводу статьи архіепископа Никанора въ „Православномъ Обзорѣніи“. („Православное Обзорѣніе“ 1886 г., № 11, 18 стр.).

33) „Извлеченіе изъ сообщенія о свободѣ воли. Общія положенія“. Москва, 1887 г., 4 стр.

34) „О значеніи философіи Шопенгауэра“ (Русскія Вѣдомости 1888 г.

35) „О значеніи философіи Шопенгауэра“ („Труды Московскаго Психологическаго Общества“, вып. I, Москва 1888 г., 39 стр.).

36) „По поводу вопроса о задачахъ искусства“. (Тезисы). Москва, 1888 г. 8 стр.

37) „Лекціи о философіи Платона“ (литографированное изданіе, Москва, 1888 г., 260 стр.). То же, 2 изд., Москва, 1889 г.

38) „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“. Москва 1889 г., 42 стр. (рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Психологическаго Общества).

39) „Дополненіе къ реферату: значеніе чувства и проч.“. Москва 1889 г., 12 стр.

40) „Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности“ (въ III вып. „Трудовъ Московскаго Психологическаго Общества“. Москва 1889 г., 106 стр.).—„Извлеченіе изъ сообщенія о свободѣ воли. Общія положенія“. Москва, 1887 г., 4 стр.

41) „La causalité et la conservation de l'énergie dans le domaine de l'activité psychique“ (въ Compte rendu du Congrès international de psychologie physiologique, I session, Paris, 1890, 17 стр.).

- 42) „О новомъ журналѣ“ („Русскія Вѣдомости“ 1889 г.).
- 43) „О задачахъ журнала“ („Вопросы философіи и психологіи“ № 1, 16 стр.).
- 44) „Психологическій съѣздъ въ Парижѣ“ (тамъ же, № 1, 22 стр.).
- 45) „Что такое метафизика?“ (тамъ же, № 2, 23 стр.).
- 46) „Общія основанія психологіи“ (литографированное изданіе. Москва, 1890—91 гг., 122 стр.).
- 47) Рецензія Revue Philosophique („Вопросы философіи и психологіи“, № 2, 9 стр.).
- 48) „Отъ редакціи“ (тамъ же, № 3, 3 стр.).
- 49) „Отъ редакціи“ (тамъ же, № 4, 4 стр.).
- 50) „Жизненные задачи психологіи“ (тамъ же, № 4, 52 стр.).
- 51) „Введеніе въ исторію новой философіи“ (тамъ же, № 7, 25 стр.).
- 52) „Еще о задачахъ журнала“ (тамъ же, № 6, 6 стр.).
- 53) „Основные вопросы философіи XVII и XVIII вв.“. Десять публичныхъ лекцій (литографированное изданіе. Москва, 1891 г., 165 стр.).
- 54) „Основные моменты въ развитіи новой философіи“. („Вопросы философіи и психологіи“, №№ 8, 9, 10, 13, 18 и 20; всего 147 стр.).
- 55) Рецензія Annales des sciences psychiques (тамъ же, № 8, 3 стр.).
- 56) Рецензія на сочиненіе кн. Трубецкого „Метафизика въ древней Греціи“ (тамъ же, № 2, 3 стр.).
- 57) Рецензія на сочиненіе Г. Струве „Введеніе въ философію“ (тамъ же, № 4, 3 стр.).
- 58) Рецензія на сочиненіе W. James'a: The principles of Psychology (тамъ же, № 5, 2 стр.).
- 59) Рецензія на переводъ избранныхъ сочиненій Лейбница, изданіе Московскаго Психологическаго Общества (тамъ же, № 5, 1 стр.).
- 60) Рецензія на сочиненіе Paul Carus'a: The soul of man (тамъ же № 8, 2 стр.).
- 61) Рецензія на сочиненіе Л. М. Лопатина „Положительныя задачи философіи“, ч. II (тамъ же, № 10, 10 стр.).
- 62) „Изъ поѣздки по неурожайнымъ уѣздамъ“ (въ „Одесскомъ сборникѣ“ 1892 г.).
- 63) „Основаніе нравственнаго долга“ (въ „Вопросахъ философіи и психологіи“. №№ 12 и 15, 61 стр.).
- 64) „Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой“ (тамъ же, № 16, 25 стр.).
- 65) Некрологъ П. Е. Астафьева (тамъ же, № 18, 6 стр.).
- 66) Рецензія на сочиненіе Виндельбанда „Исторія древней философіи“, пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго (тамъ же, № 20, 2 стр.).
- 67) „Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи“ (тамъ же, № 21, 19 стр.).
- 68) „О времени“ (тамъ же, №№ 23, 24 и 25, 117 стр.).
- 69) „Замѣтка редактора“ (тамъ же, № 22, 2 стр.).
- 70) „Устой нравственной жизни и дѣятельности“ (тамъ же, № 27, 24 стр.).
- 71) „Къ читателямъ“ (тамъ же, № 30, 4 стр.).
- 72) „Основанія экспериментальной психологіи“ (тамъ же, № 30, 52 стр.).

- 73) Рецензія на сочиненіе Ladd'a: An Essay of Metaphysics of Psychology (тамъ же, № 30, 5 стр.).
- 74) Рецензія на сочиненіе Wundt'a: Logik. Methodenlehre, 2 Abtheil., 2 Auf. (тамъ же, № 30, 2 стр.).
- 75) Рецензія на сочиненіе Г. И. Челпанова „Проблема воспріятія пространства“ (тамъ же, № 35, 5 стр.).
- 76) „Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерпанія“ (тамъ же, № 32, 38 стр.).
- 77) „Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву“ (тамъ же, № 32, 4 стр.).
- 78) „О жизни и личности Декарта“ (тамъ же, № 35, 15 стр.).
- 79) „Понятіе о душѣ и психической энергіи въ психологіи“ (тамъ же, №№ 37 и 39, 73 стр.).
- 80) Рецензія на сочиненіе Вл. Соловьева: Оправданіе добра (тамъ же, № 36, 5 стр.).
- 81) „Критика понятія прогресса“ (тамъ же, № 45, 24 стр.).
- 82) „Основные моменты въ развитіи новой философіи“. Москва, 1894 г., 256 стр. Изданіе „Посредника“ (тоже, что №№ 53 и 54).
- 83) А. Фулье. Декартъ. Его жизнь и сочиненія. Съ Приложеніемъ статьи Виндельбанда о Спинозѣ. Пер. подъ ред. проф. Н. Я. Грота. Москва, 1896 г. Изданіе „Посредника“.
- 84) Рядъ статей по университетскому вопросу и о техническомъ образованіи въ газетѣ „Новое Время“ за 1896 и слѣд. годы.
- 85) „Очеркъ философіи Платона“. Москва 1897 г. Изданіе „Посредника“. 189 стр. (сокращенное изданіе курса, читаннаго въ Московскомъ университетѣ въ 1891 г.).
- 86) Вильгельмъ Вундтъ. Очеркъ психологіи. Перевель, съ разрѣшенія автора, Д. В. Викторовъ, подъ редакціей, съ предисловіемъ, примѣчаніями и статьей проф. Н. Я. Грота: „Основанія экспериментальной психологіи“. Москва 1897 г. (Выпускъ V „Изданій Московскаго Психологическаго Общества“).
- 87) „Begriff der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie“ (въ Archiv für systematische Philosophie, 1898. II Heft); это—переводъ русской статьи соответствующаго названія, съ предисловіемъ и дополненіями.
- 88) „Систематическій каталогъ архива Московскаго дворянства“ съ предисловіемъ къ нему (Москва 1898 г., XLIX + 532 стр.).

В. Ивановскій.

Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора *)).

Дѣятельность Николая Яковлевича, какъ преподавателя, руководителя и воспитателя университетской молодежи, охватываетъ съ незначительными промежутками цѣлую четверть вѣка. На нее онъ потратилъ въ своей скоро протекшей жизни немало силъ; она образуетъ тотъ центръ, около котораго сосредочиваются наиболѣе цѣнные факты его биографіи, хотя не для всѣхъ и не всегда видимые. Но возстановить его дѣятельность на всемъ протяженіи мы лично не можемъ, потому что намъ пришлось пользоваться его незамѣнимымъ руководствомъ только въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ его профессуры. Чувствуя нравственную обязанность воспользоваться и тѣми данными, которыя относятся къ этому короткому сроку, мы надѣемся, что другіе ученики не откажутся подѣлиться своими воспоминаніями, чтобы воспроизвести съ возможно большей полнотой высоко назидательный, во многихъ отношеніяхъ, обликъ покойнаго учителя. Затрудненіемъ будетъ служить въ данномъ случаѣ скорѣе обиліе, чѣмъ недостатокъ матеріала, который давался тѣмъ легче, что отличительной чертой покойнаго была его поразительная и безграничная доступность для всякаго слушателя. Николай Яковлевичъ никогда не замыкался въ ученой неприступности, охотно посвящалъ своихъ учениковъ во всѣ детали своихъ философскихъ работъ, безпрепятственно вводилъ въ свои житейскіе и научные интересы. Онъ не таился отъ насъ, и мы хорошо знали его.

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 27-го ноября 1899 года.

Лекціи съ каедры, практическія занятія, бесѣды на дому— вотъ тѣ средства, которыя были въ распоряженіи Николая Яковлевича, для того чтобы проводить свои взгляды въ среду учащейся молодежи и воздѣйствовать на нее. Свои лекціи онъ посвящалъ преимущественно психологіи и этикѣ. Его чтеніе одушевлялось обыкновенно животрепещущей и увлекательной непосредственностью. Происходило это вѣроятно потому, что предметомъ своихъ лекцій онъ выбиралъ предпочтительно вопросы, которыми самъ интересовался и разработкой которыхъ самъ занимался въ данное время. Перерабатывая, на примѣръ, свои этическія воззрѣнія, переходя отъ эвдемонистической этики удовольствія и страданія къ болѣе возвышеннымъ формамъ моральнаго ученія, онъ исправлялъ свои прежніе взгляды и развивалъ новые съ каедры. Критикуя принципъ параллелизма въ психологіи, утвердившись въ мысли, что душевная жизнь протекаетъ внѣ времени, задумавъ подчинить психическіе процессы закону сохраненія энергіи и обосновать на этой энергетической теоріи свое понятіе прогресса, онъ подробно говорилъ обо всемъ этомъ съ каедры. Поэтому ему не нужно было повторять постоянно одного и того же курса. За тѣ годы, по крайней мѣрѣ, когда намъ пришлось его слушать, онъ ни разу не читалъ стараго курса. Помнится, онъ самъ неоднократно указывалъ на то, что считаетъ для себя совершенно невозможнымъ предлагать слушателямъ уже разъ прочитанныя записки и что ему всегда очень трудно готовиться къ курсамъ, такъ какъ онъ составляетъ ихъ заново изъ году въ годъ. При неудержимой текучести и чрезвычайной эластичности его философскихъ взглядовъ, имъ не доставало извѣстной дозы инертности, необходимой для того, чтобы окончательно остановиться на опредѣленномъ курсѣ; но со временемъ ему удалось бы, вѣроятно, привести въ исполненіе свое постоянное желаніе издать курсъ психологіи. Если, благодаря этому, его лекціи теряли въ систематичности и полнотѣ, то, съ другой стороны, онъ выигрывали въ своей непосредственности. Мы присутствовали всегда при

живомъ ростѣ философской мысли, видѣли, что самъ профессоръ живо заинтересованъ въ томъ, какъ складываются его воззрѣнія, къ какимъ возможнымъ выводамъ они приведутъ. Онъ удѣлялъ сплошь и рядомъ немало мѣста въ своихъ курсахъ полемическому элементу, знакомя насъ съ тѣми возраженіями, которыя встрѣчали его новые взгляды. Случалось иногда такъ, что, прочитавъ какой-нибудь рефератъ въ Психологическомъ Обществѣ, онъ повторялъ затѣмъ его съ каеэдры, причемъ комментировалъ его тѣми возраженіями, которыя вызывало его сообщеніе со стороны членовъ Общества. Строя такимъ образомъ свои лекціи на занимавшихъ въ данное время его самого вопросахъ, Николай Яковлевичъ не предлагалъ, правда, окончательныхъ рѣшеній, не давалъ намъ заранѣе отточенныхъ и готовыхъ выводовъ, но зато вносилъ въ свое чтеніе много жизненнаго возбужденія. Онъ дѣйствительно волновался на каеэдрѣ за свои теоріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Яковлевичъ не любилъ обременять свои курсы детальными и узко-фактическими изслѣдованіями. Его любимой средой, въ которой онъ двигался съ замѣчательной легкостью и неизмѣнной охотой, была сфера общихъ вопросовъ философіи духа и психологической методики. Въ этомъ сказывался эпикуреецъ мысли, котораго увлекалъ логическій процессъ мышленія самъ по себѣ, въ его наиболѣе отвлеченныхъ формахъ, независимо отъ его конкретнаго содержанія. Въ способности поставить новыя точки зрѣнія, изобрѣсти новое сочетаніе данныхъ, наличныхъ аргументовъ Николай Яковлевичъ усматривалъ главную особенность философскаго склада ума. Онъ предпочиталъ, чтобъ у его слушателей рождались новыя проблемы въ головѣ, а не глотались чужіе отвѣты. Онъ жаловался на то, что въ настоящее время вкусы мѣняются, что теперь интересы сосредоточиваются на собираніи и усвоеніи фактовъ, а теоріи забываются и забрасываются. Онъ энергично возставалъ противъ этой оргіи фактицизма, хотя конечно былъ дадекъ отъ мысли, что опытные работы не имѣютъ значенія въ психологіи. Напротивъ, онъ писалъ,

что „психологія можетъ достигнуть идеала точности и строгой законѣрности въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ только какъ наука экспериментальная“. И сознавая недостатокъ опытныхъ данныхъ въ своемъ курсѣ психологіи, онъ съ обычной терпимостью и широтой кругозора рекомендовалъ намъ восполнять его лекціи занятіями анатоміей, физиологіей, психіатріей, физиологической и экспериментальной психологіей.

Выдвигая въ своихъ лекціяхъ вопросы, подобные вышеуказаннымъ, Николай Яковлевичъ предполагалъ у слушателей нѣкоторую философскую зрѣлость. Въ систематическомъ курсѣ студентъ постепенно осваивается съ новымъ для него предметомъ, у него постепенно образуется навыкъ мыслить въ области извѣстной специальности. Но Николай Яковлевичъ послѣ небольшого общедоступнаго введенія очень быстро переходилъ къ изложенію довольно тонкихъ философскихъ и психологическихъ проблемъ. Чтобы вполне понять его, нужно было обладать иногда подготовительнымъ запасомъ философскихъ знаній, отъ аудиторіи требовалось иногда напряженное вниманіе. Живо припоминаю теперь, какъ долго бились мы, чтобы понять его теорію о вѣвременноности психической жизни. Николай Яковлевичъ тщетно старался нѣсколько лекцій подъ рядъ объяснить намъ, что рѣчь идетъ о нефеноменальной сущности психическаго бытія; что психическіе факты, протекая видимо во времени, не задѣваются этимъ послѣднимъ въ своей сущности, такъ же какъ не задѣваются они и пространственными категориями. Это тонкое различіе все ускользало отъ насъ, тѣмъ болѣе, что—по словамъ Николая Яковлевича—оно ускользало и отъ болѣе компетентныхъ критиковъ. Прибѣгая къ такому приему чтенія лекцій, Николай Яковлевичъ надѣялся, вѣроятно, поднять аудиторію на степень болѣе высокаго философскаго уровня; ему хотѣлось свести къ минимуму число пассивныхъ слушателей. Онъ ждалъ отъ студентовъ совмѣстной работы, желалъ имѣть въ лицѣ ихъ сотрудниковъ, вмѣстѣ съ ними вырабатывать свои взгляды. Во мно-

гихъ статьяхъ покойнаго разсѣяны указанія на эту роль его учениковъ. Нельзя однако не замѣтить, что въ этихъ чаянїяхъ, какъ они ни привлекательны сами по себѣ, было много преувеличеннаго и неисполнимаго. Не лишенъ справедливости упрекъ, который намъ доводилось слышать, что въ его лекціяхъ не все было достаточно ясно и доступно, отчасти вслѣдствіе нѣкоторой отрывочности, которой отличалось его чтеніе, отчасти благодаря малой философской подготовкѣ слушателей. Впрочемъ, что оставалось непонятнымъ на лекціи, несмотря на жаркія объясненія Николая Яковлевича, переходило на обсужденіе въ семинаріи и здѣсь разъяснялось.

Съ семинаріями Николая Яковлевича связываются невольно особенно теплыя воспоминанія. Здѣсь для него являлась возможность стать гораздо ближе къ студентамъ, чѣмъ на лекціяхъ; здѣсь нашли себѣ наиболѣе удачное примѣненіе его педагогическіе приемы; здѣсь обаятельныя черты его личности создавали такую атмосферу, благодаря которой эти практическія занятія привлекали къ себѣ много охотниковъ. Многолюдствомъ могли соперничать съ ними только семинаріи по политической экономіи. Своеобразная постановка практическихъ занятій, принятая Николаемъ Яковлевичемъ, заслуживаетъ поэтому болѣе подробнаго изложенія.

При всемъ разнообразіи практическихъ занятій, которыми руководилъ Николай Яковлевичъ изъ году въ годъ, ихъ можно разбить на три категоріи. Во-первыхъ, онъ предлагалъ студентамъ на семинаріи критиковать прочитанную имъ съ каѳедры лекцію. Это была одна изъ наиболѣе излюбленныхъ формъ практическихъ занятій; она соотвѣтствовала потребности всякаго мало-мальски самостоятельнаго слушателя, такъ какъ въ связи съ курсомъ накапливается всегда рядъ недоумѣній и возраженій, быть можетъ неосновательныхъ. Читалъ, напримѣръ, Николай Яковлевичъ о положеніи психологіи среди другихъ наукъ и о различныхъ направленіяхъ въ современной психологіи. При этомъ, сообразно съ общимъ характеромъ своего мышленія, онъ старался обы-

кновенно примирить совершенно расходящіяся, повидимому, течения. И вотъ на семинаріи кто-нибудь поднималъ вопросъ объ отношеніи метафизической и экспериментальной психологіи, настаивая на томъ, что онѣ въ корнѣ различны и несовмѣстимы. Это зависитъ, разумѣется, отъ того, что понимать подъ метафизической психологіей. Завязывалась оживленная бесѣда, въ которой выяснялась точка зрѣнія профессора. Онъ охотно выслушивалъ всякія замѣчанія, вступалъ въ споръ съ аудиторіей. Всѣ участники были видимо горячо заинтересованы въ исходѣ спора, причѣмъ сплошь да рядомъ стояли не на сторонѣ профессора. Отстаивая свои мнѣнія, Николай Яковлевичъ умѣлъ всегда сохранить товарищескій тонъ, умѣлъ искусно шадить молодое самолюбіе.

Семинаріи этого рода примыкали непосредственно къ курсу и дополняли его. Но, кромѣ того, Николай Яковлевичъ давалъ обыкновенно слушателямъ особыя темы для рефератовъ или же предоставлялъ имъ самимъ дѣлать выборъ. Когда тема окончательно опредѣлялась, Николай Яковлевичъ снабжалъ студента литературными указаніями, давалъ свои книги, бралъ книги изъ университетской бібліотеки, недоступной для студента, совѣтовался о деталяхъ сочиненія. Онъ неотступно слѣдилъ за работой студента и постоянно поднималъ его энергію. При этомъ онъ обладалъ удивительной способностью внушать студенту полное довѣріе къ собственнымъ силамъ. Онъ послѣдовательно проводилъ въ своей педагогической дѣятельности то правило, что слишкомъ трудныхъ темъ для студентовъ не существуетъ. Всякая работа, будь она даже плохо выполнена, не пропадала для студента даромъ, бесплодно; она должна была приносить новыя знанія, давать извѣстный навыкъ. При такомъ взглядѣ на дѣло Николай Яковлевичъ не стѣснялся давать иногда очень трудныя работы. Онъ настойчиво предлагалъ, на примѣръ, на второмъ курсѣ, т.-е. въ первый годъ чтенія психологіи, написать исторію психологическихъ и философскихъ ученій о сознаниі. Сочиненіе не было, конечно, написано, не только благодаря труд-

ности самой проблемы, но и благодаря обширности сюжета. Однако такимъ путемъ Николай Яковлевичъ наталкивалъ на самостоятельную работу.

Когда сочиненіе бывало готово Николай Яковлевичъ просилъ референта составить предварительно для товарищей тезисы къ реферату. Референтъ садился на кафедру, а Николай Яковлевичъ вмѣстѣ со студентами. Главнымъ оппонентомъ выступалъ онъ самъ; онъ тщательно записывалъ обыкновенно за референтомъ, но въ своемъ разборѣ касался только общихъ мыслей реферата, не входя въ разсмотрѣніе деталей, не „придираясь“. Безпристрастность и ровность въ преніяхъ были вообще первымъ требованіемъ на семинаріяхъ Николая Яковлевича. Разъ только, помню я, самъ онъ сильно разсердился по слѣдующему поводу: одинъ студентъ менѣе чѣмъ въ полчаса разбилъ всю синтетическую философію Спенсера вообще и его этику въ частности. Хотя въ эту пору Николай Яковлевичъ давно уже пережилъ свой періодъ спенсеризма, но тѣмъ не менѣе пришелъ въ рѣшительное негодованіе, насколько это было возможно для его мягкой и деликатной натуры, прослушавъ чрезвычайно легкомысленное и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкое обращеніе съ Grand Old Man'омъ философіи. Требуя прежде всего самостоятельной и критической мысли, Николай Яковлевичъ рекомендовалъ также не быть особенно скорымъ на критику. Но возраженія Николая Яковлевича рѣдко и даже никогда не оставались одинокими. Вмѣстѣ съ нимъ референту оппонировали и товарищи, вступали въ полемику съ самимъ Николаемъ Яковлевичемъ. Всегда завязывались горячіе споры; всегда жалѣли мы, что прошли уже тѣ два часа, которые назначались по рѣспи-санію для практическихъ занятій *). Изъ аудиторіи диспутъ переносился даже на улицу. Мы провожали Николая Яковлевича до дому и продолжали спорить дорогой.

*) Чтобы въ нашемъ распоряженіи было больше свободнаго времени для преній и чтобы больше народу могло принимать участіе въ семинаріяхъ, Николай Яковлевичъ устраивалъ ихъ обыкновенно по вечерамъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о семинаріяхъ третьяго рода. Сплошь да рядомъ мы собирались безъ определеннаго реферата на определенную тему. Кто-нибудь приносилъ составленные имъ тезисы. Тезисы прочитывались и предлагались на обсужденіе аудиторіи. Во время преній автору предоставлялось развивать и обосновывать свои положенія.

Темы, обсуждавшіяся на этихъ семинаріяхъ, были самыя разнообразныя. Преимущественно онѣ касались психологіи и этики, но не возбранялось также выбирать предметомъ сообщенія какіе-нибудь общефилософскіе или социологическіе вопросы. О задачахъ психологіи, о ея положеніи среди другихъ научныхъ дисциплинъ, о достоинствахъ и недостаткахъ самонаблюденія, о роли эксперимента въ психологіи, о классификаціи психическихъ явленій, о сознаниі, о волненіяхъ, о характерахъ, о критеріяхъ нравственной жизни и дѣятельности, объ утилитаризмъ, о теоріяхъ прогресса и т. п.—вотъ приблизительный и очень неполный перечень вопросовъ, обсуждавшихся за годы моего студенчества на семинаріяхъ Николая Яковлевича. Иногда мы занимались психологическимъ разборомъ какого-нибудь литературнаго произведенія.

Практическія занятія у Николая Яковлевича имѣли важное воспитательное значеніе для насъ. Онъ требовалъ отъ насъ прежде всего критическаго чутья и старался развивать самостоятельность мысли. Самъ онъ былъ болѣе чѣмъ чуждъ какой-либо пифагорейской авторитарности. „Самъ сказалъ“—для насъ не существовало. Не существовали для насъ также и нѣкоторые приемы доказательства. Ссылки на авторитеты, напримѣръ, если и допускались, то не производили никакого впечатлѣнія. Молодые слушатели приходили обыкновенно къ нему съ готовымъ кодексомъ философскихъ истинъ и рѣшеній. Особенно много было среди нихъ поклонниковъ англійскаго эмпиризма; въ ихъ глазахъ ссылка на Милля и Бэна была высшей инстанціей, не допускавшей никакой дальнѣйшей апелляціи. Всякое безот-

четное и слѣпое преклоненіе передъ кумирами быстро исчезало при занятяхъ у Николая Яковлевича. Онъ былъ положительно противъ подобнаго догматизма; такихъ доказательствъ онъ не хотѣлъ признавать. У самого Николая Яковлевича не было замѣтно, въ описываемое время, никакихъ одностороннихъ симпатій. Изъ философовъ онъ любилъ, повидимому, болѣе другихъ Платона, Лейбница и Шопенгауэра. Съ Лейбницемъ онъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, много сходнаго по общему складу своего ума. Это былъ такой же блестящій эссеистъ, занятый главнымъ образомъ проложениемъ новыхъ дорогъ, не успѣвшій и не желвшій доходить по нимъ до конца, вносившій въ свои изысканія столь же много гипотетическаго элемента, столь же склонный къ примирительному синтезу самыхъ разнородныхъ направленій. Его любовь къ Шопенгауэру не имѣла никакой связи съ пессимизмомъ. Какъ руководитель молодежи, онъ былъ, наоборотъ, будителемъ жизнерадостнаго, добраго и дѣятельнаго настроенія. Онъ цѣнилъ въ немъ частію мастера слова, частію представителя волюнтаристической философіи, выдвигавшаго на первый планъ національныя и волевыя стороны душевной жизни. Изъ русскихъ писателей онъ отдавалъ преимущественно предпочтеніе Достоевскому, какъ романисту-психологу, и Толстому, какъ художнику и моралисту. Онъ начиналъ съ того, что расширялъ философскій кругозоръ у слушателей; онъ старался убѣдить насъ, что въ каждомъ мнѣніи есть доля истины и что, съ другой стороны, во всякомъ мнѣніи есть доля временнаго, того, что онъ называлъ „временной передышкой“, „станціей“. Поэтому, наряду съ критическимъ отношеніемъ къ чужимъ мнѣніямъ, онъ требовалъ уваженія къ нимъ. Его семинаріи служили для насъ лучшей школой терпимости. Онъ ни самъ не позволялъ себѣ иронизировать надъ студентомъ, высмѣивая его, — что нерѣдко случается на другихъ семинаріяхъ, какъ намъ знакомо по собственному опыту, — и оставивалъ слишкомъ горячихъ и рѣзкихъ критиковъ. Онъ постоянно возмущался приѣмами нашей журнальной поле-

мики; онъ, помнится, неоднократно говорилъ, что ученаго спора у насъ почти не можетъ быть. Своимъ совершенно товарищескимъ обращеніемъ со студентами Николай Яковлевичъ служилъ для насъ образцомъ снисходительности. Онъ какъ бы совершенно стиралъ границы, раздѣляющія профессора и ученика. Послѣ тридцатилѣтняго изученія психологіи онъ писалъ, напримѣръ, студенту, только-что перешедшему на третій курсъ, посылая ему свою статью: „Посылаю Вамъ корректурный экземпляръ моей статьи, которую я завтра подпишу къ печати. Если успѣете, прочтите. *Не церемоньтесь отпмтить все, что признаете неяснымъ или несправедливымъ.* Я буду Вамъ за это благодаренъ, такъ какъ цѣню всякую критику, а Вашему здравому смыслу и логикѣ довѣряю“. Въ своей снисходительности Николай Яковлевичъ не всегда даже умѣлъ сохранить мѣру. Онъ иногда терпѣливо выслушивалъ и серьезно обсуждалъ взгляды очевидно вздорные. Особенно наглядно это сказывалось на экзаменахъ. Бывали случаи, что Николай Яковлевичъ пропускалъ студента исключительно только потому, что проваливать по психологіи считалъ совѣстнымъ—слишкомъ де неустановившаяся и несовершенная наука.

Семинаріи Николая Яковлевича служили для насъ школой еще въ другомъ, не менѣе важномъ отношеніи. Мы приучались здѣсь владѣть словомъ, говорить публично, спорить методично; здѣсь представлялся намъ единственный случай поговорить въ университетѣ свободно при сравнительно большой аудиторіи, и Николай Яковлевичъ, нужно сознаться, предпочиталъ терпѣливо сносить злоупотребленія этимъ правомъ, чѣмъ ограничивать его. Далѣе, въ своихъ семинаріяхъ Николай Яковлевичъ далъ образецъ того, какъ нужно вести практическія занятія со студентами безъ всякой тѣни ученаго педантизма. Онъ былъ антиподомъ его. Онъ съ большимъ юморомъ трунилъ надъ однимъ специалистомъ по древней исторіи, написавшимъ будто бы изслѣдованіе о Сициліи. Изслѣдованіе это начиналось фразой: „Сицилія есть островъ“, а къ этой фразѣ была длин-

ная сноска съ цитатами изъ древнихъ и новыхъ писателей въ подтвержденіе этого неоспоримаго географическаго факта.

Сознавая важность практическихъ занятій, Николай Яковлевичъ хотѣлъ дать имъ болѣе устойчивую организацію. Одно время онъ лелѣялъ мысль образовать студенческій кружокъ съ цѣлю совмѣстныхъ занятій психологіей и философией, который долженъ былъ служить какъ бы продолженіемъ семинарій. Предполагалось устроить его при Психологическомъ Обществѣ. Совмѣстно съ Николаемъ Яковлевичемъ слушатели выработали уставъ такого кружка. Доклады могли дѣлать только студенты, но присутствовать имѣлъ право всякій членъ Психологическаго Общества. Постояннаго предсѣдателя не было, обязанности его долженъ былъ исполнять тотъ или другой членъ Психологическаго Общества, смотря по характеру реферата, такъ какъ предполагалось допускать обсужденіе самыхъ разнообразныхъ темъ. Значеніе подобнаго кружка Николай Яковлевичъ хорошо понималъ, и если этой мысли не суждено было осуществиться, то, конечно, не по недостатку энергіи у Николая Яковлевича.

У себя на дому Николай Яковлевичъ оставался такимъ же, какимъ бывалъ въ аудиторіи. Хотя онъ имѣлъ опредѣленные пріемные дни и часы, однако доступъ къ нему былъ въ сущности почти всегда открытъ. Молодежь обращалась къ нему часто и охотно, чувствуя, что онъ близокъ къ ней, понимаетъ ее, стоитъ на ея сторонѣ. Николай Яковлевичъ рѣдко въ чемъ отказывалъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, исполняя самыя разнообразныя просьбы. Онъ снабжалъ книгами, иногда послѣдними литературными новинками; онъ подыскивалъ переводную, редакціонную, корректурную, литературную работу, давалъ всякія рекомендаціи, иногда даже изобрѣталъ какой-нибудь заработокъ. Съ какими только нуждами ни обращались къ нему! Обремененный хлопотами о собственной семьѣ, онъ подыскивалъ, напримѣръ, комнату для студента. И нужно видѣть его письмо, напи-

санное по этому поводу, чтобы понять ту чисто материнскую заботливость, съ которой относился Николай Яковлевичъ къ своимъ ученикамъ. Мысль о нихъ не покидала его буквально вплоть до могилы. За три дня до смерти, больной и вновь простуженный, мучимый ревматическими болями во всѣхъ суставахъ, полулежа на кушеткѣ, онъ писалъ своему ученику длинную инструкцію для занятій, не попадая уже на строчки. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ общалъ всякое содѣйствіе, приглашалъ съ собой за границу, рисовалъ перспективу совмѣстныхъ занятій, звалъ къ себѣ на дачу...

Лѣтомъ Николай Яковлевичъ бывалъ особенно обаятеленъ. Болѣе свободный, чѣмъ зимой, онъ—можно сказать—заботился о томъ, чтобы сдѣлать лѣтнія каникулы болѣе веселыми для своихъ учениковъ, которымъ случилось жить съ нимъ въ одной мѣстности. „Душевно радъ, писалъ онъ мнѣ, тогда студенту второкурснику, что вы довольны этимъ лѣтомъ. Вслѣдствіе всякихъ бѣдъ и болѣзней я, къ сожалѣнію, не могъ сдѣлать его Вамъ такимъ пріятнымъ и интереснымъ, какъ мечталъ. Но для меня Ваше товарищеское общество и совмѣстныя занятія были большимъ ресурсомъ“. Онъ свободно вводилъ насъ въ свою семью; охотно дѣлился съ нами неистощимымъ запасомъ заразительной веселости. Николай Яковлевичъ былъ мастеръ устраивать разнаго рода пикники, поѣздки верхомъ, катанья на лодкѣ, ужение рыбы, охоту. Всегда будутъ памяты мнѣ прогулки съ нимъ. Гулялъ Николай Яковлевичъ обыкновенно около полудня, въ самый припекъ, и ходилъ при этомъ очень быстро. Вообще, его походка была характерна. Онъ объяснялъ ее какой-то психофизической теоріей, особымъ свойствомъ мышцъ-антагонистовъ, но, по моему мнѣнію, въ ней просто отражалась его дѣятельная, энергичная натура. Бывало, мы почти бѣжимъ въ оживленной бесѣдѣ и, незамѣтно для себя, зайдемъ такъ далеко, что для возвращенія домой приходилось на-нимать лошадь...

Какъ же опредѣлить, въ немногихъ словахъ, значеніе Николая Яковлевича, какъ профессора? Своимъ жизненнымъ пониманіемъ и живымъ толкованіемъ философіи онъ увлекать насъ въ кругъ современныхъ философскихъ вопросовъ; онъ будилъ самостоятельность мысли, изошрялъ критическую остроту, училъ терпимости; онъ былъ всегда скоръ на всякую помощь, оказалъ немало непосредственной поддержки, не разъ выступалъ самоотверженнымъ ходатаемъ и горячимъ защитникомъ студентовъ. Онъ былъ близокъ къ осуществленію идеала всесторонняго, искренняго, тѣснаго общенія и взаимодѣйствія профессоровъ и студентовъ. Онъ былъ профессоръ-товарищъ.

Д. Викторовъ.

Лейпцигъ, 13 ноября 1899 г.

Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота *).

Духовныя поминки, съ глубокой грустью совершаемыя нынѣ Психологическимъ Обществомъ, посвящены человѣку, съ именемъ котораго не связана какая-нибудь одна, вполне законченная философская система, но мысль котораго, нервная и страстная, находилась въ постоянномъ движеніи и развитіи, въ упорномъ исканіи теоретической истины и нравственной правды. Для него философія была не только отвлеченнымъ построениемъ обобщающаго ума,—онъ точно олицетворялъ ее и любилъ какъ живое существо, онъ чувствовалъ философію и всегда придавалъ ей яркую эмоціональную окраску. Оправдывая собою знаменитый афоризмъ Вовенарга, его идеи шли изъ сердца; съ увлечениемъ и порывомъ создавалъ онъ свои теоріи и гипотезы, и на каждой изъ нихъ легко замѣтить привлекательный отпечатокъ еще неостывшаго настроенія, въ которомъ онъ впервые возникали, легко замѣтить психологическій слѣдъ того момента душевной жизни, который сообщилъ имъ непосредственность и теплоту. Не многіе изъ философскихъ писателей такъ ясно воплотили въ своихъ произведеніяхъ свою живую личность, какъ Николай Яковлевичъ Гротъ; каждый изъ его научныхъ трудовъ въ высокой степени представляетъ собою краснорѣчивую и выразительную страницу его внутренней автобіографіи.

*) Читано въ публичномъ засѣданіи Психологическаго Общества 6 ноября 1899 г.

Конечно, такое впечатлительное и субъективное отноше́ние къ задачамъ философіи иногда нарушало логическую цѣльность работы, и автору нерѣдко приходилось отказываться отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, самому обнаруживать въ нихъ недостатки и неполноту и откровенно склоняться къ инымъ, подчасъ даже противоположнымъ взглядамъ. Но каждая стадія его философскаго міросозерцанія сама по себѣ имѣла выдающійся интересъ и невольно подкупала своею искренностью и жизненнымъ колоритомъ; въ ней отражался пытливый и вѣчно дѣятельный умъ, въ ней видна была чуткая и воспріимчивая душа.

И, кромѣ того, при всѣхъ колебаніяхъ его отвлеченной мысли, при всемъ динамизмѣ его философіи, всегда оставался неизмѣннымъ и внятнымъ одинъ основной тонъ, одинъ пребывающій и жгучій мотивъ: это—рѣшеніе нравственной проблемы. Умственной подпочвой всѣхъ теорій Грота было воззрѣніе на міръ, какъ на явленіе этическаго порядка. И чѣмъ глубже объяснялъ онъ себѣ и другимъ это явленіе, чѣмъ шире и свѣтлѣе становилось его моральное исповѣданіе, тѣмъ дальше подвигался онъ въ своемъ общемъ философскомъ развитіи, тѣмъ сложнѣе дѣлалось его міропониманіе. Коренной переломъ въ его интеллектуальной жизни, его разрывъ съ позитивизмомъ имѣлъ своей причиной не только соображенія чисто-логическаго характера, но и главнымъ образомъ требованія этики. Нельзя было оставаться вполнѣ послѣдовательнымъ сторонникомъ позитивной философіи и въ то же время заявлять, какъ это дѣлалъ Гротъ, что философія всецѣло отождествляется съ нравственнымъ ученіемъ о мірѣ*). Его отталкивала мысль, что „живучія понятія“ совѣсти и объективнаго добра, высокіе идеалы и самоотверженные стремленія—однѣ только иллюзіи, красивыя и громкія слова. И онъ постепенно перешелъ къ той философіи, которая въ эти слова влагаеть вѣчный и реальный смыслъ. Для него былъ, конечно,

*) О направленіи и задачахъ моей философіи. Стр. 18.

открыть и другой выходъ, которымъ пользуются и на которомъ успокаиваются очень многіе: онъ могъ бы раздвоиться между двумя міровоззрѣніями, и одно изъ нихъ, научное и „показное“, освободить отъ всякихъ элементовъ идеализма, а другое, традиціонное и тайное, проникнутое вѣрой, исповѣдовать въ завѣтной глубинѣ своего духа, въ интимномъ уголкѣ своего внутренняго міра. Но для такого разлада, для этой, по извѣстному выраженію Фохта, двойной бухгалтеріи души, онъ былъ слишкомъ искренній, прямой и чувствующій мыслитель, и слишкомъ близка, даже неразрывна была связь между его задушевными вѣрованіями и его теоретическимъ ученіемъ. Именно въ борьбѣ съ раздвоенностью духа видѣлъ онъ главную цѣль современной философіи: вернуть человѣчеству потерянную цѣльность и бывшее единство общаго міросозерцанія—таково было, въ его глазахъ, высшее назначеніе критики понятій, т. е. метафизики. Печальной ошибкой и тягостнымъ наслѣдіемъ Канта считалъ онъ произвольное раздѣленіе чистаго разума отъ практическаго, и онъ не признавалъ, что существуетъ рѣзкая пограничная черта между знаніемъ и вѣрой. И его собственная философская дѣятельность, одушевленная этическимъ интересомъ, всегда была направлена на то, чтобы разрушить искусственныя границы теоретической мысли и нравственнаго поведенія.

Однако этой цѣли онъ совершенно не могъ достигнуть въ тотъ ранній періодъ своего научнаго развитія, когда онъ впервые высказался о важномъ моментѣ своей философіи — именно, о роли чувства, какъ оцѣнки и критерія истины. Тогда онъ видѣлъ въ чувствахъ только относительное и шаткое начало, при свѣтѣ котораго вещи получаютъ для каждой личности субъективную окраску и узко-индивидуальное значеніе. И какъ разъ суду и выбору этого мѣняющагося и невѣрнаго мѣрила отдавалъ онъ въ то время философію, т. е., другими словами, онъ скептически обезцѣнивалъ ее, отнималъ у нея общій и для всѣхъ обязательный характеръ, и она превращалась въ раздроблен-

ное достояніе, изъ котораго всякій человѣкъ могъ брать то, что соотвѣтствовало его произволу и вкусу, то, что подсказывало ему капризное чувство, но могъ и совѣмъ ничего не брать, такъ какъ, въ противоположность строгой и закономѣрной силѣ специальныхъ наукъ, общая картина міра, единая философія, не имѣетъ дѣйствительнаго существованія внѣ эмоциональной сферы отдѣльнаго лица. Естественно, что при такомъ взглядѣ, на этой зыбкой почвѣ субъективнаго чувства, нельзя было построить властной этики, которая возвышалась бы надъ разнообразіемъ человѣческихъ настроеній и подчиняла бы себѣ всѣхъ людей. Н. Я. Гротъ не могъ тогда отвѣтить на вопросъ, который онъ впослѣдствіи выразилъ въ яркой формѣ своего образнаго языка. „Одно и то же солнце — говорилъ онъ — оживотворяетъ растенія и сушитъ ихъ, одинъ и тотъ же дождь увеличиваетъ плодородіе земли и заливаешь поля, унося съ нихъ зачатки жизни, одна и та же молнія освѣжаетъ душную атмосферу и разсѣкаетъ на части вѣковой, полный красоты дубъ. Во имя добра дѣлается много зла, а все-таки добро есть добро, а зло есть зло. Гдѣ же добро, гдѣ зло, откуда совѣсть, откуда въ насъ нравственное сознание? *)

И Н. Я. Гротъ долженъ былъ отклониться отъ своего прежняго воззрѣнія. Но для него очень характерно, что для исправленія своей ошибки онъ не отказался совѣмъ отъ роли чувства въ познаніи истины, — онъ только углубилъ его природу и взглянулъ на него гораздо шире. Чувство потеряло въ его глазахъ свою относительность и субъективность и поднялось на высокую ступень такого момента, который непосредственно ставитъ человѣка передъ сокровенной проблемой бытія и даетъ ему отвѣтъ на нее. Побудительная причина и рычагъ науки, интеллектуальной дѣятельности — это присущее намъ чувство истины, или умственной гармоніи. Пусть чувство является достоя-

*) О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости. Стр. 8.

ніемъ личности, но вѣдь личность—это отраженіе міра и его законовъ, это—микрокосмъ, и поэтому его субъективная оцѣнка вселенной можетъ и должна находиться въ близкомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ смысломъ и цѣною міро-зданія. Въ каждомъ изъ насъ, кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта, живетъ еще субъектъ общій, неизмѣнный, міровой, подчиненный объективнымъ законамъ, и поэтому мы познаемъ „себя въ мірѣ и міръ въ себѣ“. Чувство служитъ надежнымъ методомъ этого познанія и изъ субъективной области нашего индивидуальнаго духа переноситъ насъ къ объективнымъ и универсальнымъ началамъ жизни. Въ мірѣ разлита гармонія, и ея отблескомъ въ насъ является наше чувство—достоверный показатель и отраженіе всеобщихъ законовъ. Поэтому, чувству добра есть внѣ насъ реальное соотвѣтствіе; есть въ природѣ объективное добро, какъ ея законъ, какъ ея гармонія, которую мы постигаемъ тождественной съ ней гармоніей нашей личности. Наше эстетическое волненіе отвѣчаетъ дѣйствительной, независимо отъ насъ пребывающей красотѣ, наше этическое чувство — только отзвукъ объективной міровой нравственности, неоспоримый и отрадный признакъ гармоніи во внутреннемъ существѣ и носителѣ вещей, въ ихъ вселенскомъ субъектѣ или волѣ. Міръ прекрасенъ и міръ добръ—объ этомъ говоритъ намъ чувство и тогда, когда оно непосредственно, и тогда, когда мы подвергаемъ его метафизической переработкѣ въ понятіяхъ и идеяхъ нашего разума.

Живущій во всѣхъ насъ единый міровой субъектъ, который придаетъ всеобщее и положительное значеніе нашимъ личнымъ эмоціямъ, находитъ себѣ самое полное и глубокое воплощеніе въ великомъ чувствѣ *любви*. Оно знаменуетъ собою универсальный союзъ всѣхъ живыхъ элементовъ міра и всѣхъ его вещей, оно въ торжествѣ всеобъемлющей гармоніи, въ паосѣ платоновскаго Эрота, уничтожаетъ различіе между субъектомъ и объектомъ и приближаетъ вселенную къ идеальному единству и ненарушимуму согласію.

Такъ въ новой стадіи философіи Грота чувство было освобождено изъ узкихъ рамокъ относительности и возведено на объективную высоту истины. Но еще не въ свѣтъ этого углубленнаго воззрѣнія покойный мыслитель разсматривалъ раньше и осудилъ систему именно того гениальнаго философа, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго онъ создавалъ свою теорію мірового субъекта и чья художественная метафизика его плѣняла, хотя и не поработила его ума: я говорю о Шопенгауэрѣ и пессимизмѣ. Н. Я. Гротъ признавалъ пессимизмъ, а также и противоположный, оптимистическій взглядъ на міръ, только временнымъ настроеніемъ, которое выражаетъ собою оцѣнку „конкретно данной дѣйствительности“ *) въ ея отношеніяхъ къ специальнымъ запросамъ и требованіямъ отдѣльнаго лица, общественной группы людей, даже всего человѣчества; но пессимизмъ не можетъ быть научной доктриной. Въ его основѣ лежатъ чувства удовольствія и страданія, ощущенія счастья и несчастья, а отъ нихъ, относительныхъ и субъективныхъ, нельзя заключать къ дѣйствительной сущности и качеству мірового бытія, нельзя опредѣлять объективнаго и абсолютнаго достоинства вещей въ ихъ внутренней природѣ, чуждой и далекой отъ произвольной требовательности человѣка. Такого осужденія пессимизму Гротъ не могъ бы высказать впоследствии, когда въ субъективномъ чувствѣ онъ усматривалъ поруку истины. Онъ и тогда, въ этотъ позднѣйшій періодъ своей научной работы, одушевленный, полный силъ и вѣры, энергично выступалъ противъ пессимистическаго міровоззрѣнія, но его аргументы измѣнились; и тогда, въ соотвѣтствіе со своимъ новымъ пониманіемъ чувства, онъ видѣлъ задачу міросозерцанія и философскаго творчества не въ томъ, чтобы непременно устранять изъ воспріятій все субъективное и заглушать всякую эмоцію, а въ томъ, чтобы и воспріятіе, и чувство освобождать только отъ случайной и мгновенной примѣси, отъ недолговѣч-

*) О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма какъ міровоззрѣній. Стр. 27.

ныхъ элементовъ и наслоеній: послѣ такого испытанія и въ идеѣ, и въ чувствѣ останется одно лишь цѣнное, непреходящее и обязательное для всѣхъ людей. Подобнаго искуса пессимизмъ не выдержать.

Вѣра въ силу и правду чувства, въ свободную волю, въ объективное добро побуждали Грота придавать ученію о нравственности возвышенный и плодотворный смыслъ. Въ своемъ увлеченіи, въ своемъ беззавѣтномъ довѣрїи къ наукѣ, онъ приписывалъ этикѣ нормативный, законодательный характеръ: она для него не только объясняетъ нравственность, но и создаетъ ее. Смотри по тому, какая изъ этическихъ теорій въ концѣ концовъ будетъ признана справедливой, сообразно съ этимъ получить свой видъ и содержаніе также и картина нравственной практики. Не безразлично для нашего поведенія то, какъ объяснить его природу и сущность философія; на дѣйствиі отразится его истолкованіе—таково было глубокое убѣжденіе покойнаго, и вотъ почему онъ съ такимъ огнемъ и чуткостью отзывался на этическіе вопросы и разрабатывалъ ихъ съ любовью и вниманіемъ въ специальныхъ этюдахъ, касался той или другой ихъ стороны почти во всѣхъ своихъ трудахъ. Нравственныя проблемы имѣли для него далеко не исключительный интеллектуальный интересъ.

Рѣшеніе этихъ проблемъ не сразу вылилось у него въ законченную форму. Сначала онъ полагалъ, что прирожденная организація человѣка, основанная на инстинктѣ самосохраненія всей природы, заставляетъ его общее благо, счастье рода предпочитать личному удовлетворенію, благу отдѣльнаго существа. Онъ скоро разстался съ этой теоріей, но нѣкоторые слѣды ея сохранились и впослѣдствїи, именно тогда, когда онъ считалъ всѣ этическія ученія только различными видами эвдемонизма, т. е. думалъ, что въ основѣ нравственности лежитъ скрытое или явное стремленіе къ счастью. Ему казалось безнадежнымъ и бесполезнымъ стараніе совершенно удалить изъ этики принципъ блаженства, потому что никакая дѣятельность человѣка, слѣдовательно

и нравственная, не можетъ, въ конечномъ счетѣ, имѣть другого мотива, кромѣ тяготѣнія къ пріятному и страха передъ страданіемъ. Такъ какъ внутренней санкціей нашего поведенія служить чувство, то мы невольно и повинuemся его голосу, а этотъ голосъ естественно побуждаетъ насъ избѣгать боли, печали, страданія и жадать радости и наслажденія. Но въ такомъ наивномъ и непосредственномъ стремленіи къ удовольствію—гдѣ же зерно нравственности, и въ чемъ его различіе отъ откровеннаго эгоизма? На это Н. Я. Гротъ отвѣчалъ своимъ ученіемъ о двойственности природы человѣка. Одна изъ ея граней—низшая, неразумная, узко-индивидуальная, другая—высшая, разумная, общая. То, что кажется счастіемъ для первой, отвергаетъ вторая, и между ними происходитъ постоянная борьба, которая проявляется и въ мысли, и въ волѣ, и въ чувствѣ. Въ области разума индивидуальныя, скованныя пространствомъ и временемъ воспріятія, представленія и понятія встрѣчаютъ противоположный потокъ общихъ, свободныхъ и вѣчныхъ идей и идеаловъ. Въ области воли личныя, временныя и скоропреходящія влеченія борются съ неизмѣнными и общечеловѣческими порывами къ истинѣ и красотѣ, къ добру и свободѣ. Въ области чувства мгновенныя наслажденія, связанные съ матеріальнымъ существомъ человѣка, находятъ свою противоположность въ духовномъ восторгѣ умственной, эстетической и этической радости. Нравственное заключается въ торжествѣ высшей природы, въ обузданіи чувственныхъ инстинктовъ, въ непрерывномъ усиленіи тѣхъ свѣтлыхъ эмоций, которыя дѣлаютъ для насъ блаженнымъ „созерцаніе и воплощеніе въ жизни“ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началъ нашего собственнаго и общеміроваго бытія. Счастіе—цѣль и основа нравственной дѣятельности, но это счастье идеальное, духовное; оно возвышаетъ насъ надъ интересами личной жизни и побуждаетъ всѣ ограниченія пространства и времени. Такое воззрѣніе на нравственность—эвдемонизмъ, но эвдемонизмъ идеальный; онъ враждебно относится ко всякому преобладанію матеріи надъ ду-

хомъ, ко всякому избытку физическаго удовольствія, потому что оно подавляетъ и затемняетъ высшую отраду просвѣтленной мысли и одухотвореннаго чувства. Оригинальной и счастливой особенностью такого эвдемонизма, какой исповѣдовалъ Гротъ, является то, что, въ разрѣзъ и противорѣчіе другимъ теоріямъ чисто-утилитарнаго характера, онъ совмѣщался съ вѣрой въ субстанціальный духъ, въ самостоятельную личность. Гротъ былъ глубоко убѣжденъ, что наша индивидуальность—это только временная и случайная форма того всеобщаго начала, которое дѣлаетъ cadaquo изъ насъ особою личностью. Два понятія—индивидуальность и личность—не совпадали для него: какъ разъ въ томъ и заключается нравственный героизмъ, чтобы во имя духовной личности отрѣшиться отъ индивидуальныхъ условій животнаго или физическаго существованія и даже совсѣмъ жертвовать этой индивидуальной жизнью. Такимъ образомъ въ его эвдемонизмѣ счастье ничѣмъ не отличается отъ мученичества. „Настоящее благо личности—говоритъ Н. Я. Гротъ—въ ея отреченіи отъ своей животной обособленности, въ сознаніи себя звеномъ и воплощеніемъ общаго, цѣлаго, вѣчнаго“. Это самоотреченіе заставляеть насъ въ духовной радости нашего подвига переживать вѣчность, и будущее, загробное блаженство уже не сулитъ намъ иной награды, иного счастья. Ожидаетъ насъ это загробное продолженіе или нѣтъ—это вопросъ вѣры, и какъ онъ будетъ рѣшенъ, для нравственнаго дѣятеля безразлично. Ибо „человѣкъ теперь умираетъ за добро и за братьевъ своихъ, переживаетъ то, выше чего уже ничего и не можетъ быть, переживаетъ вѣчную вѣчность, въ одномъ моментѣ своего бытія испытываетъ удовлетвореніе того абсолютнаго и всеобщаго самочувствія міра, которое въ немъ теперь совершенно воплотилось... Вся награда для него—чувствовать въ себѣ теперь Бога, чувствовать себя внутреннимъ средоточіемъ всѣхъ вещей, сознавать ясно, что его внѣшняя животная природа—случайный придатокъ. Что будетъ за предѣлами временнаго, онъ не знаетъ. Но чѣмъ можно со-

блазнить и обольстить его, когда онъ чувствуетъ въ себѣ *все*, — то высшее, общее и вѣчное, что есть и въ насъ, и вездѣ, и во всемъ?”

На такихъ высотахъ эвдемонизмъ, конечно, теряетъ всякій оттѣнокъ себялюбія, и перейти отъ нихъ къ тому объясненію нравственности, которое выдвигаетъ моментъ полного безкорыстія и совершенно устраняетъ мотивъ даже духовнаго счастья, разумѣется, не трудно. И Николай Яковлевичъ сдѣлалъ этотъ переходъ, и послѣднимъ словомъ его этического ученія была теорія *мировой любви*. Онъ отказался отъ эвдемонизма: не только свое, но и чужое, но и общее счастье онъ призналъ невѣрной основой и недостойной цѣлью нравственнаго поведенія. Нельзя уничтожить дилеммы долга и счастья, и между нравственнымъ и счастливымъ нѣтъ внутренней связи. Устой нравственной жизни находятся не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ, въ его свободной волѣ, которая именно потому и свободна отъ физическихъ условій нашей индивидуальной организаци, что она — мировое и творческое начало. Эта универсальная воля дышитъ въ каждомъ изъ насъ, и каждого изъ насъ влечетъ она къ бытію, къ созиданію и усовершенствованію жизни въ мірѣ. „Любить, жалѣть, холить, сохранять и спасать отъ смерти все живое“ — вотъ ея общая заповѣдь. Но это живое должно подняться надъ чисто-біологической ступеню, должно быть идейнымъ и психическимъ расцвѣтомъ жизни, а не однимъ только проявленіемъ ея матеріальныхъ силъ. Одухотворяютъ вселенную, усиливать пульсъ ея идеальной жизни, всѣмъ напряженіемъ мысли и чувства содѣйствовать торжеству разума — вотъ требованіе мировой воли, которая въ своемъ нравственномъ моментѣ есть и мировая любовь. Она выражается не только въ состраданіи и благоволеніи къ конкретнымъ существамъ, она проявляетъ себя въ самоотверженномъ служеніи идеямъ — наукѣ, искусству, философіи, религіи, она — въ каждой дѣятельности и въ каждомъ дѣятелѣ, которые имѣютъ своею сознательной цѣлью безконечное духовное совершенство міра, высокое развитіе психизма.

Такъ объяснялъ себѣ Н. Я. Гротъ сущность нравственнаго. И когда съ этимъ критеріемъ онъ подошелъ къ двумъ типичнымъ явленіямъ этической проповѣди XIX вѣка, когда ему надо было высказаться о духовномъ богатырѣ Толстомъ и о потухшей мысли Фридриха Ницше, онъ не могъ долго колебаться въ своемъ выборѣ и оцѣнкѣ. Дѣйствительно, съ *этой* точки зрѣнія, что же онъ увидѣлъ предъ собой?

Толстой говоритъ о любви и неумоимо совершаетъ ея подвигъ, а Ницше устами Заратустры сознается, что онъ усталъ отъ жалости, что онъ не хочетъ больше сострадать. Для Толстого любовь это—„теплая заступница міра холоднаго“; Ницше учитъ, что она изнѣживаетъ сердце и лишаетъ мужества. Ницше мечталъ подняться надъ противоположностью добра и зла, Толстой исповѣдуетъ религію вѣчнаго добра. Увлеченный ненужной химерой сверхчеловѣка, Ницше отдался бесполезной перечеканкѣ цѣнностей и, безсильный Самсонъ, хотѣлъ потрясти величавую твердыню старыхъ, но не старѣющихъ идеаловъ. Толстой вѣщаетъ намъ тѣ самыя рѣчи, которыя давно звучали міру, и его образъ можетъ быть перенесенъ въ любую историческую обстановку, и вездѣ онъ будетъ необходимъ, и дорогъ, и понятенъ, и вездѣ будутъ внимать его проникновенному слову. Ницше много смѣется и насмѣхается, разсыпаетъ блестящія изреченія, играетъ и сверкаетъ идеями, заботливо отдѣлываетъ свои литературныя игрушки, любитъ иногда экзотической тонкостью своихъ мыслей и ощущений, и насъ опьяняетъ искрящаяся пѣна его ума; Толстой, суровый пророкъ, ищетъ одной только истины и говоритъ о ней безъ улыбки, серьезно и просто, въ стійкой мощи своего драгоцѣнно-необработаннаго языка.

И Гротъ долженъ былъ вынести Ницше отрицательный приговоръ. Онъ цѣнилъ остроту его оригинальной мысли, его даровитую защиту личности, его справедливую критику разслабленнаго альтруизма нашихъ дней,—который однако совсѣмъ не похожъ на христіанскую дѣятельную любовь; онъ сочувствовалъ пережитой имъ „трагедіи невѣрія и от-

рицанія“, склонялся передъ мучительной искренностью его философской исповѣди. Но онъ отвергалъ его язычество и культъ самоудовлетворенной мощи, и если Ницше издѣвался надъ понятіемъ ближняго, то Н. Я. Гротъ считалъ любовь къ ближнему единственнымъ и вѣчнымъ началомъ нравственности и стремился расширить эту идею ближняго до идеи вселенной, Бога и бытія — предмета той „интеллектуальной любви“, которая своимъ живымъ дыханіемъ согрѣваетъ геометрическія построенія Спинозы. Николай Яковлевичъ зналъ, что послѣ пережитыхъ челоѣчествомъ безчисленныхъ разочарованій въ мірѣ накопилось много ироніи и недоѣрія, потускнѣли идеалы, и люди стали смѣяться надъ тѣмъ, передъ чѣмъ они раньше благоговѣли. Но онъ вѣрилъ, что этотъ скептицизмъ—только временное явленіе и что надъ сложнымъ, изломаннымъ и утонченнымъ міровоззрѣніемъ ницшеанства безконечно возвышается простая, ясная и первобытная мораль Толстого, и къ тихой и вѣрной пристани любви и состраданія вернутся всѣ искатели иныхъ догматовъ, иныхъ цѣнностей.

Николай Яковлевичъ не былъ, конечно, слѣпымъ прозелитомъ Толстого: онъ упрекалъ его въ рѣшительномъ пренебреженіи къ историческимъ формамъ жизни, онъ не раздѣлялъ его осужденія внѣшней культуры, не соглашался съ его обще-философскими взглядами на природу челоѣка и съ его отношеніемъ къ метафизической сторонѣ христіанства. Для будущей нравственности міръ возьметъ у Толстого далеко не всѣ элементы его ученія, и въ грядущій синтезъ несходныхъ идеаловъ Толстой внесетъ только часть,—но эта часть будетъ велика и благотворна. У Толстого много противорѣчій и спорныхъ теорій; но выше этихъ противорѣчій, снимаетъ ихъ, выше частныхъ недостатковъ тотъ общій духъ любви, тотъ глубокой смыслъ челоѣческой правды, который зоветъ къ нему, великому сердцеѣду, всѣ чуткія сердца. Почтенный личной дружбой съ Толстымъ, Николай Яковлевичъ воспринялъ его могучее вліяніе и высоко цѣнилъ въ немъ не только геніальную

силу художественнаго творчества, но и своеобразную мысль, часто упрямую и рѣзкую, но всегда выстраданную и честную. Онъ *чувствовалъ* Толстого, любилъ его недостатки и недоумѣнія; онъ зналъ, что Толстого не трудно критиковать, но трудно не склоняться передъ этимъ самородкомъ благословеннаго таланта и благородныхъ помысловъ.

Такъ мыслилъ умомъ и сердцемъ—въ сферѣ этическихъ вопросовъ—Николай Яковлевичъ Гротъ. То, что я намѣтилъ въ слабыхъ очертаніяхъ, ярко и сильно изложено въ его книгахъ и статьяхъ, и общимъ достояніемъ служатъ его идеи, и между строкъ его трудовъ каждый увидитъ проникающее ихъ чувство и трепетъ молодого увлеченія. А тѣ, кто зналъ его близко и лично, знаютъ и то, что съ увлеченіемъ и чувствомъ относился онъ не только къ идеямъ, но и къ людямъ. Они знаютъ, какъ довѣрчивъ и свѣтелъ былъ его взглядъ на человѣка, какъ уважалъ онъ чужую личность, какъ своею мыслью зажигалъ онъ чужую мысль и своей душою шель на встрѣчу другой душѣ. Онъ былъ воплощенной жизнью и добротой, весь—порывъ, энергія и бодрость.

Есть люди, къ которымъ смерть приходитъ тогда, когда они и безъ того уже мертвы,—Николай Яковлевичъ умеръ живымъ. Поэтому мы всѣ и испытываемъ такую горькую и жгучую обиду этой безвременной кончины мыслителя, который не досказалъ своихъ мыслей, прервалъ свой горячо любимый трудъ и въ раннюю могилу унесъ неосуществленные возможности и обманувшія надежды; поэтому мы и не можемъ привыкнуть къ его отсутствію, и какъ-то странно намъ и больно безъ него...

Ю. Айхенвальдъ.

Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель *).

Насъ соединили здѣсь грустныя воспоминанія о человѣкѣ, который много мыслить и много сдѣлалъ для воспитанія мышленія русскаго общества. Онъ рано сошелъ въ могилу, но въ теченіе своей короткой жизни пережилъ длинную исторію духовнаго развитія и оставилъ намъ богатое наслѣдство трудовъ и идей. Въ этой маленькой рѣчи я не могъ-бы дать вамъ полной оцѣнки его философскаго наслѣдства. Попытаюсь лишь рассмотреть основные моменты его философскаго развитія, прослѣдить постепенную смѣну его философскихъ воззрѣній въ ихъ логической и психологической связи, чтобы еще разъ воспроизвести этотъ симпатичный и дорогой для насъ образъ мыслителя и человѣка.

Въ философскомъ развитіи Николая Яковлевича Грота можно различить три главныхъ періода, которые гегельянецъ могъ-бы подвести подъ извѣстную схему тезиса, антитезиса и синтезиса: періодъ *позитивизма*, періодъ *метафизическаго идеализма* и періодъ *примиренія позитивизма и идеализма* въ духѣ современной научной философіи. Первый изъ этихъ періодовъ онъ пережилъ сполна, второй онъ оборвалъ самъ, третій прервала въ самомъ началѣ неумолимая смерть. Эти три эпохи его философской жизни

*) Рѣчь, сказанная въ публичномъ засѣданіи Психологическаго Общества 6 ноября 1899 г.

совершенно различаются по своимъ основнымъ принципамъ и имѣютъ опредѣленныя хронологическія границы; но въ предѣлахъ каждой изъ нихъ можно въ свою очередь наблюдать смѣну различныхъ идей и настроеній. Онѣ представляютъ собой пеструю канву, на которой вы могли-бы разсмотрѣть узоры довольно различныхъ рисунковъ и стилей.

Первоначальное философское міросозерцаніе Николая Яковлевича сложилось подъ вліяніемъ четырехъ умственныхъ теченій: позитивизма Конта, натуралистической философіи Спенсера, „философіи дѣйствительности“ Дюринга и отчасти критическаго идеализма Альберта Ланге. Онъ вступилъ на свою профессорскую кафедру съ страстной вѣрой въ положительную науку и съ такою-же страстной враждой къ метафизикѣ. Все существующее раздѣлилось для него на два міра: міръ дѣйствительности, непосредственно очевидной и понятной, и міръ мечты, прекрасной, но неуловимой и непостижимой. Дѣйствительность — это природа и наше сознаніе, внѣшній и внутренній опытъ; мечта — это тѣ понятія и идеалы, при помощи которыхъ человѣчество вѣчно пытается разрѣшить проблемы, лежащія за предѣлами опыта, уяснить сущность сознанія и природы. Если дѣйствительность принадлежитъ наукѣ и познается разумомъ на основаніи объективныхъ воспріятій, то метафизикѣ остается только мечта, опирающаяся на наше субъективное чувство и понятная лишь для этого чувства. Конечно, каждый въ правѣ грезить о сверхчувственныхъ и сверхъопытныхъ идеалахъ, если онъ не можетъ обойтись безъ нихъ; но для мыслящаго наблюдателя такія грезы могутъ имѣть значеніе только болѣе или менѣе интереснаго психологическаго явленія. Всѣ философскія проблемы въ основѣ суть психологическія проблемы. Ихъ ставитъ наше неутомимое сердце, вѣчно недовольное дѣйствительностью и вѣчно увлекающее насъ въ заоблачную даль; ихъ рѣшаютъ наши склонности и чувства, невольно подчиняющія себѣ умъ и заставляющія насъ вѣрить въ то, чего мы желаемъ. Чувство, это — источникъ нашего счастья

и нашихъ страданій, нашихъ запросовъ и нашихъ убѣжденій. Но что-же такое оно, это чувство? Научное изслѣдованіе показываетъ, что чувство есть только субъективное выраженіе фізіологическихъ измѣненій въ нашемъ тѣлѣ, субъективный эквивалентъ траты и накопленія вещества и энергіи въ тканяхъ нашего организма подъ вліяніемъ его взаимодействія съ окружающею средой. Оно возникаетъ и исчезаетъ, какъ волна, среди круговорота остальныхъ психическихъ и физическихъ явленій и ничего не говоритъ намъ о существѣ вещей. Если философія возможна, то она не можетъ быть ни наукой, ни метафизикой, ни познаніемъ опытной дѣйствительности, ни познаніемъ сверхъопытныхъ сущностей. Научная дѣйствительность не имѣетъ ничего общаго съ интуиціями личнаго чувства, а метафизическія сущности суть лишь продукты досужей фантазіи самихъ метафизиковъ. Философія есть такой-же результатъ субъективнаго творчества, какъ искусство; она имѣетъ общій съ нимъ психологическій корень въ эмоциональной природѣ чело­вѣка, и потому по справедливости должна быть названа *вьютвью искусства*. Философія — это своеобразная поэзія, *Ideendichtung*, какъ говорятъ нѣмцы. Подобно поэзіи, она лишена объективной или реальной цѣны и имѣетъ лишь идеальную цѣнность. Она не есть познаніе міра и путь къ достиженію истины; она есть только субъективная оцѣнка міровыхъ явленій и средство для удовлетворенія субъективныхъ запросовъ сердца и ума. А такъ какъ субъективное есть то же, что личное, то философская оцѣнка дѣйствительности имѣетъ значеніе, строго говоря, только для той личности, которая создаетъ ее себѣ и которой она служитъ принципомъ міропониманія и жизнедѣятельности. Если философіи можно приписывать общее или общественное значеніе, то лишь настолько, насколько его можно усвоить и искусству.

Вотъ міросозерцаніе, къ которому пришелъ Николай Яковлевичъ въ первомъ періодѣ своего философскаго развитія. Въ духѣ этого позитивнаго міросозерцанія написана

его магистерская диссертація — *Психологія чувствованій*, — самая выдающаяся и цѣнная изъ его работъ, до сихъ поръ изумляющая читателя богатствомъ знаній, стройностью изложенія, остроуміемъ и блескомъ идейныхъ комбинацій. Тѣми же взглядами проникнуть другой выдающийся его трудъ — его докторская диссертація — *Къ вопросу о реформѣ логики*. Наконецъ, тѣ же идеи лежатъ въ основѣ всѣхъ его статей и лекцій по теоріи познанія, этикѣ, социологіи и исторіи философіи до 1885 г. Въ теоріи познанія онъ защищаетъ „наивный реализмъ“, ищетъ объективнаго критерія истины и находитъ этотъ критерій въ законѣ однообразія природы. Въ этикѣ онъ отвергаетъ идею свободы воли, для доказательства которой онъ въ послѣдствіи потратилъ такъ много усилій, и понимаетъ подъ свободой личности лишь освобожденіе ея отъ власти среды и организма для новаго подчиненія власти идей; отрицаетъ оптимизмъ и пессимизмъ, какъ метафизическія проблемы, и признаетъ за ними только значеніе одинаково необходимыхъ и законныхъ практическихъ міросозерцаній, отдавая въ жизни преимущество пессимизму; рассматриваетъ въ теоріи эгоизмъ и альтруизмъ, какъ два полюса нравственныхъ отношеній, не допускающіе одинаковой этической оцѣнки, но считаетъ ихъ на практикѣ одинаково законными и необходимыми факторами общественнаго развитія. Въ социологіи онъ отвергаетъ субъективный методъ, но ставитъ для прогресса субъективную цѣль, — счастье человѣчества и всего живого міра. Наконецъ, въ исторіи философіи онъ держится взгляда, что различныя философскія системы суть лишь удовлетворенія субъективныхъ потребностей ума отдѣльныхъ личностей, имѣющія одинаковую психологическую цѣнность и смѣняющія другъ друга по законамъ психологическаго развитія. Къ метафизикѣ онъ относится безусловно отрицательно, считаетъ ее источникомъ всѣхъ пагубныхъ заблужденій человѣческаго ума, объясняетъ ея господство въ прошломъ только инерціей человѣческой мысли и видитъ задачу мыслителя въ томъ, чтобы очистить знаніе отъ мета-

физическаго сора. При всѣхъ частныхъ противорѣчiяхъ, его міровоззрѣніе проникнуто одною общею мыслью, однимъ убѣжденіемъ, что познаніе существа вещей невозможно, что сверхчувственные идеалы только мечты, что философія есть только идейное творчество, не лишенное поэтической прелести, но не приближающее насъ ни на шагъ къ недоступному царству истины. Въ этотъ періодъ умственнаго броженія и позитивныхъ увлеченій Николай Яковлевичъ, какъ Ренанъ, считалъ философію только приправой, безъ которой, быть можетъ, всѣ блюда безвкусны, но которая сама по себѣ не составляетъ пищи. Это былъ философъ, отрицавшій философію.

Рѣшительный поворотъ въ міросозерцаніи Николая Яковлевича совершается въ 1835 и 1836 годахъ, которые служатъ хронологическимъ рубежомъ второго періода его философскаго развитія, метафизическаго періода. Былъ ли этотъ поворотъ неожиданнымъ? Логически—да, но психологически—нѣтъ. Онъ былъ подготовленъ смѣною настроеній и чувствъ, сначала неясныхъ, но очень глубокихъ; онъ возникъ изъ этическихъ потребностей и мотивовъ, которые всегда оказываютъ вліяніе на человѣческую мысль и съ особенною силой пробиваются наружу въ моменты умственныхъ кризисовъ. Придя къ убѣжденію, что сверхчувственные идеалы суть только иллюзіи, Николай Яковлевичъ почувствовалъ себя на краю нравственной пропасти. Вѣдь, эти идеалы не пустые капризы нашего недовольнаго сердца и безпокойнаго ума. Съ ними связаны самые важные моральные интересы нашего существованія, наши представленія о смыслѣ жизни человѣка и вселенной, наши понятія о добрѣ и злѣ, о нравственномъ и безнравственномъ, наша вѣра въ святость долга, въ возможность счастья и въ торжество справедливости. Что же станется съ этими лучшими убѣжденіями человѣчества, если они лишены реальной основы, если идеалы истины, добра и красоты, о которыхъ всегда мечтали люди, только субъективные призраки, если идеи Бога, души, свободы воли, безсмертія суть

пустыя суевѣрныя слова? Не превратится ли тогда наша жизнь въ нелѣпый хаосъ, въ безумную и жалкую комедію, въ шумную суету безъ смысла, безъ цѣли и безъ надежды? Сверхчувственные идеалы рождаются изъ нѣдръ нашего субъективнаго чувства, — это, безъ сомнѣнія, правда; но слѣдуетъ ли отсюда, что они лишены объективнаго значенія и имѣютъ только личную цѣнность? Неужели природа дала намъ идеальныя стремленія лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать насъ жертвами вѣчнаго самообмана и иллюзій? Вѣдь, чувство, это—наше самосознаніе, нашъ внутренній опытъ. Почему же мы не въ правѣ вѣрить его голосу точно такъ же, какъ мы вѣримъ внѣшнему опыту, нашимъ глазамъ и ушамъ? Не служить ли чувство, какъ и вся наша личность, обнаруженіемъ всеобщихъ и вѣчныхъ законовъ природы и не говоритъ ли въ немъ та же дѣйствительность, которая открываетъ часть своихъ тайнъ нашему уму? Насъ смущаетъ субъективный характеръ сужденій чувства; но что значить этотъ субъективный характеръ? Субъективное не то же, что личное; субъективное есть внутреннее—въ насъ самихъ и въ вещахъ. И если чувство показываетъ намъ идеальныя основы нашей субъективной жизни, то не обнаруживаетъ ли оно этимъ самымъ реальныя основы внутренней жизни цѣлой вселенной? Философія есть видъ искусства, идейное творчество, — это также правда; но можно ли заключить отсюда, что она не имѣетъ реальной цѣны и ничего не даетъ для познанія міра? Не воплощается ли въ ея творческихъ построеніяхъ то, что вѣчно творитъ сама природа? Не отражается ли въ ея мечтахъ объ истинѣ, добрѣ и красотѣ дѣйствительная сущность и цѣль міровой жизни? Вѣдь, искусство даетъ намъ не только произведенія, имѣющія относительную цѣнность, но и такія созданія, красота которыхъ никѣмъ не оспаривается и никогда не исчезаетъ. Значитъ, при всей субъективности художественнаго творчества и при всей условности эстетической оцѣнки, въ этихъ созданіяхъ есть какой-то объективный, безусловный и вѣчный элементъ; значитъ, есть

красота и внѣ чувства красоты. Не слѣдуетъ ли отсюда, что и въ произведеніяхъ философскаго творчества можетъ заключаться такой же объективный и вѣчный элементъ, что существуютъ объективное добро и объективная истина за предѣлами нашихъ личныхъ чувствъ и представлений? Не въ правѣ ли мы думать, что философія, творчески возсоздающая эти идеалы, угадываетъ въ нихъ дѣйствительность, что она есть не только субъективная оцѣнка вещей, но и *познаніе* ихъ дѣйствительной природы? Мы привыкли считать дѣйствительностью только то, что мы видимъ и осязаемъ, и все, недоступное внѣшнему воспріятію, кажется намъ призрачнымъ явленіемъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Не есть ли этотъ видимый и осязаемый нами міръ только сумма нашихъ собственныхъ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній? Не есть ли онъ, именно онъ, призрачное явленіе, субъективная греза, красивый, но обманчивый миражъ? Не лежитъ ли дѣйствительность скорѣе тамъ, за предѣлами этого миража, тамъ, гдѣ заложены вѣчные устои мірозданія, гдѣ сіяетъ вѣчный свѣтъ истины, добра и красоты? Философія, какъ познаніе сверхчувственной дѣйствительности, называется презрительнымъ именемъ метафизики и противопоставляется наукѣ, какъ опытному познанію чувственныхъ явленій. Но заслуживаетъ ли метафизика того пренебреженія, какимъ она пользуется въ нашъ позитивный вѣкъ? Развѣ она не основывается также на опытѣ, на внутреннемъ опытѣ нашего чувства? Развѣ науки внѣшняго опыта представляютъ единственный типъ научнаго знанія? Возьмите математику: она не основывается на внѣшнемъ опытѣ и ни одна ея аксіома не выводима изъ природы чувственныхъ явленій. Подобно метафизикѣ, она строится нашимъ мышленіемъ и коренится въ его внутреннихъ апріорныхъ законахъ. Между тѣмъ, это самая точная изъ наукъ, и ея апріорныя формулы количественныхъ отношеній обязательны для всякаго опыта, какъ внутреннего, такъ и внѣшняго, какъ настоящаго, такъ и будущаго. Почему же не должна быть наукой и метафизика, эта теорія *качествен-*

ныхъ отношеній дѣйствительности? Почему ея апріорныя категоріи не должны имѣть такой же очевидности и такой же обязательности для всякаго опыта? Развѣ метафизическое положеніе, что „нѣтъ объекта безъ субъекта“, менѣе очевидно, чѣмъ математическая истина, что „дважды-два—четыре?“ Развѣ метафизическій законъ, что „нѣтъ явленія безъ причины“, менѣе обязательенъ для внѣшняго опыта, чѣмъ математическая аксіома, что „прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками?“ Да, философія, какъ познаніе сверхчувственной дѣйствительности, есть метафизика, и, какъ метафизика, она есть наука. Это „наука о качественныхъ отношеніяхъ явленій внутренняго и внѣшняго опыта, абсолютно достовѣрныхъ и обязательныхъ не только для нашего ума, но и для объективной дѣйствительности, не только идеальныхъ, но и реальныхъ, — наука о формахъ и нормахъ мышленія, дѣйствованія и самаго бытія всего, что существуетъ“.

Вотъ длинная цѣпь тѣхъ „психологическихъ размышлений“ и логическихъ доводовъ, которые привели Николая Яковлевича къ новому міросозерцанію и которые онъ съ полною ясностью сформулировалъ лишь позднѣе, послѣ многихъ сомнѣній и колебаній. Вы видите, какой радикальный переворотъ произошелъ теперь въ его идеяхъ. То, что прежде было для него только мечтой, онъ признаетъ теперь высшею дѣйствительностью, а то, что онъ считалъ дѣйствительностью, онъ готовъ назвать простою мечтой. Если ранѣе онъ видѣлъ въ чувствахъ только источникъ субъективныхъ иллюзій, то теперь онъ видитъ въ немъ средство къ постиженію объективной истины. Если ранѣе онъ считалъ философію только идейнымъ творчествомъ, аналогичнымъ искусству, то теперь онъ признаетъ ее познаніемъ существа вещей. Если ранѣе онъ утверждалъ, что философія не есть ни метафизика, ни наука, то теперь онъ объявляетъ, что она есть и метафизика, и наука. И еще прежде, чѣмъ эти идеи вполне кристаллизовались въ его умѣ, онъ смѣло пускается въ тотъ волшебный міръ

„метафизическихъ грезъ“, который раньше казался ему такимъ гибельнымъ обманомъ, а теперь представляется истинною дѣйствительностью.

Изъ всѣхъ метафизическихъ идей, которыя когда-либо привлекали къ себѣ человѣческой умъ и волновали человѣческое сердце, самыми важными являются идеи Бога, души, свободы, долга и безсмертія. Убѣдиться въ реальности этихъ идей значить создать незыблемыя основы для мысли и жизни, и Николай Яковлевичъ ставитъ философское оправданіе ихъ своею задачей. Философскій опытъ тысячелѣтій приходитъ къ нему на помощь: идеалистическія системы Платона, Джордано Бруно, Канта, Шопенгауэра освѣщаютъ ему путь и даютъ элементы для его философскихъ построеній.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество стало сознательно мыслить, предъ его взоромъ раскрылись два міра, вѣчно различныхъ и вѣчно враждебныхъ, — міръ духа и міръ матеріи. Какъ понять эти противорѣчія дѣйствительности? Какъ примирить ихъ? Вотъ метафизическая проблема, съ которою связаны всѣ другія и которая прежде всего привлекла къ себѣ вниманіе Николая Яковлевича. Существуютъ двѣ философскихъ доктрины, пытающіяся разрѣшить эту вѣчную проблему, — доктрины монизма и дуализма. Первая сливаетъ міръ духа и міръ матеріи въ одномъ всеобъемлющемъ началѣ, въ которомъ оба они исчезаютъ безслѣдно; вторая раздѣляетъ ихъ, какъ два субстанціально различныхъ принципа, совершенно несоединимыхъ и непримиримыхъ другъ съ другомъ. Не есть ли это призрачныя и ложныя рѣшенія? Нашу мысль можетъ удовлетворить только такая философская теорія, которая примиряетъ противоположности бытія, не уничтожая ихъ; наши сомнѣнія можетъ разрѣшить только синтезъ монизма и дуализма, — „монодуализмъ“. Чтобы понять вселенную, мы должны допустить въ ней единое, вѣчное и личное начало, которое объединяетъ двѣ стороны существующаго своею безконечною мыслью и волей, которое объемлетъ все бытіе и управ-

ляетъ имъ, не отождествляясь съ его явленіями. Это то вѣчное начало, о которомъ училъ Платонъ, какъ о высшемъ благѣ, идеѣ идей и міровой душѣ, о которомъ мечталъ восторженный пантеистъ-мученикъ XVI вѣка, Джордано Бруно, какъ о безконечномъ сознаниі вселенной, и которое исповѣдуются всѣмъ человѣчествомъ, какъ Божество. Объ этомъ безконечномъ Божественномъ началѣ говоритъ наше внутреннее чувство и весь строй мірозданія; оно проповѣдуются религіями и предполагается наукой, которая за міромъ извѣстныхъ явленій оставляетъ высшій міръ неизвѣстнаго. Это вѣчное начало проникаетъ весь организмъ природы, подобно тому, какъ наша душа проникаетъ нашъ тѣлесный организмъ. Оно есть сознание вселенной, обнаруживающееся въ разумности ея законовъ и въ гармоніи ея явленій такъ же ясно, какъ наше собственное сознание обнаруживается въ нашихъ разумныхъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Это личное сознание вселенной обладаетъ безконечною мыслью, чувствомъ и волей, которыя живутъ въ нашей конечной мысли, волѣ и чувствѣ; оно является безконечною силой, которая отражается въ конечныхъ силахъ природы.

Вопросъ о существованіи Божественнаго Духа во вселенной стоитъ въ тѣсной логической связи съ вопросомъ о существованіи духовнаго начала въ человѣкѣ. Но существуетъ ли человѣческая душа? Вотъ вторая метафизическая проблема, надъ которой задумался Николай Яковлевичъ. Современный матеріализмъ сводитъ понятіе души къ понятію силы, которую онъ разсматриваетъ, какъ продуктъ матеріи. Но знаемъ ли мы, что такое сила по своей природѣ? Внѣшній опытъ не даетъ намъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Изъ внѣшняго опыта мы знаемъ не сущность силы, а только ея энергію, ея работу, ея физическія дѣйствія или проявленія. Единственнымъ средствомъ для уясненія этой идеи служить наше самосознаніе, нашъ внутренній опытъ. Все, что намъ извѣстно о свойствахъ активной силы, заимствовано изъ этого именно источника. Мы сами — актив-

ная сила, причина движеній, и чрезъ самосознаніе мы узнаемъ сущность этой активной силы, какъ причины движеній, жизни и сознанія. Но если такъ, то не природа силы должна объяснить намъ природу души, а наоборотъ, природа души природу силы. Душа, это—самое извѣстное намъ, самое очевидное и самое реальное бытіе во вселенной, и если правиломъ научнаго объясненія должно быть выведеніе неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, то всѣ физическія силы, насколько онѣ сходны съ нашею душой, должны быть также духовны. Даже самая матерія, при всей ея эмпирической противоположности духу, можетъ быть, имѣть въ основѣ ту же духовную природу. Она открывается намъ въ опытѣ лишь какъ *сила* сопротивленія и инерціи; поэтому она отличается отъ *активной* силы духа только какъ *пассивная* сила. Такимъ образомъ, если идея Бога является монодуалистическимъ принципомъ примиренія духа и матеріи, то идея человѣческой души служитъ такимъ же монодуалистическимъ принципомъ примиренія матеріи и силы.

Одно изъ основныхъ убѣжденій человѣчества состоитъ въ томъ, что наша душа обладаетъ свободою волей. Но эта свободная воля, не есть ли она только иллюзія? Таковъ былъ третій метафизическій вопросъ, стоявшій въ философской программѣ Николая Яковлевича. Противники ученія о свободѣ воли убѣждены въ томъ, что наши волевые дѣйствія опредѣляются тѣмъ же неумолимымъ закономъ причинности, которому подчинены всѣ явленія міра. Но откуда возникъ самый этотъ законъ? Вотъ вопросъ, который они должны разрѣшить прежде всего. Законъ причинности, подобно закону достаточнаго основанія, есть законъ нашего мышленія, т.-е. субъективный законъ, и если мы попытаемся изслѣдовать его субъективное происхожденіе, то мы найдемъ, что его источникомъ служитъ не что иное, какъ *воля*. Понятіе необходимой причины есть лишь понятіе о волѣ, необходимо „причиняющей“ или производящей изъ себя дѣйствіе актомъ хотѣнія. Если же воля сама является основой закона причинности, то можетъ ли она подчиняться

ему? Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы служить причиной волевыхъ дѣйствій, кромѣ самой воли? Окружающій насъ внѣшній мѣръ? Но онъ есть для насъ лишь совокупность нашихъ воспріятій. Наши воспріятія? Но они лишь состоянія нашей психической энергіи, т.-е. продукты воли, обусловленные особенностями нашей физической организаціи. Наша физическая организація? Но она создана наслѣдственностью, въ которой консолидировались результаты волевыхъ привычекъ и волевыхъ усилій нашихъ предковъ, т.-е. въ концѣ концовъ является также продуктомъ воли. Эмпирическій дуализмъ необходимости и свободы состоитъ въ томъ, что въ нашей душѣ борются два враждебныхъ стремленія: индивидуальное стремленіе къ самосохраненію и универсальное стремленіе къ идеалу, къ вѣчности, къ внѣиндивидуальному бытію. Первое стремленіе служитъ условіемъ нашей личной жизни въ предѣлахъ пространства и времени и потому представляется необходимымъ; второе—противорѣчить интересамъ личнаго эгоистическаго существованія и потому является свободнымъ. Но въ основѣ этихъ двухъ противоположныхъ волевыхъ стремленій лежитъ одно свободное міровое начало, избравшее нашу личность сосудомъ своей жизни и средствомъ для достиженія своихъ вѣчныхъ цѣлей. Это начало—міровая воля къ жизни,—не слѣпая, злая и роковая воля Шопенгауэра, а разумная, добрая и свободная воля. Эта міровая воля сама свободнымъ актомъ вдвинула себя въ индивидуальныя рамки нашего физическаго существованія, для того, чтобы новымъ свободнымъ актомъ сбросить съ себя это добровольное ярмо и возвратиться къ своему безконечному бытію въ идеальныхъ стремленіяхъ человѣчества.

Идея міровой воли, вскрывающая передъ нами глубочайшіе корни человѣческой свободы, даетъ Николаю Яковлевичу рѣшеніе и четвертой поставленной имъ метафизической проблемы,—проблемы нравственнаго долга. Всѣ попытки обосновать идею долга на почвѣ эмпирическихъ началъ удовольствія и пользы неудачны и полны недоразумѣ-

ній. Между тѣмъ, эта идея становится совершенно понятной съ точки зрѣнія метафизической теоріи міровой воли. Вѣдь, если міровая воля къ жизни сдѣлала человѣческую личность орудіемъ своего освобожденія отъ индивидуальных ограниченій и возвращенія въ царство вѣчности, то величайшая нравственная задача человѣка въ томъ именно и состоитъ, чтобы всѣми силами трудиться для достиженія этой цѣли. Бороться съ своею эгоистическою индивидуальностью и жить для вѣчнаго идеала добра, погасить въ своей душѣ пламень корыстныхъ страстей и зажечь въ ней яркій свѣточъ добра и безкорыстной любви къ людямъ, отречься отъ всѣхъ интересовъ личнаго существованія и всецѣло посвятить себя созиданію и развитію высшей, духовной жизни въ себѣ самомъ и во вселенной, — вотъ нравственный долгъ человѣка, свободный и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательный долгъ. Этотъ долгъ ставитъ намъ міровая воля къ жизни, и она же неудержимо влечетъ насъ къ его исполненію. Среди всѣхъ превратностей нашего существованія, среди всѣхъ моральныхъ коллизій, ошибокъ и паденій она указываетъ намъ нравственный идеалъ и приковываетъ къ нему нашу мысль и сердце. Она говоритъ въ нашемъ чувствѣ, какъ міровая любовь, и открывается въ нашемъ сознаніи, какъ міровая идея обязанности.

Человѣчество вѣритъ, что душа не только свободна и призвана къ нравственному долгу, но и бессмертна. Эта вѣра въ бессмертіе живетъ въ томъ или иномъ видѣ почти въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ; она утѣшаетъ людей среди страданій жизни и окрыляетъ мечты мыслителей и поэтовъ; но можетъ ли она найти себѣ философское оправданіе? Приступая къ рѣшенію этой пятой метафизической проблемы, Николай Яковлевичъ встрѣтилъ на первыхъ же шагахъ почти непреодолимое затрудненіе. Идея бессмертія есть идея вѣчнаго или, по его мнѣнію *вневременнаго* существованія нашего духа; между тѣмъ, мысль о возможности душевной жизни внѣ времени противорѣчитъ самымъ основнымъ принципамъ современной психологіи и тео-

ри познанія. Современная психологія признаетъ душевныя состоянія „явленіями“ во времени и на этой аксіомѣ основываются всѣ ея методы и всѣ ея результаты; теорія познанія еще устами Канта провозгласила, что время есть категорія внутренняго опыта, форма нашей психической жизни, и этотъ взглядъ сталъ съ тѣхъ поръ непоколебимымъ догматомъ. Такимъ образомъ, чтобы придти къ философскому убѣжденію въ безсмертіи души, нужно расчистить почти непроходимый путь: нужно, съ одной стороны, въ корнѣ реформировать всю современную психологію, съ другой—опровергнуть Кантовское ученіе о времени, господствующее въ современной теоріи познанія. И Николай Яковлевичъ рѣшается на это смѣлое и трудное предпріятіе. Онъ обрушивается на современную психологію съ беспощадною и страстною критикою. Если когда-то, въ началѣ своей философской карьеры, онъ считалъ научную психологію единственнымъ ключомъ ко всѣмъ проблемамъ знанія и жизни, то теперь онъ отрицаетъ за нею почти всякое значеніе. Ни эмпирическая, ни физиологическая, ни экспериментальная психологія нашего времени не проливаютъ, по его мнѣнію, ни малѣйшаго свѣта на сущность душевной жизни и ея истинные законы; ни одно изъ этихъ направленій не даетъ намъ ничего для разрѣшенія нашихъ важнѣйшихъ жизненныхъ задачъ. Приемы и методы современныхъ психологическихъ изслѣдованій такъ же химеричны и бесплодны, какъ и ихъ результаты. Любое великое произведеніе художественной литературы можетъ дать намъ больше знаній о человѣческой душѣ, чѣмъ всѣ схоластическія формулы и схемы, съ которыми оперируетъ психологія. И причиной такого печальнаго состоянія этой науки служить тотъ самый теоретическій предразсудокъ, который заставляетъ современныхъ психологовъ считать душевныя состоянія „явленіями“ во времени. Только этотъ близорукій психологическій феноменизмъ мѣшаетъ имъ разглядѣть за психическими явленіями психическую сущность и понять законы душевной жизни такъ же ясно и

просто, какъ ихъ понимали всѣ великіе практическіе сердцевѣды и знатоки человѣческой души. Современная идея явленія и современный взглядъ на природу времени составляютъ философское наслѣдіе Канта, и Николай Яковлевичъ обращаетъ свое критическое оружіе противъ этого великаго мыслителя. Изслѣдуя его ученіе о времени и пространствѣ, онъ находитъ въ немъ цѣлый рядъ вопіющихъ логическихъ противорѣчій и недоразумѣній. Кантъ называетъ пространство и время „воззрѣніями“ и формами нашего опыта, но онъ опредѣляетъ ихъ какъ „понятія“, какъ простые логическіе элементы нашей мысли. Онъ считаетъ эти категоріи только субъективными представленіями нашего разума, и въ то же время объективируетъ ихъ въ области внѣшняго и внутренняго міра. Онъ признаетъ время формою внутреннихъ, душевныхъ процессовъ, а пространство формою внѣшнихъ, матеріальныхъ явленій; но онъ забываетъ, что все, существующее во времени, существуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пространствѣ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, Кантъ невольно ставитъ себя въ тиски такой неразрѣшимой для него дилеммы: если психическія явленія совершаются во времени, то они пространственны; если же они непространственны, то они не могутъ совершаться во времени. Между тѣмъ, выходъ изъ этой роковой дилеммы можетъ быть только одинъ. Непространственность душевныхъ процессовъ есть очевиднѣйшій фактъ нашего опыта, и нѣтъ такихъ аргументовъ, которые могли бы опровергнуть этотъ несомнѣнный фактъ; отсюда становится такимъ же очевиднымъ фактомъ и ихъ безвременность. Идея времени, какъ и идея пространства, есть наше субъективное представленіе, и если для нея существуетъ извѣстный объективный коррелятъ, то не въ области внутренняго опыта, а во внѣшнемъ, пространственномъ мірѣ: мы представляемъ въ формѣ времени только послѣдовательную смѣну физическихъ движеній и физиологическихъ процессовъ, связанныхъ съ нашими душевными состояніями. Что же касается нашей внутренней, психической жизни, то она

протекаетъ безусловно за предѣлами времени, и, различая въ ней временные моменты, мы только искусственно переносимъ сюда эту категорію внѣшняго опыта, по тому же психологическому закону, по которому мы переносимъ во внѣшній міръ наши собственныя душевныя состоянія и свойства. Время и пространство психическихъ процессовъ не дѣйствительныя, а только кажущіяся: это—„псевдо-время“ и „псевдо-пространство“.

Таковы были выводы Николая Яковлевича, и можно было ожидать, что, опираясь на нихъ, онъ создастъ теорію безсмертія въ духѣ тѣхъ метафизическихъ идей, которыя положены имъ въ основу его изслѣдованій о душѣ и свободѣ воли. Можно было даже думать, что онъ объединитъ интересовавшія его проблемы метафизики и переработаетъ свои построения въ цѣльную идеалистическую систему. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться. Въ ту минуту, когда Николаю Яковлевичу оставалось сдѣлать послѣдніе, рѣшительные и, можетъ быть, самые трудные шаги за предѣлами опыта. его отвлекли другіе идеи и интересы, давшіе совсѣмъ обратное направленіе его мысли. Несмотря на то, что проблема безсмертія не переставала занимать его до конца жизни, онъ пережилъ эпоху своихъ метафизическихъ увлеченій и его метафизика осталась недопѣтою пѣсней.

Этотъ новый поворотъ въ настроеніи и міросозерцаніи Николая Яковлевича произошелъ въ 1895 году. Послѣ десятилѣтняго странствованія по волшебной странѣ метафизическихъ идеаловъ и грезъ, Николай Яковлевичъ вновь возвращается въ міръ эмпирическихъ явленій и вновь находитъ въ немъ ту дѣйствительность, которая когда-то такъ глубоко разочаровала его умъ и сердце. Въ этой эмпирической дѣйствительности онъ не видитъ теперь обманчивыхъ миражей и неразрѣшимыхъ загадокъ; но она не кажется ему и такимъ очевиднымъ фактомъ, который былъ бы понятенъ самъ собою. Она озаряется для него свѣтомъ идей, которыя онъ такъ долго созерцалъ въ царствѣ сверхчув-

ственныхъ сущностей; она сплетается у него съ идеалистической мечтой, въ которую онъ хотѣлъ бы вѣрять, какъ во вторую дѣйствительность. У него еще нѣтъ определенной теоріи, которая могла бы согласить эти двѣ сферы бытія и познанія; но у него уже есть формула, способная выразить ихъ взаимныя отношенія. Метафизическіе идеалы онъ называетъ оцѣнкой и познаніемъ дѣйствительности съ точки зрѣнія внутренняго опыта, а эмпирическое изслѣдованіе явленій признаетъ оцѣнкой и познаніемъ этой дѣйствительности съ точки зрѣнія внѣшнихъ воспріятій. Въ этой синтетической формулѣ выражается основная идея послѣдняго періода его философскаго развитія, — періода примиренія позитивизма и идеализма.

Причиной этого новаго умственнаго кризиса была та самая наука, противъ которой Николай Яковлевичъ недавно вель такую ожесточенную борьбу, — психологія. Изучая современную психологію въ критическихъ и метафизическихъ цѣляхъ, Николай Яковлевичъ невольно убѣдился, что ея приемы и результаты далеко не такъ бесплодны, какъ это показалось ему въ полемическую минуту. Онъ увидѣлъ, что современная психологія стала на научную почву и усвоила новые методы изслѣдованія, общающіе ей блестящую будущность. Онъ нашель, что она уже теперь сдѣлала такія открытія, которыя способны произвести цѣлый переворотъ въ области нашихъ научныхъ представленій. Но что было для него всего важнѣе, онъ пришель къ выводу, что она нисколько не противорѣчитъ тѣмъ метафизическимъ задачамъ, которыя онъ себѣ ставиль. Николай Яковлевичъ упрекаль современныхъ психологовъ за то, что они изучають только душевныя явленія и не хотятъ разгадать намъ психическую сущность; но былъ ли справедливъ этотъ упрекъ? Въ душевномъ мірѣ нѣтъ границъ между сущностью и явленіемъ. То, что мы называемъ психическими явленіями и психической сущностью, суть лишь двѣ стороны одного и того же психическаго факта: это двѣ стороны нашего сознанія, — внѣшняя и внутренняя, эмпири-

ческая и метафизическая. Изучите этотъ живой, конкретный психическій фактъ, и вамъ можетъ открыться широкій кругозоръ въ обѣ стороны: вамъ могутъ стать понятны и эмпирическія соотношенія въ мірѣ сознательныхъ явленій, и ихъ метафизическая природа. Такой именно взглядъ на задачи психологіи Николай Яковлевичъ нашель у представителей новѣйшаго, — *экспериментальнаго* направленія этой науки. Экспериментальная психологія, по его мнѣнію, занимаетъ нейтральную зону между метафизикой и феноменизмомъ. Она имѣетъ дѣло не съ субстанціями и не съ явленіями: она изслѣдуетъ реальные *факты* душевной жизни, одинаково доступные и эмпирическому наблюденію, и метафизической оцѣнкѣ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ выводовъ и соображеній Николай Яковлевичъ незамѣтно для себя самого очутился въ плѣну у того врага, котораго онъ считалъ побѣжденнымъ: изъ ожесточеннаго противника экспериментальной психологіи онъ превращается въ самага горячаго ея сторонника. вмѣсто того, чтобы продолжать разгромъ этой науки, онъ ставитъ теперь своею задачей уяснить ея методы и создать для нея новыя теоретическія основы. вмѣсто того, чтобы строить на ея развалинахъ зданіе метафизическихъ идей, онъ хочетъ теперь примѣнить ея принципы къ рѣшенію социологическихъ вопросовъ.

Экспериментальная психологія еще очень молодая наука. Она заимствовала свои методы у естествознанія, но она еще не успѣла дать имъ полной теоретической разработки. Что такое психологическій экспериментъ и въ какой мѣрѣ онъ возможенъ, — вотъ вопросъ, съ котораго принужденъ начинать современный психологъ. Въ настоящее время психологическій экспериментъ часто противопоставляется старому самонаблюденію и отождествляется съ методами психофизиологіи и психофизики. Николай Яковлевичъ протестуетъ противъ этихъ недоразумѣній. Онъ соглашается съ тѣми психологами, по мнѣнію которыхъ психологическій экспериментъ есть форма самонаблюденія; только это самонаблюденіе не индивидуальное, а коллективное, не случайное,

а методическое, не предвзятое и сомнительное, а 'обставленное всѣми научными гарантіями достовѣрности. Психологию и психофизиологию онъ считаетъ необходимыми средствами научнаго изслѣдованія душевной жизни; но онъ не думаетъ, чтобы ими исчерпывалось понятіе экспериментальной психологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Можетъ существовать чисто психологическій экспериментъ, и его возможность уже доказана практикой жизни и наукой. Имъ пользуются педагоги, юристы и врачи въ своихъ профессиональныхъ цѣляхъ; имъ пользуемся на каждомъ шагу всѣ мы, когда намъ приходится искусственно и намѣренно вызывать у себя или у другихъ новыя душевныя состоянія; имъ начинаютъ, наконецъ, пользоваться въ послѣднее время и сами психологи. Задача науки состоитъ лишь въ томъ, чтобы дать этому могущественному орудію возможно болѣе точное и плодотворное примѣненіе, и въ этихъ видахъ Николай Яковлевичъ признаетъ настоятельно необходимымъ учрежденіе при русскихъ университетахъ психологическихъ лабораторій, существующихъ уже всюду въ Европѣ и въ Америкѣ.

Но достаточно ли для экспериментальной психологіи работать точные методы изслѣдованія? Ей нужно еще имѣть общій теоретическій принципъ, который могъ бы связать ее съ остальными точными науками и далъ бы психологу путеводную нить въ лабиринтѣ измѣнчивыхъ психическихъ явленій. Такимъ принципомъ можетъ быть лишь тотъ великій законъ, на которомъ зиждется все современное естествознаніе,—законъ сохраненія энергіи. До сихъ поръ и психологи, и натуралисты были убѣждены, что распространеніе этого закона на душевную жизнь невозможно. Природа душевныхъ явленій и ихъ взаимныя отношенія такъ своеобразны и такъ глубоко различны отъ процессовъ матеріальнаго міра, что ввести ихъ въ круговоротъ матеріальнаго движенія и подчинить механическимъ аксіомамъ естествознанія кажется напередъ неразрѣшимой задачей. Однако, какъ бы то ни было, съ этою задачей, повидимому,

связана вся научная будущность психологіи, и Николай Яковлевичъ смѣло беретъ за ея разрѣшеніе. Онъ доказываетъ, что понятіе психической энергіи такъ же законно и реально, какъ и понятіе физическихъ энергій. Онъ отстаиваетъ тезисъ, что психическія энергіи могутъ переходить въ физическіе процессы, а физическіе процессы могутъ превращаться въ психическую работу. Наконецъ, онъ старается обосновать гипотезу, что количество психической энергіи во всѣхъ этихъ превращеніяхъ остается такимъ же постояннымъ, какъ и количество физической энергіи въ ея метаморфозахъ. Въ каждомъ нормальномъ человѣкѣ существуетъ количественный балансъ психическихъ энергій. Эти энергіи могутъ существовать въ видѣ потенциальныхъ дарованій или въ видѣ актуальной творческой дѣятельности; онѣ могутъ колебаться между извѣстнымъ максимумомъ и минимумомъ, принимать различныя формы и развиваться однѣ въ ущербъ другимъ,—но въ цѣломъ онѣ представляютъ для даннаго индивидуума приблизительно одну и ту же постоянную величину. Такой же количественный балансъ долженъ существовать и при переходѣ психическихъ энергій въ физическія или обратно. Въ какихъ бы явленіяхъ ни выражалась работа извѣстнаго дѣятеля,—въ физическихъ или психическихъ,—она всегда остается равной себѣ, и всѣ ея формы эквивалентны другъ другу. Человѣкъ получаетъ отъ своего организма и среды столько же психической энергіи, сколько отдаетъ имъ, и отдаетъ столько же, сколько получаетъ. Вмѣстѣ съ организмомъ и окружающею средой онъ составляетъ психофизическую систему, въ которой общая сумма психическихъ и физическихъ энергій при всѣхъ возможныхъ превращеніяхъ ихъ другъ въ друга сохраняется неизмѣнной. Вотъ методологическая гипотеза, которая должна лечь въ основу экспериментальной психологіи. Правда, эта гипотеза пока еще не можетъ быть названа научнымъ закономъ. Мы слишкомъ мало знаемъ механическіе эквиваленты психической работы и совсѣмъ не можемъ выразить ихъ въ точныхъ математическихъ величинахъ. Но будущее разрѣшитъ и эту проблему.

Николая Яковлевича упрекали въ томъ, что, допуская превращеніе физическихъ энергій въ психическія, онъ впадаетъ въ грубый матеріализмъ и ставитъ крестъ надъ тѣми идеями души и безсмертія, для доказательства которыхъ онъ потратилъ ранѣе такъ много труда. Но онъ отвергаетъ этотъ упрекъ, и, какъ мнѣ кажется, справедливо. Его можно было бы назвать матеріалистомъ, если бы онъ въ своей теоріи психической энергіи рѣшалъ метафизическій вопросъ объ отношеніи духа и матеріи. Но онъ не касается этой проблемы и хочетъ остаться въ предѣлахъ чисто эмпирическаго изслѣдованія. Подъ именемъ физическихъ и психическихъ энергій онъ разумѣетъ не сущности или силы, а только работу или дѣятельность этихъ предполагаемыхъ силъ. Поэтому, допуская возможность перехода физическихъ энергій въ психическія и обратно, онъ признаетъ возможными всѣ метафизическія гипотезы о природѣ дѣйствующихъ въ нихъ агентовъ. Вы, можетъ быть, спросите, какова должна быть его собственная гипотеза? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Николай Яковлевичъ ссылается на свои прежніе взгляды; и если мы попытаемся согласить эти взгляды съ его психологическою энергетикой, то мы найдемъ, что онъ скорѣе абсолютистъ, чѣмъ матеріалистъ. Съ его точки зрѣнія будетъ логичнѣе приписать духовную природу физическимъ силамъ, чѣмъ усвоить психическимъ энергіямъ матеріальный характеръ. Николай Яковлевичъ находитъ возможнымъ оправдать на почвѣ своей энергетики даже идею безсмертія. По его мнѣнію, наша психическая энергія послѣ смерти тѣла можетъ быть цѣликомъ перенесена въ другую систему элементовъ, въ которой она можетъ вѣчно существовать. Такою системой онъ считаетъ эфирную среду, которая, можетъ быть, является носительницей этой энергіи и въ нашемъ организмѣ. Вотъ блестящее доказательство того, какъ гибкая человѣческая мысль можетъ связать всякую научную теорію съ тѣми идеалами, которыхъ жаждетъ человѣческое сердце!

Если общее количество физической и психической энер-

гii въ каждой системѣ элементовъ и, слѣдовательно, въ цѣлой вселенной сохраняется неизмѣннымъ, то значить ли это, что остается неизмѣннымъ и ея качество? Такой взглядъ противорѣчилъ бы фактамъ. Закономъ жизни человѣчества и вселенной является духовный прогрессъ, который есть не что иное, какъ непрерывное возрастаніе психической энергii въ мірѣ. Чѣмъ далѣе идетъ исторія, тѣмъ сложнѣе и богаче развивается умственная и нравственная дѣятельность людей, тѣмъ яснѣе и глубже становится ихъ сознание и самосознание, тѣмъ высшую нравственную цѣнность получаетъ ихъ жизнь. Этотъ ростъ психической энергii въ мірѣ возможенъ лишь на счетъ физическихъ энергii подъ условіемъ ихъ качественного измѣненія. Такимъ образомъ, при количественномъ постоянствѣ энергii вообще, во вселенной происходитъ непрерывный процессъ качественного превращенія ея изъ низшихъ, физическихъ формъ въ высшія, психическія, и это-то превращеніе служитъ основой мірового прогресса. Вотъ идея, съ точки зрѣнія которой Николай Яковлевичъ хочетъ разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ философскихъ и социологическихъ проблемъ нашего времени,—последнюю проблему, какую ему удалось поставить.

Вопросъ о прогрессѣ занималъ его еще въ 1883 г. Въ то время Николай Яковлевичъ отвергалъ субъективный методъ въ построеніи этого понятія и пытался создать для него чисто объективную формулу, опредѣливъ прогрессъ въ духѣ социологii Спенсера, какъ „экономизацію энергii природы“. Но онъ незамѣтно для себя самого внесъ въ эту формулу субъективный элементъ, признавъ цѣлью прогресса увеличеніе удовольствія и счастья на землѣ. Теперь Николай Яковлевичъ измѣняетъ свой взглядъ. Онъ подчиняетъ жизнь вселенной высшимъ нравственнымъ цѣлямъ и, опираясь на свое ученіе о превращеніи энергii, хочетъ выработать такую формулу прогресса, которая объединяла бы всѣ опредѣленія этого понятія, какъ субъективныя, такъ и объективныя. По его мнѣнію, цѣлью прогресса является увеличеніе нравственной цѣнности жизни на землѣ,

а ближайшимъ средствомъ для этой цѣли служить ростъ сознанія и самосознанія во вселенной, для которыхъ только и можетъ быть понятна эта цѣнность. Но въ свою очередь ростъ сознанія и самосознанія въ мірѣ всецѣло обусловливается превращеніемъ физическихъ формъ энергіи въ психическія путемъ ихъ экономизаціи въ природѣ и накопленія ихъ свободныхъ запасовъ въ организмѣ. Такимъ образомъ въ цѣломъ прогрессъ есть „увеличеніе нравственной цѣнности жизни во вселенной, происходящее отъ роста въ ней сознанія и самосознанія, который зависитъ отъ превращенія міровыхъ энергій изъ низшихъ формъ въ высшія чрезъ ихъ экономизацію и накопленіе“. Первая половина этой формулы субъективная, а вторая—объективная; въ первой выражается телеологическая сторона прогресса, а во второй—механическая.

Николай Яковлевичъ считалъ вопросъ о прогрессѣ тѣмъ узломъ, въ которомъ сходятся всѣ нити философскаго міросозерцанія человѣка, такъ какъ, по его мнѣнію, это въ сущности вопросъ о нравственномъ назначеніи и смыслѣ всей нашей человѣческой и міровой жизни. Поэтому онъ намѣревался посвятить ему цѣлый рядъ философскихъ работъ. Онъ хотѣлъ всесторонне выяснить и обосновать свои взгляды; онъ хотѣлъ разработать ихъ психологическія, этические и метафизическія предпосылки и показать ихъ философскія слѣдствія; онъ хотѣлъ защитить ихъ отъ всѣхъ возраженій, какія онъ слышалъ или предполагалъ. Но въ минуту этихъ замысловъ безпощадная смерть погасила его неутомную мысль, и вмѣсто новыхъ идей и остроумныхъ построеній намъ остались только глубокія сожалѣнія объ ихъ утратѣ...

Вотъ исторія этого богатаго и блестящаго ума. Вы видите, какую смѣну идей и настроеній онъ пережилъ, какіе логическіе и психологическіе мотивы имъ руководили. Онъ началъ позитивизмомъ, чтобы перейти къ идеалистической метафизикѣ, и покинулъ метафизику, чтобы отчасти снова возвратиться къ прежнему позитивизму. Онъ

шелъ въ своемъ развитіи не по прямой линіи, а по окружности и, пройдя эту окружность, онъ дважды сдѣлался своимъ собственнымъ антиподомъ. Эта своеобразная философская эволюція навлекла на Николая Яковлевича не мало упрековъ и обвиненій. Его упрекали въ томъ, что онъ мѣнялъ свои философскіе взгляды подъ вліяніемъ духа времени и смѣны общественныхъ настроеній; его обвиняли въ неустойчивости мысли и въ отсутствіи искреннихъ и твердыхъ убѣжденій; его считали даже философскимъ хамелеономъ, готовымъ приспособить свой символъ вѣры къ любому умственному теченію. Какъ много ложнаго и несправедливаго въ этихъ суровыхъ приговорахъ! Безъ сомнѣнія, всѣ мы находимся подъ вліяніемъ той умственной атмосферы, въ которой мы живемъ и которою мы дышемъ. Духъ времени налагаетъ неизгладимую печать на наше міросозерцаніе; господствующія умственные теченія и перемѣны невольно отражаются на нашей мысли и незамѣтно увлекаютъ ее за собою. Но если мыслитель подчиняется этому роковому закону, то развѣ это значитъ, что у него нѣтъ искреннихъ убѣжденій и все его духовное развитіе есть только процессъ идейнаго приспособленія? Я не знаю человека болѣе искренняго и болѣе беззащитнаго въ своихъ философскихъ увлеченіяхъ, ошибкахъ и мечтахъ, чѣмъ Николай Яковлевичъ. Онъ былъ неподдѣльно убѣжденъ въ правильности всѣхъ своихъ идей и, измѣняя свои взгляды, упрямо думалъ, что онъ лишь точнѣе формулируетъ и дополняетъ ихъ. Онъ честно мыслилъ и среди всѣхъ своихъ философскихъ метаморфозъ сохранилъ эту честность мысли. Общественныя настроенія глубоко вліяли на его чуткій и отзывчивый умъ; но они вліяли только потому, что проходили чрезъ его собственную душу и претворялись въ его личные настроенія и запросы. Николай Яковлевичъ стремился къ познанію дѣйствительности; онъ хотѣлъ разгадать тѣ тайны бытія, которыя насъ окружаютъ; но онъ жилъ не только разсудкомъ, но и сердцемъ, и въ борьбѣ этихъ-то двухъ стихій нужно искать истинную при-

чину его измѣнчивыхъ міросозерцаній. Смотря по тому, въ какую сторону склонялись его душевные вѣсы, онъ или выходилъ на позитивную дорогу опытнаго изслѣдованія, о которомъ говорилъ ему холодный разсудокъ, или рвался въ область метафизическихъ идеаловъ, которыхъ просило его сердце. Въ его философскомъ развитіи вполнѣ осуществился тотъ законъ, при помощи котораго онъ когда-то хотѣлъ понять исторію человѣческой мысли: философскія проблемы были для него психологическими проблемами. Его идеи были подсказаны не только запросами ума, но и требованіями чувства; его работы представляютъ не только логическія построенія, но и психологическіе документы. Нѣтъ, это не былъ философскій хамелеонъ: это былъ философскій *скиталецъ*, искавшій себѣ во вселенной уголка, гдѣ могли бы отдохнуть его мысль и чувство. Онъ шель, какъ странникъ, по пустынь міра навстрѣчу мерцавшему впереди свѣту истины; и когда, подходя, онъ убѣждался, что этотъ свѣтъ былъ только блуждающимъ огонькомъ его собственной мечты, онъ поворачивалъ въ другую сторону, чтобы снова стремиться и снова разочароваться. Онъ пережилъ много увлеченій и много разочарованій. Но эти разочарованія не ослабляли его энергіи и не уменьшали его увѣренности въ себѣ и въ своихъ цѣляхъ. Въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ онъ открывалъ долю истины и минувшія неудачи были для него только ступенями на пути къ успѣху. Онъ больше вѣрилъ въ достижимость идеала истиннаго знанія, чѣмъ, можетъ быть, вѣримъ мы, люди болѣе молодого и болѣе скептическаго поколѣнія; и, можетъ быть, онъ нѣсколько меньше страдалъ, чѣмъ мы. Эта вѣра давала ему успокоеніе; она вселяла въ него бодрость, она окрыляла его воображеніе и дѣлала его способнымъ къ неистощимой творческой работѣ.

Вы спросите: но каковы же результаты этой работы? Быть можетъ, тѣ вопросы, которые рѣшалъ Николай Яковлевичъ, были неразрѣшимы; быть можетъ, тѣ отвѣты, которые онъ давалъ на нихъ, были ложны; быть можетъ, тѣ

Философскія видѣнія, которыя предъ нимъ проносились, были только миражи. Не потратилъ ли онъ свои богатя духовныя силы только на погоню за призраками? Вопросы, которые рѣшалъ Николай Яковлевичъ, суть величайшія загадки дѣйствительности, и человѣчество не можетъ отказаться отъ нихъ, пока оно будетъ жить сознательною жизнью. Посвятить свою жизнь этимъ проблемамъ—благородная задача; сдѣлать что-нибудь для ихъ разрѣшенія—большая заслуга. Правда, большинство этихъ вопросовъ не можетъ быть рѣшено чисто научнымъ путемъ; но научный путь есть ли единственная дорога въ заколдованное царство истины? Тамъ, гдѣ факты не хотятъ объяснить самихъ себя, возможны гипотезы, которыя ихъ объясняютъ, и эти гипотезы могутъ быть вѣроятны для мысли и успокоительны для сердца. Николай Яковлевичъ оставилъ намъ цѣлый рядъ такихъ философскихъ гипотезъ, разнообразныхъ, какъ вселенная, блестящихъ, какъ его собственная мысль. Однѣ изъ этихъ гипотезъ основываются на элементахъ опыта, другія выходятъ за его предѣлы; однѣ изъ нихъ стоятъ въ согласіи съ остальными, другія противорѣчатъ имъ; однѣ изъ нихъ дополняютъ другъ друга, другія устраняютъ и замѣняютъ своихъ предшественницъ. Философскія идеи не находятъ себѣ всеобщаго признанія, и гипотезы Николая Яковлевича, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ ту же участь; но, можетъ быть, найдется немало людей, которымъ онѣ прольютъ новый свѣтъ на міровыя тайны и будутъ служить источникомъ нравственнаго удовлетворенія. Такіе люди будутъ по-своему счастливы: они будутъ вѣрить въ познаніе истины и дѣйствительности, какъ вѣрилъ самъ Николай Яковлевичъ, и кто могъ бы сказать, что они будутъ неправы? Не есть ли истина отчасти то, во что мы вѣримъ? Не есть ли дѣйствительность то, въ чемъ мы убѣждены? Впрочемъ, какъ бы мы ни относились къ философскимъ гипотезамъ Николая Яковлевича, мы не можемъ отказать имъ въ одномъ выдающемся качествѣ: онѣ были остроумны и оригинальны. Николая Яковлевича нельзя назвать простымъ

популяризаторомъ чужихъ философскихъ доктринъ: онъ обладалъ творческимъ умомъ и былъ мыслителемъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Даже тамъ, гдѣ онъ заимствовалъ чужія идеи, онъ вносилъ въ нихъ новый элементъ и налагалъ на нихъ глубокую печать своей индивидуальности и таланта. Онъ умѣлъ поставить эти идеи въ новую взаимную связь; онъ умѣлъ освѣтить ихъ съ новой точки зрѣнія; онъ умѣлъ создать изъ нихъ новыя построенія, можетъ быть не всегда удачныя по своему исполненію, но всегда оригинальныя, смѣлыя и блестящія по своему замыслу. Вотъ почему его сочиненія возбуждали такъ много споровъ и вызывали интересъ не только среди специалистовъ, но и въ широкомъ интеллигентномъ кругу; вотъ почему они оказали такое громадное вліяніе на философское развитіе русскаго общества. Русская философія должна преклониться съ благодарностью предъ памятью Николая Яковлевича. Онъ оставилъ въ ея исторіи глубокой слѣдъ, и тѣнь забвенія не ляжетъ на его имя.

Въ настоящую минуту предо мной невольно возникаетъ образъ этого человѣка съ живыми, блестящими и ласковыми глазами, и становится глубоко грустно, что его уже нѣтъ среди насъ. Невольно воскресаетъ то чувство изумленія и скорби, которое испытали всѣ мы при вѣсти о его неожиданной кончинѣ... Николай Яковлевичъ былъ душою московскаго кружка философовъ. Онъ завѣщалъ имъ свой идеализмъ, свое-безкорыстное стремленіе къ истинѣ, свою терпимость ко всѣмъ честнымъ взглядамъ. Пусть они останутся вѣрными этимъ завѣтамъ! Пусть его память объединяетъ ихъ такъ же, какъ раньше объединяла ихъ его личность.

П. Соколовъ.

Философія права *).

ГЛАВА IV.

Ц е р к о в ь.

Религія всегда составляла и составляет существенную принадлежность человѣческихъ обществъ. Понятіе объ абсолютномъ, какъ уже было объяснено выше, искони присуще человѣческому разуму, какъ необходимое предположеніе и какъ связь всего познаваемого. Относительное не мыслимо безъ абсолютнаго. Но это понятіе не ограничивается однимъ разумомъ; оно охватываетъ и чувство и волю человѣка. Если есть абсолютное, то оно не можетъ быть понято иначе, какъ въ видѣ разумнаго существа, ибо самъ человѣчскій разумъ есть нѣчто относительное, предполагающее бытіе абсолютнаго разума, а потому и одареннаго имъ существа, ибо высшій разумъ не мыслимъ безъ самосознанія. Если же есть абсолютное разумное существо, то все относительное находится отъ него въ зависимости, а потому и во взаимодѣйствіи съ нимъ. Вслѣдствіе этого, ограниченное разумное существо, которое носитъ въ себѣ сознаніе абсолютнаго, естественно стремится къ живому общенію съ нимъ; оно возноситъ къ нему не только свои мысли, но и свои чувства и волю. Отсюда неискоренимая потребность религіи, присущая человѣку съ самыхъ первыхъ временъ

*) См. 50 кн. «Вопрос. фил.».

его существованія и сохраняющаяся на самыхъ высокиихъ ступеняхъ развитія.

Это живое общеніе съ Абсолютнымъ, или съ Божествомъ, всегда соединяло людей въ общемъ поклоненіи. Ибо понятіе о Божествѣ не есть только плодъ единичнаго мышленія; оно распространено въ массахъ. Отсюда проистекають общія вѣрованія, которыя, соединяя людей высшею духовною связью, ведутъ къ совокупному поклоненію. Такъ образуются религіозныя общины, составляющія неотъемлемую принадлежность человѣческаго рода, съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ, или по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ какъ въ немъ пробудилось высшее сознаніе.

Эти общины могутъ быть весьма разнообразны, ибо понятіе о Божествѣ не только разнится сообразно съ различнымъ пониманіемъ людей, но и развивается въ историческомъ процессѣ. Первоначально человѣческій разумъ погруженъ въ объективныя явленія міра; въ нихъ онъ ищетъ и того начала, котораго сознаніе онъ смутно носитъ въ себѣ. Отсюда поклоненіе сперва самимъ явленіямъ, а затѣмъ скрывающимся за ними невидимымъ силамъ. Только мало-по-малу отъ этихъ частныхъ и дробныхъ представленій разумъ переходитъ къ безусловно-общему и необходимому, составляющему истинный предметъ религіи. Именно несоотвѣтствіе этого понятія дробнымъ явленіямъ и силамъ постепенно ведетъ къ замѣнѣ первобытныхъ религій, погруженныхъ въ созерцаніе объективнаго міра, религіями философскими, предметомъ которыхъ становится поклоненіе абсолютному, какъ таковому. Но и это послѣднее понятіе подлежитъ развитію, ибо абсолютное можетъ быть понято съ разныхъ сторонъ: или какъ единая, вѣчная Сила, составляющая источникъ всего сущаго, или какъ верховный Разумъ, все устрояющій, или, наконецъ, какъ присущій міру животворный Духъ. Самой матеріи можетъ быть придано божественное значеніе. Сообразно съ этимъ, Божество можетъ быть понято или какъ присущее міру или какъ отрѣшенное отъ міра. Отсюда различные виды пантеизма и деизма.

Всѣ эти разнообразныя точки зрѣнія проявляются и развиваются въ человѣчествѣ, образуя на каждой ступени религіозныя общины, соотвѣтствующія духовнымъ особенностямъ и степени пониманія соединяющихся въ нихъ лицъ.

Первоначально эти общины не выдѣляются изъ совокупнаго общественнаго строя. Характеристическій признакъ низшихъ формъ развитія есть состояніе слитности. На этой ступени религія охватываетъ всецѣло жизнь человѣка; она опредѣляетъ и понятія, и нравы, и общественныя отношенія. Лица, специально призванныя къ отправленію богослуженія, исполняютъ извѣстныя общественныя должности. Иногда они образуютъ особое сословіе, стоящее на ряду съ другими, какъ часть совокупной организациі, опредѣляемой религіею. Таковъ характеръ теократическихъ государствъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ, свѣтскіе элементы получаютъ преобладающее значеніе; но и тутъ религіозная община остается принадлежностью государственной жизни; она не выдѣляется еще въ особый союзъ.

Этотъ знаменательный шагъ въ исторіи человѣчества былъ сдѣланъ христіанствомъ. Здѣсь впервые церковь выдѣлилась изъ гражданскихъ отношеній и образовала самостоятельный союзъ, исключительно направленный къ религіознымъ цѣлямъ. Это состояло въ связи съ самымъ существомъ христіанской религіи. Древнія вѣрованія были познаніемъ Бога въ природѣ; христіанство же явилось откровеніемъ Бога въ нравственномъ мірѣ. Основной его догматъ состоитъ въ искупленіи человѣчества отъ грѣха Сыномъ Божиимъ, сошедшимъ на землю для спасенія людей. Та цѣль, къ которой оно направляетъ человѣка, есть вѣчное блаженство въ царствіи Божіемъ, уготованномъ для праведниковъ. Отсюда отрѣшеніе отъ всего земнаго и образованіе особаго союза, направленнаго къ цѣли небесной, для которой земная жизнь служитъ только приготовленіемъ. Это обособленіе и было причиной тѣхъ гоненій, которыя воздвигались язычниками на христіанъ: оно вело къ разложенію языческаго государства. Но христіанство все-таки восторжествовало. Самостоятельность церкви,

какъ религіознаго союза, была куплена кровью христіанскихъ мучениковъ. Она составляетъ прочное пріобрѣтеніе чело-вѣчества.

Въ средніе вѣка эта самостоятельность доходила даже до владычества. Древнее государство рушилось, и на развалинахъ его возникли два союза съ противоположнымъ характеромъ: гражданское общество и церковь. Первое представляло анархическое броженіе частныхъ силъ, приходившихъ въ непрерывныя столкновенія другъ съ другомъ; вторая возвышалась надъ этимъ хаотическимъ міромъ, какъ единый, общечеловѣчскій союзъ, призванный готовить людей къ будущей жизни установленіемъ началъ правды на землѣ.

Послѣдняя задача выходила, однако, изъ предѣловъ собственно религіознаго союза, а потому построенный на ней порядокъ, въ свою очередь, не могъ удержаться. Нравственное начало, опредѣляя гражданскія отношенія, становилось принудительнымъ, а это противорѣчитъ его существу. Владычество церкви въ гражданской области могло держаться только насиліемъ совѣсти, а это составляетъ нарушение нравственного закона. Такая, подорванная внутреннимъ противорѣчіемъ система могла установиться только при разложе- ній государственной связи, когда надобно было чѣмъ-нибудь ее замѣнить, и церковь оставалась единственнымъ союзомъ, возвышающимся надъ анархическими стремленіями дробныхъ силъ и способнымъ воздержать ихъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Однако и тутъ она породила безпрерывныя столкновенія и споры между свѣтскою властью и церковною. Когда же новое государство возродилось изъ своихъ развалинъ и взяло дѣло въ свои руки, оно, въ силу внутренней необходимости, вышло побѣдителемъ изъ этой борьбы. Владычеству церкви въ гражданской области положенъ былъ конецъ; но она осталась самостоятельнымъ союзомъ, верховнымъ въ своей религіозно-нравственной сферѣ. Этотъ результатъ составляетъ прочное завоеваніе христіанства. Онъ соотвѣтствуетъ и самой идеѣ церкви, какъ нравственно-религіознаго союза, опирающагося не на внѣшнюю, при-

нудительную силу, а на внутреннія, свободныя отношенія человѣка къ Богу. Здѣсь эта идея достигаетъ полнаго своего осуществленія.

Однако и тутъ она должна считаться съ разнообразіемъ элементовъ человѣческой жизни. Религія обнимаетъ все существо человѣка, и разумъ, и чувство и волю. Между тѣмъ, всѣ люди не созданы по одной мѣркѣ: чувство, разумъ и воля подвергаются въ нихъ самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ и сочетаніямъ. Отсюда различіе религіозныхъ потребностей и религіознаго пониманія. Невозможно предписать человѣку вѣрить такъ, а не иначе. Это—внѣшнее насиліе, противъ котораго возмущается совѣсть. Если нравственно только то, что вытекаетъ изъ свободного рѣшенія совѣсти, то это начало сугубо примѣняется къ религіозному чувству, которое есть внутреннее, истекающее изъ глубины человѣческаго сердца стремленіе единичнаго существа къ источнику всякой жизни. Въ этой области властенъ одинъ Сердцевѣдецъ, который внутреннимъ дѣйствіемъ Духа привлекаетъ къ себѣ людей. Для внѣшней власти пути его недоступны, а потому насильственное вторженіе ея въ эти отношенія составляетъ преступленіе противъ религіи и нравственности. Въ концѣ концовъ оно остается безсильнымъ. Религіозное чувство разрываетъ всѣ преграды и выражается въ свойственномъ ему разнообразіи вѣрованій и стремленій.

Это разнообразіе усугубляется различіемъ народныхъ характеровъ и историческихъ судебъ. У однихъ народовъ преобладаетъ одинъ складъ ума и понятій и одного рода чувства, у другихъ другія, а съ этимъ связана воспримчивость къ тѣмъ или другимъ сторонамъ религіи. Различіе же историческихъ судебъ порождаетъ различное общественное положеніе церкви. Такъ, паденіе Западной Римской Имперіи повело къ тому, что въ средніе вѣка католическая церковь осталась одна связующимъ элементомъ западнаго міра; это и имѣло послѣдствіемъ чрезвычайное развитіе церковной власти. На востокѣ, напротивъ, сохраненіе Византійской

Имперіи, удовлетворяя потребностямъ порядка, не допускаю чрезмѣрнаго ея расширенія. Отсюда различіе церковнаго строя въ обѣихъ половинахъ Имперіи.

Такимъ образомъ, осуществляясь въ реальномъ мѣрѣ, церковный союзъ приспособляется къ разнообразію потребностей и стремленій человѣка. Но по идеѣ, церковь остается единою, ибо, по основному ея догмату, Христосъ сошелъ въ мѣръ для спасенія всѣхъ людей безъ различія. Въ христіанствѣ „нѣсть Эллинъ, ни Іудей“, но „едино стадо и единый пастырь“. Поэтому, по существу своему, христіанская церковь есть союзъ общечеловѣческой; всѣ вѣрующіе во Христа и разбѣянные по всему земному шару, принадлежатъ къ церкви Христовой. Мало того; по идеѣ она простирается и на царство небесное: живые и умершіе, связанные вѣрою и любовью, подчиняются единому невидимому главѣ—Христу.

Какимъ же образомъ эта единая по существу своему идея можетъ раздробляться, приспособляясь къ разнообразію человѣческихъ потребностей? Тѣмъ, что она въ себѣ самой расчленяется на свои составные элементы. Мы видѣли, что элементы всякаго общества суть власть, законъ, свобода и цѣль. Они существуютъ и въ церкви, и каждый изъ нихъ имѣетъ въ ней своего представителя. Отношеніе закона и свободы выражается въ противоположеніи духовенства и мірянъ; власть въ высшей своей формѣ представляется лицомъ первосвященника; наконецъ, цѣль союза, въ самомъ общемъ своемъ значеніи, есть согласіе любви, связывающее всѣхъ членовъ и дающее каждому элементу подобающее ему мѣсто въ общемъ строѣ. Послѣднее начало имѣетъ однако и своего спеціальнаго представителя. Высшій идеаль христіанства есть полное отреченіе отъ себя и отдача себя Богу и ближнимъ. Этотъ идеаль достигается въ монашествѣ. Но это—идеаль исключительный, основанный не на соглашеніи, а на отрицаніи другихъ элементовъ, а потому односторонній: онъ не способенъ служить связующимъ началомъ союза, а можетъ только занимать въ немъ извѣстное мѣсто, на ря-

ду съ другими. Въ каждомъ реальномъ союзѣ существуютъ всѣ эти элементы въ большемъ или меньшемъ развитіи; но въ приспособленіи къ жизненнымъ условіямъ, тотъ или другой является преобладающимъ. Осуществляясь въ реальномъ мірѣ, идея такимъ образомъ расчленяется, а съ тѣмъ вмѣстѣ распадается на отдѣльные союзы, связанные общею вѣрою во Христа, но образующіе самостоятельныя организаціи.

Это мы и видимъ въ дѣйствительности. Первоначально христіанская церковь, какъ она установилась въ Римской Имперіи, образовала единый всемірный союзъ, верховнымъ органомъ котораго были соборы, составленные изъ духовенства. Главная задача ихъ состояла въ установленіи закона. Затѣмъ, когда эта задача была исполнена, церковь распалась: въ одной половинѣ надъ всѣмъ возвысилась власть первосвященника; другая, напротивъ, стремилась осуществить идею любви, приобщеніемъ мірянъ къ охраненію церковнаго преданія. Здѣсь развился и идеаль монашества. Но какъ власть, такъ и преданіе, установляя строгое церковное единеніе, не давали простора челоуѣческой свободѣ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни послѣдняя предъявила свои права. Отсюда возникъ новый союзъ, въ которомъ и первосвященникъ и духовенство и монашество были отвергнуты; все ограничилось свободною общиной мірянъ, связанныхъ общею вѣрою и личнымъ внутреннимъ единеніемъ съ Божествомъ. Но вслѣдствіе преобладанія элемента свободы, этотъ союзъ естественно распался на множество отдѣльныхъ отраслей и сектъ, съ разнообразными догматами и направленіями. Таковъ существенный характеръ протестантизма.

Мы видимъ, что въ дѣйствительности идея церкви не только расчленяется сообразно съ своимъ содержаніемъ, но осуществляясь въ реальномъ мірѣ, она слѣдуетъ внутреннему, раціональному закону развитія. Исходною точкою служитъ начало закона, которое составляетъ самое основаніе нравственнаго союза; затѣмъ, изъ общаго корня выдѣляютъ

ся двѣ противоположности—власть и идея, представляющія единство внѣшнее и единство внутреннее; наконецъ, образуются союзы, основанные на свободѣ и составляющіе переходъ къ чисто свѣтскому развитію. Первоначальное единство разложилось; но возникшіе изъ совокупнаго развитія отдѣльные союзы сохраняются, какъ самостоятельные члены высшаго духовнаго цѣлаго, то-есть, идеальнаго союза, обнимающаго живыхъ и умершихъ подъ управленіемъ невидимаго, божественнаго главы—Христа. Спрашивается: возможно ли и нужно ли дальнѣйшее ихъ объединеніе?

Многіе къ этому стремятся. Идеаломъ христіанской церкви представляется союзъ, обнимающій все человѣчество и связывающій его началами вѣры и любви. Но такое отвлеченное представленіе упускаетъ изъ вида разнообразіе человѣческихъ свойствъ и потребностей. Оно хочетъ наложить на всѣхъ одинакій, неизмѣнный и непреложный законъ; для свободы не остается тутъ мѣста. Между тѣмъ, свобода составляетъ неискоренимый элементъ человѣческой природы, и именно тотъ, на которомъ покоится все его нравственное существо. Только при свободномъ стремленіи души къ Богу самая религія получаетъ истинное свое значеніе, не какъ внѣшняя только форма, а какъ внутреннее, духовное общеніе единичнаго, брэннаго существа съ абсолютнымъ Источникомъ жизни. Это общеніе, какъ уже замѣчено выше, зависитъ отъ различной воспріимчивости людей, вслѣдствіе чего и пути, которыми Богъ приводитъ къ себѣ человѣческую душу, могутъ быть весьма разнообразны. Они должны быть всѣ открыты человѣку; а потому полезно, чтобы существовали различныя церкви, въ которыхъ каждый можетъ найти удовлетвореніе своихъ духовныхъ потребностей. Лице свободно вступаетъ въ тотъ или другой союзъ, смотря по тому, куда влечетъ его внутреннее чувство, и это не можетъ быть ему возбранено, иначе какъ съ нарушеніемъ самыхъ священныхъ его правъ. И каждая церковь воспринимаетъ его въ свое лоно, оставаясь при своемъ исторически сложившемся строѣ. Глубокій смыслъ этого истори-

ческаго развитія состоятъ, какъ сказано, въ установленіи различныхъ жизненныхъ формъ, соотвѣтствующихъ различнымъ духовнымъ потребностямъ чловѣка. Ни одна церковь не можетъ отречься отъ этого прошлаго, не отрекаясь отъ самой себя. Чѣмъ болѣе она убѣждена въ непоколебимой истинѣ того, что она исповѣдуетъ, тѣмъ менѣе возможно для нея такое самоотреченіе. Ни власть, признающая себя непогрѣшимою, ни преданіе, идущее непрерывною нитью отъ самаго основанія религіи, не могутъ порвать съ своимъ прошлымъ и отказаться отъ своей самостоятельности во имя идеальнаго объединенія. Всего менѣе можетъ чловѣкъ отказаться отъ тѣхъ формъ, въ которыхъ находитъ убѣжище его свобода. Это значило бы отказаться отъ своей духовной самостоятельности, отъ самаго своего чловѣческаго достоинства и отдать всецѣло свои мысли и чувства въ руки внѣшней для него власти. Если бы протестантизмъ исчезъ, то для людей, дорожащихъ свободнымъ исканіемъ истины, не оставалось бы иного исхода, кромѣ невѣрія. Въ дѣйствительности, это такъ часто и бываетъ: сохраняется внѣшняя принадлежность къ церкви, а внутри себя чловѣкъ думаетъ все, что ему угодно. Но такая чисто внѣшняя связь менѣе всего соотвѣтствуетъ идеалу.

Внѣшнее объединеніе церквей тѣмъ менѣе желательно, что оно не вызывается никакими существенными потребностями. Истина, безспорно, одна; но она имѣетъ разныя стороны, которыя могутъ въ разной степени восприниматься чловѣкомъ и служить руководящими началами его жизни. Притомъ же религія не ограничивается одними догматами; она состоитъ въ живомъ единеніи чловѣка съ Божествомъ, а способы и пути этого единенія весьма разнообразны. Чловѣкъ можетъ избирать тотъ или другой, не посягая на основныя истины религіи. Всѣ церкви, признающія Христа, какъ Спасителя міра, суть церкви христіанскія; но это не мѣшаетъ имъ существенно различаться и во многихъ второстепенныхъ догматахъ, и въ обрядахъ, и въ таинствахъ. Нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы

всѣ люди были на этотъ счетъ одного мнѣнія и признавали въ этихъ вопросахъ одинъ безспорный авторитетъ.

Всего менѣе требуется единство управленія. Церковь есть союзъ вѣрующихъ, слѣдовательно, нужно единство вѣры, а вовсе не единство управленія, которое сообразуется съ мѣстными потребностями. Примѣръ православной церкви, которая обнимаетъ множество различныхъ народовъ, доказываетъ, что одна и таже церковь можетъ имѣть совершенно независимыя другъ отъ друга власти. Единство управленія вызывается вовсе не религіозными, а чисто практическими потребностями. Нѣтъ сомнѣнія, что всемірное единство римско-католической церкви, съ независимымъ главою, даетъ ей такое обезпеченіе противъ захватовъ свѣтской власти, какого не въ состояніи дать чисто мѣстныя организаціи, всегда болѣе или менѣе поддающіяся вліянію туземныхъ правительствъ. Для независимости церкви всемірное ея положеніе имѣетъ существенное значеніе. Но, во-первыхъ, эта независимость можетъ быть достигнута и другими путями, а во-вторыхъ, всемірное положеніе церкви, не знающей соперниковъ, привело бы не къ независимости, а къ владычеству. Таково именно и было положеніе средневѣкового католицизма въ западномъ мірѣ; оно менѣе всего желательно для пользы человѣчества. Въ настоящее время католическая церковь представляетъ могучую силу, которая сдерживается существованіемъ соперниковъ. Если бы она одна владычествовала надъ сердцами людей, то нравственное поработеніе человѣчества было бы полное. Тогда единственнымъ прибѣжищемъ свободы дѣйствительно оставалось бы только невѣріе. Этимъ и объясняется распространеніе отрицательныхъ ученій преимущественно въ католическихъ странахъ. Франція изгнала протестантовъ, но этимъ самымъ открылось широкое поприще для философіи XVIII вѣка.

Во всякомъ случаѣ, мы стоимъ тутъ уже не на религіозной, а на политической почвѣ. Здѣсь возникаетъ вопросъ объ отношеніи церкви къ гражданскому обществу и къ государству.

Церковь есть нравственно-религиозный союзъ; но она имѣетъ и гражданскую сторону. Для достиженія своихъ цѣлей она нуждается въ имуществѣ. Оно необходимо и для богослуженія, и для содержанія духовенства, и для благотворительныхъ учрежденій. Владѣльцемъ этого имущества является союзъ, какъ юридическое лице. Съ этой точки зрѣнія церковь получаетъ значеніе гражданской корпораціи. Но такъ какъ употребленіе имущества имѣетъ мѣстный характеръ, то корпоративное значеніе присваивается не цѣлому союзу, а отдѣльными его частямъ—приходамъ, церквямъ, монастырямъ. Въ средніе вѣка, когда церковь замѣняла государство, эти имущества, возникшія изъ частныхъ пожертвованій, достигали громаднхъ размѣровъ. Это имѣло ту невыгодную сторону, что значительная часть земель была изъята изъ гражданского оборота. Вслѣдствіе этого, съ развитіемъ государственнаго порядка, естественно возникъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, несмотря на различіе вѣроисповѣданій, они были по большей части отобраны; оставлено было только необходимое. Противъ этого возставали, какъ съ точки зрѣнія права, такъ и съ точки зрѣнія пользы. Утверждали и утверждаютъ, что нельзя отнимать то, что было подарено или завѣщано жертвователями. Доказываютъ, съ другой стороны, что полезно сохранить связь церкви и духовенства съ гражданской жизнью. Этимъ способомъ отвлеченный нравственно-религиозный союзъ привязывается къ интересамъ мѣстнаго отечества и получаетъ полезное вліяніе на общественныя дѣла. Не отрицая того и другого, надобно сказать, что отобраніе церковныхъ имуществъ знаменовало переходъ отъ средневѣковаго порядка къ новому. Накопленіе имуществъ въ рукахъ церкви происходило въ то время, когда она играла въ обществѣ первенствующую роль. Съ измѣненіемъ ея общественнаго значенія, должно было измѣниться и ея имущественное положеніе. Накопившееся у нея достояніе должно было поступить въ общій оборотъ, съ сохраненіемъ лишь того, что требо-

валось при новомъ положеніи. Это былъ, надобно признать, революціонный актъ, но онъ составлялъ неизбежное послѣдствіе всемірнаго поворота исторіи. Этимъ, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторой степени порывалась связь церкви съ гражданскимъ порядкомъ; но именно эта связь выводила ее изъ предѣловъ собственнаго призванія и давала ей неподобающее вліяніе въ гражданской области. Ограниченіе церкви настоящимъ ея призваніемъ нельзя не признать благомъ.

Не мѣстное, а уже общее значеніе имѣютъ права, которыя присвоиваются духовенству, какъ сословію. Мы видѣли, что сословія составляютъ переходъ отъ гражданскаго общества къ государству. Въ нихъ соединяются гражданскія права съ политическими. Тамъ, гдѣ господствуетъ сословный строй, сословныя права присвоиваются и духовенству, которое играетъ въ немъ весьма важную роль, и по гражданскому своему положенію и какъ одинъ изъ элементовъ сословныхъ собраний. Но съ водвореніемъ общегражданскаго порядка, все это исчезаетъ. Духовенство, какъ и всѣ остальные граждане, подчиняется общему закону.

Гораздо важнѣе положеніе церкви, какъ государственной корпораціи. Оно можетъ быть разное, смотря по значенію, которое она имѣетъ въ государственной и общественной жизни. Отсюда разныя историческія формы этихъ отношеній: теократія, господствующая церковь, признанныя церкви, наконецъ, терпимыя *). Теократія, есть владычество религіознаго союза надъ государственнымъ, отношеніе, которое противорѣчитъ существу обоихъ, ибо нравственно-религіозное начало становится принудительнымъ, а государство подчиняется внѣшней для него власти. Этого противорѣчія нѣтъ въ системѣ господствующей церкви, которая получаетъ только привилегированное положеніе сравнительно съ другими исповѣданіями. Такое отношеніе является послѣдствіемъ внутренней исторической связи между извѣстною церковью и извѣстною народностью. Однако, и

*) См. «Курсъ Государственной Науки», I, стр. 280 слѣд. III, стр. 452 слѣд.

оно не можетъ быть исключительнымъ, ибо народность содержитъ въ себѣ разнообразныя элементы, и членами государства могутъ быть люди разныхъ исповѣданій. Поэтому, рядомъ съ господствующею церковью допускаются церкви признанныя и терпимыя. Обѣ послѣднія системы могутъ существовать и безъ господствующей церкви. Признанныя церкви суть тѣ, которыя одинаково подчиняются общему закону и получаютъ значеніе государственныхъ корпорацій, терпимыя тѣ, которыя разсматриваются просто какъ свободныя товарищества, пользующіяся правомъ свободного отправленія своего богослуженія.

Идеальное устройство состоитъ въ сочетаніи всѣхъ трехъ системъ. Живая историческая связь между народностью и церковью составляетъ такое высокое благо, что по своей идеѣ, система господствующей церкви несомнѣнно имѣетъ преимущество передъ всѣми другими. Однако, тутъ есть опасность двоякаго рода. Первая состоитъ въ нетерпимости. Господствующая церковь старается не допустить чужого соперничества, а черезъ это она становится притѣснительною; права совѣсти нарушаются. Съ тѣмъ вмѣстѣ, покоясь на своихъ привилегіяхъ, она сама погружается въ рутину и охотнѣе дѣйствуетъ внѣшними средствами, нежели нравственнымъ вліяніемъ. Только полная свобода вѣроисповѣданій, ограждая права совѣсти и возбуждая соревнованіе, можетъ противодѣйствовать этому злу. Съ другой стороны, эта тѣсная связь церкви съ государственною жизнью можетъ вести къ тому, что церковь подчиняется государству. Этой опасности особенно подвержены тѣ церкви, которыя не имѣютъ внѣшняго, независимаго главы, могущаго дать имъ опору противъ притязаній государственной власти. Между тѣмъ, церковь есть самостоятельный союзъ, который требуетъ независимости. Только при этомъ условіи она можетъ исполнять свое высокое призваніе и сохранить свой нравственный авторитетъ надъ паствою. Подчиняясь государству, церковь становится орудіемъ практическихъ цѣлей, а это умаляетъ ея достоинство и низво-

дить религію въ низменную сферу, въ которой она неспособна удовлетворять потребностямъ возвышенныхъ душъ. Противъ этого зла существуетъ только одно лѣкарство: признаніе начала свободы въ самой государственной жизни. Свободная церковь можетъ существовать только въ свободномъ государствѣ. Это изреченіе Кавура должно быть лозунгомъ всѣхъ защитниковъ независимости церковнаго союза.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію основаній и устройства государственнаго союза.

ГЛАВА V.

Г о с у д а р с т в о .

Государство есть союзъ людей, образующій единое, постоянное и самостоятельное цѣлое. Въ немъ идея человѣческаго общества достигаетъ высшаго своего развитія. Противоположные элементы общежитія, право и нравственность, которые въ предшествующихъ союзахъ, въ гражданскомъ обществѣ и въ церкви, выражаются въ односторонней формѣ, сводятся здѣсь къ высшему единству, взаимно опредѣляя другъ друга: въ юридическихъ установленіяхъ осуществляются общія цѣли, господствующія надъ частными, что и даетъ имъ нравственное значеніе. Въ государствѣ находятъ свое выраженіе и физиологическій элементъ общежитія, не въ видѣ преходящаго семейства, а какъ постоянно пребывающая народность, которая физиологическую связь возводитъ къ высшимъ духовнымъ началамъ. Такимъ образомъ, всѣ элементы человѣческаго общежитія сочетаются здѣсь въ союзѣ, господствующемъ надъ остальными. Поэтому Гегель видѣлъ въ государствѣ полное осуществленіе нравственной идеи. По его опредѣленію, это— „нравственный духъ, какъ вполне раскрывающаяся, сама себѣ явная, существенная воля, которая себя мыслить и знаетъ, и то, что она знаетъ и насколько она знаетъ, исполняетъ на дѣлѣ“ (Phil. d. 12, § 257).

Въ силу этой идеи, государство является верховнымъ

союзомъ на землѣ; ему, поэтому, присвоивается верховная власть. Во всякомъ разумно устроенномъ человѣческомъ обществѣ такая власть необходима, ибо безъ нея невозможно соглашеніе разнообразныхъ его элементовъ: надобно, чтобы кто-нибудь разрѣшалъ возникающія между ними столкновения. Но она не можетъ принадлежать ни гражданскому обществу, которое есть собраніе дробныхъ силъ, ни церкви, которая принудительной власти не имѣетъ; она можетъ принадлежать только государству, которое сочетаетъ въ себѣ оба элемента, юридической и нравственный. Поэтому государство вкратцѣ можетъ быть опредѣлено, какъ союзъ людей, образующихъ единое цѣлое, управляемое верховною властью.

Все это, очевидно, опредѣленія метафизическія. Единство государства, обнимающее не только многіе милліоны существующихъ людей, но и отдаленныя поколѣнія, есть начало не физическое, а духовное. Тутъ связь чисто метафизическая, и та реальная власть, которая проводитъ свои рѣшенія въ дѣйствительномъ мірѣ, дѣйствуетъ во имя этого метафизическаго начала, составляющаго единственное ея основаніе: она является представительницей идеальнаго цѣлаго. Поэтому тѣ, которые отвергаютъ метафизику, не въ состояніи ничего понять въ государствѣ. Но они не могутъ и отрицать его, ибо это—міровой фактъ, подъ которымъ люди жили и живутъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ исторія. Тѣ, которые его отвергаютъ, сами принуждены его возстановить въ видѣ какого-то призрачнаго общества, владычествующаго надъ членами, ибо безъ такого господствующаго единства нѣтъ сколько-нибудь правильнаго человѣческаго общежитія. Какъ скоро понятіе о государствѣ затмѣвается, какъ было въ средніе вѣка, такъ водворяется господство частныхъ силъ, которыя его замѣняютъ. Недостаточно ссылаться и на практическія потребности. Именно практика ведетъ къ признанію метафизическихъ началъ, безъ которыхъ человѣкъ, какъ духовное существо, не можетъ обойтись.

Изъ того, что государство есть верховный человѣческій союзъ, не слѣдуетъ однако, что оно упраздняетъ остальные. Оно призвано надъ ними господствовать, но не замѣнять ихъ. Каждый изъ предшествующихъ союзовъ отвѣчаетъ существеннымъ, постояннымъ и неотъемлемымъ потребностямъ человѣка; каждый изъ нихъ выражаетъ извѣстную сторону человѣческой жизни, а потому всѣ они сохраняютъ относительную самостоятельность, подчиняясь верховной власти государства, но отнюдь не поглощаясь имъ. Относительно семейства это само собою ясно. Семьи остаются въ государствѣ, какъ самостоятельныя частныя союзы, управляемыя семейнымъ правомъ. Послѣднее зиждется не на государственныхъ требованiяхъ, а на природѣ семейнаго союза и на вытекающихъ изъ него отношенiяхъ. Тоже самое относится и къ церкви. Она имѣетъ свои самостоятельныя начала, совершенно независимыя отъ государственныхъ. Государство не въ правѣ вмѣшиваться во внутреннiе ея распорядки; какъ верховный союзъ, оно можетъ только регулировать внѣшнее ея положенiе въ обществѣ. Ясно, что тоже самое относится и къ гражданскому обществу. Послѣднее, какъ мы видѣли, есть также самостоятельный союзъ, подчиняющiйся государству, но существенно отъ него отличный и управляемый своими собственными началами частнаго права. А потому оно никакъ не можетъ разсматриваться какъ часть государства, подлежащая опредѣленiямъ публичнаго права, исходящимъ изъ государственныхъ требованiй. Это повело бы къ уничтоженiю частной свободы человѣка, то-есть именно того, что составляетъ самый корень свободы.

Но если государство воздвигается, какъ владычествующiй союзъ, надъ всѣми остальными, то, спрашивается, въ чемъ же состоятъ ихъ взаимныя отношенiя? Гдѣ границы его дѣятельности и чѣмъ обезпечивается самостоятельность подчиненныхъ союзовъ?

Теоретически эти границы опредѣляются тою сферою дѣятельности, которая, по идеѣ, принадлежитъ государ-

ству. Прежде всего, какъ союзъ юридическій, оно призвано устанавливать и охранять нормы права. Мы видѣли, что существеннѣйшая сторона права состоитъ въ установленіи общихъ обязательныхъ нормъ, одинакихъ для всѣхъ. Такая задача очевидно можетъ быть только дѣломъ власти, возвышающейся надъ всѣми частными лицами и установленіями, то-есть государства. Оно же призвано охранять эти нормы отъ нарушенія. Первое совершается законодательствомъ, второе судомъ.

Но задачи государства не ограничиваются охраненіемъ права. Этимъ оно становилось бы только въ служебное отношеніе къ гражданскому обществу. Въ качествѣ союза, представляющаго собою общество, какъ единое цѣлое, оно призвано осуществлять всѣ тѣ цѣли, которыя составляютъ совокупный интересъ этого цѣлаго. Сюда относятся, прежде всего, внѣшняя и внутренняя безопасность. Государству принадлежит распоряженіе общественными силами, организованными для удовлетворенія этой потребности. На этотъ счетъ нѣтъ спора. Но кромѣ того, оно призвано удовлетворять и всѣмъ матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ общества, насколько они касаются цѣлаго и требуютъ совокупной организации. Это составляетъ задачу гражданскаго управленія. Въ этой области государство приходитъ въ столкновеніе съ правами и интересами отдельныхъ лицъ и частныхъ союзовъ, а потому относительно объема и границъ его дѣятельности возникаютъ самыя горячія пренія.

Тутъ обнаруживаются два крайнихъ мнѣнія, равно несостоятельныхъ. Одни хотятъ ограничить дѣятельность государства охраненіемъ права, утверждая, что только при этомъ условіи возможно свободное развитіе лица и общества. Другіе, напротивъ, доказываютъ, что тутъ никакихъ границъ положить нельзя, что это совершенно напрасная задача, а потому они частную дѣятельность всецѣло подчиняютъ государственной власти, утверждая, что единственно отъ нея усмотрѣнія, въ видахъ практической поль-

зы, зависитъ предоставленіе членамъ общества большаго или меньшаго простора въ преслѣдованіи ихъ частныхъ цѣлей. Послѣдняя односторонность есть нынѣ господствующая. Нельзя, однако, не сказать, что она несравненно хуже той, которую она смѣнила. Если излишнее стѣсненіе государственной дѣятельности можетъ вредно отозваться на общественныхъ отношеніяхъ, то она, во всякомъ случаѣ, оставляетъ полный просторъ свободному развитію общества, тогда какъ всеохватывающая регламентація частной дѣятельности ведетъ къ полному подавленію свободы, слѣдовательно, подрываетъ въ самомъ корнѣ главный источникъ общественнаго преуспѣянія. При низкомъ состояніи общества, государственная опека, сдержанная въ разумныхъ предѣлахъ, можетъ принести нѣкоторую, иногда даже весьма существенную пользу; но высшее развитіе возможно только путемъ свободы и самодѣятельности.

Тѣ доводы, на которые опираются защитники этого возрѣнія, не выдерживаютъ критики. Изъ того, что нельзя положить точныхъ границъ государственной дѣятельности, вовсе не слѣдуетъ, что она должна простирается на все. Тамъ, гдѣ есть два начала, находящіяся во взаимодѣйствіи и измѣняющіяся по мѣсту и времени, граница всегда будетъ подвижная. Но это не значитъ, что одно начало должно быть всецѣло подчинено другому. Оба существуютъ и должны быть уважены, хотя бы ихъ взаимная граница подвергалась колебаніямъ. Для опредѣленія этихъ взаимныхъ отношеній недостаточно и чисто практическихъ соображеній, вытекающихъ изъ мѣстныхъ и временныхъ условий. Для того, чтобы опредѣлить относительную пользу тѣхъ или другихъ установленій, нужно имѣть какое-нибудь мѣрило, а это мѣрило дается только самымъ существомъ проявляющихся въ нихъ началъ и вытекающими изъ нихъ требованіями; мѣстные и временныя условія дѣйствуютъ только какъ видоизмѣняющія причины.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ твердо стоять на томъ, что основное начало всей частной дѣятельности есть сво-

бода. Государству принадлежит здѣсь только охраненіе общаго для всѣхъ права. Поэтому вся промышленность и всѣ духовные интересы, наука, искусство, религія, должны, въ принципѣ, быть предоставлены свободной дѣятельности лицъ. Въ этомъ отношеніи индивидуалистическая теорія несомнѣнно права. Но самое развитіе этихъ интересовъ ведетъ къ потребности совокупныхъ учреждений, которыя должны состоять въ вѣдѣніи государства. Таковы въ промышленной области монетная система, пути сообщенія, въ сферѣ духовныхъ интересовъ учрежденія народнаго просвѣщенія. Нѣкоторыя изъ этихъ учреждений, по существу своему, имѣютъ монопольный характеръ, а потому свобода тутъ вовсе не допустима; въ другихъ, напротивъ, рядомъ съ общественными учреждениями, удовлетворяющими общей потребности, могутъ быть допущены и частныя. Первые даже совершенно излишни тамъ, гдѣ общественная потребность вполнѣ удовлетворяется послѣдними. Только за ихъ недостаткомъ государство должно брать дѣло въ свои руки. Очевидно, что тутъ вопросъ ставится на практическую почву. Вмѣшательство государства можетъ быть больше или меньше, смотря по большому или меньшему развитію самодѣятельности гражданъ. Но эти видоизмѣненія не уничтожаютъ кореннаго начала, въ силу котораго государство беретъ на себя только тѣ учрежденія, которыя имѣютъ всеобщій характеръ. Это должно оставаться руководящимъ правиломъ государственной дѣятельности, хотя бы на практикѣ приходилось уклоняться въ ту или другую сторону, смотря по мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ *).

Какая же, однако, есть гарантія, что государство не преступитъ законныхъ предѣловъ своей дѣятельности и не станетъ вторгаться въ область частныхъ отношеній? Какъ верховный союзъ оно не подлежитъ принужденію, а напро-

*) Подробное изслѣдованіе этихъ отношеній см. въ моихъ сочиненіяхъ *Курсъ Государственной науки и Собственность и Государство*.

тивъ, можетъ принуждать всѣхъ, кто входитъ въ кругъ его дѣйствія. Очевидно, гарантія можетъ заключаться только въ самомъ устройствѣ государственнаго союза.

Мы видѣли, что существенные элементы всякаго союза суть власть, законъ, свобода и цѣль. Государственная цѣль, въ силу сказаннаго, опредѣляется какъ совокупность всѣхъ человѣческихъ цѣлей, насколько онѣ касаются союза, какъ единого цѣлаго. Для осуществленія этой цѣли устанавливается система властей, или учреждений, которыя имѣютъ каждая свой опредѣленный кругъ дѣйствія и которымъ подчиняются члены союза. Эти отношенія власти и подчиненія устроятся закономъ, который опредѣляетъ вѣдомство и предѣлы власти каждаго облеченнаго ею лица, а равно и обязанности гражданъ. Законъ есть связующее начало государственнаго союза. Отсюда высокое его значеніе, не только юридическое, но и нравственное. Имъ устанавливается, съ одной стороны, правомѣрное господство общаго интереса надъ частными, что составляетъ вмѣстѣ и требованіе нравственности, а съ другой стороны, имъ же ограждается свобода лица, что составляетъ столь же непереложное требованіе какъ права, такъ и нравственнаго закона. Въ законѣ такимъ образомъ выражается нравственная сторона государственнаго союза. Государство настолько носить въ себѣ сознаніе нравственныхъ началъ, насколько оно управляется закономъ, и настолько уклоняется отъ нравственныхъ требованій, насколько въ немъ предоставляется простора произволу.

Форма права, которая выражается въ государственномъ законѣ, есть право публичное. Имъ опредѣляются не отношенія свободныхъ лицъ другъ къ другу, а отношенія членовъ къ цѣлому. Поэтому здѣсь законъ не можетъ быть одинъ для всѣхъ. Права властей и права подчиненныхъ не одни и тѣже. Здѣсь господствуютъ начала не правды уравнивающей, а правды распредѣляющей, которая воздастъ каждому то, что ему принадлежитъ, сообразно съ его значеніемъ и призваніемъ въ общемъ союзѣ. Но именно по-

тому эти опредѣленія касаются лицъ единственно какъ членовъ и представителей цѣлаго, а не въ ихъ частныхъ отношеніяхъ. Одно и тоже лице можетъ быть членомъ разныхъ союзовъ: оно является заразъ и отцомъ семейства, и промышленникомъ, вступающимъ въ торговые обороты, и вѣрующимъ, находящимся въ единеніи съ церковью, и, наконецъ, гражданиномъ государства. И въ качествѣ послѣдняго оно можетъ быть либо простымъ членомъ, либо представителемъ цѣлаго, облеченнымъ властью. Въ первомъ случаѣ права его вытекаютъ изъ свободы, во второмъ случаѣ они опредѣляются тою общественною цѣлью, которую оно призвано исполнять.

Самая свобода въ государствѣ получаетъ особый характеръ. Это—свобода не частная, а общественная. Вслѣдствіе этого она подчиняется опредѣленіямъ не гражданскаго, а публичнаго права. Это различіе въ высшей степени важно. Какъ уже было замѣчено выше, человѣкъ, становясь членомъ высшаго союза, располагаетъ не только своими собственными дѣйствіями и имуществомъ, а отчасти и судьбою другихъ. Онъ дѣлается участникомъ общихъ рѣшеній, касающихся всѣхъ. И это участіе составляетъ неотъемлемую принадлежность его свободы, какъ члена союза, ибо общія рѣшенія касаются и его самого. Отсюда двоякая форма свободы: частная, состоящая въ правѣ располагать собою и своимъ имуществомъ, и общественная, состоящая въ правѣ участвовать въ общихъ рѣшеніяхъ. Нерѣдко первая приносится въ жертву послѣдней. Въ древнемъ мірѣ свобода существенно состояла въ правѣ гражданина участвовать въ общихъ дѣлахъ; лице всецѣло принадлежало государству, въ которомъ оно находило высшее свое призваніе. Но именно поэтому свобода древнихъ республикъ, послѣ мимолетнаго блеска, окончательно рушилась. Въ новомъ мірѣ отношеніе совершенно обратное: здѣсь общественная свобода покоится на широкомъ основаніи личной свободы, а потому имѣетъ несравненно болѣе прочности. Истинный корень свободы заключается въ личномъ правѣ; общественное право

служить ему только гарантiей и восполненiемъ. Въ этомъ выражается то отношенiе государства къ гражданскому обществу, которое было изложено выше. Гражданское общество есть настоящее попрiще человѣческой свободы. Государство воздвигается надъ нимъ, какъ высшiй союзъ, но оно въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои корни и изъ него черпаетъ свои силы. Гдѣ нѣтъ широкой свободы гражданской, тамъ политическая свобода всегда будетъ висѣть на воздухѣ. Отсюда высокая важность преобразованiй, устанавливающихъ всеобщую гражданскую свободу въ странѣ. Отсюда, наоборотъ, совершенная превратность теорiй, стремящихся замѣнить личную свободу общественною. Таково было ученiе Руссо. Основное его положенiе состояло въ томъ, что человѣкъ, вступая въ общественный союзъ, отрывается отъ всѣхъ своихъ личныхъ правъ и получаетъ ихъ обратно, какъ участникъ въ общихъ рѣшенiяхъ. Изъ этого вытекаютъ послѣдствiя, которыя дѣлаютъ всякое рѣшенiе невозможнымъ, ибо надобно было оградить меньшинство отъ тирании большинства, а какъ это сдѣлать тамъ, гдѣ всѣ равно участвуютъ въ совокупномъ рѣшенiи? Приходилось окончательно прибѣгнуть къ законодателю, который выдавалъ бы себя за провозвѣстника воли боговъ *). Столь же превратны и ученiя социалистовъ, которые совершенно подавляютъ свободу въ частной жизни, замѣняя ее безграничнымъ владычествомъ толпы. По теорiи Родбертуса, народъ является въ видѣ восточнаго деспота, обладающаго безусловною властью надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ. Отъ свободы не остается тутъ даже и тѣни; вмѣсто нея водворяется самый невыносимый деспотизмъ, какой только мыслимъ въ человѣческихъ обществахъ, деспотизмъ массы, охватывающiй человѣка всецѣло, вторгающiйся въ его частную жизнь, располагающiй произвольно всѣмъ его достоянiемъ и не дающiй ему дохнуть. Такой порядокъ не могъ бы продержаться даже одного дня; а именно къ этому

*) См. „Исторiю политическихъ ученiй“ ч. III, стр. 126.

неизбѣжно ведутъ всѣ тѣ теоріи, которыя хотятъ промышленныя отношенія регулировать нормами не частнаго, а публичнаго права.

Но если общественная свобода можетъ покоиться только на прочномъ основаніи свободы личной, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ пренебрегать и первою. Безъ общественной свободы, личная, съ своей стороны, лишена гарантіи. Гдѣ нѣтъ свободы въ союзѣ господствующемъ, тамъ свобода въ подчиненныхъ союзахъ подвергается всѣмъ злоупотребленіямъ произвола. Эти двѣ области, частная и государственная, находятся въ постоянномъ живомъ взаимнолѣйствіи, а потому онѣ должны управляться одинаковыми началами. Каждому гражданскому порядку соответствуетъ свой порядокъ политическій. Гдѣ этого согласія нѣтъ, тамъ неизбѣжны непрерывныя столкновенія и смуты.

Общественная свобода служить не только гарантіей, но и восполненіемъ свободы личной. Въ ней человѣкъ находитъ высшее употребленіе своихъ силъ и способностей; въ этомъ состоитъ и высшее его призваніе, какъ члена верховнаго союза. Поэтому общественная свобода составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго общества, стоящаго на сколько-нибудь высокой степени развитія. Весь вопросъ заключается въ томъ, какъ ее организовать? Ибо общественная свобода, какъ и всякая другая, имѣетъ свою оборотную сторону; съ свободою добра неразрывно связана свобода зла. Отъ состоянія общества зависитъ, насколько оно способно ею пользоваться. А такъ какъ это—дѣло общее, касающееся всѣхъ, то оно не можетъ быть рѣшено частными стремленіями отдѣльныхъ лицъ. Только ясное сознание цѣли и средствъ, разлитое въ руководящихъ сферахъ правительства и общества, можетъ имѣть тутъ рѣшающій голосъ.

И въ этой области свобода имѣетъ двоякій характеръ: съ одной стороны, она служитъ гарантіей личнаго права, съ другой стороны, она даетъ лицу участіе въ общихъ дѣлахъ. Эти двѣ стороны не совпадаютъ. Гарантіей личнаго права

служать постановленія закона, ограничивающія дѣйствія властей, и установленіе независимаго суда, ихъ охраняющаго. Къ этой категоріи относятся не только неприкосновенность лица, дома и имущества, иначе, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ и съ исполненіемъ опредѣленныхъ формальностей, но и огражденіе свободы совѣсти и мысли. Послѣдняя въ особенности получаетъ политическій характеръ, когда она состоитъ въ правѣ выражать свое мнѣніе объ общественныхъ дѣлахъ въ печати и въ собраніяхъ. Такое право составляетъ неотъемлемую принадлежность политической свободы, но оно можетъ сдѣлаться самымъ могущественнымъ орудіемъ политической агитаціи, а потому тутъ требуется огражденіе, съ одной стороны, личнаго права, съ другой стороны, общественнаго порядка. Постановленія закона въ этой области тѣмъ необходимѣе, что общественная мысль выражается здѣсь не въ организованныхъ учрежденіяхъ, а совершенно случайно, по личному внушенію каждаго. Это — бродячая и волнующаяся стихія, необходимая для свободнаго общенія мысли, но которая можетъ представлять значительныя опасности, особенно если рядомъ съ нею не стоятъ организованныя учрежденія, способныя вліять на общественное мнѣніе и ввести его въ правильную колею.

Въ такого рода учрежденіяхъ осуществляется закономѣрное участіе гражданъ въ общихъ рѣшеніяхъ. Оно можетъ быть больше или меньше. Оно можетъ ограничиваться низшими, мѣстными учрежденіями, или простираться на самую верховную власть. Для массы оно состоитъ главнымъ образомъ въ правѣ избирать своихъ представителей, которые, соединяясь въ собраніяхъ, рѣшаютъ общія дѣла. Поэтому важнѣйшее значеніе имѣетъ здѣсь выборное право, котораго устройство можетъ быть весьма разнообразно. Законы, опредѣляющіе личныя права гражданъ, одни для всѣхъ. Они устанавливаютъ только форму, въ которой право должно проявляться, и ограниченія, которымъ оно подвергается; затѣмъ всякій можетъ пользоваться имъ, какъ ему

угодно. Въ выборномъ правѣ, напротивъ, кромѣ свободы, требуется *способность*, ибо участіе въ общихъ рѣшеніяхъ, касающихся всѣхъ, должно быть предоставлено только способнымъ лицамъ. Способность же можетъ быть весьма разнообразна, и еще разнообразнѣе тѣ признаки, по которымъ можно о ней судить. Для мѣстныхъ дѣлъ, близкихъ и знакомыхъ всѣмъ, очевидно требуется меньшая способность, нежели для обсуждения общихъ государственныхъ вопросовъ. Поэтому тамъ, гдѣ допускается участіе гражданъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, можетъ не допускаться участіе ихъ въ дѣлахъ политическихъ. Во всякомъ случаѣ, способность есть ограниченіе свободы, а потому здѣсь возникаетъ вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ началъ.

Сущность вопроса заключается въ томъ: есть ли участіе въ общихъ рѣшеніяхъ право, которое даруется государствомъ въ видахъ общественной пользы, или оно вытекаетъ изъ свободы лица, какъ полноправнаго члена общества? Если человекъ вступаетъ въ общество какъ свободное лицо, то нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ связано и право участвовать въ рѣшеніяхъ, которыя касаются всѣхъ; но такъ какъ для этого требуется способность, то для пользованія правомъ могутъ быть постановлены извѣстныя условія, опредѣляющія эту способность. Такимъ образомъ, источникъ публичнаго права, также какъ и частнаго, есть свобода; но способность является здѣсь ограничительнымъ началомъ. Отсюда слѣдуетъ, что, по идеѣ, условія способности должны быть опредѣлены одинакія для всѣхъ, ибо всѣ граждане равно суть члены государства. Эти условія относятся не къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя теряются въ массѣ, а къ цѣлымъ разрядамъ или классамъ, которые одни играютъ роль въ политическихъ обществахъ. Условія могутъ быть болѣе или менѣе высокія, но они должны быть всѣмъ доступны, а потому должны имѣть совершенно общій характеръ. Таково теоретически правильное положеніе для выборнаго права массы, независимо отъ историческихъ условій, видоизмѣняющихъ эти отношенія. Но это не мѣ-

шаетъ государству даровать высшія права извѣстнымъ категоріямъ лицъ во имя общественной пользы. Это составляетъ неотъемлемое его право.

На этомъ основано различіе аристократическихъ и демократическихъ элементовъ въ политической жизни. Мы видѣли, что это различіе коренится въ самомъ общественномъ строѣ. Оно неизбежно проявляется и въ политической области, какъ скоро общество призывается къ участию въ государственныхъ дѣлахъ. Здѣсь оно даже усиливается, ибо оно получаетъ юридическую организацію и связывается съ государственными интересами. Основное требованіе состоитъ въ томъ, чтобы владычествовали образованные классы, которые одни обладаютъ способностью ясно понимать и обсуждать политическіе вопросы; а такъ какъ образованные классы суть, вообще, зажиточные классы, и соединеніе достатка съ образованіемъ составляетъ высшую гарантію привязанности къ общественному порядку, то установленіе извѣстнаго имущественнаго ценза составляетъ совершенно рациональное требованіе политическаго устройства. Если этотъ цензъ достаточно низокъ, онъ можетъ вмѣщать въ себѣ всѣ демократическіе элементы, имѣющіе вѣсъ и значеніе. Но чистая демократія противорѣчитъ этому требованію. Она является полнымъ отрицаніемъ начала способности, а потому никогда не можетъ быть идеаломъ политическаго устройства. Однако, такъ какъ масса заключаетъ въ себѣ значительнѣйшую часть гражданъ, которыхъ существенные интересы связаны съ вопросами, рѣшаемыми законодательствомъ, то нельзя ей отказать въ правѣ голоса, особенно когда въ ней пробуждается политическая жизнь. Надобно только, чтобы участіе ея не было преобладающимъ. Это достигается различными сочетаніями ценза, которыя даютъ каждому элементу подобающее ему мѣсто въ общемъ устройствѣ.

Но цензомъ, въ одной или въ нѣсколькихъ степеняхъ, не ограничиваются условія способности. Онъ служитъ регуляторомъ демократическихъ элементовъ государственной

жизни; для аристократических же элементов требуется иное. И они вырабатываются общественною жизнью; но въ политической сферѣ къ этому присоединяются идущія отъ поколѣнія къ поколѣнію преданія и привычка къ государственнымъ дѣламъ. На этомъ зиждется сила наследственной аристократіи. Тамъ, гдѣ она создалась исторіей, она составляетъ весьма важный элементъ политическаго порядка. Но для того, чтобы выдвинулся такой разрядъ людей, необходимо постоянное, идущее изъ рода въ родъ участіе его въ верховной власти. Безъ этого условія онъ теряетъ свое государственное значеніе. Политическая аристократія не есть сословіе, то-есть, извѣстный классъ людей, пользующихся особыми правами и привилегированнымъ положеніемъ въ обществѣ. Политическую аристократію составляютъ лица, которыя по собственному праву являются членами собранія, облеченнаго долею верховной власти. Сословный порядокъ представляетъ, какъ мы видѣли, извѣстную ступень развитія гражданскаго общества, которая окончательно уступаетъ мѣсто общегражданскому строю. Политическая аристократія, напротивъ, вызывается потребностями государства и можетъ сохраняться тамъ, гдѣ сословный порядокъ исчезъ. Однако и тутъ она держится только собственной, внутреннею крѣпостью; законъ не властенъ ее создать, ибо это—не листъ бѣлой бумаги, на которомъ можно писать что угодно: это—живая общественная сила, которая существуетъ только тамъ, гдѣ она имѣетъ глубокіе корни въ прошломъ и нравственный авторитетъ въ настоящемъ. Аристократію нельзя вызвать къ жизни по произволу; она вырабатывается исторією.

Для выясненія этихъ отношеній необходимо разсмотрѣть самое строеніе государства и, прежде всего, устройство верховной власти, какъ владычествующаго въ немъ элемента.

Мы видѣли, что верховная власть составляетъ неотъемлемую принадлежность государства. Во всякомъ обществѣ нужна власть, охраняющая порядокъ и разрѣшающая столк-

новенія. Если властей много, то и онѣ могутъ постоянно приходиться въ столкновеніе, а потому и надъ ними должна стоять высшая, сдерживающая ихъ власть. Если послѣдняя не подчиняется никому, то она будетъ верховною; если же она, въ свою очередь, подчиняется другой, то послѣдняя будетъ верховною. Какъ бы высоко мы ни восходили, какая-нибудь вѣрховная власть должна существовать; безъ этого общественный порядокъ не мыслимъ. По существу своему, эта власть должна быть едина и облечена принудительною силою, а таковою является только власть государственная, ибо государство есть общество, какъ единое и самостоятельное цѣлое. Но именно потому она простирается только на область внѣшней свободы, которая одна подлежитъ принужденію. На сферу нравственныхъ дѣйствій она не распространяется, ибо они, по существу своему, свободны, Здѣсь можно дѣйствовать только нравственными путями; всякое стѣсненіе совѣсти есть ничѣмъ не оправданное притѣсненіе. Власть, которая вторгается въ эту область, преступаетъ предѣлы своего права. Въ гражданскихъ же отношеніяхъ она безгранична; иначе она не была бы верховною.

Это не значить, однако, что она всецѣло должна принадлежать одному лицу. Единая, по существу своему, государственная власть можетъ распредѣляться между разными лицами; но тогда надобно установить порядокъ ихъ соглашенія. Въ аристократіяхъ и демократіяхъ выраженіемъ верховной воли считается рѣшеніе тѣмъ или другимъ способомъ опредѣляемаго большинства. Въ смѣшанныхъ правленіяхъ верховная власть распредѣляется между разными органами, что не мѣшаетъ идеальному ея единству, ибо только совокупное ихъ рѣшеніе представляетъ верховную волю государства, и въ этомъ совокупномъ рѣшеніи выражается такое же полномасшіе, какъ и въ постановленіяхъ единичнаго лица или единаго собранія. Формы власти могутъ быть разныя, но существо ея всегда одно и тоже: она облечена полномасшіемъ въ гражданской области. Въ этомъ

состоит истина положенія Руссо, который, въ противоположность индивидуалистической школь, утверждалъ, что, вступая въ общество, человѣкъ отрывается отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и сдаетъ ихъ цѣлому, съ тѣмъ, чтобы получить ихъ обратно въ видѣ правъ гражданскихъ.

Кому же принадлежитъ это полновластіе?

По идеѣ, очевидно, цѣлому надъ членами. Въ государствѣ человѣкъ подчиняется не чужой волѣ, которая для него не обязательна, а высшему порядку, властвующему надъ нимъ во имя разумныхъ началъ человѣческаго общежитія. Однако, этотъ высшій порядокъ является безличнымъ. Государство есть идеальное, или юридическое лице, которое собственной мысли и воли не имѣетъ. Эта воля можетъ выражаться только черезъ физическія лица, которыя являются ея органами. Имъ поэтому присваивается реальная верховная власть, какъ представителямъ идеальнаго цѣлаго. Таковы понятія и отношенія, которыя господствуютъ во всѣхъ государствахъ въ мірѣ и которыми всѣ они держатся.

Кто же можетъ быть органомъ этой идеальной власти? Казалось бы всего естественнѣе, что въ союзѣ лицъ, соединяющихся для общихъ цѣлей, верховная власть должна принадлежать совокупности этихъ лицъ. На этомъ основано ученіе о народовластіи, которое признаетъ, что верховная власть въ государствѣ неотъемлемо принадлежитъ народу, и онъ всегда можетъ располагать ею по своему усмотрѣнію. Но такой взглядъ противорѣчитъ истинной природѣ государства. Оно уподобляется простому товариществу, между тѣмъ какъ оно имѣетъ совершенно иной характеръ и иное значеніе. Въ товариществѣ нѣтъ верховной власти, а есть только соглашенія, въ которыя лица вступаютъ добровольно. Кто не хочетъ подчиняться общему рѣшенію, тотъ изъ товарищества выходитъ. Государство же представляетъ не простое собраніе лицъ, а организованное цѣлое, облеченное полновластіемъ надъ членами. Связью этого цѣлаго служитъ законъ, устанавлиющій отношеніе власти и подчи-

ненія во имя общаго блага. Закономъ устанавливаются и самыя органы власти, которые могутъ имѣть разнообразное строеніе. Безъ сомнѣнія, носителемъ верховной власти можетъ быть и совокупность гражданъ; таково начало демократіи. Но это отнюдь не единственная правомѣрная и даже не высшая форма государственнаго устройства. Если руководящимъ началомъ въ устройеніи верховной власти должна быть самая идея государства, то этой идеѣ не соотвѣтствуетъ предоставленіе верховной власти большинству, то-есть, наименѣе образованной части общества. Здѣсь совершенно устраняется начало способности, между тѣмъ какъ оно въ устройствѣ власти должно имѣть преобладающее значеніе, ибо быть представителемъ цѣлаго и управлять его дѣйствіями есть высшее общественное призваніе, для исполненія котораго требуется и высшая способность. Поэтому другіе образы правленія имѣютъ такое же и даже большее право на признаніе. Если же нельзя считать демократію единственнымъ правомѣрнымъ государственнымъ устройствомъ, то ученіе о народовластіи теряетъ всякую почву. Невозможно утверждать, что верховная власть всегда принадлежитъ народу, когда въ дѣйствительности она присвоивается совершенно инымъ органамъ. Народовластіе остается идеей безъ приложенія.

Такимъ образомъ, присвоеніе верховной власти тѣмъ или другимъ лицамъ, какъ представителямъ государства, есть вопросъ не философскаго, а положительнаго права. Рѣшеніе его зависитъ отъ реальныхъ условій государственной жизни. По идеѣ, требуется высшая способность, но въ дѣйствительности эта способность можетъ принадлежать тѣмъ или другимъ общественнымъ элементамъ, которые исторіею поставляются во главѣ государства. Тутъ могутъ быть разныя сочетанія, которыхъ выгоды и невыгоды опредѣляются практическою политикой. Съ чисто юридической точки зрѣнія надобно сказать, что верховная власть въ государствѣ принадлежитъ тому, кому она присвоивается положительнымъ закономъ. Какъ всякое положительное уста-

новленіе, она подвержена измѣненіямъ и колебаніямъ, которыя вызываются жизненнымъ процессомъ. Законная власть можетъ быть ниспровергнута, но на мѣсто ея воздвигается новая, которая, когда получаетъ признаніе и успѣваетъ утвердиться, пріобрѣтаетъ такой же законный титулъ, какъ и прежняя. Въ области публичнаго права отвлеченное начало законности, помимо фактическаго его осуществленія, теряетъ всякое значеніе. Права присвоиваются лицамъ, единственно какъ представителямъ цѣлаго; какъ скоро они перестали быть таковыми, такъ и самое право ихъ прекращается.

Все это вопросы чисто юридическіе, которые поэтому принадлежатъ къ области государственнаго права. Съ философской же точки зрѣнія задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какого рода устройство верховной власти соотвѣтствуетъ идеѣ государства?

Тутъ надобно принять въ соображеніе, какъ самую идею, такъ и ея осуществленіе. Прилагаясь къ жизни, идея сталкивается съ разнообразными и измѣнчивыми потребностями человѣческихъ обществъ, которыя вызываютъ развитіе той или другой ея стороны. Она приходитъ въ соприкосновеніе и съ другими союзами, которые нерѣдко налагаютъ на нее свою печать. Изъ послѣдняго рода отношеній возникаютъ политическія формы, въ которыхъ собственно государственныя начала принимаютъ чуждый имъ обликъ и подчиняются началамъ, господствующимъ въ другихъ союзахъ. Эти формы можно назвать негосударственными. Такъ, изъ подчиненія государства патріархальному строю, рождается патріархія. Изъ поглощенія его гражданскимъ обществомъ возникаютъ двоякаго рода союзы, основанные на двухъ коренныхъ формахъ гражданскаго права, на собственности и договорѣ: на первой строится вотчина, на второмъ—вольная община. Наконецъ, подчиненіе государства церкви ведетъ къ теократіи. Всѣ эти союзы, находясь въ противорѣчій съ идеею государства, которая составляетъ руководящее начало въ развитіи человѣческихъ обществъ, имѣютъ преходящее значеніе.

Но и самое развитие идеи государства подвергается видоизмѣненіямъ, смотря по мѣстнымъ и временнымъ потребностямъ, которымъ она отвѣчаетъ. Полное осуществленіе идеи въ дѣйствительной жизни не состоитъ въ исключительномъ развитіи какой-либо одной формы, представляющей идеаломъ, а въ изложеніи всей полноты содержания, то-есть, въ осуществленіи всѣхъ вытекающихъ изъ нея формъ, которыя находятъ свое приложеніе, смотря по мѣстнымъ и временнымъ условіямъ, вызывающимъ преобладаніе того или другого начала.

Совокупность этихъ формъ дается намъ самыми основными элементами государственнаго союза. Эти элементы суть, какъ мы знаемъ, власть, законъ, свобода и цѣль, которая и состоитъ въ осуществленіи идеи. Съ своей стороны, общество, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ элементы двоякаго рода: аристократическіе и демократическіе. Первые представляютъ собою преимущественно начало закона, вторые—начало свободы. Въ государствѣ они связываются возвышающеюся надъ ними властью, которая, какъ представительница государственнаго единства, является въ видѣ монархіи. Наконецъ, высшая цѣль, представляющая полное осуществленіе идеи, состоитъ въ гармоническомъ соглашеніи всѣхъ элементовъ въ совокупномъ устройствѣ, въ видахъ общаго блага. Отсюда четыре давно извѣстныхъ и всѣми признанныя формы государственнаго устройства, или образы правленія: монархія, аристократія, демократія и смѣшанное. Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ свое преобладающее начало, свое устройство и свои способы дѣйствія; каждая соотвѣтствуетъ извѣстнымъ общественнымъ потребностямъ или извѣстной ступени развитія, чѣмъ и оправдывается ея существованіе *). Но идеаломъ очевидно можетъ быть только смѣшанное правленіе, ибо оно одно заключаетъ въ себѣ всю полноту государственныхъ элементовъ, а идеаль состоитъ именно въ гармоническомъ со-

*) Подробности см. въ моемъ *Курсъ Государственной Науки*, ч. I и III.

четаніи всѣхъ элементовъ. Какъ недостатокъ свободы, такъ и избытокъ ея, ведущій къ владычеству массы, не отвѣчаютъ этому требованію. Та или другая крайность можетъ соотвѣтствовать народному характеру или мѣстнымъ и историческимъ условіямъ, но она всегда служитъ признакомъ недостаточнаго или односторонняго развитія.

Если стремленіе къ идеалу составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго развивающагося общества, то можно положить правиломъ, что всѣ народы, стоящіе на известной ступени развитія, должны стремиться къ его осуществленію, хотя и въ разнообразныхъ формахъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ. Достиженіе этой цѣли есть вопросъ времени, но именно потому это не есть дѣло произвола. Гармоническое соглашеніе всѣхъ элементовъ требуетъ такихъ общественныхъ условій, которыя далеко не всегда встрѣчаются. Единство въ государственной жизни предполагаетъ единство въ самомъ обществѣ, призванномъ къ участию въ государственныхъ дѣлахъ. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ, вмѣсто согласія, водворяется раздоръ, и смѣшанное правленіе падаетъ, потому что не можетъ держаться. Исторія представляетъ тому многочисленные примѣры *).

Раздоры, при такомъ устройствѣ, возникаютъ тѣмъ легче, что верховная власть распределена здѣсь между различными органами. Это распределеніе связано съ раздѣленіемъ власти на отдѣльныя отрасли, вытекающія изъ самаго ея назначенія. Эти отрасли суть власть законодательная, судебная и правительственная. Первая представляетъ отношеніе власти къ закону, вторая—къ свободѣ, третья—къ государственной цѣли. Последнюю можемъ раздѣлить на двѣ: на власть военную и административную, изъ которыхъ первая имѣетъ въ виду безопасность, а вторая—благоустройство. Въ совокупности онѣ представляютъ полное осу-

*) Подробное изслѣдованіе условій представительнаго порядка см. въ моемъ сочиненіи: *О народномъ представительствѣ*, кн. 4.

ществленіе государственныхъ цѣлей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и идеи государства.

Раздѣленіе этихъ отраслей дѣлаетъ изъ государства организмъ въ идеальномъ смыслѣ, то-есть, расчлененіе идеи на вытекающія изъ нея опредѣленія, по выраженію Гегеля. Поэтому, оно должно существовать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, представляющемъ болѣе или менѣе полное осуществленіе идеи. Но оно можетъ ограничиваться подчиненными сферами или простирается на самую верховную власть. Последнее имѣетъ мѣсто въ смѣшанныхъ правленіяхъ, представляющихъ развитіе государственной идеи въ ея полнотѣ.

Здѣсь къ участию въ законодательной власти призываются граждане. Законъ, опредѣляющій права и обязанности гражданъ, тогда только даетъ гарантіи свободѣ, когда послѣдняя сама участвуетъ въ его установленіи. Но если бы это было предоставлено ей всецѣло, то самый законъ былъ бы поставленъ въ полную зависимость отъ случайной воли гражданъ, что противорѣчитъ истинному его значенію. Поэтому необходимо участіе другихъ элементовъ. Мы видѣли, что представителями закона служатъ главнымъ образомъ аристократическіе элементы общества. Отсюда необходимость двухъ законодательныхъ палатъ, нижней и верхней, изъ которыхъ одна является представителемъ демократіи, а вторая аристократіи. Но кромѣ того, необходимо и участіе монарха, который стоитъ выше одностороннихъ общественныхъ элементовъ и представляетъ интересы государства, какъ цѣлаго. Только согласное дѣйствіе всѣхъ трехъ элементовъ даетъ законодательству значеніе, равно отвѣчающее насущнымъ потребностямъ общества и высшимъ требованіямъ государства.

Съ своей стороны, судебная власть, призванная прилагать законъ къ отдѣльнымъ случаямъ, должна быть независима, какъ отъ правительственной власти, такъ и отъ случайной воли гражданъ. Это одно обезпечиваетъ безпристрастіе и даетъ гарантіи закону и свободѣ. Поэтому независимость

суда составляет основное требование при всякомъ образѣ правленія. Эта цѣль достигается началомъ *несмѣняемости* судей. Еще большую гарантію свободы представляетъ призваніе общества къ участию въ судѣ въ видѣ присяжныхъ, которые, будучи назначаемы по жребію, изъяты отъ постороннихъ вліяній. Этимъ судъ, такъ же, какъ и законодательство, непосредственно связывается съ обществомъ, а не стоитъ надъ нимъ, какъ чуждое ему учрежденіе.

Наконецъ, и въ правительственной власти являются элементы двоякаго рода: правительственный и общественный. Въ войскѣ, призванномъ охранять безопасность государства, какъ цѣлаго, первый господствуетъ исключительно; тутъ никакое выборное начало не допускается. Однако, для охраненія внутренняго порядка, рядомъ съ войскомъ можетъ быть учреждена и милиція, основанная на выборномъ началѣ. Насколько она можетъ быть полезна или вредна это—вопросъ практическихъ соображеній. Въ гражданской же администраціи, по самому существу дѣла, должны сочетаться правительственные и общественные элементы, изъ которыхъ первые представляютъ центральное управленіе, а вторые—мѣстное. Органомъ правительственной власти является бюрократія, или чиновничество. Она устроится въ іерархическомъ порядкѣ, развѣтвляясь отъ центра къ мѣстамъ, ибо безъ мѣстныхъ органовъ центральная власть оставалась бы безсильною. Этотъ элементъ, когда онъ является исключительно преобладающимъ, имѣетъ свои весьма крупныя недостатки, но онъ во всякомъ правленіи необходимъ, какъ органъ и орудіе государственныхъ цѣлей, указанныхъ сверху и исполняемыхъ на мѣстахъ. Но рядомъ съ нимъ долженъ существовать и элементъ свободы, представляемый мѣстными союзами и корпораціями, облеченными болѣе или менѣе широкимъ самоуправленіемъ. Здѣсь происходитъ взаимнодѣйствіе гражданскаго общества и государства. Союзы, возникающіе изъ потребностей гражданскаго общества, вводятся въ составъ государственнаго управленія и черезъ это получаютъ государственное значеніе. За-

дача состоятъ въ томъ, чтобы сохранить за ними возможно широкое самоуправленіе, обезпечивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересы цѣлаго. Практическое осуществленіе этой цѣли зависитъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, а потому можетъ быть весьма разнообразно. Общаго правила тутъ нѣтъ *).

Если полное развитіе государственной идеи требуетъ раздѣленія различныхъ отраслей управленія, то, съ другой стороны, самое существо этой идеи требуетъ ихъ согласенія. Государство составляетъ единое цѣлое, а потому первая его задача состоятъ въ согласномъ дѣйствіи его элементовъ. Этому требованію уступаетъ самая полнота развитія. Раздѣленіе властей возможно настолько, насколько этимъ не нарушается ихъ согласное дѣйствіе. Тамъ, гдѣ оно ограничивается подчиненными сферами, согласіе устанавливается стоящею надъ ними верховною властью, которая указываетъ каждому подчиненному органу подобающее ему мѣсто и сдерживаетъ ихъ въ должныхъ границахъ. Но согласеніе становится несравненно затруднительнѣе, когда сама верховная власть раздѣляется на отрасли и распределяется между независимыми другъ отъ друга учрежденіями. Тутъ для согласнаго дѣйствія требуются высшія политическія силы и способности; нужно и высокое развитіе общественнаго духа, безъ котораго всѣ подобныя учрежденія оказываются слишкомъ шаткими.

Всего легче оно устанавливается тамъ, гдѣ существуетъ обладающая политическимъ духомъ аристократія, стоящая во главѣ общества и способная имъ руководить. Этимъ объясняется раннее развитіе конституціонныхъ учреждений въ Англіи. За недостаткомъ такого элемента, требуется развитіе здороваго политическаго духа въ среднихъ слояхъ. Чѣмъ болѣе они образованы и чѣмъ болѣе въ нихъ распространены правильныя понятія о государствѣ и его потребностяхъ, тѣмъ болѣе они способны принять участіе въ за-

*) См. мой *Курсъ Государственной Науки*.

конодательствѣ. Наоборотъ, чѣмъ болѣе общество заражено превратными понятіями о политическихъ и социальныхъ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе оно къ этому готово. Поэтому нѣтъ ничего, чтобы до такой степени подрывало водвореніе или утвержденіе политической свободы, какъ распространеніе въ обществѣ социалистическихъ теорій, ведущихъ къ разрушенію всего существующаго общественнаго строя. Благодаря имъ, свободныя учрежденія падаютъ даже въ странахъ, гдѣ они, казалось, утвердились уже прочнымъ образомъ, тамъ же, гдѣ они представляются только задачею будущаго, водвореніе ихъ отдалается на неопредѣленное время.

Отъ большаго или меньшаго развитія общественнаго духа зависятъ и самые способы соглашенія властей. Тамъ, гдѣ представительныя учрежденія пустили прочные корни, и образовались партіи, носящія въ себѣ крѣпкія преданія и здоровый политическій духъ, соглашеніе устанавливается такъ называемымъ парламентскимъ правленіемъ. За монархомъ остается неотъемлемое право назначать министровъ; но они всегда берутся изъ членовъ господствующей въ парламентѣ партіи. Черезъ это, правительственная власть всегда дѣйствуетъ въ согласіи съ народнымъ представительствомъ.

Правленіе партій имѣетъ свои великія выгоды и невыгоды, разсмотрѣніе которыхъ относится къ политикѣ. Но при всякомъ правленіи, въ которомъ допускается политическая свобода, группировка людей съ различными мнѣніями въ организованныя партіи составляетъ необходимое явленіе, ибо только черезъ это возможно совокупное дѣйствіе, составляющее неотъемлемую принадлежность политической жизни. Отъ характера и способовъ дѣйствія этихъ партій зависитъ возможность соглашенія властей. Тамъ, гдѣ противоположныя партіи, хотя и враждующія другъ съ другомъ, равно проникнуты политическимъ духомъ и сознаніемъ государственныхъ началъ, тамъ онѣ могутъ смѣнять одна другую въ правленіи, и это служить ко благу государства,

ибо черезъ это послѣдовательно осуществляются различныя его задачи, при постоянномъ контролѣ противниковъ и подъ высшимъ контролемъ монарха. Именно на этомъ основано парламентское правленіе. Напротивъ, тамъ, гдѣ партіи не имѣютъ въ себѣ прочной организациі, гдѣ онѣ дробятся, случайно соединяясь и раздѣляясь въ виду частныхъ и временныхъ цѣлей, гдѣ вмѣсто политическаго духа, устремленнаго на пользу цѣлаго, онѣ преслѣдуютъ только свои частныя выгоды, тамъ парламентское правленіе можетъ представлять лишь непрестанныя колебанія и игру случайностей, всего болѣе противорѣчащую государственнымъ интересамъ. При такихъ условіяхъ, единственною твердою точкою опоры государственной власти является монархъ, который, возвышаясь надъ партіями, стоитъ непоколебимо, какъ представитель интересовъ цѣлаго.

Отсюда высокое значеніе монархическаго начала, не только при неограниченной власти, но и въ смѣшанномъ правленіи. Политическая свобода, составляющая одинъ изъ существенныхъ элементовъ государственной жизни въ высшемъ ея развитіи, неизбѣжно влечетъ за собою борьбу партій и колебанія власти. Поэтому, здѣсь именно въ высшей степени важно имѣть непоколебимый центръ, къ которому прижимаются интересы цѣлаго. Чуждый всякихъ частныхъ цѣлей, монархъ можетъ играть роль посредника между противоположными элементами общества, аристократическими и демократическими, имѣющими въ виду преимущественно свои собственные интересы. Отъ него главнымъ образомъ зависитъ возможность соглашенія самостоятельныхъ въ своей сферѣ властей, и это составляетъ самую высокую его задачу, для исполненія которой необходимы и практическое умѣніе, и нравственный авторитетъ и самоотверженіе. Но именно это и требуется высокимъ его положеніемъ, какъ представителя верховнаго союза на землѣ. Въ монархѣ идеальная воля юридическаго лица становится реальною волею физическаго лица, котораго все призваніе состоитъ въ томъ, чтобъ сознать и проводить въ

жизнь то, что требуется не только практической пользой, но и высшею идеею управляемаго имъ союза. Монархъ есть истинный глава государства и, какъ таковой, онъ долженъ быть, по своему положенію, независимъ отъ какихъ бы то ни было общественныхъ элементовъ. Этому требованію удовлетворяетъ только монархія наследственная.

Но задачи государства не ограничиваются внутреннимъ устроениемъ; они обнимаютъ и внѣшнюю политику. Это приводитъ насъ къ международнымъ отношеніямъ.

Глава VI.

Международныя отношенія.

Государство есть верховный человѣческій союзъ. Но государствъ на землѣ много, и между ними постоянно происходятъ столкновения, которыя, за отсутствіемъ высшаго судьи, разрѣшаются войнами, то-есть, правомъ силы. Можетъ ли это считаться нормальнымъ явленіемъ въ человѣческомъ обществѣ? И не требуется ли установленіе власти, которой подчинялись бы всѣ государства въ мірѣ?

Такая власть опять же можетъ быть только государственная, ибо церковная власть, которая одна могла бы ее замѣнить, не имѣетъ принудительной силы, а для разрѣшенія внѣшнихъ столкновений требуется принужденіе. Церковная власть, какъ таковая, вовсе даже и не касается политическихъ вопросовъ; они остаются внѣ предѣловъ ея вѣдомства, и рѣшеніе ихъ увлекло бы ее на такую почву, которая ей вовсе не свойственна. Средневѣковая римско-католическая церковь могла имѣть подобныя притязанія, но именно вмѣшательство ея въ свѣтскія дѣла привело къ паденію ея авторитета. Въ новое время церковь тѣмъ менѣе способна играть такую роль, что различіе вѣроисповѣданій устраняетъ самую возможность подчиненія всѣхъ общей церковной власти. Мы видѣли, что это различіе коренится въ самомъ разнообразіи внутреннихъ отношеній человѣка къ Богу и въ различіи историческихъ судебъ и народныхъ

характеровъ. Христіанская церковь, силою вещей, распадается на различныя отрасли, которыя имѣютъ каждая свои потребности, свои догматы и свою организацію; онѣ связываются другъ съ другомъ только вѣрою въ единого, невидимаго главу, Христа, который не является рѣшителемъ земныхъ споровъ. Это отношеніе совершенно нормальное, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, чтобы оно могло измѣниться. Прогрессъ можетъ быть только во взаимной терпимости, а не въ совокупной организаціи.

За недостаткомъ церковнаго авторитета, простирающагося на всю землю, остается вопросъ: возможно ли установленіе для всего человѣчества власти, не только разрѣшающей споры, но и облеченной правомъ приводить свои рѣшенія въ дѣйствіе? Таковою можетъ быть только власть государственная, а потому вопросъ сводится къ возможности установленія всемірнаго государства.

На этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. На практикѣ, стремленіе государствъ къ безмѣрному расширенію всегда встрѣчало неодолимыя препятствія въ разнообразіи человѣческихъ элементовъ и въ трудности управленія слишкомъ сложнымъ тѣломъ. Приходится подчинять совокупной власти различныя народности, имѣющія каждая свой характеръ, свои стремленія и свою историческую судьбу. Чѣмъ выше развитіе этихъ народностей, тѣмъ болѣе онѣ требуютъ самостоятельности. Именно при развитіи внутреннихъ силъ, распаденіе такихъ искусственно составленныхъ тѣлъ становится неизбѣжнымъ. И не только съ практической, но и съ философской точки зрѣнія это оправдывается вполне. Мы видѣли, что общая духовная сущность, составляющая истинную природу человѣка, является въ двухъ формахъ: какъ народность и какъ человѣчество. Одна есть форма общая, другая—конкретная, или единичная. Человѣчество, не какъ собирательное только имя, а какъ нѣчто цѣльное и единое, есть общая стихія, представляющая явленія совокупнаго развитія по внутреннимъ законамъ духа, но не имѣющая и, по самой своей природѣ, не могушая

имѣть совокупной организаціи. Послѣдняя свойственна только конкретной, или единичной формѣ, которая есть народность. Это—единица высшаго порядка, чисто идеальная, въ отличіе отъ физическихъ особей, но тѣмъ не менѣе способная имѣть свой единичный разумъ и свою единичную волю, которые и выражаются въ государственной власти. Поэтому, какъ сказано выше, только то государство имѣетъ прочныя основы, которое покоится на народности. Но этимъ самымъ устраняется всемірное государство.

Оно немыслимо не только въ единичной, но и въ союзной формѣ. Послѣдняя составляетъ одно изъ разнообразныхъ проявленій государственной жизни. Она возникаетъ тамъ, гдѣ требуется согласить единство государственной власти съ различіемъ мѣстныхъ особенностей. Когда государство простирается на обширныя пространства, заключающія въ себѣ разнообразные элементы и рѣзко опредѣленные мѣстныя особенности, или же когда въ тѣсной мѣстности живутъ рядомъ различныя народности, связанныя историческими судьбами или мѣстными условіями, тогда союзная форма представляется наилучшимъ способомъ соглашенія единства и разнообразія. Изъ государственнаго права извѣстны тѣ виды, на которые она раздѣляется: личныя и реальныя соединенія, союзное государство и союзъ государствъ *). Всѣ эти формы предполагаютъ однако или мѣстное или національное единство, которое составляетъ реальную основу государственной власти. Чѣмъ разнообразнѣе условія и чѣмъ дальше расходятся между собою народности, тѣмъ эта связь слабѣе. Для совокупнаго человѣчества она немыслима. Каждая народность, какъ реальная духовная сила, стремится къ самостоятельному проявленію своихъ особенностей въ исторической жизни, и это сознаніе своей самостоятельности она находитъ только въ установленіи независимой, верховной государственной власти. Поэтому, распаденіе человѣчества на различныя независимыя другъ

*) См. *Курсъ Государственной Науки*, ч. I.

отъ друга государства составляетъ міровое и необходимое явленіе, вытекающее изъ самаго существа человѣческаго духа, изъ проявленія общей субстанціи въ различныхъ конкретныхъ народностяхъ.

Но если государства, по своей природѣ, суть самостоятельныя единицы, то отношенія между ними могутъ опредѣляться только добровольными соглашениями. Договоръ, какъ мы видѣли, составляетъ естественный и нормальный способъ юридическаго соглашения между независимыми другъ отъ друга лицами. Поэтому онъ прилагается къ международнымъ отношеніямъ такъ же, какъ и къ частнымъ. Разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что въ послѣднихъ, для утвержденія силы договоровъ, существуетъ возвышающаяся надъ лицами принудительная власть, а въ первыхъ такой власти нѣтъ. Государство есть союзъ верховный, и вынуждать исполненіе обязательствъ можетъ только оно само. Если оно довольно сильно, чтобы заставить другого исполнить его требованія, оно можетъ настоять на своемъ правѣ. Но слабое государство всегда останется въ накладѣ. Отсюда присущее государствамъ стремленіе къ усиленію, стремленіе, которое проявляется тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе шатки международныя отношенія и чѣмъ менѣе они представляютъ гарантій для каждаго.

Такимъ образомъ, все здѣсь окончательно рѣшается силою, ибо государство, какъ верховный союзъ, само является судьей своего права, и только собственною силою оно можетъ приводить его въ дѣйствіе. Вслѣдствіе этого, многіе отрицаютъ у международныхъ отношеній названіе права; однако несправедливо. Договоръ все-таки остается юридическимъ обязательствомъ, связывающимъ волю сторонъ; съ нимъ всегда связано и право принужденія, хотя въ дѣйствительности это право не всегда можно приложить. Это не составляетъ, впрочемъ, особенности международныхъ отношеній, подобныя явленія нерѣдко встрѣчаются и въ области частнаго и публичнаго права. Проявляясь въ условіяхъ

реального міра, право наталкивается на препятствія, которыя мѣшаютъ его осуществленію. Въ международныхъ отношеніяхъ эти противорѣчія принимаютъ только болѣе рѣзкую форму вслѣдствіе отсутствія высшей, принудительной власти, господствующей надъ сторонами.

Этотъ недостатокъ восполняется двумя путями: осложненіемъ интересовъ и развитіемъ нравственнаго начала.

Если бы два государства, сильное и слабое, стояли другъ противъ друга безъ всякаго отношенія къ другиму, то послѣднее всегда находилось бы во власти перваго. Но въ дѣйствительности, рядомъ существуютъ многія, болѣе или менѣе равносильныя государства, которыя сдерживаютъ другъ друга. Какъ скоро одно изъ нихъ хочетъ усилиться и расширить свои владѣнія на счетъ слабѣйшихъ, такъ другія соединяются, чтобы дать ему отпоръ. На этомъ основана система политическаго равновѣсія, которая играетъ первенствующую роль въ международныхъ отношеніяхъ. Эта система не существовала въ древнемъ мірѣ. Тамъ обыкновенно боролись два соперничающихъ государства, изъ которыхъ одно окончательно получало перевѣсъ и становилось безграничнымъ властителемъ окружающей среды. Такимъ способомъ Римъ покорилъ своему владычеству почти весь извѣстный тогда міръ. Въ новое время, напротивъ, европейскія государства, развиваясь самостоятельно на почвѣ общей культуры, при постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, служатъ другъ другу сдержкою, вслѣдствіе чего слабыя могутъ существовать рядомъ съ сильными, сохраняя свою независимость и служа уравновѣшивающимъ элементомъ при взаимныхъ столкновеніяхъ. Не всегда эта система дѣйствуетъ успѣшно; иногда могучія державы, преслѣдуя свои интересы, дѣлятъ между собою слабаго сосѣда, какъ и случилось съ Польшей. Но и тутъ участники дѣлежа стараются сохранить между собою равновѣсіе, такъ чтобы ни одно не усилилось чрезмѣрно, въ ущербъ другимъ. Система равновѣсія все-таки сохраняется, и это заставляетъ каждое государство руководствоваться въ своей внѣшней

политикѣ не исключительно своими собственными интересами, а также и вниманіемъ къ интересамъ другихъ. Кто этого не понимаетъ, тотъ всегда рискуетъ возбудить противъ себя грозную коалицію и, преслѣдуя мелкіе интересы, лишиться весьма крупныхъ выгодъ. Такая политика менѣе всего можетъ рассчитывать на успѣхъ.

Къ сдержкамъ, проистекающимъ отъ существованія рядомъ самостоятельныхъ государствъ, присоединяются тѣ, которыя порождаются развитіемъ торговыхъ сношеній. Чѣмъ послѣднія оживленнѣе, чѣмъ большая масса капиталовъ въ нихъ участвуетъ, тѣмъ всякое ихъ нарушеніе болѣзненнѣе отзывается на обѣихъ враждующихъ сторонахъ. Вслѣдствіе этого, государства должны быть несравненно осмотрительнѣе, нежели прежде, при взвѣшиваніи выгодъ и невыгодъ, которыя могутъ проистекать изъ употребленія силы для проведенія своихъ цѣлей. Осторожность здѣсь тѣмъ нужнѣе, что и орудія разрушенія, съ успѣхами техники, достигли высокой степени совершенства, а потому всякая война влечетъ за собою такое истребленіе людей, какого не бывало при прежнихъ столкновеніяхъ.

Все это однако чисто практическія соображенія. Несравненно высшее, философское значеніе имѣютъ тѣ сдержки, которыя проистекаютъ изъ развитія нравственнаго сознанія. Надобно сказать, что онѣ очень не велики. Въ настоящее время, какъ и прежде, цинизмъ своекорыстія выставляется во всей своей наготѣ. Право силы считается единственнымъ рѣшителемъ судебъ народовъ. То, что покорено оружіемъ, признается неотъемлемою принадлежностью завоевателя, хотя бы населеніе черезъ это лишалось отечества, то-есть того, что человѣку всего болѣе дорого и свято на землѣ. Самыя высокія человѣческія чувства попираются ногами; людямъ приказываютъ мѣнять свои привязанности по волѣ всемогущей власти; всякое стремленіе сохранить прежнія связи считается преступленіемъ. И для достиженія этихъ результатовъ самымъ беззащѣтнымъ образомъ употребляются коварство и обманъ, прикрываю-

шіеся благовиднымъ предлогомъ интересовъ государства. Недавнее возрожденіе Германіи, съ насильственнымъ присоединеніемъ Шлезвигъ-Гольштейна и Эльзась-Лотарингіи, представляетъ тому назидательные примѣры.

Между тѣмъ, нравственный законъ, какъ мы видѣли, есть законъ безусловный. Онъ всегда и вездѣ долженъ быть руководящимъ началомъ человѣческой дѣятельности. Для государства онъ тѣмъ болѣе обязательнъ, что оно устанавливается именно съ цѣлью осуществить въ жизни нравственные идеи, насколько онѣ могутъ выражаться въ союзѣ, какъ цѣломъ. Мы видѣли, что въ немъ юридическое начало сочетается съ нравственнымъ. Первое даетъ внѣшнюю форму, второе вноситъ въ нее оживляющій духъ. Если государство не въ правѣ обращать нравственность въ принудительное начало, опредѣляющее личную дѣятельность человѣка, то въ собственной дѣятельности оно обязано ею руководствоваться такъ же, какъ и частныя лица. Это одно, что даетъ ему нравственное значеніе. Никакіе государственные интересы не могутъ оправдывать нарушенія этихъ правилъ. Съ нравственной точки зрѣнія, интересы притѣснителей столь же мало имѣютъ права на существованіе, какъ интересы воровъ и разбойниковъ.

Это не значитъ однако, что частная нравственность и общественная должны быть подведены подъ одну мѣрку. Нравственный законъ, какъ мы видѣли, есть законъ формальный. Прилагаясь къ жизни, онъ наполняется тѣмъ содержаніемъ, которое даютъ ему различные человѣческіе союзы. Это содержаніе налагаетъ на ихъ членовъ обязанности, которыя могутъ придти въ столкновеніе съ предписаніями частной нравственности. Это именно и оказывается въ международныхъ отношеніяхъ. Человѣку сказано: „не убій“; но для защиты отечества онъ обязанъ убивать другого. Тутъ является высшее, господствующее надъ нимъ начало, которому онъ обязанъ жертвовать и своею и чужою жизнью. И это составляетъ источникъ самыхъ высокихъ добродѣтелей. Именно на войнѣ на каждомъ шагѣ со-

вершаются самые безкорыстные подвиги самоотверженія и милосердія. Здѣсь люди всего болѣе чувствуютъ себя членами единого цѣлаго, которому они приносятъ въ жертву все, что имѣютъ. Люди закаляются въ борьбѣ; въ нихъ развиваются мужественныя свойства и они привыкаютъ смотрѣть не на себя только, а прежде всего на то, что они призваны совершать во имя высшаго начала. Исторически, войны нерѣдко были источникомъ возрожденія или высшаго расцвѣта народовъ.

Такимъ образомъ, нравственный законъ не воспрещаетъ войнъ, но онъ требуетъ, 1) чтобы по возможности смягчались проистекающія изъ нихъ бѣдствія; 2) чтобы онѣ велись только во имя высшихъ, нравственныхъ цѣлей, а не по прихоти правителей и не для притѣсненія другихъ.

Первое достигается въ большей или меньшей степени постановленіями и обычаями международного права у образованныхъ народовъ. На почвѣ христіанства военныя нравы значительно смягчились. Непрiятель не разсматривается уже какъ непримиримый врагъ, котораго надо всячески истреблять. Убійство внѣ военныхъ дѣйствій считается преступнымъ. Съ плѣнными обходятся человѣколюбиво. Жизнь и имущество частныхъ людей, по мѣрѣ возможности, остаются неприкосновенными. Прѣжнія опустошительныя войны, оставившія послѣ себя долгіе слѣды, отошли уже въ область преданій. Милосердіе идетъ по стопамъ воюющихъ сторонъ и старается облегчить страданія жертвъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать весьма значительныхъ успѣховъ.

Что касается до второго, то здѣсь дѣло обстоитъ иначе. Государство по прежнему остается единственнымъ судьей своихъ интересовъ, и если оно чувствуетъ себя довольно сильнымъ, чтобы провести ихъ безъ большого риска путемъ войны, если ловкими переговорами, или пользуясь благоприятными обстоятельствами, можно устранить вмѣшательство другихъ, то оно, не обинуясь, рѣшаетъ вопросъ мечемъ. Результатомъ же войны является торжество голаго права силы. По прежнему цѣлыя области отторгаются отъ

одного государства, съ которымъ онѣ связаны самыми тѣсными узами, и насильственно присоединяются къ другому, безъ всякаго вниманія къ ихъ чувствамъ, желаніямъ и интересамъ. Вторая половина нынѣшняго столѣтія представляетъ тому назидательные примѣры. Пруссія и Австрія затѣяли войну съ Даніей для защиты правъ Шлезвигъ-Гольштейна, а результатъ отъ побѣды былъ тотъ, что эти права были самымъ беззастѣнчивымъ образомъ попораны ногами и Шлезвигъ - Гольштейнъ былъ включенъ въ составъ Пруссіи. Самое постановленіе трактата 1866 года, въ силу котораго жители сѣвернаго, чисто датскаго, Шлезвига должны были быть допрошены на счетъ желанія ихъ присоединиться къ Пруссіи, осталось неисполненнымъ. Точно также были отторгнуты отъ Франціи Эльзась и Лотарингія, для которыхъ, несмотря на насильственное подчиненіе, истиннымъ отечествомъ остается Франція, а не Германія. И Франція, несмотря на трактаты, не можетъ отказаться отъ надежды возратить себѣ эти области, связанныя съ нею нравственными узами, которыхъ никакая внѣшняя сила не въ состояніи расторгнуть. Примириться съ этимъ результатомъ значило бы отречься отъ того, что составляетъ нравственную силу народа и что даетъ ему высокое положеніе въ мірѣ. Это можетъ сдѣлать только народъ, совершенно утратившій нравственное сознаніе и погрязшій въ матеріальныхъ интересахъ.

При такихъ условіяхъ возможно ли въ настоящее время мечтать о прекращеніи войнъ? Очевидно, это остается только несбыточнымъ чаяніемъ умовъ, витающихъ въ облакахъ и потерявшихъ всякое сознаніе дѣйствительности. Безъ сомнѣнія, можно, путемъ посредничества, предупредить столкновенія по второстепеннымъ вопросамъ. Это и дѣлается въ настоящее время. Но и для этого требуется согласіе обѣихъ сторонъ. Каждое государство остается верховнымъ судьей того, что оно согласно предоставить чужому посредничеству и что оно считаетъ такимъ существеннымъ интересомъ, за который оно готово стоять всѣ-

ми силами. А пока это такъ на дѣлѣ, нечего думать и объ уменьшеніи вооруженій. Каждое государство естественно стремится къ тому, чтобы сдѣлаться возможно сильнымъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ опасности, отстаивать всѣми средствами свои интересы. Чѣмъ менѣе нормально положеніе международныхъ отношеній, чѣмъ болѣе въ немъ поводовъ къ столкновеніямъ, тѣмъ болѣе государства стараются вооружаться. Этимъ объясняется напряженное состояніе современной Европы. Лицемѣрнымъ предлогомъ для постоянно увеличивающихся вооруженій служить желаніе сохранить миръ, а истиннымъ поводомъ является опасеніе войны, которая, при натянутыхъ отношеніяхъ, готова вспыхнуть по малѣйшему поводу. Исходомъ изъ этого положенія можетъ быть только установленіе болѣе или менѣе нормальнаго строя въ международныхъ отношеніяхъ. Старая система, основанная исключительно на равновѣсїи государственныхъ силъ, окончательно рушилась; требуется новая, основанная на равновѣсїи народныхъ силъ, но для этого надобно, чтобы каждой народности предоставлено было право располагать своею судьбою по собственному изволенію, или образуя самостоятельное государство или примыкая къ тому отечеству, съ которымъ она связана своими чувствами и интересами. Проповѣдники мира, вмѣсто того, чтобы распространяться объ ужасахъ войны, которые всѣмъ извѣстны, должны настаивать именно на этомъ требованіи, ибо оно составляетъ предварительное условіе всякаго мирнаго сожительства. Нечего говорить, что они этого не дѣлаютъ, да и не могутъ дѣлать, ибо шансовъ на проведеніе этихъ мыслей весьма мало. Различныя народности часто такъ переплетаются между собой, что между ними мудрено разобраться. Съ другой стороны, государства, которыя держатъ подъ своею властью чужія народности, стремящаяся къ свободѣ, не откажутся отъ своего господства иначе какъ уступая силѣ. Поэтому, новая система равновѣсїя, основанная на прочно установившихся и всѣми признанныхъ отношеніяхъ національностей, можетъ быть толь-

ко результатомъ кровавыхъ столкновений и упорныхъ войнъ. Таково ближайшее будущее Европы, на которое бесполезно закрывать глаза.

Такое явленіе постоянно повторялось во всемирной исторіи. Новый порядокъ вещей вырабатывался только путемъ упорной борьбы со старымъ. Всякое вновь образующееся или расширяющееся государство утверждало свое право на существованіе проявленіемъ силы, то-есть, путемъ войны. А такъ какъ государство, какъ верховный державный союзъ, по существу своему, есть явленіе силы, и равновѣсіе государствъ есть равновѣсіе силъ, то это историческое явленіе объясняется самою природою вещей. И такъ будетъ продолжаться, пока исторія не достигнетъ нормального порядка, удовлетворяющаго всѣмъ человѣческимъ потребностямъ. Но такой порядокъ будетъ концомъ самой исторіи. Вѣчный миръ, о которомъ мечтаютъ моралисты, можетъ быть только вѣнцомъ всего развитія человѣчества. Желательно ли ускорить этотъ результатъ, и счастливѣе ли будутъ чувствовать себя люди, когда передъ ними не будетъ перспективы дальнѣйшихъ стремлений и битвъ, объ этомъ судить мудрено. Для того, чтобы имѣть надлежащее понятіе о такомъ состояніи, надобно его испытать, а до этого еще весьма далеко. Пока, человѣчество находится еще въ состояніи развитія и броженія. Философія можетъ представить ему конечную цѣль, какъ отдаленное будущее, но отнюдь не проповѣдуя немедленной ея реализаціи и не закрывая глазъ на дѣйствительныя условія земного бытія. Только черезъ это она можетъ оставаться на трезвой почвѣ научнаго пониманія.

Б. Чичеринъ.

В. Гумбольдтъ въ исторіи философскаго языко- знанія.

Въ христіанскомъ мірѣ вопросъ о началѣ языка долго оставался безъ движенія. Въ средніе вѣка христіанская мысль довольствовалась библейскимъ воззрѣніемъ на языкъ. Всѣмъ намъ памятно съ ранняго дѣтства преданіе о томъ, какъ первый человѣкъ началъ говорить. Первое слово его обращено было не къ лицу, которое могло бы отвѣчать ему такимъ же словомъ. Оно было произнесено при видѣ животныхъ, которыхъ провель Богъ предъ глазами перваго человѣка, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ: «И какъ назоветъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей». Но въ ряду живыхъ существъ не было одной «живой души», подобной самому человѣку. Когда же она была создана Богомъ изъ ребра, взятаго во время сна у человѣка, то онъ назвалъ ее женою, «ибо взята она отъ мужа своего». Въ еврейскомъ языкѣ слово *жена* произведено отъ слова *мужъ* съ приставкой показателя женск. р. въ началѣ слова.

Въ основѣ этого преданія лежитъ убѣжденіе, что первый человѣкъ владѣлъ уже словомъ, какъ готовымъ даромъ, поэтому Богъ и поручилъ ему дать имена всѣмъ животнымъ. Если бы человѣкъ не имѣлъ способности къ слову, то онъ не могъ бы назвать животныхъ. Въ самомъ Творцѣ міра самая выдающаяся черта—могущество слова, которое было орудіемъ созданія міра. Отблескъ этого могущества сохранился и въ человѣческомъ словѣ, ибо въ немъ выражались не только личныя понятія человѣка, но и самая природа живыхъ тварей. Такое воззрѣніе на слово замѣтно и въ другихъ мѣстахъ Библии. Когда Богъ явился въ первый разъ Моисею и поручилъ ему освобожденіе Своего

народа, то Моисей сказалъ Богу: «вотъ я приду къ сынамъ Израилевымъ и скажу имъ: «Богъ отецъ вашихъ послалъ меня къ вамъ». А они скажутъ мнѣ: «Какъ ему имя? Что сказать мнѣ имъ?» «Такъ скажи сынамъ Израилевымъ: *Иегова* (сушій) послалъ меня къ вамъ... Вотъ мое имя навѣки». Очевидно, слово *Иегова* есть не только имя, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіе самаго существа Божія. Отсюда ведетъ свое начало извѣстное мнѣніе, что языкъ первыхъ людей до грѣхопаденія былъ самымъ совершеннѣйшимъ языкомъ, ибо въ немъ выражались истинныя понятія о мірѣ. Конечно, первыя слова были плодомъ вдохновенія самого человѣка, но источникъ этого вдохновенія есть «дыханіе жизни», которое вдохнулъ Богъ въ лицо перваго человѣка, и отъ котораго сталъ человѣкъ «душею живою»,—поэтому и слово человѣка отъ Бога.

Взглядъ на слово, какъ на воплощеніе идей, которыя соотвѣтствуютъ самому существу вещей, вполне согласуется съ тѣмъ складомъ понятій, который въ средніе вѣка носилъ названіе реализма. Съ точки зрѣнія реализма дѣйствительное существованіе принадлежитъ только идеямъ: *universalia sunt realia*. Міръ явленій есть только образъ идей, самъ въ себѣ не имѣющій реального бытія. Но уже въ XI в., въ лонѣ католической церкви, возникло иное мировоззрѣніе, которое признавало реальными только индивидуумы. Что касается до идей, то онѣ — не болѣе, какъ простыя названія: *universalia sunt nomina*. Это такъ называемый средневѣковый номинализмъ, который, отдѣляя науку отъ вѣры, подрывалъ самыя основы схоластики.

Мучительно и долго длился этотъ процессъ освобожденія науки отъ вѣры. Сами по себѣ номиналисты не привели бы его къ концу, если бы не подоспѣли идеи возрожденія, идеи реформации и цѣлый рядъ великихъ событій въ умственной жизни Европы, въ центрѣ которыхъ стоитъ открытіе Коперника, послѣдствіи математически доказанное Ньютономъ. Какъ бы то ни было, только во второй половинѣ XVII в. идеи номинализма поставлены были Локкомъ на твердую почву эмпирическаго знанія.

Нѣтъ врожденныхъ идей, учитъ Локкъ, а есть общія понятія, вырабатываемыя изъ чувственныхъ воспріятій. Самая идея субстанции есть ничто иное, какъ комплексъ этихъ общихъ понятій, слѣдовательно, продуктъ мысли, а не бытіе реальное, какъ учили ближайшіе предшественники Локка—Декартъ и Спиноза. Роды и виды — ничто иное, какъ *flatus vocis* — такъ ихъ называли но-

миналисты, — отвлеченія, выражаемыя въ словахъ нашей рѣчи. Такимъ образомъ языкъ есть выразитель отвлеченныхъ понятій и вмѣстѣ съ способностью къ отвлеченію составляетъ преимущество человѣка предъ животнымъ. Въ обобщающемъ синтезѣ языка заключается вся его сущность, внѣ которой языкъ былъ бы номенклатурой безчисленнаго множества предметовъ, иными словами — былъ бы совсѣмъ невозможенъ.

Таковы въ общихъ чертахъ понятія о языкѣ, высказанныя величайшимъ предшественникомъ современнаго позитивизма. Они послужили исходной точкой для построения въ XVIII в. цѣлаго ряда теорій о происхожденіи языка. Выдающаяся особенность этихъ теорій заключается въ недостаткѣ исторической основы. XVIII вѣку, вообще говоря, чуждо было историческое міровоззрѣніе. Онѣ проникнуть были глубокою вѣрою въ творческія силы человѣческаго разума, или, какъ выражается Гегель, своего рода фанатизмомъ отвлеченной мысли, которая стремилась сбросить съ себя авторитетъ преданія, разорвать всѣ связи съ прошедшимъ. Уже Локкъ предполагаетъ въ творествѣ языка такія силы, которыя могли быть только плодомъ долгой умственной культуры. Еще дальше пошли въ этомъ направленіи философы XVIII в.

Вопросъ стоялъ такъ: есть ли языкъ произведеніе человѣческаго духа или же даръ Божій?

Въ 1751 г. въ Англіи явилась остроумная книга подъ заглавіемъ: «Hermes» *). Въ ней развито положеніе, что языкъ есть плодъ рефлексіи. «Называютъ языкъ, — говоритъ авторъ, — изображеніемъ вселенной, въ которомъ слова составляютъ то же, что фигуры или образы явленій. Но въ этомъ можно сомнѣваться. Если картина есть вообще подражаніе природѣ, то въ ней можетъ всякій узнать оригиналь, а въ самой картинѣ признать подражаніе оригиналу. Но нельзя сказать, чтобы тотъ, кто знаетъ какой-нибудь предметъ, зналъ и греческое или латинское названіе его. Средство изобразить какой-нибудь предметъ такъ, чтобы онъ былъ понятенъ другому лицу, заключается или въ томъ, чтобы заимствовать нѣчто изъ его натуральныхъ свойствъ, и въ такомъ случаѣ это есть подражаніе, или заимствовать нѣчто

*) Hermes, or a philosophical inquiry concerning Universal grammar by James Harris (Malmesbury). 1751.

отъ другихъ совершенно произвольныхъ случайностей, и въ такомъ случаѣ это есть символическій знакъ. Но большая часть предметовъ не выражается съ своими свойствами въ артикулированномъ звукѣ, и однако же самые предметы изображаются этими звуками, слѣдовательно, слова — ничто иное, какъ символическіе знаки, ибо въ нихъ ничего нѣтъ подражательнаго *)). Такъ какъ многія явленія не могутъ быть предметомъ подражанія, между тѣмъ всѣ могутъ быть обозначены символически, то понятно, почему предпочтена была символика въ языкѣ,—почему, слѣдовательно, начало языка заключается въ соглашеніи между людьми, а не въ природѣ: таково происхожденіе всякаго рода символовъ, между прочимъ, и словъ.

Аргументація въ этой теоріи напоминаетъ намъ извѣстную мысль Платона о сознательно-условномъ началѣ въ языкѣ. Но у Платона эта мысль поставлена подъ защиту предположенія, что языкъ созданъ людьми особенной умственной силы—законодателями словъ. Устраняя это предположеніе, мы должны перенести сознательность, такъ сказать, въ колыбель человѣчества,—а это дѣло трудное. Со временъ Лейбница до самыхъ послѣднихъ дней бродитъ въ ученomъ мѣрѣ мысль объ универсальномъ языкѣ для выраженія идей высшаго порядка,—и однако же изобрѣтеніе такого языка, при всемъ могуществѣ современной культуры, есть предпріятіе столь трудное, что его смѣло можно считать фантастическимъ. Языкъ не есть мертвый складъ знаковъ для выраженія понятій, поэтому нельзя вывести его изъ чистой мысли. Это въ извѣстной степени сознано было уже въ XVIII в., но попытки выйти изъ затрудненія только осложняли вопросъ и еще болѣе его запутывали.

Черезъ пять лѣтъ послѣ появленія Hermes'a Мопертюи высказался въ такомъ родѣ. Въ древнѣйшее время средствомъ взаимнаго сообщенія между людьми служили натуральные знаки для выраженія внутренняго состоянія—жесты и неартикулированные звуки. Изъ ряда ихъ совершенно случайно выдѣлились жесты и тоже неартикулированные звуки съ произвольнымъ значеніемъ. Все это длилось въ теченіе долгаго времени, пока не окрѣпъ даръ изобрѣтенія въ человѣкѣ, и ему не удалось наконецъ найти болѣе удобное средство артикуляціи для образованія различныхъ

*) Geiger. Der Urspr. d. Sp. 1 3—4.

знаковъ. Владѣя запасомъ готовыхъ, понятныхъ уже средствъ выраженія, человѣкъ получилъ возможность создать новыя чисто условныя средства выраженія *).

Въ этой теоріи на помощь сознанию призвана произвольная мимика. Но достаточно ли было до изобрѣтенія языка такихъ средствъ сообщенія между людьми, какъ тѣлодвиженія, чтобы возможно было изобрѣтеніе языка? Какъ могли люди, разсѣянные по лицу земли, единодушно придти къ убѣжденію, что артикулированные звуки лучше готовыхъ и вмѣстѣ привычныхъ средствъ выраженія? Такія возраженія высказаны были въ книгѣ Зюсмилыха въ 1766 г. Зюсмилыхъ защищаетъ мнѣніе большинства, что языкъ нельзя считать дѣломъ человѣка. Онъ выступаетъ изъ положенія, что безъ языка невозможна самая мысль. А если такъ, то существованіе языка, какъ орудія мысли, нужно предположить до появленія мысли: откуда же могло взяться орудіе мысли, когда не было еще и самой мысли? Слѣдовательно, до появленія языка нужно допустить такую мысль, которая бы не нуждалась въ языкѣ. Если же мы и теперь, въ періодъ умственной зрѣлости человѣка, допустить ея не можемъ, то тѣмъ болѣе тогда—въ періодъ его младенчества. Итакъ, языкъ есть дѣло совершеннаго ума, произведеніе божественной силы, которымъ владѣетъ человѣкъ, какъ даромъ **).

Противъ Зюсмилыха выступили два писателя—Тидеманъ и Гердъеръ. Сочиненія того и другого появились въ 1772 г.

Тидеманъ не раздѣляетъ основнаго положенія Зюсмилыха, что безъ языка невозможна мысль, слѣдовательно, невозможенъ и самый умъ. Это положеніе, по его мнѣнію, настолько справедливо, насколько въ немъ выражается мысль, что безъ языка мы не могли бы сохранять и развивать своихъ понятій. Но и безъ языка человѣкъ можетъ чувствовать и воображать вещи, т.-е. и безъ языка онъ имѣетъ представленія (какъ животныя). Посредствомъ представленій создаются слова, посредствомъ словъ—умъ, а затѣмъ уже умъ вноситъ въ языкъ порядокъ и связь. Конечно, въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ языки образованныхъ народовъ теперь, они носятъ на себѣ печать сильнаго ума, но

*) Dissertation sur les différens moyens dant les hommes se sont servis pour exprimer leurs idées. Histoire de l'Academie... à Berlin 1759.

**) Versuch eines Beweises, dass die erste Sprache ihren Ursprung nicht vom Menschen, sondern allein vom Schöpfer erhalten habe. 1766.

нельзя того же сказать о начальномъ состояніи языковъ. Языки американскихъ народовъ такъ бѣдны, что приписывать ихъ божественной мудрости невозможно. Исходя изъ грубыхъ зачатковъ, языкъ съ теченіемъ времени, путемъ упражненія и опыта, приходитъ къ совершенству. Всѣ науки и искусства представляютъ постепенный ростъ въ своемъ развитіи: изъ этого закона не исключаются и языки. Человѣкъ сначала находился въ состояніи животнаго. Желая выдти изъ этого состоянія, онъ вступилъ въ союзъ съ другими людьми. Тогда потребовались средства для взаимнаго сообщенія, для обмѣна ощущеній и представлений: на первыхъ порахъ это были тѣлодвиженія, затѣмъ звукоподражанія, наконецъ — аналогическіе звуки. И въ языкѣ, какъ вездѣ, матерью изобрѣтенія была нужда, подкрѣпляемая размышленіемъ. Первая дѣйствовала болѣе могущественно. Ей нужно приписать изобрѣтеніе общихъ выраженій для общихъ понятій. Къ этому вынуждало многое: слабость памяти человѣческой, измѣняемость вещей, въ силу чего однѣ и тѣ же вещи, измѣняясь, должны были бы потребовать безконечной массы словъ, и многое другое... *).

Теорія Тидемана представляетъ типическія черты того наивнаго рационализма, который производилъ всю культуру человѣческую изъ естественныхъ зачатковъ, а самыя зачатки эти считала плодомъ изобрѣтательности человѣка, подгоняемаго нуждой. Тидеманъ, повидимому, выводитъ языкъ изъ низшихъ формъ животной жизни, но рядомъ съ этими формами ставитъ дѣятельность разума, обдуманно создающаго звуки языка. Съ этой точки зрѣнія языкъ есть внѣшній сосудъ мысли, остроумная выдумка ума, а не органическое произведеніе человѣческаго духа, — да и съ самымъ умомъ онъ связанъ не внутренними отношеніями духовнаго родства, а чисто механическимъ образомъ, какъ нѣчто постороннее для ума и совершенно ему чуждое.

Съ иной стороны подошелъ къ вопросу Гердеръ. Съ особенною выразительностью онъ указалъ на внутреннее начало, на живительную силу духа, появляющуюся въ словѣ. Съ инстинктомъ поэта онъ обрисовалъ тѣ психическіе моменты, въ которыхъ живетъ эта сила, неотразимо прорывающаяся вовнѣ.

Вотъ эти моменты.

*) Versuch einer Erklärung des Ursprungs der Sprache, Riga. 1772.

Насколько человѣкъ есть животное, онъ уже имѣетъ языкъ, свойственный животнымъ. Болѣзненные ощущенія тѣла и сильныя страсти души онъ выражаетъ непосредственно въ крикѣ, въ неартикулированномъ звукѣ, выражаетъ даже тогда, когда не разсчитываетъ на отзвукъ своего звука. Природа вообще не хотѣла, чтобы человѣкъ похожъ былъ на уединенную, нѣмую скалу, не создала его эгоистической тварью. Но звуки, вызванные нашимъ ощущеніемъ, въ свою очередь въ симпатизирующемъ намъ созданіи вызываютъ откликъ—тѣ же звуки. Въ основѣ этого языка ощущеній лежитъ законъ природы, законъ *ощущающей машины*.

Тѣмъ не менѣе Гердеръ далекъ отъ того, чтобы изъ этого языка ощущеній вывести человѣческій языкъ. Пока нѣтъ умственного языка, выражающагося въ томъ, что звуки ощущеній употребляются съ *целью*, до тѣхъ поръ указанный законъ природы не можетъ быть создателемъ человѣческаго языка.

Извѣстно, что животныя превосходятъ человѣка инстинктомъ, способностями къ специальному искусству. Вѣроятно, эти способности произошли изъ громадной силы представленія, направленного въ одну точку, внѣ которой для животнаго ничего нѣтъ. Животное тѣмъ болѣе поражаетъ искусствомъ своей работы, чѣмъ тѣснѣе кругъ его дѣятельности. У человѣка нѣтъ единообразной сферы труда: онъ воспринимаетъ своимъ чувствомъ все, и, конечно, это чувство по отношенію къ частностямъ слабѣе, чѣмъ у животнаго. Вотъ почему нѣтъ у человѣка способности къ стереотипному художеству, нѣтъ и языка животныхъ, который возникаетъ изъ темнаго, чувственного соглашенія цѣлой породы животныхъ—въ тѣсномъ кругѣ извѣстной специальности, свойственной этой породѣ. Этотъ *непосредственный* языкъ не есть языкъ человѣка, который достигаетъ соглашенія съ другими людьми *посредствомъ* рѣчи.

Что же дала человѣку природа въ вознагражденіе за недостатокъ инстинкта? Если есть въ человѣкѣ такая возмѣщающая сила, то она именно составляетъ исключительную человѣческую способность, которая отличаетъ человѣка отъ животныхъ не степенью развитія, но какъ особый родъ.

Такъ какъ представленія человѣка не направлены въ одну точку, то силы его свободнѣе. Человѣкъ дѣлаетъ не одно и то же по одному и тому же типу; поэтому то, что онъ дѣлаетъ, можетъ

постепенно совершенствоваться: у него есть просторъ примѣняться ко многому и улучшать свое дѣло. Мысль человѣка, безусловенная инстинктомъ, вытекающимъ изъ тѣхъ или другихъ свойствъ организма, не есть непосредственный продуктъ природы, но есть и его собственное произведеніе. Свободныя силы человѣка, не обращенныя къ специальной разработкѣ чего-нибудь одного, обращаются на самихъ себя. Человѣкъ не есть машина въ рукахъ природы, но самъ для себя есть цѣль дѣятельности. Въ этомъ вся сущность человѣческой природы. Различіе человѣка отъ животныхъ—не въ *степени* силы и не въ *придачь* къ способностямъ животнаго *особой* силы, а въ иномъ направленіи и дѣятельности *всѣхъ* силъ. Гердеръ отрицаетъ мнѣніе, что умъ есть новая, совершенно отдѣльная сила въ душѣ человѣка, которую, какъ особымъ даромъ, человѣкъ отличается отъ животнаго. Душа человѣка вовсе не похожа на шахматную доску съ разными отдѣленіями и подраздѣленіями свойственныхъ ей силъ. + Всѣ силы нашей души не что иное, какъ метафизическая абстракція: на самомъ дѣлѣ въ каждомъ отдѣльномъ дѣйствіи являются не отдѣльныя силы, а вся душа цѣлостно является, какъ самосознательная сила, которая не только знаетъ, желаетъ и дѣйствуетъ, но и понимаетъ, что она знаетъ, желаетъ и дѣйствуетъ. Гердеръ называетъ эту силу мыслительностью (*Besonnenheit*): она-то и обнаруживается въ словѣ. По существу она то же, что и слово, которое представляетъ только внѣшнюю сторону ея. Что прежде—слово или мысль? По Гердеру, это праздный вопросъ, который вовлекъ Зюсмильха въ построеніе такъ называемаго логическаго круга (*circulus vitiosus*). Допустимъ, что безъ языка человѣкъ не могъ имѣть ума, но такъ какъ безъ ума нельзя было научиться отъ Бога и самому языку, то, значитъ, безъ ума человѣкъ не могъ имѣть и языка.

Оставляя въ сторонѣ этотъ кругъ, Гердеръ слѣдитъ за самымъ обнаруженіемъ мыслительности человѣка въ словѣ. Человѣкъ обнаруживаетъ ее тогда, когда изъ океана ощущеній выдѣляетъ одно и на немъ останавливаетъ свое вниманіе, когда изъ массы возникающихъ образовъ останавливается на одномъ моментѣ, когда не просто познаетъ свойства предметовъ, но признаетъ то или другое свойство, какъ различное. Актъ этого признанія есть первое сужденіе души, образующееся посредствомъ признака, который долженъ быть выдѣленъ. «Вотъ онъ! *еърѣха!*!»—воскли-

цаетъ человѣкъ. Этотъ признакъ, вызванный сужденіемъ, есть слово души: съ появленіемъ его созданъ былъ человѣческой языкъ. Человѣкъ, напримѣръ, видитъ предъ собою овцу. Чувствуя потребность познать ее, онъ не влечется къ ней тѣмъ инстинктомъ, которымъ влечется волкъ. Цѣлый рядъ признаковъ овцы проходитъ мимо сознанія, но вотъ овца издаетъ бляніе: признакъ найденъ, признакъ, наиболѣе поразившій душу,—онъ то и остается въ душѣ. Въ другой разъ человѣкъ видитъ овцу, но, въ ряду замѣченныхъ имъ признаковъ, бляніе заставляетъ его снова узнать ее: «ты, бляющая!» Звукъ блянія, наиболѣе поразившій душу, въ силу этого становится именемъ овцы. Человѣкъ узнаетъ овцу по блянію: это уже есть понятный знакъ, въ которомъ душа ясно сознаетъ идею. Что же это за знакъ, какъ не слово? Такъ создаются слова, такъ изобрѣтается языкъ съ тою же необходимостью природы, съ какою человѣкъ сдѣлался человѣкомъ.

Но не все звучитъ въ природѣ. Чтобы объяснить происхожденіе словъ, которыя относятся къ предметамъ и явленіямъ беззвучнымъ, Гердеръ прибѣгаетъ къ звуковой символикѣ, къ взаимодействию съ чувствомъ слуха остальныхъ чувствъ. Тѣсняемая напоромъ впечатлѣній, душа принуждена была создавать слова путемъ переноса впечатлѣній съ однихъ чувствъ на другія. Такъ, въ словѣ *Blitz* (молнія), которое не означаетъ чего-нибудь звучащаго, онъ видитъ аналогію съ чѣмъ-то слышимымъ. Хотя молнія сама по себѣ не звучитъ, но для слуха въ словѣ *Blitz* выражается впечатлѣніе чего-то быстрого, мгновеннаго, то впечатлѣніе, которое безъ слова ясно для глаза *).

Слабыя стороны въ теоріи Гердера замѣчены были еще современниками. Такъ, Гаманъ называетъ платоническимъ основаніе, на которомъ Гердеръ построилъ свою теорію. Оно состоитъ изъ двухъ частей: отрицательной и положительной. Въ первой Гердеръ приводитъ доказательства для мысли о томъ, что человѣкъ не есть животное, во второй—доказательства для противоположной мысли, что человѣкъ есть животное. По Гердеру, человѣкъ не имѣетъ инстинкта животныхъ: это *родовой* признакъ его, который качественно отличаетъ его отъ животныхъ. Но тотъ же Гердеръ утверждаетъ, что человѣкъ инстинктивно мыслитъ и

*) Abhandlung über den Ursprung der Sprache. 1772.

говорить, что способность мыслить и говорить врождена ему, что созданіе языка такъ же свойственно человѣку, какъ производство меда пчелѣ. Такимъ образомъ, человѣкъ есть мыслящее и говорящее животное: можно ли назвать его послѣ этого самостоятельнымъ творцомъ языка? *).

Но слабость возрѣній Гердера не только въ противорѣчіяхъ, указываемыхъ Гаманомъ, а въ самомъ представленіи о силѣ, изъ которой рождается языкъ. Гердеръ считаетъ мыслительность человѣка силой *готовой*, не думая о томъ, что, вслѣдствіе имъ же признаннаго тождества ея съ языкомъ, она и возникла нѣкогда съ языкомъ, а не создала языкъ. Хотя онъ отрицаетъ схоластическое дѣленіе *actus primus* отъ *actus secundus*, но все же, какъ гласитъ эпиграфъ его сочиненія: «*Vocabula sunt notae regum*» — знаки, созданные силой, которая присуща человѣку, какъ «даръ природы», отличающій человѣка отъ животныхъ. Слѣдовательно, языкъ есть нѣчто страдательное, есть мертвое средство для познанія признаковъ предмета. Въ угоду своему вѣку, который любилъ преувеличивать значеніе безкультурной эпохи, Гердеръ допускаетъ въ моментъ творчества языка сознательность, побуждавшую человѣка къ различенію признаковъ въ предметахъ, притомъ идеальную сознательность, чуждую всякаго практическаго разсчета. Это былъ своего рода поэтическій порывъ, въ которомъ главную роль играло самоудовлетвореніе, достигаемое созданіемъ ономато-поэтическаго звука, т.-е. звука, сходнаго или съ звукомъ самого предмета, или съ впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ на другія чувства. Все это, конечно, легче представить въ умѣ, чѣмъ доказать фактически. Такъ, напримѣръ, въ словѣ *Blitz*, на которое ссылается Гердеръ, звукъ *z* есть суффиксъ, выражающій повтореніе или усиленіе. Слово это потеряло звукъ *k* (въ средне-верхненѣмецкомъ *blicze*, а безъ суффикса *blic*), поэтому *Blitz* — то же, что *Blick* и означаетъ блескъ; латинское *fulgor*, *fulmen* относятся сюда же, а также греческое φλέγω (жечь), φλόξ (пламя), санск. *bhrág* (блестѣть), *bhargas* (блескъ). Слѣдовательно, въ своемъ древнѣйшемъ видѣ слово это приводитъ насъ къ темѣ, въ которой нѣтъ и слѣда ономотопеи. Вообще говоря, непосредственное образованіе словъ для названія предметовъ, помимо корней, положительно невозможно, а эта сторона дѣла

*) Der Ursprung der Sprache. Steintal. 1858. 43—44.

вовсе не была затронута Гердеромъ, оттого и понимаемая въ томъ видѣ, какъ она представлена у него, не внушаетъ довѣрія. Она есть плодъ естественнаго расположенія природы человѣка, но самая природа у Гердера и его современниковъ была просто отвлеченное понятіе, во многихъ случаяхъ выступавшее, какъ *deus ex machina*. Это метафизическая природа, стоявшая, такъ сказать, внѣ природы, поэтому вмѣсто нея легко было подставить представленіе о Богѣ. И дѣйствительно, въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Гердера, слово «природа» замѣнено словомъ «Богъ» *). Положимъ, Гердеръ утверждаетъ, что не Богъ, а самъ человѣкъ изобрѣлъ для себя языкъ—только подъ высшимъ усмотрѣніемъ и распоряженіемъ Божиимъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, мыслительность есть сила, принадлежащая человѣку чрезъ божественную силу, слѣдовательно, и языкъ человѣчскій въ послѣдней инстанціи есть произведеніе той же божественной силы.

Х Такимъ образомъ, у Гердера, какъ и у Зюсмилха, дѣло сводится къ признанію чуда, котораго не любилъ вѣкъ просвѣщенія въ религіозной оболочкѣ, и съ которымъ бессознательно примирился въ формѣ преувеличенныхъ представленій о естественныхъ силахъ человѣческаго разума. Изъ этой скудной почвы вопросъ о началѣ языка не могъ извлечь больше питательныхъ соковъ. Оставалось только кружиться на одномъ мѣстѣ, бесконечно повторяя одно и то же на разные лады. Но въ послѣдней четверти XVIII в. могучій порывъ философской мысли сдвинулъ самыя основы мечтательныхъ представленій о всемогуществѣ человѣческой мысли. Мы разумѣемъ философію Канта.

Точкой исхода въ дѣятельности разума Кантъ признаетъ не одни чувственныя воспріятія, но и нѣчто апіорное, нѣчто формальное, исходящее изъ основныхъ свойствъ познающаго разума. Это прежде всего формы пространства и времени, которыхъ нельзя вывести изъ опыта, потому что онѣ предшествуютъ всякому опыту. Сквозь эти очки, присущія самой природѣ нашего разума, онъ созерцаетъ вещи, слѣдовательно, самыя эти вещи—не что иное, какъ плодъ субъективной его дѣятельности. Это не значитъ, что нѣтъ реального бытія: если бы его не было, то мы не имѣли бы матеріала для нашихъ познаній. Это значитъ только

*) *Alteste Urkunde des Menschengeschlechts.*

что реальное бытіе, вещи въ себѣ, составляютъ тайну, въ которую проникнуть мы не можемъ, потому что не можемъ отрѣшиться отъ своего разума, налагающаго субъективныя краски на всякую познаваемую реальность. Затѣмъ, въ трансцендентальной аналитикѣ Кантъ разбираетъ 12 логическихъ категорій, въ которыхъ движется познающая мысль, создавая міръ явленій безъ всякой надежды проникнуть въ ихъ сущность.

Субъективный идеализмъ Канта оживилъ въ наукѣ о языкѣ старинныя воззрѣнія грековъ на языкъ, какъ на выраженіе логическихъ категорій. Собственно говоря, эти воззрѣнія никогда не исчезали среди ученыхъ, которые хотѣли дать себѣ отчетъ въ содержаніи языка. Такъ, еще въ XIII в. Дунсъ Скотъ написалъ трактатъ *De modis significandi*—опытъ философской грамматики. Въ періодъ возрожденія наукъ въ томъ же направленіи писалъ знаменитый представитель грамматическаго знанія Юлій Цезарь Скалигеръ. Въ 1540 г. явился трудъ его: *De causis linguae latinae libri XIII*, въ которомъ къ латинскому языку примѣненъ былъ методъ Аристотеля, а именно ученіе его о категоріяхъ: Скалигеръ выводитъ изъ нихъ не только падежи, но даже обычный порядокъ падежей. Наконецъ, въ 1660 г. явилась извѣстная *Grammaire générale et raisonnée*—учебная книга, напечатанная для монастырской школы Портъ-Рояля и послужившая образцомъ грамматическихъ учебниковъ, построенныхъ на логической основѣ. Но никогда логическая регламентація не достигала въ наукѣ о языкѣ такой силы, какъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда съ таблицей кантовыхъ категорій въ рукахъ многіе филологи искали мыслимаго масштаба для того, что выражается въ языкѣ. Подъ вліяніемъ Канта, лучшіе умы посвящали свои силы на постройку обширнаго грамматическаго зданія, подъ названіемъ «Всеобщей грамматики». Съ идеей этой науки связано было представленіе о философскомъ направленіи въ языкознаніи, которое стремилось вывести языки изъ идеальной нормы подъ вліяніемъ убѣжденія, что въ разумѣ опредѣлены уже а priori способы словеснаго выраженія. Всеобщая грамматика считалась продолженіемъ логики, которая какъ бы заимообразно сообщаетъ понятія грамматикѣ,—затѣмъ эти понятія языкъ возводитъ къ выраженію внутри общихъ формъ мысли, а не съ необходимостью, присущею формѣ языка. Всеобщая грамматика должна была найти пробный камень для оцѣнки языковъ. Сумма логи-

ческихъ понятій, которыя долженъ выражать языкъ, считалась идеаломъ или же идеей языка. Что касается до отдѣльныхъ языковъ, то Всеобщая грамматика имѣла въ виду изслѣдовать, какими словами и формами словъ и рѣчи тотъ или другой языкъ обозначаетъ или не обозначаетъ нормальныя логическія понятія. Это возможное въ примѣненіи къ средствамъ отдѣльныхъ языковъ есть нѣчто въ нихъ идеальное. Изъ этихъ апіорныхъ воззрѣній на языкъ возникли попытки опредѣлить сравнительныя преимущества и недостатки языковъ. Къ 1796 году относится сочиненіе Ениша, написанное на тему, предложенную берлинской академіей: «Опредѣлить идеаль совершеннѣйшаго языка, сдѣлать обзоръ важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ языковъ и показать, какой изъ этихъ языковъ наиболѣе подходитъ къ идеалу». Енишъ сравнилъ 14 языковъ съ стилистической точки зрѣнія. Онъ распредѣлилъ ихъ по степени приспособленности каждаго изъ нихъ для выраженія культурныхъ понятій, созданныхъ научнымъ или поэтическимъ творчествомъ. Такая постановка вопросовъ о языкѣ предрѣшала уже самые вопросы: требовалось только подобрать соотвѣтствующіе факты.

Нужно сказать, что въ языкѣ, дѣйствительно, выражается цѣлая система понятій. Самыя простыя слова нашей рѣчи затрогиваютъ всю ткань категорій мысли: такъ, на примѣръ, родительный падежъ находится въ связи съ категоріей цѣлаго и части, имя числительное, единственное и множественное число—съ категоріей единства и множества, залогі—съ категоріей дѣйствія и причины, наклоненія и модальныя частицы—съ категоріями дѣйствительности, возможности и необходимости, падежи, предлоги и времена глаголовъ—съ категоріями пространства и времени. Но мы увидимъ въ послѣдствіи, что логическія категоріи не составляютъ прямого и непосредственнаго содержанія языка, поэтому онѣ не могутъ служить мѣриломъ для оцѣнки языковъ. Выходя изъ идеи языка, а не отъ изученія дѣйствительныхъ языковъ, Всеобщая грамматика искала жизненнаго нерва языка въ языкѣ—методъ, который привелъ ее къ необходимости внести въ науку о языкѣ своего рода таблицу о рангахъ, составленную по указаніямъ логики.

Такова была сфера понятій, въ которой вращались творческія идеи одного изъ величайшихъ представителей философскаго языкознанія—В. Гумбольдта (1769—1835). Говорятъ обыкновенно,

что въ его трудахъ самыя слабыя стороны—именно тѣ, которыя навѣяны апріорными воззрѣніями на языкъ, возникшими подъ вліяніемъ Канта. Не отрицая этого мнѣнія въ цѣломъ, мы однако же не должны упускать изъ виду, что эти воззрѣнія, переработанныя имъ въ духъ сравнительнаго языкознанія, были оплодотворяющимъ сѣменемъ, изъ котораго выросли собственныя понятія Гумбольдта о языкѣ и языкахъ. Стоя въ срединѣ между двумя направленіями—философскимъ и сравнительнымъ, Гумбольдтъ заимствовалъ отъ перваго широту мысли, а отъ послѣдняго—точность метода. Во многихъ случаяхъ дуализмъ Гумбольдта ведетъ ко всякаго рода натяжкамъ и сбивчивымъ положеніямъ; но при всемъ этомъ положительно можно сказать, что, сколько въ будущемъ ни измѣнялось философское направленіе мысли въ сторону идеализма, матеріализма и т. п., оно упрочено въ области языкознанія именно Гумбольдтомъ.

«Давно уже я думаю о томъ,—писалъ Гумбольдтъ къ Шиллеру въ молодые годы своей жизни (1797—1813),—чтобы найти категоріи, подъ которыя можно было бы подвести различныя особенности языковъ, но это очень трудно». Въ теченіе всей своей жизни Гумбольдтъ работалъ надъ этою мыслью. Она ясно выступаетъ въ наиболѣе выдающихся его сочиненіяхъ:

«Сравнительное языкознаніе въ отношеніи къ разнымъ эпохамъ въ развитіи языковъ» *).

«О происхожденіи грамматическихъ формъ и о вліяніи ихъ на развитіе идей» **).

Но главный трудъ его жизни носитъ такое названіе:

«О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода» ***).

Это сочиненіе было плодомъ глубокаго изученія языковъ различнаго типа. Во время пребыванія своего въ Римѣ Гумбольдтъ нашелъ богатые средства для изученія американскихъ языковъ, какъ въ бібліотекахъ, такъ и въ рукахъ частныхъ людей—глав-

* Das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung (1821).

** Ueber das Entstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung. C. Berl. Akad. (1822—1824).

*** Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. 1836.

(Лучшее изданіе—Потта, 1876 г.).

нымъ образомъ, у іезуитскихъ миссіонеровъ. Свѣдѣнія свои онъ дополнилъ посредствомъ знакомства съ іезуитомъ Гервасомъ, знатокомъ американскихъ языковъ, и въ особенности матеріалами, которые сообщилъ ему братъ его, Александръ, по возвращеніи его изъ Америки. Другимъ исходнымъ пунктомъ въ научныхъ работахъ Гумбольдта былъ санскритъ. Съ методомъ историческаго и сравнительнаго изученія арійскихъ языковъ былъ знакомъ Гумбольдтъ изъ трудовъ Боппа и Гримма. Conjugationssystem Боппа появилась еще въ 1816 г., а первый томъ нѣмецкой грамматики Гримма въ 1819 г. Хотя vergleichende Grammatik Боппа появилась послѣ смерти Гумбольдта, но авторъ сравнительной грамматики былъ обязанъ мѣстомъ профессора въ берлинскомъ университетѣ Гумбольдту и затѣмъ, какъ сочленъ берлинской академіи, обмѣнивался съ Гумбольдтомъ научными идеями и изслѣдованіями. Такимъ образомъ санскритъ съ языками древняго міра, американскіе языки съ языками новыми.— вотъ тѣ два пункта, которые Гумбольдтъ возымѣлъ намѣреніе соединить въ одно цѣлое. Языки, разбросанные на Великомъ океанѣ, составляли для Гумбольдта какъ бы мостъ, перекинутый со Старога свѣта въ Новый. Санскритъ оказалъ вліяніе на эти языки, съ другой стороны—не мало въ нихъ элементовъ американскихъ. Уяснить связь и соотношеніе этихъ трехъ пунктовъ—задача, достойная великаго мыслителя и лингвиста, какимъ былъ Гумбольдтъ.

Въ основу своего изслѣдованія Гумбольдтъ положилъ языкъ Кави, распространенный на многихъ островахъ индѣйскаго архипелага. Самымъ названіемъ своимъ этотъ языкъ указываетъ на сильное вліяніе санскритской культуры: *Кави*, какъ существительное имя, значить *поэтъ*, какъ прилагательное—*мудрый*. Определить вліяніе санскрита—составляло задачу первыхъ двухъ книгъ произведенія Гумбольдта. Отдѣливъ сторонніе элементы, онъ предположилъ дать характеристику собственно туземнаго языка—тагильскаго и затѣмъ уже перейти къ языкамъ всего архипелага.

Къ сожалѣнію, этотъ трудъ не законченъ. Вполнѣ закончена только первая книга: «О связи между Индіей и Явой»,—вторая книга «О языкѣ Кави» предназначена была къ переработкѣ,—третья книга—самая важная «О коренномъ языкѣ малайскомъ» состоитъ изъ ряда болѣе или менѣе обработанныхъ отрывковъ

Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что для науки вполне обработано самимъ Гумбольдтомъ его знаменитое введеніе, то есть, сдѣлано то, чего никто, кромѣ самого Гумбольдта, сдѣлать не могъ. Въ этомъ введеніи соединено все, что Гумбольдтъ считалъ результатомъ своихъ изслѣдованій по общимъ вопросамъ языкознанія—о происхожденіи, сущности и различіи языковъ. Немного вопросовъ философскаго языкознанія есть такихъ, которые не были бы разъяснены или затронуты въ этомъ введеніи *).

«Въ исторіи образованія духовныхъ силъ человѣка,—говоритъ Гумбольдтъ,—одна часть движенія причинъ и слѣдствій легко объясняется изъ самаго движенія, но тутъ же попадаешь иногда на узлы, которые не уступаютъ никакимъ усилямъ развязать ихъ. Вотъ это и есть самобытное проявленіе духовной силы, недоступной нашимъ наблюденіямъ» (5); это есть «то внутреннее начало жизни, которое свободно развивается изъ себя, сообщая единство внѣшнимъ «разрозненнымъ явленіямъ» (9).

Такова исходная мысль Гумбольдта. По его мнѣнію, «она удобно прилагается и къ главной дѣятельности человѣческаго духа—къ языку. Разнообразіе языковъ является плодомъ стремленія раскрыть *врожденный* людямъ даръ слова» (ibid.). Это и есть самобытная, безусловная и непреходящая первопричина, живущая въ типическихъ проявленіяхъ своихъ—въ языкахъ. Въ этомъ смыслѣ «языкъ исходитъ изъ такой глубины человѣческой природы, что его нельзя назвать произведеніемъ или твореніемъ самаго народа: онъ, видимо, обнаруживаетъ въ себѣ самобытную силу, хотя въ существѣ своемъ она остается необъяснимою. Съ этой точки зрѣнія языкъ не есть произведеніе дѣятельности, а невольное изліяніе духа,—не дѣло народа, а даръ, назначенный ему въ удѣлъ его судьбою. Не смотря на то, языки развиваются вмѣстѣ съ обособленіемъ народныхъ племенъ въ самихъ народахъ, изъ ихъ національнаго духа, который кладетъ на нихъ печать своей индивидуальной ограниченности (7). Таково ужъ существо человѣческаго духа, что онъ достигаетъ наилучшихъ результатовъ только въ формахъ конкретнаго бытія. Только подъ этимъ условіемъ дѣйствуетъ онъ съ полной сосредоточенностію, въ нераздробленномъ единствѣ (31). Такимъ образомъ,

*) Отрывки изъ этого сочиненія приводятся по извѣстному переводу Биллярскаго.

это вовсе не игра словъ, когда говорятъ, что языкъ создаетъ себя собственную силу и божественно свободенъ, а языки связаны, потому что зависятъ отъ народовъ, которымъ принадлежатъ» (7). Въ другомъ мѣстѣ Гумбольдтъ считаетъ языкъ какъ бы внѣшнимъ явленіемъ народнаго духа: «языкъ народа есть его духъ, а его духъ есть языкъ: тождества обоихъ нельзя довольно выразить. Но, не приписывая первенства по времени ни тому, ни другому, должно же признать какое-нибудь реальное основаніе различія языковъ, а такимъ основаніемъ можно считать только духъ народа, потому что онъ одинъ остается въ нашихъ глазахъ *самостоятельною* силою, а языкъ держится уже на немъ» (36).

Остановимся на этихъ положеніяхъ.

Какъ понять тождество народнаго духа и языка, если первый есть основаніе послѣдняго? Одно изъ двухъ: или духъ народа есть самостоятельная сила, и въ такомъ случаѣ онъ не происходитъ вмѣстѣ съ языкомъ изъ божественнаго духа; или же, выходя изъ этого послѣдняго, онъ уже поэтому не есть самостоятельная сила. То же противорѣчіе и въ отношеніи къ языку: или языкъ есть произведеніе народнаго духа, и въ такомъ случаѣ не есть самостоятельная сила,—или же онъ не есть произведеніе народнаго духа, и въ такомъ случаѣ онъ есть чудо, «даръ», какъ говоритъ Гумбольдтъ, т. е. самостоятельная, божественная сила. Что же такое языкъ въ концѣ концовъ? Откуда онъ истекаетъ? По Гумбольдту, съ одной стороны, изъ народнаго, т. е. человѣческаго духа, съ другой стороны—изъ внѣ-человѣческаго, божественнаго духа. Было бы ошибочно думать, что Гумбольдтъ устраняетъ это противорѣчіе мыслью такого рода: языкъ, какъ потенція, есть дѣло Божье, а какъ реальная дѣйствительность, дѣло человѣческое. Гумбольдтъ прямо и положительно утверждаетъ, что не только языкъ, но и самый духъ народа происходятъ изъ третьяго начала. Ему нужно это повидимому примиряющее начало для того, чтобы объяснить связь и гармонію между явленіями, какъ Декарту нужна была идея Бога для того, чтобы объяснить связь между двумя различными субстанціями—душею и тѣломъ. Но если божественный и человѣческій духъ не одно и то же, то и языкъ есть или человѣческая, или божественная сила, а не та и другая разомъ. Если же божественный и человѣческій духъ едино суть, то какимъ образомъ въ

человѣкъ, сверхъ его духа, еще разъ существуетъ его духъ, какъ источникъ перваго? Гумбольдтъ не рѣшаетъ этого вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, и думаетъ, что это противорѣчiе между божественнымъ и человѣческимъ началомъ въ языкѣ лежитъ въ самой природѣ индивидуальнаго самосознанiя, вращающагося въ сферѣ явленiй и не имѣющаго силы проникнуть въ существо вещей. «Всякое возникновенiе къ бытiю въ природѣ,—говоритъ онъ,—вообще недоступно наблюденiю. Какъ бы ни были точно изслѣдованы предварительныя состоянiя, между нами и явленiями новаго всегда остается цѣлая пропасть, раздѣляющая ничто и нѣчто. Таковъ же точно и моментъ прекращенiя бытiя. Область, доступная человѣческому разумѣнiю, заключается между этими двумя границами» (32). Итакъ, *petitio principii*, обращенное въ область, лежащую по ту сторону человѣческой природы, есть плодъ безсилiя мысли объяснить явленiя изъ наличнаго матерiала. Можно ли считать поэтому высшiй источникъ человѣческаго языка реальнымъ бытiемъ, т. е. можно ли говорить объ его существованiи? Самъ Гумбольдтъ сознается, что мы не представляли бы языкъ чѣмъ-то выше человѣка, если бы «сила человѣческаго духа была намъ доступна не въ однихъ проявленiяхъ своихъ, а въ самомъ существѣ, въ первоначальномъ источникѣ человѣческихъ индивидуальностей» (37). Выходитъ отсюда, что мы говоримъ объ этой силѣ только потому, что не знаемъ ея. Но именно потому, что мы не знаемъ ея, повидимому, не слѣдовало бы и говорить о ней. Мы понимаемъ, что въ наукѣ нельзя обойтись безъ гипотезы. «Хотя и видишь себя,—говоритъ Гумбольдтъ,—на границѣ, за которую не перейдешь ни посредствомъ историческаго изслѣдованiя, ни посредствомъ свободной мысли, тѣмъ не менѣе должно, по крайней мѣрѣ, отмѣчать самый фактъ и вѣрно извлекать изъ него прямыя заключенiя» (33). Но для того, чтобы сдѣлать истинно глубокiя заключенiя о сущности языка, сдѣланныя Гумбольдтомъ, не было никакой надобности предполагать моментъ пребыванiя языка въ идеальномъ бытiи, которое недостаточно ясно нашему уму просто потому, что оно есть фикцiя, равняющаяся небытiю. Мы можемъ изучать только *нѣчто*, а не *ничто*. Допустимъ, что это *нѣчто* есть субъективная дѣйствительность, какъ полагалъ Кантъ, но для того, чтобы она состоялась, необходимо реальное бытiе, котораго не отрицалъ Кантъ. Слѣдовательно, стоя на почвѣ человѣческой индивиду-

альности, на которой стоитъ Гумбольдтъ, т. е. на почвѣ бытія во всякомъ случаѣ реального, желательнo было бы отмѣтить первые проблески этого бытія—конечно, въ субъективномъ отраженіи нашего самосознанія, не касаясь той области, которая лежитъ за предѣлами человѣческой дѣйствительности и которая уже есть не *нѣчто*, а *ничто*.

Что же мы находимъ у Гумбольдта объ этомъ человѣческомъ *нѣчто*, т. е. объ индивидуальныхъ особенностяхъ человѣческой природы, объ этой внутренней сущности человѣка, которая отличаетъ его отъ животныхъ?

«Въ ряду животныхъ,—говоритъ Гумбольдтъ,—человѣкъ есть поющая тварь, но съ тѣмъ отличіемъ, что съ звуками онъ соединяетъ мысль» (57).

Откуда же проистекаетъ это отличіе?

Мы видѣли, что Гумбольдтъ отрицаетъ возможность положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но самое отрицаніе это привело его къ признанію такой точки, которая мерцаетъ обманчивымъ свѣтомъ гдѣ-то вдали, въ недоступномъ нашему сознанію *ничто*. Безсиліемъ своей собственной попытки онъ доказалъ справедливость своего отрицанія. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ возможнымъ дѣлать необходимыя заключенія къ предыдущему отъ послѣдующаго (31). Съ этой точки зрѣнія Гумбольдтъ полагаетъ, что та духовная сила, которая дѣлаетъ человѣка *человѣкомъ* и въ которой заключается индивидуальность *человѣческой природы*, проявлялась уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ *человѣческаго бытія*. «Уже на первой порѣ своей жизни,—говоритъ онъ,—человѣкъ выходитъ изъ границъ *настоящаю* мгновенія и не довольствуется однимъ чувственнымъ наслажденіемъ. У самыхъ дикарей есть склонность къ нарядамъ, къ пляскѣ, къ музыкѣ и пѣснямъ,—есть темныя гаданія о будущей судьбѣ за гробомъ. На этомъ основано множество надеждъ и заботъ, преданій и сказокъ, которыя восходятъ обыкновенно до перваго *человѣка*, къ его происхожденію и первобытному жилищу» (14). Само собою разумѣется, что въ языкѣ *человѣческой души* заявляетъ о себѣ самымъ положительнымъ образомъ. Отличіе *членораздѣльнаго звука* отъ крика животныхъ, по мнѣнію Гумбольдта, заключается въ томъ, что этотъ звукъ вынуждается силою духа, котораго нѣтъ у животныхъ, а отъ музыкальнаго тона—въ томъ, что этотъ послѣдній не есть актъ мысли, имѣющій назначеніе

выражать ее (63). Такимъ образомъ «языкъ» есть необходимое восполненіе мышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ естественное развитіе того дарованія, которое знаменуетъ въ человѣкѣ его человѣческую природу» (278).

Вотъ все, что можно найти у Гумбольдта о зарожденіи той великой индивидуальности, которая воплощается во всемъ человѣчествѣ, какъ *ничто*, свойственное одному человѣку. Очевидно, Гумбольдтъ принимаетъ человѣческую природу какъ бытіе, которое въ качественномъ отношеніи всегда было тѣмъ, что оно теперь есть, какъ бытіе готовое, а не возникающее. Но, отстранивъ отъ себя вопросъ о томъ, какъ возникло это бытіе, Гумбольдтъ какъ бы развязываетъ себѣ руки для всесторонняго изслѣдованія его проявленій. Здѣсь мысль его окрыляется бодрою увѣренностью, что она стоитъ на твердой почвѣ, доступной ея наблюденію. Задача его въ томъ, чтобы разсмотрѣть, какъ онъ самъ говоритъ, «во всю ширину тотъ путь, которымъ языкъ исходитъ изъ человѣческаго духа и на которомъ дѣйствуетъ на него обратно» (43).

Послѣдуемъ за нимъ по этому пути.

«Языкъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности, говоритъ Гумбольдтъ, представляется непрерывно текущимъ и преходящимъ съ каждой минутой. Письменность дѣлаетъ его, повидимому, неподвижнымъ, но, сберегая его въ видѣ муміи, она всегда предполагаетъ воспроизведеніе его живымъ голосомъ. Самъ же по себѣ языкъ есть дѣятельность *ἐνέργεια*, а не оконченное дѣло *ἔργον*. Языкъ есть безпрестанное повтореніе дѣйствія духа на членораздѣльный звукъ для претворенія его въ выраженіе мысли... *Живая рѣчь есть первое и истинное состояніе языка*... Назвать языкъ дѣятельностью духа умѣстно и справедливо уже и потому, что духъ человѣчeskій мы знаемъ только изъ его дѣятельности и можемъ представить себѣ только въ видѣ дѣятельности». (40—41).

Въ этихъ немногихъ положеніяхъ заключается живой нервъ всей теоріи Гумбольдта. Кто хочетъ войти въ живое существо языка, тотъ долженъ помнить, что *языкъ живетъ въ рѣчи, а не въ словаряхъ и грамматикахъ*. Слово записанное есть только скелетъ произнесеннаго или произносимаго слова, которое является всякій разъ, когда нужно дать объективную осязательность представленію, возникающему въ умѣ, — съ тѣмъ однако же, чтобы оно снова чрезъ слухъ въ формѣ слова возвратилось къ субъекту. «Это

возможно, — говоритъ Гумбольдтъ, — только посредствомъ языка, и безъ этого перехода въ объективность и возвращенія къ субъекту, совершающагося и тогда, какъ мышленіе происходитъ молча, невозможно образованіе понятія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самое мышленіе. Поэтому, вовсе не касаясь нужды сообщенія между людьми, языкъ былъ бы необходимымъ условіемъ мышленія для человѣка даже при всегдашнемъ его одиночествѣ. Но въ дѣйствительности языкъ всегда развивается въ сообществѣ людей, и человѣкъ познаетъ самого себя не иначе, какъ удостовѣряясь въ понятности словъ своихъ для другого. Объективность представленія становится очевиднѣе, когда слово, образовавшееся въ устахъ говорящаго, слышится изъ устъ другого, — а субъективность ничего не теряетъ, потому что каждый человѣкъ всегда чувствуетъ себя одинаковымъ со всѣми людьми». (51).

Итакъ, первый проблескъ сознательной мысли — такъ называемое представленіе — положительно нуждается въ языкѣ. Само по себѣ оно есть ничто иное, какъ субъективное возрѣніе на предметы. «Слово, — говоритъ Гумбольдтъ, — происходитъ именно изъ этого возрѣнія и есть отпечатокъ не предмета собственно, а порожденнаго имъ въ душѣ нашей образа. Такъ какъ ко всякому нашему возрѣнію неизбѣжно примѣшивается субъективность, то каждую человѣческую индивидуальность, независимо отъ языка, можно принимать за особенную точку міросозерцанія. (56). Но, отливаясь въ форму членораздѣльнаго звука, представленіе получаетъ, такъ сказать, свой особенный чеканъ, который предохраняетъ его отъ смѣшенія съ другими представленіями. Подъ защитой звука оно становится устойчивымъ для дальнѣйшей работы мысли. Отсюда вытекастъ знаменитое положеніе Гумбольдта, что «языкъ есть орудіе образованія мысли» (48), посредствомъ котораго міръ предметовъ перерабатывается въ міръ представленій. Онъ есть не только средство выразить добытую истину, но и открыть прежде неизвѣстную истину. Слово есть не только знакъ извѣстнаго представленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ методъ для образованія его. Языкъ есть міросозерцаніе.

Тѣ же свойства сохраняетъ языкъ и тогда, когда мы наблюдаемъ его въ живомъ общеніи между людьми, какъ рѣчь и пониманіе. Оба эти процесса составляютъ только видоизмѣненіе одной и той же дѣятельности. «Самый обыкновенный разговоръ, — говоритъ Гумбольдтъ, — нельзя представлять только передачею

матеріала. Слушающимъ, какъ и говорящимъ, матеріалъ этотъ развивается собственною внутреннею силою, и слушающій получаетъ отъ говорящаго только намекъ, который приводитъ обоихъ въ одинаковое настроеніе. Поэтому въ разговорѣ каждый чело-вѣкъ расположенъ высказывать мысль другого, лишь только пойметъ ее, потому что въ каждомъ чело-вѣкѣ есть способность и стремленіе мало-по-малу, по мѣрѣ внѣшнихъ или внутреннихъ поводовъ, производить и понимать языкъ во всей его безпре-дѣльности и своею собственною силой давать ему особенный характеръ сообразно съ своею индивидуальностью (58). Слово, вышедшее изъ устъ другого, пробуждаетъ въ нашей душѣ само-стоятельную работу мысли, выражающуюся въ томъ, что мы окрашиваемъ это слово собственною индивидуальностью. «Въ такой рѣчи,—говоритъ Гумбольдтъ,—никто не принимаетъ словъ совершенно въ одномъ и томъ же смыслѣ, и мелкіе оттѣнки значенія переливаются по всему пространству языка, какъ круги на водѣ при паденіи камня. Поэтому взаимное разумѣніе между разго-варивающими въ то же время есть и недоразумѣніе, и согласіе въ мысляхъ и чувствахъ—въ то же время и разногласіе». (62).

Такимъ образомъ и въ общественномъ употребленіи языкъ есть такое же «орудіе, образующее мысль», какъ и въ процессѣ уединеннаго мышленія. Сила дѣла заключается въ его посред-ствующей роли между сознаниемъ и предметомъ, отсюда противопо-ложность субъективнаго и объективнаго, съ другой стороны— между недѣлимимъ и обществомъ, отсюда противоположность рѣчи и пониманія. Понять ту и другую противоположность въ языкѣ — значитъ понять самое существо языка, обусловленное *тождествомъ* чело-вѣческой природы. «Она принадлежитъ мнѣ наравнѣ со всѣми,— говоритъ Гумбольдтъ,— и потому чуждое мнѣ въ языкѣ кажется мнѣ такимъ только въ извѣстный моментъ моего индивидуальнаго существованія, а не по основному и истинному существу моей природы» (61). «Какъ бы мы могли воспринимать и усваивать рѣчь другого, сформированную въ духѣ его индиви-дуальности, если бы и въ говорящемъ, и въ слушающемъ не было одно и то же существо, лишь разложенное на отдѣльныя лица, и при томъ для взаимнаго соотвѣтствія, такъ что для оди-наковаго возбужденія обоихъ довольно самага легкаго намека, лишь бы онъ происходилъ изъ глубины ихъ существа, какъ членораздѣльный звукъ слова». (54). «Люди понимаютъ другъ

друга не отъ того, чтобы дѣйствительно передавали другъ другу знаки вещей, и не отъ того, чтобы заставляли другъ друга воспроизводить въ себѣ совершенно одно и то же понятіе: они понимаютъ другъ друга собственно потому, что своими словами трогаютъ одинъ въ другомъ одни и тѣ же кольца цѣпи умственныхъ представленій и произведеній мысли, попадаютъ въ одинъ и тотъ же ладъ умственнаго инструмента, вслѣдствіе чего и происходитъ въ каждомъ соотвѣтствующее, но отнюдь не вполне одинаковое понятіе». (188).

Такова въ общихъ чертахъ жизнь языка на почвѣ индивидуальныхъ силъ, въ безконечномъ видоизмѣненіи личнаго творчества, которое «непрестанно стремится внести въ языкъ что-нибудь новое». (196). Само собою разумѣется, съ теченіемъ времени эта работа накапливается, и языкъ является самъ по себѣ силою, оплодотворяющею личное творчество. «Сформировавшіеся элементы въ языкѣ составляютъ нѣкоторымъ образомъ мертвую массу, но въ то же время содержатъ въ себѣ живой зародышъ нескончаемыхъ формаций. На каждомъ пунктѣ и въ каждую эпоху языкъ, какъ сама природа, является человѣку, въ противоположность извѣстному и передуманному имъ, неистощимымъ рудникомъ, изъ котораго онъ можетъ извлекать до сихъ поръ неизвѣданное его умомъ и неиспытанное чувствомъ». (59). Языкъ хранитъ въ себѣ живые слѣды умственной жизни предшествующихъ поколѣній, которыя «связаны съ нами въ родовой и семейный союзъ употребленіемъ тѣхъ же самыхъ звуковъ языка, которыми и мы выражаемъ свои чувства». Съ этой точки зрѣнія языкъ представляетъ своего рода умственную стихію, идущую навстрѣчу нарождающимся поколѣніямъ, которыя подчиняются его преданіямъ прежде, чѣмъ могутъ принять дѣятельное участіе въ его видоизмѣненіи. «Каждый языкъ образуетъ вокругъ народа свою сферу, которую надобно оставить, чтобы перейти въ подобную сферу другого народа. Поэтому изученіе чужого языка всегда должно бы быть приобрѣтеніемъ новой точки міросозерцанія; въ нѣкоторой степени такъ и бываетъ, потому что въ каждомъ языкѣ содержится особенная ткань понятій и представленій одной части человѣчества». (57). Отдѣльное лицо вплетается въ эту ткань свою долю воззрѣній, которыя сливаются съ общимъ міровоззрѣніемъ, составляющимъ душу народнаго языка. Очевидно, все новое въ языкѣ незамѣтными линіями сливается съ старымъ,

личное творчество не может рѣзко выдѣлиться въ особое теченіе, независимое отъ общихъ путей, по которымъ движется жизнь языка. Тѣмъ не менѣе языкъ не есть нѣчто замкнутое въ самомъ себѣ: живая волна бьетъ въ немъ вѣчнымъ прибоемъ изъ неистощимыхъ родниковъ индивидуальной жизни. Нужно помнить только, что эта жизнь не есть плодъ обдуманнаго размышленія или преднамѣреннаго плана. «Въ языкѣ нельзя допускать въ собственномъ смыслѣ намѣренія, говоритъ Гумбольдтъ. Если разумѣть подъ этимъ выраженіемъ какъ бы договоръ или даже только стремленіе собственной воли человѣка къ отчетливо сознаваемой цѣли, то намѣренность вовсе не имѣетъ мѣста въ образованіи языка. Она здѣсь обнаруживается, напротивъ, всегда только въ видѣ первоначальнаго инстинктивнаго чувства». (137).

Такъ сами собой падаютъ старинныя воззрѣнія на языкъ, какъ на инструментъ, изобрѣтенный людьми для практическихъ цѣлей, для удовлетворенія повседневныхъ нуждъ, для взаимной самопомощи и т. п. «Съ такимъ (условнымъ) языкомъ, — говоритъ Гумбольдтъ, — можно сравнить развѣ ту смѣсь языковъ, которая образуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно приморскихъ, отъ прилива людей разныхъ націй и нарѣчій, какъ, напримѣръ, *lingua franca* на берегахъ Средиземнаго моря. За исключеніемъ такого сброда словъ, во всѣхъ дѣйствительныхъ языкахъ повсюду удерживаютъ свои права личное воззрѣніе и индивидуальное чувство» (194). «И языки такъ называемыхъ дикарей, которые, конечно, должны быть ближе къ воображаемому естественному состоянію, обнаруживаютъ въ себѣ богатство и разнообразіе выраженій, далеко превышающее мѣру житейской нужды. Слова текутъ изъ груди свободно, безъ нужды и безъ цѣли» (57). Вообще говоря, съ точки зрѣнія Гумбольдта, творчество языка есть болѣе или менѣе счастливое прорицаніе, ибо «сила, творящая языки, не въ одинаковой степени дѣятельна во всѣхъ народахъ. Съ другой стороны, въ образованіи языка участвуютъ такія силы, которыхъ произведенія нельзя измѣрять разсудкомъ и его понятіями. Фантазія и чувство вносятъ въ языкъ свои индивидуально-различныя представленія соотвѣтственно индивидуальному характеру народа, и въ этомъ случаѣ разнообразіе формъ, въ какихъ представляется одно и то же идеальное содержаніе, можетъ простирается до безконечности» (89).

Въ чемъ же заключается сущность языка?

Еще въ одномъ изъ раннихъ сочиненій своихъ, въ изслѣдованіи языка басковъ, Гумбольдтъ замѣтилъ, что основой сравненія языковъ долженъ быть не отдѣльный анализъ отдѣльныхъ словъ, принадлежащихъ разнымъ языкамъ, а внутренняя аналогия въ словообразованіи въ связи съ цѣлымъ объемомъ корневыхъ звуковъ. Впослѣдствіи слова «внутренняя аналогія» Гумбольдтъ замѣнилъ терминомъ «внутренняя форма языка». Это именно есть сердцевина языка, изъ которой развивается его внѣшнее строеніе. Это есть «живое, индивидуальное расположеніе народа дѣйствовать въ образованіи языка такъ или иначе своимъ умомъ и чувствомъ» (42). Въ этомъ расположеніи отпечатлѣвается все душевное существо народа, какъ съ качественной стороны — его умъ, фантазія и чувство, такъ и съ количественной — сила, энергія его духа. Внутренняя форма языка не легко поддается отчетливому анализу мысли, хотя явственно различается чувствомъ. «Языки въ этомъ отношеніи, говоритъ Гумбольдтъ, — точь-въ-точь, что фیزیономіи: сравнивая ихъ между собою, живо чувствуешь особенности и ясно видишь сходства, а между тѣмъ чувства этого не подведешь ни подъ какой масштабъ» (43). Во всякомъ случаѣ, въ составъ внутренней формы языка Гумбольдтъ вводитъ прежде всего образованіе корней, обусловленное одинаковостью возрѣній, присущихъ языку. Затѣмъ идеальное обозначеніе понятій, выраженныхъ въ корняхъ показателями отношеній, которые прибавляются къ названіямъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій, — то, что въ грамматикахъ называется частями рѣчи (44), — наконецъ, логическую связь понятій, являющуюся въ опредѣленной системѣ, «съ которою можно сравнивать извлекаемую изъ каждаго языка систему грамматическихъ категорій» (92). Само собою разумѣется, что реальныя свойства звуковъ, не исключая тончайшихъ особенностей народнаго говора, тоже относятся къ области внутренней формы языка (45).

Такимъ образомъ, вопросъ о различіи языковъ сводится къ опредѣленію внутренней формы ихъ, ибо только она одна рѣшаетъ, къ какому племени принадлежитъ извѣстный языкъ по своему генетическому родству. Путемъ философскихъ наблюденій надъ природой и жизнью языка Гумбольдтъ пришелъ къ признанію существеннаго качества въ языкахъ, которое должно быть положено въ основу классификаціи языковъ. Онъ ищетъ идеальной нормы языковъ не тамъ, гдѣ искали ее прежде, — не

въ классическихъ языкахъ и не въ логическихъ категоріяхъ, а въ самыхъ языкахъ, въ собственномъ строеніи ихъ. Идея о внутренней формѣ языка нанесла рѣшительный ударъ философской грамматикѣ. «Такъ какъ назначеніе языка,—говоритъ Гумбольдтъ, служить выраженіемъ идей, то сравненіе его съ идеальною областью, повидимому, надобно бы начинать съ понятій и отъ нихъ переходить къ словамъ... Но при такомъ обратномъ ходѣ изслѣдованія встрѣтилось бы необходимое внутреннее препятствіе. Съ одной стороны, понятіе, выражаясь въ словѣ, тотчасъ перестаетъ быть чистою идеею ума... Съ другой стороны, выставивъ чисто умственные категоріи, при первомъ покушеніи идти далѣе, замѣчаешь, что между самою ограниченою категоріей и между понятіемъ, какъ оно выражено формою слова, лежитъ непроходимая бездна... Поэтому логическая классификація понятій въ языкѣ не можетъ имѣть приложенія» (104—165).

Несмотря, однако же, на рѣшительное заявленіе о томъ, что форма языка и форма мысли не одно и то же, Гумбольдтъ не показалъ взаимнаго отношенія той и другой, и оттого формѣ языка онъ приписываетъ иногда то, что въ сущности принадлежитъ мысли. «Формы нѣсколькихъ языковъ,—говоритъ онъ,—могутъ сходиться въ одной общей всѣмъ формѣ, и формы всѣхъ языковъ дѣйствительно подходятъ подъ одну общую всѣмъ форму» (46).

«Общіе законы въ языкахъ вытекаютъ изъ требованій мышленія, которыя выражаются въ употребленіи звуковой формы для названія предметовъ и для связи мыслей» (47). Судя по этимъ выраженіямъ, форма языка есть безличная схема, снятая съ общихъ свойствъ духовной природы человѣка. Откуда же она беретъ краски? Отчего форма всѣхъ языковъ, по выраженію Гумбольдта, «въ сущности одинаковая», неодинакова въ явленіи, въ дѣйствительной жизни языковъ (279)?

На этотъ вопросъ Гумбольдтъ отвѣчаетъ указаніемъ на два жидительныя начала въ языкѣ. Это 1) внутреннее чувство языка, подъ которымъ, по его словамъ, нужно разумѣть «не особенную силу, а всю духовную способность къ образованію и употребленію языка, слѣдовательно, только ея направленіе» (279); 2) звукъ въ его зависимости отъ свойствъ органовъ и отъ наслѣдственныхъ способовъ произношенія. «Дѣло зависитъ отъ энергіи силы, съ какою внутренняя потребность слова, т.-е. внутрен-

нее чувство языка дѣйствуетъ на звукъ и преобразуетъ его во всѣхъ отѣнкахъ въ живое выраженіе мысли. А эта энергія не вездѣ можетъ быть одинакова, не вездѣ дѣйствуетъ съ одинаковою напряженностью, живостью и послѣдовательностью» (280). Особенно многозначительны слова Гумбольдта о творческомъ характерѣ членораздѣльнаго звука. «Звукъ самъ по себѣ,—говоритъ Гумбольдтъ,—былъ бы страдательнымъ, воспринимающимъ форму веществомъ. Но, превращаясь силою воспринимающаго его чувства языка въ звукъ членораздѣльный и чрезъ то совмѣщая въ себѣ въ неразрывномъ единствѣ и всегдашнемъ взаимодействіи и разумную, и чувственную силу, онъ становится въ языкѣ истинно и, по видимому, даже самостоятельно творящимъ своею символическою дѣятельностью началомъ» (279).

На чемъ же основана связь звука съ мыслью?

Гумбольдтъ подробно говоритъ о природѣ членораздѣльнаго звука, объ удобствахъ его для выраженія мысли, о ритмическихъ и музыкальныхъ свойствахъ его,—тѣмъ не менѣе сочетаніе мысли и звука онъ считаетъ необъяснимымъ. «Анализируй,—говоритъ онъ, сколько угодно, понятія, разлагай, сколько возможно, слова: отъ этого нисколько не будетъ яснѣе, какъ именно мысль совокупляется съ звукомъ» (189). Одно можно сказать только, что между звукомъ и понятіемъ есть соотвѣтствіе. Это видно изъ того, что языкъ для выраженія сходныхъ понятій употребляетъ одни и тѣже корни. Гумбольдтъ допускаетъ особое высшее начало для выраженія сходства и несходства понятій въ тѣхъ или другихъ звуковыхъ сочетаніяхъ, — разумное чувство звуковъ или звуковой смыслъ, который стремится къ тому, «чтобы звукъ проникнуть былъ значеніемъ, чтобы самый чуткій слухъ не находилъ въ немъ ничего, кромѣ его значенія, и чувствовалъ это значеніе тотчасъ, безъ всякой посторонней примѣси» (80—81). По мнѣнію Гумбольдта, есть три способа обозначенія понятій. 1) Непосредственное звукоподражаніе, съ которымъ членораздѣльный звукъ воспроизводитъ нечленораздѣльный, свойственный самому предмету. Это нѣкоторымъ образомъ грубая живопись въ словахъ, не соотвѣтствующая истинной природѣ человѣческаго языка. 2) Символическое названіе предмета не на основаніи звука, свойственнаго ему, а на основаніи сходства впечатлѣній со стороны предмета и со стороны звука. Такъ, слова: *стоять, стойкій, станъ* напоминаютъ своими звуками впечатлѣніе чего-то твердаго, по-

стояннаго. Обыкновенно цѣлый рядъ предметовъ производитъ сходное или даже одинаковое впечатлѣніе на разныя чувства, но отражается эта однородность впечатлѣнія въ чувствѣ слуха, т.-е. оно переносится изъ другихъ чувствъ на чувство слуха и выражается въ томъ, что цѣлый рядъ предметовъ называется словами одного корня. Гумбольдтъ предполагаетъ, что въ періодъ первоначальнаго творчества словъ этотъ способъ названія предметовъ игралъ важную роль и, можетъ быть, господствовалъ исключительно, но въ то же время предостерегаетъ отъ увлеченій: «если бы кто-нибудь захотѣлъ найти въ этомъ способѣ выраженія ключъ къ объясненію происхожденія и образованія словъ и, несмотря на сомнѣнія, возникающія на каждомъ шагу, сталъ бы проводить это начало по всему матеріалу языка, тотъ попалъ бы на самый скользкій путь съ явною опасностью падать и заблуждаться непрерывно и непредѣльно» (77). Изъ символизма нельзя вывести ни языка, ни языковъ. Наконецъ, 3) аналогическое выраженіе понятій. Оно отличается отъ символическаго тѣмъ, что «основаніемъ для выбора звуковъ служитъ не свойство самыхъ звуковъ, а другая сторона словъ—ихъ значеніе» (78). Выходить, повидимому, что аналогическій способъ тотъ же, что и символическій, но съ перевѣсомъ анализирующей мысли, которая служитъ точкой отправленія въ подборѣ звуковъ для названія *сходныхъ понятій*.

Мы извлекли изъ теоріи Гумбольдта всѣ существенныя ея положенія. Мы видѣли слабую сторону ея въ метафизической завязкѣ, которая, однако же, разрѣшается вовсе не метафизической развязкой, потому что Гумбольдтъ въ основу своего труда положилъ изученіе различія въ строеніи человѣческихъ языковъ, не ограничиваясь арійскимъ типомъ, въ сферѣ котораго преимущественно вращается доннынѣ сравнительное языкознаніе. Стоя исключительно на арійской почвѣ, можно прійти къ такимъ же заблужденіямъ, въ какіе впадало исключительно философское направленіе. Труды Гумбольдта предохраняютъ отъ этихъ заблужденій. Съ другой стороны, философское знаніе мысли, воздвигнутое Гумбольдтомъ на основѣ изученія языковъ разнаго типа, рѣзко отличается отъ трудовъ, созданныхъ подъ знаменемъ Всеобщей Грамматики. Правда, въ этомъ знаніи не все выстроено изъ новаго матеріала, — отсюда колебанія Гумбольдта въ опредѣленіи внутренней формы языка и нѣсколько абстрактное пониманіе ея, — но все же

это не заслонило отъ него мысли о разныхъ формахъ языка, въ основаніи которыхъ лежитъ не одно логическое начало, но вся сумма индивидуальныхъ силъ, присущихъ природѣ человѣческой. Теорію Гумбольдта именно можно назвать теоріей индивидуальныхъ силъ, наблюдаемыхъ въ процессѣ ихъ дѣятельности. «Языкъ есть дѣятельность (*ἐνεργεια*), а не окончательное дѣло (*ἔργον*)». Это основное положеніе въ ученіи Гумбольдта. Отсюда непосредственно слѣдуетъ второе положеніе: «языкъ есть органъ, образующій мысль». Нельзя сказать, чтобы и это положеніе высказано было тоже безъ колебаній. Мы видѣли, что Гумбольдтъ старается удержать въ равновѣсїи моментъ языка и моментъ духа, не приписывая первенства по времени ни тому, ни другому; тѣмъ не менѣе, какъ онъ самъ говоритъ, «языкъ держится на духѣ», — поэтому намъ необходимо со всею точностью опредѣлить, что разумѣетъ Гумбольдтъ подъ духомъ. «Настоящая матерія языка, — говоритъ Гумбольдтъ, — съ одной стороны — звукъ вообще, съ другой — совокупность чувственныхъ впечатлѣній и невольныхъ движеній духа, предшествующихъ образованію понятій, которое совершается уже съ помощью слова» (44). Очевидно изъ этихъ словъ, что Гумбольдтъ вовсе не соединяетъ съ словомъ *духъ* представленія о сознательной умственной дѣятельности, которая въ высшихъ проявленіяхъ своихъ, напримѣръ, въ математикѣ, выходитъ за предѣлы языка, а въ низшихъ проявленіяхъ, напримѣръ, въ сновидѣніяхъ, не дорастаетъ до языка. Гумбольдтъ понималъ, что съ научной точки зрѣнія о человѣческомъ духѣ можно говорить не иначе, какъ о силѣ, обусловленной физиологическимъ устройствомъ человѣка. И вотъ языкъ является какъ разъ въ пунктѣ возникновенія человѣческаго духа или, какъ говоритъ Гумбольдтъ, «путемъ эволюціи чувства въ звукахъ, которое постепенно происнялось» (162). Чѣмъ было это чувство *до* появленія языка, это, какъ мы видѣли, считаетъ Гумбольдтъ тайной, недоступной человѣческому разумѣнію. Въ одномъ только, по его мнѣнію, нельзя сомнѣваться, что посредствомъ языка преобразуются низшія формы неизвѣстной намъ силы въ высшія формы извѣстнаго намъ человѣческаго духа, что въ то самое время, какъ возникаетъ языкъ, онъ уже есть поэтому самому возникшій человѣческій духъ. Языкъ есть мѣсто рожденія человѣческаго духа. ✎

Таковъ общій смыслъ теоріи Гумбольдта. Особенности ея — въ широкое воззрѣніе на жизнь языка. Самые глухіе углы этой

жизни выступают предъ нами въ нѣкоторомъ освѣщеніи. Конечно, это свѣтъ неполный: мы видимъ только, гдѣ лежатъ эти углы, а что въ нихъ скрыто, не знаемъ. Но много значитъ уже и то, что для насъ ясны, по крайней мѣрѣ, общія очертанія явленій, которыя поставлены въ живую связь съ индивидуальными силами человѣка. Обаятельное вліяніе Гумбольдта заключается въ его созерцательномъ умѣ, который увлекаетъ самымъ процессомъ творчества. Вся сила этого рода умовъ—не столько въ положительномъ рѣшеніи вопросовъ, сколько въ возбудительномъ вліяніи на другіе умы, которые стремятся досказать недосказанное.

П. Житецкій.

Новый переводъ Упанишадъ.

D-r Paul Deussen, Sechzig Upanishad's des Veda. Aus dem Sanskrit übersetzt und mit Einleitungen und Anmerkungen versehen. Leipzig 1897.

Въ мірѣ ориенталистовъ появленіе новой книги профессора Дейссена несомнѣнно составляетъ крупное и желанное событіе.

Профессоръ Дейссенъ обладаетъ глубокими и разносторонними познаніями въ области языковѣдѣнія и индійской философіи, и всѣ его работы одинаково отличаются зрѣлостью сужденій, безпристрастіемъ и полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было научныхъ «коньковъ».

Узкое церковничество англійскихъ университетовъ не даетъ полной свободы и англійской наукѣ, особенно, если наука эта приходитъ въ соприкосновеніе съ богословскими тяготѣніями англиканизма. А при односторонности, къ чему бы эта односторонность ни относилась, безпристрастіе не можетъ не страдать.

Другой большой недостатокъ ориентализма, это—склонность къ увлеченіямъ въ области всевозможныхъ научныхъ утопій. Съ легкой руки англійскаго ученаго Покока (Pocock), пытавшагося отождествить Кришну съ Геркулесомъ на томъ основаніи, что *Hercules* и *Hari-kula* (семья солнца буквально, или солнечная династія древнихъ Раджпутовъ, къ которой принадлежалъ Кришна) по звуку почти одно и то же слово, и въ другихъ ориенталистовъ вселилась страсть къ самымъ смѣлымъ обобщеніямъ. Я говорю не о дилетантахъ ориентализма, число которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ и въ Европѣ и въ Америкѣ и которымъ, понятное дѣло, и книги въ руки по части заманчивыхъ, но несомнѣтельныхъ выводовъ. Нѣтъ, настоящіе ученые, какъ, напримеръ, Сох, Mahaffy и даже самъ маститый Max Müller, не мало погрѣшили на этомъ шаткомъ поприщѣ.

На каедряхъ восточныхъ языковъ и на страницахъ ученыхъ журналовъ заявлялось, напримѣръ, что «Веды—настоящая теогонія всѣхъ арійскихъ народовъ», что «наука сравнительной миѳологіи скоро возвысится до той же важности, какъ и сравнительная филологія». Эвридика, Дафне, Брунгильда и Урвази древней Индіи складывались въ одинъ ящикъ подъ общимъ названіемъ «дѣвственной спутницы Авроры». Индусскіе стихійные духи Маруты отождествлялись съ Марсомъ воинственнаго Рима. И, по утверженію Тэйлора, ученаго автора »The origin of the Aryans», никто не хотѣлъ видѣть никакой разницы между Ведическими и Эллинскими *харитами*, несмотря на то, что «Хариты, девять коней Индры, ни числомъ, ни поломъ, ни формой, ни назначеніемъ ни въ чемъ не напоминали трехъ грацій, Харитъ греческой миѳологіи».

Вообще, если ориенталистъ не исключительно филологъ, интересующійся своимъ дѣломъ единственно съ точки зрѣнія суффиксовъ и флексій (какъ, напримѣръ, Whitney, американскій ученый, теперь уже покойный), то онъ ужъ почти навѣрное руководится какимъ-нибудь конькомъ и видитъ въ богатѣйшей литературѣ древней Индіи только неисчерпаемый складъ разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, въ которомъ, при желаніи, можно найти подтвержденіе любой предвзятой теоріи. И понятно, вредъ для настоящей науки, интересующейся настоящей философіей и психологіей, будетъ все тотъ же, относится ли предвзятая идея ориенталиста къ области религіознаго фанатизма, или къ области научнаго фантазерства, всегда занимательнаго, часто блестящаго и даже ученаго, но не выдерживающаго серьезной критики.

Профессоръ Дѣйссенъ представляетъ рѣдкое явленіе глубокаго и разносторонняго ученаго, свободнаго отъ предубѣжденій и руководствующагося не предвзятой идеей, а исключительно интересами чистой, безпристрастной науки.

Самый популярный изъ всѣхъ трудовъ Дѣйсена—«Элементы метафизики». Затѣмъ слѣдуетъ «Общая Исторія философій». Онъ также далъ наукѣ ориентализма прекрасный переводъ Веданты Сутры. Но главная заслуга его не въ глубокихъ познаніяхъ по части философій, какъ науки, не въ хорошихъ переводахъ, а въ томъ, что какъ истолкователь древне-индійской мысли, онъ не имѣетъ себѣ равнаго. Его «Система Веданты», а также послѣдній его трудъ «Upanishads des Veda» положительно оста-

вляють далеко позади все, что когда-либо было сдѣлано на этомъ поприщѣ.

Изо всѣхъ переводовъ Упанишадъ до сихъ поръ признавались лучшими переводы Роэра и Макса Мюллера. У Роэра предпочтеніе замѣтно отдавалось формѣ, и не только ясность изложенія, а просто-напросто смыслъ зачастую страдалъ ради безукоризненности синтаксиса и этимологіи. У Макса Мюллера, наоборотъ, во многихъ мѣстахъ не найдется не только излишней буквальности, но также и желательной и даже необходимой точности. Нѣкоторыя строфы—въ Катха-Упанишадѣ, на примѣръ, —почтенный профессоръ излагаетъ чуть что не «своими словами», чего, конечно, не всегда можно избѣжать въ виду осмысленности перевода, но что не безопасно, такъ какъ отъ вольнаго перевода до научнаго фантазерства одинъ шагъ.

Профессоръ Дѣйссенъ сумѣлъ избѣжать сухости Роэра и неточностей Макса Мюллера и во всѣхъ его 10 великихъ и 50 малыхъ Упанишадъ языкъ перевода ровень и вполне литературенъ. По отзывамъ самыхъ взыскательныхъ оріенталистовъ, не совсѣмъ удаченъ переводъ Иша-Упанишады, въ которомъ попадаются сомнительныя выраженія; но даже и тѣ изъ оріенталистовъ, которые готовы оспаривать профессора Дѣйсена по нѣкоторымъ пунктамъ, согласны въ томъ, что тѣ соображенія, которыми онъ руководствовался при выборѣ словъ перевода, всегда добросовѣстны и заслуживаютъ вниманія

Единственный болѣе или менѣе крупный недостатокъ въ послѣднемъ трудѣ профессора Дѣйсена это, что онъ придерживается традиціоннаго порядка въ распредѣленіи матеріала Упанишадъ. Какъ извѣстно, у браминовъ принято распредѣлять Упанишады по Ведамъ: Кена-Упанишадъ включена въ Сама Веду, Катха-Упанишадъ въ Яджуръ-Веду и т. д. Это распредѣленіе приписывается самому Вьясъ, знаменитому собирателю Ведъ, вслѣдствіе чего консервативная Индія считаетъ его какъ бы заповѣднымъ, священнымъ.

Между тѣмъ для европейцевъ едва ли есть основаніе считать этотъ порядокъ желательнымъ. Ужъ не говоря о томъ, что едва ли логично соединять въ одно цѣлое два литературныхъ памятника, которые не только не сходны, а просто противоположны по духу. Упанишадъ—самая пламенная проповѣдь самаго отвлеченнаго идеализма. Веды — заклинанія стихійныхъ духовъ,

пѣснопѣнія и совершенно внѣшніе обряды, посредствомъ которыхъ достигались матеріальныя блага міра сего. Союзъ между Ведами и Упанишадами только внѣшній, механической, внутренняго же органическаго союза по духу и смыслу между ними усмотрѣть невозможно.

Въ хронологическомъ и этнографическомъ, если можно такъ выразиться, отношеніи такое подраздѣленіе также хромаетъ. Веды и Упанишады—наслѣдіе разныхъ расъ, разныхъ какъ по географическому положенію, такъ и по цвѣту кожи. Когда возникли тѣ и другія, европейскіе ученые не имѣютъ на это положительнаго отвѣта. Но едва ли будетъ слишкомъ большою смѣлостью предположить, что два литературныя произведенія, совершенно разныя по духу, содержанію, формѣ, образности языка, не могутъ принадлежать одной и той же эпохѣ и странѣ.

Одно изъ двухъ, или одно изъ нихъ неизмѣримо старше другаго,—которое не берусь рѣшать,—или же они возникли въ совершенно разныхъ странахъ, у совершенно разныхъ народовъ и были сближены историческими судьбами не въ младенчествѣ своемъ, а въ то время, когда они выразились уже въ двухъ совершенно законченныхъ міровоззрѣніяхъ, которыя впослѣдствіи богословская схоластика соединила въ якобы одно нераздѣльное цѣлое.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ Ведами, не можетъ не подмѣтить, что всѣ тѣ блага земныя, о которыхъ говорится въ гимнахъ, прямо указываютъ на земледѣльческой образъ жизни того народа, среди котораго они сложились. Кромѣ класса земледѣльцевъ, въ Ведическую эпоху былъ также силенъ и жрецескій элементъ, элементъ браминовъ, пѣвцовъ и заклинателей.

Ничего подобнаго въ Упанишадахъ нѣтъ. Ихъ метафоры не исключительно земледѣльческія, ихъ стремленія не къ матеріальнымъ благамъ міра сего. Въ нихъ упоминаются не жрецы и земледѣльцы, а цари, правители, воины.

Не слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть указаніе на то, что гимны Ведъ — наслѣдіе архаическаго земледѣльческаго народа, находившагося на не особенно высокой степени духовнаго развитія, а Упанишады перешли къ намъ отъ народа, тоже архаическаго, но болѣе мощнаго какъ по личнымъ качествамъ его сыновъ, воинской доблести и законодательной мудрости, такъ и вообще по духовнымъ стремленіямъ, идеаламъ и воззрѣніямъ?

Но объ этомъ послѣ; къ этому предположенію намъ еще будетъ случай вернуться. Пока не могу не повторить сожалѣнія, что профессоръ Дѣйссенъ сохранилъ въ своемъ превосходномъ трудѣ классификацію Упанишадъ, которой не найдется основанія ни въ хронологіи, ни въ самомъ духѣ ихъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что въ той же консервативной Индіи, для которой преданіе священно, существуетъ еще другое распредѣленіе Упанишадъ, не такое древнее, какъ распредѣленіе Вьясы, но совершенно такое же традиціонное, совершенно также освященное преданіемъ и давностью. Я говорю о классификаціи, которой придерживался Шри-Шанкарарачарія въ своихъ комментаріяхъ на Упанишадъ. Какъ извѣстно, онъ отбросилъ распредѣленіе Вьясы и комментировалъ Упанишадъ, смотря по длинѣ, начиная съ самой короткой и кончая самой длинной.

Довольно длинное предисловіе, которое профессоръ Дѣйссенъ предпосылаетъ своему переводу, чрезвычайно характерно и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Но по недостатку мѣста привожу только самыя выдающіяся мѣста.

«Упанишадъ для Ведъ,—говоритъ профессоръ Дѣйссенъ, то же что Новый Завѣтъ для Библии; аналогія эта не поверхностная и не случайная, такъ какъ она имѣетъ глубокіе корни въ общемъ законѣ развитія религіозной жизни, который проявляется одинаково въ обѣихъ областяхъ. Пока народъ не вышелъ изъ младенчества, религія придерживается заповѣдей и запретовъ, освящая ихъ обѣщаніемъ награды и угрозой наказанія; при этомъ орудіе ея — эгоизмъ, который она считаетъ самой сущью нормальнаго человѣка и дальше котораго не идетъ. Болѣе высокая степень религіознаго развитія наступаетъ вмѣстѣ съ сознаніемъ, что конечной цѣли человѣкъ не можетъ достигнуть посредствомъ дѣлъ, на которыя его побудили страхъ или надежда, что вѣчная задача существованія заключается не въ удовлетвореніи эгоизма, а въ его уничтоженіи, и что наша настоящая богоподобная природа только тогда проникнетъ сквозь оболочку нашей индивидуальности, когда эгоизмъ будетъ уничтоженъ. Дѣтскія понятія о спасеніи, основанномъ на дѣлахъ, Библия проявляетъ въ законѣ Ветхаго Завѣта, а Веды въ той части, которую индійскіе богословы называютъ *Кармаканда*... Какъ Ветхій Завѣтъ, такъ и Ведическая Кармаканда устанавливаютъ законъ и обѣщаютъ награду тѣмъ, кто его исполняетъ, и грозятъ

наказаніемъ тѣмъ, кто его нарушаетъ. Съ одной стороны, теорія индусовъ имѣетъ то преимущество, что въ ней воздаяніе отчасти относится къ послѣдующимъ существованіямъ, благодаря чему скрадывается ея несогласіе съ опытомъ житейскимъ, что создаетъ столько трудностей для ветхозавѣтнаго ученія о воздаяніи, ограниченнаго земной жизнью. Но, съ другой стороны, выдающаяся особенность библическаго благочестія это то, что оно гораздо менѣ смѣшивается съ предписаніями обрядности, чѣмъ у индусовъ, и, такимъ образомъ, болѣе ихъ настаиваетъ на безупречной нравственной жизни. Въ интересахъ человѣческаго общежитія это—великое преимущество. Но въ сущности, въ видахъ нравственной оцѣнки житейскихъ правилъ, не составляетъ разницы, относится ли рачительность человѣка къ служенію воображаемымъ богамъ или ближнему: до тѣхъ поръ, пока его манитъ впередъ конечная цѣль его личнаго благополучія, то и другое—только средства, ведущія къ эгоистической цѣли, а слѣдовательно, съ нравственной точки зрѣнія, важности не имѣющія и ошибочныя, какъ и самая цѣль».

Вышеприведенный отрывокъ достаточно показываетъ, какъ вѣрно профессоръ Дѣйссенъ понимаетъ основную идею индійской мудрости. Ея идеаль—безспорно освобожденіе человѣка отъ оковъ и ограниченій его собственной личности, отъ рабства, въ которомъ находится человѣкъ, живущій для своихъ страстей и честолюбія въ этой жизни и стремящійся достигнуть вѣчнаго благополучія, сверхъ того, въ вѣкъ будущемъ, посредствомъ полумеханическаго исполненія требованій условной нравственности и обрядности. Дѣло тутъ не въ личномъ спасеніи, а въ свободѣ отъ личности, въ перерожденіи человѣка, въ его способности сознательно жить духовною жизнью, въ которой не осталось ничего тлѣннаго, мелкаго, эгоистичнаго, что видно изъ словъ одной изъ Упанишадъ: «Когда всѣ вожелѣнія, живущія въ сердцѣ, пройдутъ, смертное сдѣлается безсмертнымъ и внидетъ въ область Вѣчнаго». Относительно этого вопроса профессоръ Дѣйссенъ совершенно правъ, какъ то увидитъ всякій, кто пожелаетъ вникнуть въ дѣло.

Но едва ли онъ одинаково правъ въ своей теоріи развитія религій. Правда ли вообще, что религіи зарождаются на дѣтскихъ началахъ и только въ послѣдствіи развиваются въ болѣе полную систему, съ болѣе возвышеннымъ духовнымъ идеаломъ?

Не надо быть слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобы признавать, что человѣчество, взятое цѣликомъ, несомнѣнно подвигается впередъ, что нравственные идеалы человѣка становятся возвышеннѣе, а духовность религіозныхъ стремленій получаетъ все болѣе широкій захватъ. Но это не есть результатъ развитія той или другой отдѣльно взятой религіозной системы. Нельзя сказать, что христіанство есть только дальнѣйшее развитіе іудаизма. Нельзя сказать, чтобы буддизмъ, проникнувъ въ Китай, возвысивъ и одухотворивъ религіозную мысль китайцевъ, былъ якобы продолженіемъ ученія Конфуція, очень альтруистическаго, преисполненнаго очень высокою этики, но матеріальнаго въ своихъ идеалахъ, ограниченнаго, какъ и самъ земной человѣкъ.

Не христіанство было продолженіемъ іудаизма, а талмудъ, который, какъ и всякую кристаллизацию мысли, гораздо вѣрнѣе счесть вырожденіемъ, чѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ. Коренныя религіи Японіи и Китая только уступили дорогу болѣе сильному, болѣе животворящему буддизму, а отнюдь не послужили ему матеріаломъ для дальнѣйшаго развитія.

Возникновеніе новыхъ религіозныхъ идеаловъ никогда не бываетъ мирнымъ и логичнымъ развитіемъ того, что было прежде. Напротивъ, оно всегда есть протестъ, страстное и горячее отрицаніе старыхъ идеаловъ, всегда сопровождается мучительною ломкой, страданіями, гоненіями. Такъ оно бываетъ въ личной жизни и въ исторіи народовъ. Религія Христа есть протестъ противъ мертвой буквы іудейскаго закона. Религія Будды есть протестъ противъ браминской казуистики, схоластики и узурпаторства. Даже лютеранство не есть развитіе католичества, а протестъ противъ его тиранніи.

Едва ли будетъ слишкомъ большою смѣлостью сказать, что новыя религіозныя движенія никогда не бываютъ продолженіемъ той или другой прежде существовавшей религіозной системы. Возникновеніе новыхъ духовныхъ идеаловъ есть результатъ новаго вдохновенія. Оно есть новый лучъ свѣта, истекающій изъ предвѣчнаго источника, вдохновлявшаго всѣхъ пророковъ, святыхъ, мудрецовъ и поэтовъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Оно есть новый фазисъ, облакающій Божественное Откровеніе.

Свѣтъ истины, Божественное Откровеніе, свѣтитъ человѣку все ярче и ярче, по мѣрѣ того онъ идетъ впередъ. Но отдѣльныя религіозныя системы не развиваются, а, напротивъ, вырождаются.

Соотношеніе Ведъ и Упанишадъ, которыя человѣческой произволь соединилъ въ одно якобы не раздѣльное цѣлое, только подтверждаютъ вышесказанное. Для міра, жившаго подъ властью Ведическаго закона, мировоззрѣніе Упанишадъ было новымъ откровеніемъ и не могло не быть таковымъ.

О томъ, какъ брамины впервые узнали тайное ученіе Упанишадъ, даютъ кое-какія указанія двѣ изъ нихъ, а именно: Чхандогья и Брихада-Араньяка (Chandogya, Brihada-Aranyaka).

Чхандогья рассказываетъ о томъ, что жилъ-былъ на свѣтѣ отрокъ браминъ по имени Шветакету, внукъ Аруны, и—его отецъ обратился къ нему, говоря: «Шветакету, иди научись служить Предвѣчному, потому что никто, милый, въ нашей семьѣ не поклоняется ему неразумнымъ формальнымъ образомъ».

Затѣмъ юноша пошелъ, «когда ему было двѣнадцать лѣтъ, и вернулся, когда ему стало двадцать четыре», познавъ въ промежуткѣ всю премудрость, находившуюся въ области браминовъ. Въ чемъ состояла эта премудрость, указываетъ дальше та же Чхандогья. Когда Шветакету вернулся домой, отецъ его вскорѣ замѣтилъ, что ученіе не пошло ему впрокъ, а только сдѣлало его тщеславнымъ. ...«Kehrte zurück hochfahrenden Sinnes, sich weise dünkend und stolz (Upanishad's des Veda, 160)». Тогда самъ отецъ принимается поучать его и велитъ ему поститься. «И онъ ничего не ѣлъ въ продолженіе пятнадцати дней, и затѣмъ приблизился къ нему и сказалъ: что мнѣ сказать, Учитель? Скажи стихи Ригъ-Веды, богослуженіе Яджурь-Веды и пѣсни Сама-Веды...»

Послѣ первой неудачной попытки сынъ съ успѣхомъ исполняетъ приказаніе отца.

Но въ послѣдствіи случилось такъ, что Шветакету, внукъ Аруны, отправился на собраніе Панчаловъ. Тамъ сказалъ ему Правахана, сынъ Дживалы:

- Юноша, посвященъ ли ты отцомъ твоимъ?
- Да, господинъ,—сказалъ онъ.
- Знаешь ли ты, куда созданное уходитъ отсюда?
- Нѣтъ, господинъ,—сказалъ онъ.
- Знаешь ли ты, какъ оно сюда возвращается?
- Нѣтъ, господинъ,—сказалъ онъ, и т. д.»

Наконецъ, молодой браминъ, гордый своей наукой, оставляетъ собраніе Панчаловъ въ великомъ гнѣвѣ и горько упрекаетъ отца.

Но эта сцена упрековъ гораздо яснѣе въ той версіи того же событія, которую даетъ Брихада Араньяка Упанишада. Поэтому перехожу къ ней:

«И онъ пришелъ къ своему отцу и сказалъ ему:

— Такъ вотъ что означало твое давнишнее заявленіе, что мое посвященіе совершилось!

— Какъ такъ, мой умница (*Verständiger*)?

— Этотъ князекъ предложилъ мнѣ пять вопросовъ, и я ни на одинъ не могъ отвѣтить.

— Какіе пять вопросовъ?

— Такіе,—сказалъ онъ и повторилъ главное.

И тотъ (отецъ) сказалъ:

— Тебѣ бы слѣдовало знать меня, милый, и что я сообщилъ тебѣ все, что самъ знаю. Но пойдѣмъ къ нему и пусть онъ поставитъ насъ въ ученіи.

— Ступай одинъ,—отвѣтилъ онъ и т. д.»

Преданіе о злоключеніи этого сердитаго браминскаго юноши имѣетъ двойное значеніе. Во-первыхъ, оно устанавливаетъ, что, по мнѣнію самихъ Упанишадъ, браминская наука состояла, до слиянія съ ними, только изъ молитвъ, пѣсней и заклинаній, находящихся въ Ригъ, Яджуръ и Сама—Ведахъ. Къ слову сказать, Атхарва, четвертая Веда, которая въ наши дни числится между священными книгами, но о которой Чхандогья-Упанишада не упоминаетъ, даже въ Индіи считается далеко не такой подлинной, какъ остальные три. А во-вторыхъ, то же преданіе показываетъ, что и до слиянія съ Ведами философія Упанишадъ уже имѣла распространеніе среди древнихъ Раджпутовъ, потому что Правахана, сынъ Дживалы, котораго разгнѣванный Шветакету презрительно называетъ «этимъ князькомъ», зовется *Раджанія*—равнозначущее Раджпутъ, *Раджа*—царь и *Кшатрія*—воинъ племени Панчаловъ,—въ нѣсколькихъ мѣстахъ обоихъ пересказовъ преданія, какъ въ Чхандогѣ, такъ и въ Бр.-Араньякѣ. А Панчалы были развѣтвленіемъ большого племени Бхарата, отъ котораго произошли всѣ царственныя семьи, упоминаемая въ Махабхаратѣ и Бхагавадгитѣ и давшія родоначальниковъ нынѣшнимъ Раджъ-Путамъ, или въ переводѣ *сынамъ царей*, прирожденнымъ Кшатріямъ.

Раджпуты же, даже и въ наши дни, когда и въ самой консервативной Индіи «смѣшались шашки», ни обликомъ, ни цвѣ-

томъ кожи, ни характеромъ ни мало не похожи на настоящихъ типичныхъ браминомъ. Подъ болѣе или менѣе темнымъ слоемъ загара, общаго всѣмъ жужанамъ, браминъ все еще обладаетъ бѣлой кожей, а Кшатрія мѣдно-красной, какъ и во времена Ману, законодателя древности.

Итакъ, можно смѣло сказать, что Упанишадъ не были постепеннымъ, дальнѣйшимъ развитіемъ ведическаго міросозерцанія, а что гораздо вѣрнѣе предположеніе, что Упанишадъ и Веды возникли и развились у двухъ совершенно различныхъ народовъ, совершенно независимо другъ отъ друга и что уже и въ то отдаленное время, когда полумиѳическій Вьяса соединилъ ихъ, онѣ были двумя вполне законченными міровоззрѣніями, которыя доступны нашему изученію именно въ томъ видѣ, въ какомъ они находились и до своего слиянія.

Предположеніе, что брамины, даже самые ученые, ничего не знали объ ученіи Упанишадъ до того, какъ его открылъ имъ Кшатрія племени Панчаловъ, подтверждается, въ Брихада-Араньякѣ самымъ яснымъ образомъ.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ, напоминающихъ переговоры Царя Смерти и юноши Начикетаса въ Катха-Упанишадѣ*), Правахана, сынъ Дживалы, соглашается сообщить вѣрованія своего племени любознательному Готамѣ—имя отца Шветакету.

«И онъ сказалъ: Какъ правда, что я желаю, чтобы ты, подобно твоимъ предшественникамъ, оставался къ намъ доброжелателемъ, такъ правда и то, что этимъ ученіемъ до сегодняшняго дня никогда не обладалъ ни одинъ браминъ...» (Upanishad's des Veda, 507).

А Чхандогья въ не менѣе ясныхъ словахъ прибавляетъ къ этому, что тайное ученіе Упанишадъ о человѣкѣ, жизни и смерти испоконъ вѣку было законнымъ и исключительнымъ наслѣдіемъ касты Кшатріевъ.

Въ чемъ же это ученіе состояло, я не имѣю теперь возможности объяснять и желающихъ получить о немъ хотя бы поверхностное понятіе отсылаю къ своей статьѣ «Отрывки изъ Упанишадъ».

Итакъ, повторяю, что, въ виду всего вышесказаннаго, я не могу согласиться съ профессоромъ Дѣйссеномъ ни вообще относи-

*) См. «Вопросы Философіи» кн. 31.

тельно его теоріи развитія религій, ни въ частности относительно его склонности считать Упанишады якобы истекающими изъ Ведъ.

Но зато нельзя не преклониться передъ справедливостью, смѣлостью, искренностью и глубиной его суждений, когда онъ пытается установить соотношеніе между ученіемъ Христа и Упанишадъ. Но объ этомъ пусть лучше говоритъ онъ самъ:

...«Это сознаніе прокладываетъ себѣ дорогу въ Новомъ Завѣтѣ и въ Упанишадахъ, когда первый учитъ о незначительности, а вторые даже объ ошибочности внѣшнихъ дѣлъ, хотя бы и добрыхъ. Оба основываютъ счастье не на заслугахъ и упущеніяхъ, а на полномъ перерожденіи всего человѣка, какъ мы его знаемъ. И оба разсматриваютъ это перерожденіе какъ избавленіе отъ оковъ эмпирической дѣйствительности, корень которой въ эгоизмѣ. Но почему же намъ слѣдуетъ избавиться отъ этой дѣйствительности? Потому что она царство грѣха, отвѣчаетъ Библия; потому что она царство заблужденія, отвѣчаетъ Веда. Первая видитъ изыянъ въ волѣ, вторая—въ разумѣ человѣка. Первая предписываетъ перерожденіе воли, вторая перерожденіе разума. На сторонѣ которой лежитъ правда? Если бы человѣкъ состоялъ исключительно изъ воли, или исключительно изъ разума, то, сообразно съ этимъ, намъ пришлось бы высказаться за одно или за другое изъ этихъ двухъ толкованій. Но человѣкъ—существо воли и вмѣстѣ разума, и такимъ образомъ великая перемѣна, въ которой Библия и Веды видятъ спасеніе, должна совершиться въ обѣихъ областяхъ. Во-первыхъ, согласно съ Библией, оно состоитъ въ смягченіи сердца, которое теперь обращено въ камень нашимъ эгоизмомъ, такъ чтобы сердце сдѣлалось способно на дѣла благочестія, любви и самоотреченія. А во вторыхъ, рука объ руку съ этимъ въ насъ пробудится сознаніе того, что Упанишады знали раньше великаго ученія Канта, то есть, что весь порядокъ міра сего, будучи основанъ на идеѣ пространства, а слѣдовательно многообразенъ, а слѣдовательно эгоистиченъ, основанъ, въ сущности, на иллюзіи (*mâyá*), свойственной намъ благодаря природѣ нашего разума, и что есть вѣчное Бытіе (*Wesen*), превыше пространства и времени, многообразія созданнаго (*Werden*), которое проявляетъ себя во всѣхъ формахъ природы, и которое я чувствую и нахожу, въ полнотѣ и нераздѣльности, во внутренней своей природѣ, какъ мое собственное я,

какъ Сущность (âtman). Согласно съ великимъ ученіемъ Шопенгауэра, воля, а не разумъ составляетъ самое ядро человѣка, а слѣдовательно, христіанство имѣетъ то преимущество, что его требованіе перерожденія воли болѣе центрально и дѣйствительно. Но человѣкъ не только воля, а также и разумъ. Слѣдовательно, христіанское перерожденіе воли должно выказать себя съ другой стороны, какъ перерожденіе разума, о чемъ и учатъ Упанишады. «Возлюби ближняго, какъ самого себя», повелѣваетъ Библия. Но какъ могло возникнуть такое повелѣніе, когда я могу чувствовать только въ самомъ себѣ, а ни въ комъ другомъ? «Потому,—объясняетъ Веда,—что въ дѣйствительности твой ближній ты самъ, и то, что отдѣляетъ тебя отъ него—одинъ самообманъ». И какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ чертахъ ученія, Новый Завѣтъ и Упанишады, два высочайшихъ творенія религіознаго сознанія человѣчества, нигдѣ не противорѣчатъ другъ другу—если мы не станемъ придавать значенія ихъ внѣшнимъ сторонамъ,—но, напротивъ, поясняютъ и дополняютъ другъ друга прекраснѣйшимъ образомъ.

Примѣры, которые профессоръ Дѣйссенъ приводитъ въ подтвержденіе вышеприведеннаго мнѣнія, очень характерны и оригинальны.

Характерно также и то, что весь трудъ свой онъ посвятилъ «Den Manen Arthur Schopenhauer's».

Вѣра Джонстонъ.

Нью-Йоркъ.
1899 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ журналовъ.

Mind. Vol. VIII, New Series, №№ 29—39, январь — октябрь 1899 г.

D. G. Ritchie.—Философія и изученіе философовъ.

Нерѣдко указываютъ на такого рода контрастъ въ способѣ изученія точныхъ наукъ съ одной стороны и философіи съ другой: люди, желающіе изучить, положимъ, химію и біологію, обращаются обыкновенно къ новѣйшимъ руководствамъ, а люди, принимающіеся за изученіе метафизики, отсылаются къ Локку и Канту, къ Декарту и Спинозѣ, даже къ Платону и Аристотелю. Это обстоятельство признается нѣкоторыми какъ признакъ непрогрессивности философіи и метафизики. Между тѣмъ, это стремленіе къ изученію исторіи философіи обнаруживается въ настоящее время съ особенною силой. Повидимому, періодъ творчества окончился, и мы вступаемъ въ «александрійскій» періодъ комментаторовъ и критиковъ. Въ виду всего этого, авторъ задается разсмотрѣніемъ двухъ вопросовъ: 1) Не вытекаетъ ли изъ самой природы философіи необходимость этого постоянного обращенія къ идеямъ прошлаго? и 2) Нѣтъ ли специальныхъ причинъ, благодаря которымъ именно въ наше время этотъ историческій интересъ является господствующимъ?

Возможно троякое отношеніе къ ученіямъ прежнихъ философовъ. Во-первыхъ, отношеніе полного подчиненія ихъ авторитету. Самый типичный примѣръ подобнаго отношенія мы находимъ у схоластиковъ. Второй способъ отношенія заключается въ возмущеніи противъ авторитета, въ утвержденіи полной независимости мышленія. Характернѣйшими представителями такого отношенія являются Бэконъ и Декартъ: прежнія философіи были

объявлены ошибочными, къ нимъ обращались лишь за тѣмъ, чтобъ ихъ опровергнуть. Локкъ и Кантъ также думали, что они освободились изъ оковъ прошлаго. Однако, разсмотрѣніе ученій этихъ мыслителей показываетъ, что идеи прошлаго совершенно незамѣтно проникаютъ глубоко въ самое строеніе нашего духа. Такъ, хотя Бэконъ и не признавалъ и не сознавалъ этого, однако надъ всѣмъ его ученіемъ о природѣ господствовала атомистическая гипотеза. Декартъ, мыслитель гораздо болѣе великій и болѣе оригинальный, сумѣлъ болѣе освободиться отъ традиціонныхъ ученій; однако, какъ только онъ отъ критики перешелъ къ работѣ созидательной, сейчасъ же въ его умѣ незамѣтно проскользнуло схоластическое ученіе о субстанціи, благодаря чему его *я*, его *ego*, превратилось въ «мыслящую субстанцію», противоположную субстанціи протяженной. Локкъ, который, казалось, столь ясно сознавалъ безсодержательность понятія субстанціи, все-таки не могъ освободиться отъ этого понятія; а что еще болѣе знаменательно, такъ это то, что Локкъ, подобно Бэкону, признавалъ пассивность духа: для него духъ это—зеркало или бѣлый листъ бумаги, на которомъ вещи воспроизводятъ болѣе или менѣе совершенно свои копіи. Платонъ и Аристотель пользовались метафорою дощечки для письма, и изученіе ихъ философіи научило бы Локка болѣе осмотрительному употребленію метафоръ: «образы» и «впечатлѣнія». Даже Кантъ подобно Локку, хотя въ меньшей степени, игнорировалъ своихъ предшественниковъ. И въ концѣ концовъ онъ ввелъ въ свою теорію познанія таинственную «вещь въ себѣ», эту смѣсь схоластической «субстанціи» съ «монадой» Лейбница. Затѣмъ онъ принялъ абсолютное раздвоеніе міра умопостижимаго и міра феноменальнаго; оно явилось наслѣдіемъ ученія Платона, — ученія, которое критиковалъ Аристотель въ своей метафизикѣ и которое критиковалъ самъ Платонъ въ «Парменидѣ». Гегель, въ умѣ котораго могущественное теченіе, шедшее отъ Канта, чрезъ Фихте и Шеллинга, совпало со столь же могущественнымъ теченіемъ, шедшимъ отъ Платона и Аристотеля,—Гегель былъ основателемъ третьей точки зрѣнія на исторію философіи. И эта точка зрѣнія дѣлается въ настоящее время все болѣе и болѣе господствующею. Гегель допускаетъ, что всѣ философіи уже опровергнуты. Ибо уже одинъ тотъ фактъ, что какая-нибудь философія была философіей прошлаго времени, указываетъ, что она не можетъ быть наиболѣе вѣрною системой для даль-

нѣйшихъ временъ. Но, съ другой стороны, утверждаетъ Гегель, не менѣе достовѣрно и то, что ни одна философская система никогда не была опровергнута. Ибо «каждая философская система была и остается необходимою». Существуетъ только одна единственная философія, проявляющая себя въ послѣдовательной смѣнѣ философскихъ системъ. Такимъ образомъ исторія философіи есть интегральная часть самой философіи.

Margaret F. Washburn.—Субъективные цвѣта и свѣтовые слѣды: ихъ значеніе для теоріи вниманія.

Авторъ описываетъ опыты, произведенные для опредѣленія вліянія волевого усилія на послѣдовательность смѣны свѣтовыхъ слѣдовъ и субъективныхъ цвѣтовыхъ ощущений. Если эти опыты, говоритъ авторъ, что либо доказываютъ, такъ это то, что функція вниманія имѣетъ какъ положительный, такъ и отрицательный характеръ, т.-е. играетъ роль какъ усиливающего, такъ и подавляющаго фактора. Вниманіе есть центральное усиленіе раздраженія, имѣющаго какъ периферическое, такъ и центральное происхожденіе. И это центральное усиленіе вытекаетъ не изъ одного какого-либо высшаго центра, но изъ соединенныхъ центровъ того же порядка, какъ и центръ, въ которомъ имѣло мѣсто первоначальное раздраженіе. Приливъ нервной энергіи, связанный съ подобнымъ процессомъ, вызываетъ, конечно, повышеніе интенсивности сознанія въ соотвѣтствующихъ областяхъ. Но одновременно онъ вызываетъ и уменьшеніе интенсивности сознанія во всѣхъ остальныхъ областяхъ, ибо кора мозга, какъ цѣлое, обладаетъ опредѣленнымъ ограниченнымъ количествомъ нервной энергіи. Такимъ образомъ возникаетъ явленіе, извѣстное подъ именемъ абстракціи, для объясненія котораго нѣтъ надобности въ гипотезѣ спеціальнаго задерживающаго центра.

J. E. McC Taggart.—Гегелевская обработка категорій объективнаго понятія.

A. F. Ravenshear.—Свидѣтельство и авторитетъ.

Довѣріе къ засвидѣтельствуванію играетъ большую роль и во всѣхъ точныхъ наукахъ, а въ психологіи оно просто необходимо, ибо только такимъ образомъ мы узнаемъ о психической жизни другихъ людей. Такимъ образомъ, индуктивная логика, насколько она желаетъ быть теоріей научнаго метода, должна заключать въ себѣ теорію свидѣтельства и авторитета. Современная логика въ значительной степени теряетъ это изъ виду. Научные методы

излагаются такъ, какъ будто бы каждый изслѣдователь работаетъ только одинъ, т.-е. какъ будто бы онъ все относящееся до его изслѣдованія съ самаго начала обрабатываетъ самъ, тогда какъ каждому изслѣдователю приходится пользоваться безчисленными данными (наприм., разными таблицами атомнаго вѣса, теплоемкости, преломленія лучей и т. п.), добытыми другими изслѣдователями. Возникаетъ вопросъ, насколько мы имѣемъ право полагаться на свидѣтельство и авторитетъ другихъ изслѣдователей? И чрезмѣрная довѣрчивость и чрезмѣрная недоувѣрчивость служатъ признаками невѣжества и скудости ума. Теорія свидѣтельства должна указать правильный путь, лежащій между этими двумя крайностями. И судебный способъ провѣрки показаній, и математическая теорія вѣроятностей — оба эти приема малопригодны для нашей цѣли: судебный — вслѣдствіе того, что онъ преслѣдуетъ специальную цѣль, математическій — вслѣдствіе своей крайней отвлеченности. Далѣе авторъ подробно рассматриваетъ условія, вліяющія на достовѣрность свидѣтельствванія: искренность свидѣтеля, отсутствіе у него предвзятой мысли, точность его памяти и его выраженій, его способность къ пріобрѣтенію соотвѣтствующихъ знаній и степень благоприятности условій, при которыхъ онъ работалъ. Далѣе рассматриваются случаи, когда нѣсколько показаній другъ друга поддерживаютъ или другъ друга опровергаютъ.

Г. Н. Bradley. — Замѣтки о памяти и выводѣ.

Авторъ рассматриваетъ вопросъ о природѣ памяти въ связи съ ея отношеніемъ къ выводу съ одной стороны и воображенію съ другой. Терминъ «память» двусмысленъ: нѣкоторые употребляютъ его для обозначенія всѣхъ случаевъ «удержанія» и «воспроизведенія», показывая этимъ терминомъ даже случаи привычки (*habit*), даже въ ея чисто механическихъ проявленіяхъ. Въ настоящей же статьѣ терминъ «память» употребляется только для обозначенія сознанія прошедшихъ событій, какъ дѣйствительно воспринятыхъ мною въ моемъ прошломъ. Память есть идеальное воспроизведеніе прошлаго, совершающееся путемъ ряда ассоціаций. Но теперь возникаетъ два вопроса: во-первыхъ, память представляетъ рядъ ассоціаций, идущихъ назадъ, тогда какъ наше мышленіе представляетъ рядъ, идущій впередъ; во-вторыхъ, память не есть простое расширеніе настоящаго: вспоминая въ *настоящій моментъ* что-либо, мы все-таки не ограничиваемъ это

«что-либо» лишь настоящимъ временемъ. Займемся сначала вторымъ вопросомъ. Знать что-либо, какъ прошедшее (или будущее) есть трудная и позднѣйшая задача духовнаго развитія, ибо это предполагаетъ громадное пониженіе (degradation) настоящаго. Прошедшее (и будущее) существуетъ для насъ лишь тогда, когда дѣйствительность представляется для насъ рядомъ, въ которомъ настоящее поглощено и низведено къ простому звену въ ряду другихъ звеньевъ. Это тотъ барьеръ, который отдѣляетъ умъ человѣка отъ ума животныхъ, для которыхъ не существуетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Теперь обратимся къ первому вопросу: какимъ образомъ вмѣсто ряда, направленаго впередъ, мы получаемъ рядъ, направленный назадъ? Пусть будетъ данъ идеальный рядъ $a-b-c-d-e$ и наше настоящее положеніе въ d . Какъ при этомъ мы можемъ прійти къ прошлому? Наше настоящее имѣетъ какую-нибудь общую черту съ a и, такимъ образомъ, вызываетъ это a ; затѣмъ разстояніе между a и d выполняется промежуточными членами: b и c . Но для того, чтобы существовало воспоминаніе прошлаго, нужно не только то, чтобы мы отождествляли свое настоящее съ прошлымъ, но также и то, чтобы мы отличали настоящее отъ прошедшаго. Если наше настоящее есть Xd , то идеально возстановленное прошлое будетъ Xa . Память есть идеальное построеніе прошлаго; спрашивается теперь, чѣмъ она отличается отъ воображенія и вывода, которые тоже предполагаютъ идеальное построеніе прошлаго (если они направлены на прошедшее, а не на будущее). Между памятью и выводомъ то отличіе, что послѣдовательность въ построеніи памяти хотя и имѣетъ характеръ необходимости, но эта необходимость не вполнѣ внутренняя, или если даже и вполнѣ внутренняя, то это не такъ очевидно. При выводѣ мы переходимъ отъ Ab къ Ac , такъ какъ b есть c ; при воспоминаніи мы переходимъ отъ Ab къ Bc , и хотя b есть элементъ B , но лишь въ такой мѣрѣ, что связь не имѣетъ логическаго характера. Нельзя установить абсолютнаго отличія между памятью и фантазіей. Психологически самымъ несомнѣннымъ отличіемъ является увѣренность, сопровождающая воспоминаніе и отсутствующая при фантазіи.

В. Bosanquet.—Соціальный автоматизмъ и теорія подражанія.

Статья эта по своей формѣ въ значительной мѣрѣ является

критикою взглядовъ проф. Болдуина. Авторъ видитъ главную ошибку теоріи подражанія въ томъ, что она занимается сходствомъ, вмѣсто того, чтобы заниматься тождествомъ. Вся теорія духа общества (social mind) была сужена и извращена, благодаря этой замѣнѣ тождества сходствомъ и благодаря вытекающему изъ этого непониманію того, что мы никогда не дѣлаемъ *только* то, что дѣлаютъ другіе, но всегда нѣчто несходное съ этимъ. Вся социальная кооперация необходимо предполагаетъ единство ума и привычки; изобрѣтеніе не ограничивается индивидуальными умами, но является просто видомъ дифференцированной реакціи, посредствомъ которой кооперативное тѣло, взятое какъ цѣлое, стремится установить равновѣсіе даннаго момента. Каждое дѣйствіе, безъ всякаго исключенія, есть въ принципѣ различіе внутри тождества. Путемъ простаго подражанія не совершается ничего мало-мальски важнаго. Поэтому ошибочно устанавливать антитезу между индивидуальнымъ изобрѣтеніемъ и распространеніемъ путемъ простаго подражанія.

G. E. Moore.—Природа сужденія.

Авторъ самъ резюмируетъ свою статью слѣдующимъ образомъ. Сужденіе всегда есть необходимая комбинація понятій, одинаково необходимая, будетъ ли она истинная или ложная. Истинность или ошибочность сужденія не можетъ зависѣть отъ его отношенія къ чему-либо постороннему, наприм. къ дѣйствительности или къ міру въ пространствѣ и времени, ибо въ противномъ случаѣ, т.-е. если истинность нашего сужденія зависить отъ дѣйствительности или міра, придется признать, что эти вещи существуютъ; а тогда окажется, что истинность нашего сужденія зависить не отъ самихъ дѣйствительности или міра, а отъ сужденія, утверждающаго, что они существуютъ. Но это сужденіе въ свою очередь не можетъ зависѣть отъ чего-либо другого: его истинность или ошибочность должны быть его непосредственными свойствами, независимо отъ какого бы то ни было отношенія къ чему-либо другому. А въ такомъ случаѣ у насъ нѣтъ болѣе основаній отрицать, что и другія сужденія обладаютъ такою же независимостью. Понятіе не можетъ быть прилагательнымъ къ какому-нибудь существительному болѣе конечному (ultimate), чѣмъ оно. Изъ нашего описанія сужденія должно быть, такимъ образомъ, удалено все, относящееся какъ къ нашему духу, такъ и къ міру. Ни тотъ, ни другой не могутъ

дать основанія (ground) для чего бы то ни было, развѣ только въ той мѣрѣ, въ какой они суть сложныя сужденія. Природа сужденія болѣе конечна (ultimate), чѣмъ они, и только менѣе конечны. чѣмъ составные элементы сужденія, чѣмъ природа понятія.

W. R. Scott.—James Arbuckle и его отношеніе къ школѣ Molesworth-Shaftesbury.

Mary Whiton Calkius.—Время въ его отношеніи къ причинности и пространству.

Авторъ резюмируетъ свою статью въ слѣдующей таблицѣ:

Единство и Множество.

A. I. Конечное (ultimate) единство. II. Основное множество.

(Разнообразно принятія въ различныхъ системахъ.)

a) Идеалистическія.

Абсолютное Я

Индивидуальныя Я

«Идеи» абсолютнаго Я

b) Реалистическія.

1) Матерія, или сила, или

2) Неизвѣстная реальность.

B. I. Феноменальное единство. II. Феноменальное множество.

a) многихъ (событій или вещей) другъ съ другомъ *необходимая связь*.

a) Событій (или моментовъ).

b) Каждой изъ многихъ (вещей) съ самой собою. *Тождество*.

b) Вещей (и качествъ).

Ferdinand Tönnies.—Философская терминологія.

(Переводъ Mrs. V. Bosanquet).—Двѣ статьи.

Это изслѣдованіе, какъ извѣстно, удостоилось премии Welby, которая была обѣщана за лучшее сочиненіе, отвѣчающее на вопросъ «о причинахъ современной неясности и сбивчивости терминологіи въ психологіи и философіи и о направленіи, въ которомъ лежитъ выходъ изъ этого затрудненія».

Dr. Robert Latta.—Отношеніе философіи Спинозы къ философіи Лейбница.

Rev. Hastings Rashdall.—Можетъ ли существовать сумма удовольствій?

Утвержденія, что удовольствія не могутъ быть слагаемы, что

Вопросы философіи, кн. 51.

«сумма удовольствій» — выраженіе, не имѣющее смысла, и что, слѣдовательно «гедонистическое исчисленіе» невозможно, — подобныя утвержденія постоянно высказываются анти-утилитаристами, наприм., Гринемъ, Брэдли и Мэккензи. Авторъ, не будучи самъ гедонистомъ, отвергаетъ все-таки утвержденія этихъ авторовъ. Ихъ утвержденія онъ формулируетъ въ трехъ положеніяхъ: 1) сумма удовольствій не можетъ быть предметомъ желанія. 2) Хотя предложеніе: «это удовольствіе больше, или пріятнѣе того», хотя это предложеніе и имѣетъ смыслъ, однако сужденіе здѣсь не имѣетъ количественнаго характера. 3) Если о какомъ-либо удовольствіи или суммѣ удовольствій и можно сказать, что оно по количеству болѣе другого, то во всякомъ случаѣ этимъ удовольствіямъ или суммамъ удовольствій нельзя придать численнаго опредѣленія, такъ что нельзя сказать, напримѣръ: «это удовольствіе вдвое болѣе того». Авторъ соглашается съ тѣмъ, что сравненію удовольствій нельзя придать строго математическаго выраженія; однако, такъ какъ все-таки удовольствія имѣютъ количественный характеръ, то они и могутъ быть суммированы. Какъ величина количественная, удовольствіе имѣетъ два опредѣленія: интенсивность и продолжительность, и въ каждомъ изъ этихъ двухъ измѣненій оно можетъ быть увеличено или уменьшено.

H. W. Carr. — О «метафизикѣ опыта» Шедуорта Годжсона.

Критическая статья, посвященная разбору четырехтомнаго сочиненія Шедуорта Годжсона «Metaphysic of Experience».

Shadworth H. Hodgson. — Психологическія философіи.

Психологическими философіями авторъ называетъ тѣ ученія, которыя основываютъ, или пытаются обосновать, теорію существующаго на психологическихъ концепціяхъ или гипотезахъ, т.-е. ученія, которыя объясняютъ природу и дѣятельность вселенной, или Великой Первой Причины — Божества, изъ данныхъ, представляемыхъ природою и дѣятельностью человѣка. Такимъ образомъ эти ученія возвышаютъ психологію до ранга философіи, давая психологической отвѣтъ на основной вопросъ философіи, вопросъ о конечной реальности (ultimate Reality). Авторъ не намѣренъ дать критическаго разсмотрѣнія этихъ ученій, онъ хочетъ только установить ихъ основную классификацію. Всѣ

эти философіи авторъ дѣлитъ на три класса: 1) теорія души или духа; 2) теорія Я (Ego); 3) теорія духовной функціи. Теорія души есть самая старая, доисторическая теорія. Здѣсь вещи считаются оживленными потому, что содержатъ въ себѣ душу, подобно тому, какъ листья зелены потому, что содержатъ хлорофилль. Эта теорія души прилагалась не только къ индивидуумамъ, но и ко всей природѣ. Такимъ образомъ возникла гипотеза міровой души—*Anima Mundi*. Теорія *Ego* имѣетъ своимъ типичнымъ представителемъ ученіе Декарта съ его знаменитымъ *Cogito ergo sum*. Новая философія началась этимъ утвержденіемъ, какъ первымъ яснымъ признаніемъ субъективности знанія, т. е. какъ заявленіемъ того, что непосредственный опытъ есть источникъ и мѣрило знанія. Но природа *Ego* все-таки осталась и здѣсь неизвѣстною. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что я, вы, онъ чувствуемъ, мыслимъ, дѣйствуемъ, но что такое я, вы, онъ, помимо нашихъ чувствованій, мыслей, дѣйствій? Такимъ образомъ чувствуется потребность въ новомъ отвѣтѣ,—отвѣтѣ, который и дается теоріями духовной функціи. Гегелианская теорія избрала функцію мышленія, Шопенгауэръ—волю. Авторъ представляетъ своимъ читателямъ самимъ рѣшать о возможности дать психологическую основу философіи. Самъ же онъ думаетъ, что человѣческой сознающей субъектъ есть слишкомъ ничтожная часть вѣчнаго цѣлаго, чтобы являться образцомъ для всѣхъ сознающихъ субъектовъ, какіе только могутъ существовать и о природѣ которыхъ мы не можемъ имѣть никакихъ положительныхъ концепцій.

Gustav Spiller.—Рутинный процессъ.

Подъ именемъ рутиннаго процесса, или привычки, авторъ понимаетъ органическую реакцію, органическую наклонность и организованную дѣятельность. Рутинный процессъ является актомъ упрощеннымъ, изъ котораго выкинуто все лишнее, все не необходимое, но, въ строгомъ смыслѣ слова, рутинный процессъ является автоматическимъ, или чисто механическимъ.

G. M. Stratton.—Пространственная гармонія осязанія и зрѣнія.

Авторъ задался цѣлью изучить возникновеніе гармоніи между зрительными и осязательными ощущеніями. Для этого онъ пользовался двумя зеркалами, изъ которыхъ одно было помѣщено горизонтально надъ его головою, а другое, меньшее, было по-

ставлено передъ его лицомъ съ наклономъ въ 45° . За этимъ малымъ зеркаломъ помѣщался экранъ, закрывавшій отъ глазъ экспериментатора предметы, находившіеся передъ его лицомъ. Такимъ образомъ экспериментаторъ видѣлъ свою собственную фигуру въ положеніи перпендикулярномъ къ его дѣйствительному положенію, причемъ его голова лежала ближе къ нему, а ноги были болѣе удалены. Опытъ продолжался въ теченіе трехъ дней, каждый день по нѣсколько часовъ, всего же нѣсколько болѣе 24 часовъ. Касаясь разныхъ частей своего тѣла, авторъ наблюдалъ, такимъ образомъ, разногласія между показаніями зрѣнія и осязанія. Эти разногласія, однако, довольно быстро сглаживались, причемъ показанія осязанія приноравливались къ показаніямъ зрѣнія.

Bruce Mc Ewen.—О доказательствѣ Кантомъ положенія, что всѣ математическія сужденія суть сужденія синтетическія.

П. Моніевскій.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

А. Алтаевъ. Свѣточы правды. Очерки и картины изъ жизни великихъ людей. С.-Пб. 1900. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. IV+312. Ц. 2 р. 25 к.

Естественно-историческій атласъ. Составилъ П. Шмидтъ (зоологія, анатомія челоуѣка). К. Палибинъ и А. Рихтеръ (ботаника). Выпускъ III. Изданіе О. Н. Поповой.

Ivanoff Charlampi. Darstellung der Ethik Johann Gottlieb Fichtes im Zusammenhange mit ihren philosophischen Voraussetzungen. Стр. 80. Лейпцигъ. 1899.

Joseph Petzoldt. Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung. I В. Лейпцигъ 1900. 356 ст.

Н. Карѣвъ. Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Изданіе второе. 1900. Стр. 210 Цѣна 40 к.

Краткій отчетъ дѣятельности Комитета врачебно-продовольственной помощи VII съѣзда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Казань 1899 Стр. 16.

Новое «званіе» гр. Л. Толстого. Законоучителя Харьковскаго коммерческаго училища Императора Александра III, священника І. І. Филевскаго. Москва 1899 г. 7 стр.

Профессоръ И. П. Скворцовъ. Динамическая теорія и приложеніе ея къ жизни и здоровью. Стр. 48. Оттискъ изъ «Фармацевтическаго Вѣстника»—1900.

П. П. Соколовъ. Философскій скиталець. Памяти Н. Я. Грота. Стр. 102. Оттиски изъ № № «Богословскаго Вѣстника» за 1899 г.

М. Г. Сырнинъ. Пластическія искусства, живопись, скульптура, архитектура. Опытъ эстетическаго изслѣдованія. Стр. 162. Спб. 1900. Цѣна 1 р. 75 к.

К. В. Трубниковъ. Денежное обращеніе въ связи съ мощнымъ развитіемъ производства богатствъ въ Россіи. Стр. 60. Спб. 1900.

Уставъ общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища.

Энциклопедическій Словарь. Томъ XXVIII. Россія и С. Саварна. Издатель Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Извѣстія и замѣтки.

1 января текушаго года кончился срокъ для подачи сочиненій по философіи наукъ для соисканія учрежденной при Психологическомъ Обществѣ Д. А. Столыпинымъ преміи. Въ годичномъ засѣданіи Психологическаго Общества 24 января 1900 г. были избраны въ комиссію по присужденію этой преміи Л. М. Лопатинъ, кн. С. Н. Трубецкой, В. П. Преображенскій, Н. А. Иванцовъ и Б. К. Млодзѣвскій.

Книгоиздательство *О. Н. Поповой* предприняло переводъ и изданіе книгъ:

Theodor Lipps. Die ethischen Grundfragen. Zehn Vorträge 1899.

Le Dantes. Lamarquiens et darwiniens. 1899.

Вышло въ свѣтъ философско-историческое изслѣдованіе кн. С. Н. Трубецкаго «Ученіе о логосѣ въ его исторіи». Томъ I. Стр. 461. Ц. 2 р. 60 к.

Поправка. Въ напечатанномъ въ прошлой книгѣ «Вопросовъ философіи» указателѣ статей, на стран. 18 (первый столбецъ, 37-ая строка сверху) по недосмотру пропущено: XLI, 87—III.

Московское Психологическое Общество.

СLXXVIII. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 27 ноября
1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 8¹/₂ часовъ вечера, въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, Г. Г. Аппельрота, А. П. Басистова, Н. Д. Виноградова, И. В. Попова, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Э. Е. Рыбакова, Э. А. Савей-Могилевича, А. Н. Савина, В. П. Сербскаго, П. В. Тихомирова, А. А. Токарскаго; членовъ-соревнователей: И. Д. Ремезова и С. Г. Шахъ-Назарова, сторонняго посѣтителя В. Н. Сперанскаго и гостей.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

Доложено письмо слушательницъ коллективныхъ курсовъ, выражающее Психологическому Обществу по случаю исполнившейся 23 ноября с. г. полугодщины со дня смерти предсѣдателя его, Н. Я. Грота, глубокое сочувствіе по поводу понесенной Обществомъ тяжкой утраты.

Секретарь В. Н. Ивановскій прочелъ присланную изъ Лейпцига рѣчь д. ч. Общества Д. В. Викторова: «Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора.

Секретарь В. Н. Ивановскій доложилъ собранію о выходѣ въ свѣтъ второго изданія книги Ф. Паульсена: «Введеніе въ философію», переведенной подъ редакціей В. П. Преображенскаго и изданной Обществомъ. Рѣшено: при покупкѣ книги въ складѣ ея (при конторѣ журнала «Вопросы Философіи»), дѣлать уча-

шимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ скидку въ 20⁰ съ номинальной цѣны.

Сторонній посѣтитель В. Н. Сперанскій сдѣлалъ сообщеніе на тему «Ученіе Шопенгауэра о правѣ и нравственности».

Доложено письмо В. В. Джонстонъ, выражающее глубокую благодарность за избраніе ея въ д. члены Психологическаго Общества.

Доложено, что въ составъ комиссіи для приготовленія изданія сочиненій Н. Я. Грота выразили желаніе войти Л. М. Лопатинъ, В. П. Преображенскій, кн. С. Н. Трубецкой, Г. А. Рачинскій, Г. И. Челпановъ, А. П. Басистовъ, А. А. Токарскій, Ю. И. Айхенвальдъ и Д. В. Викторовъ. Собраніе утвердило этотъ составъ комиссіи.

По поводу сдѣланнаго сообщенія происходили пренія, въ которыхъ, кромѣ референта, приняли участіе А. Н. Савинъ, П. В. Тихомировъ и Л. М. Лопатинъ.

CLXXIX. Отчетъ о годичномъ распорядительномъ засѣданіи 24 января 1900 года.

Засѣданіе было открыто въ 8^{1/2} часовъ вечера въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, Н. Д. Виноградова, В. В. Воробьева, Н. А. Иванцова, гр. И. А. Мамуны, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, О. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, П. П. Соколова, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкого, кн. Д. Н. Цертелева, С. Н. Эверлинга.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее:

В. Н. Ивановскій доложилъ: а) постановленіе Совѣта общества объ установленіи обмѣна изданіями съ Педагогическимъ Обществомъ, б) о полученныхъ по случаю исполнившагося 15-тилѣтія существованія Психологическаго Общества привѣтствіяхъ отъ журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Вѣстникъ Воспитанія», отъ профессора С. С. Корсакова и отъ крестьянина Грабова, в) отъ отвѣтной телеграммѣ отъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія», которому было послано привѣтствіе, д) отъ отвѣтной телеграммѣ

отъ проф. А. В. Васильева, которому было послано привѣтствіе по поводу 25-лѣтія его дѣятельности.

е) О заявленныхъ на ближайшія засѣданія рефератахъ:

Л. М. Лопатина 1) О самонаблюденіи,

2) Душа и тѣло.

В. Н. Ивановскаго—О М. М. Троицкомъ.

В. П. Преображенскаго—Нравственный абсолютизмъ.

А. А. Токарскаго 1) О сознаниіи.

2) Мелкіе рефераты.

Князя С. Н. Трубецкаго—По поводу книги «Ueber die Wirkungen des Geistes».

1) О томъ, что дѣйствительный членъ Общества Л. Е. Оболенскій заявилъ желаніе прочесть рефератъ подъ названіемъ: «Аристократизмъ, какъ всеобщій идеаль».

3) В. Н. Ивановскій предложилъ прочесть замѣтку о 15-тилѣтіи дѣятельности Общества, если будетъ назначено публичное засѣданіе.

Постановлено имѣть это въ виду въ связи съ рефератомъ Л. Е. Оболенскаго.

4) Л. М. Лопатинъ предложилъ послать телеграмму В. Э. Миллеру и привѣтствовать его по случаю 30-тилѣтняго юбилея.

Предложеніе было принято.

5) Былъ выслушанъ и утвержденъ годичный отчетъ секретаря Общества.

6) Выслушанъ и утвержденъ годичный отчетъ казначея.

7) Выслушанъ и утвержденъ годичный отчетъ по журналу «Вопросы Философіи и Психологіи».

8) Выслушано заключеніе ревизіонной комиссіи.

9) Разсмотрѣна и утверждена смѣта на 1900 годъ.

10) По предложенію Л. М. Лопатина, Общество постановило выразить благодарность В. П. Преображенскому за заботливое и умѣлое веденіе дѣлъ журнала.

11) По предложенію Л. М. Лопатина было постановлено выдать члену Общества прис. повѣренному М. И. Бруну довѣренность на веденіе дѣлъ Общества и уполномочить на это предсѣдателя.

12) Л. М. Лопатинъ заявилъ, что кн. С. Н. Трубецкой изъяснилъ согласіе быть редакторомъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» совмѣстно съ В. П. Преображенскимъ, причемъ

главную отвѣтственность за веденіе дѣла и управленіе имъ кн. С. Н. Трубецкой предполагаетъ принять на себя.

Общество постановило: а) просить кн. С. Н. Трубецкого принять на себя обязанности редактора и б) ходатайствовать передъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати объ утвержденіи его третьимъ редакторомъ журнала.

13) Постановлено поручить дѣйств. чл. А. А. Токарскому быть представителемъ Общества на предстоящемъ международномъ психологическомъ съѣздѣ въ Парижѣ.

14) Затѣмъ слѣдовали выборы.

Въ почетные члены были избраны К. Т. Солдатенковъ по предложенію Совѣта Общества и членовъ его, гг. Н. А. Абрикосова, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, В. В. Воробьева, Н. А. Иванцова, Л. М. Лопатина, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Э. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкого, С. Н. Эверлинга.

Совѣтъ Общества:

Предсѣдателемъ избранъ Л. М. Лопатинъ (22 г.).

Товарищемъ предсѣдателя С. С. Корсаковъ (21 г.).

Кандидатомъ товарища предсѣдателя кн. С. Н. Трубецкой (18 г.).

В. Н. Ивановскій отказался отъ должности секретаря по случаю отъѣзда. Общество постановило, по предложенію Л. М. Лопатина, выразить В. Н. Ивановскому благодарность за добросовѣстное исполненіе обязанностей.

Секретаремъ былъ избранъ А. С. Бѣлкинъ (19 г.).

Товарищемъ секретаря А. А. Токарскій (19 г.).

Кандидатомъ товарища секретаря Н. Д. Виноградовъ (17 г.).

Казначеемъ Н. А. Абрикосовъ единогласно.

Товарищемъ казначея А. А. Абрикосовъ единогласно.

Кандидатомъ товарища казначея Г. А. Рачинскій (17 г.).

Библиотечаремъ Ю. И. Айхенвальдъ (20 г.).

Редакторомъ трудовъ Общества В. П. Преображенскій единогласно.

Въ составъ ревизіонной комиссіи избраны:

А. Г. Петровскій и В. П. Сербскій единогласно, и А. Н. Бернштейнъ (17 г.).

Въ комиссію по присужденію преміи Д. А. Столыпина, имѣющему состояться 1 апрѣля 1900 г. избраны:

Л. М. Лопатинъ, Н. А. Иванцовъ, Б. К. Млодзѣвскій, В. П. Преображенскій, кн. С. Н. Трубецкой. Срокъ представленія сочиненій на соисканіе этой премии истекъ 1 января 1900 г.

Отчетъ секретаря о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1899 г.

(съ 24 января 1899 г. по 24 января 1900 г.).

Личный составъ Общества и его Совѣта.

Въ теченіе отчетнаго года Общество понесло цѣлый рядъ тяжелыхъ утратъ—въ лицѣ трехъ изъ своихъ почетныхъ членовъ и двухъ дѣйствительныхъ. 22-го марта скончался основатель Общества, его первый предсѣдатель и почетный членъ, заслуженный проф. Московскаго Университета по кафедрѣ философіи, *Матвій Михайловичъ Троицкій*. Въ лицѣ М. М. наше Общество потеряло одного изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей философіи въ Россіи вообще, главу цѣлаго направленія, человѣка, пересадившаго на русскую почву идеалистическій эмпиризмъ и психологическія тенденціи англійской философіи. Московское Психологическое Общество будетъ свято хранить память о томъ, кому оно обязано своимъ возникновеніемъ, а черезъ это и всѣмъ, что ему удалось сдѣлать, при помощи объединенія философскихъ силъ Россіи, на поприщѣ учено-литературной дѣятельности. Не успѣло еще Общество забыть этой утраты, какъ пришла другая совершенно неожиданная и невыразимо-горестная вѣсть: въ ночь на 23 мая безвременно (47 лѣтъ отъ роду) скончался нашъ предсѣдатель и почетный членъ, ординарный проф. Московскаго Университета, *Николай Яковлевичъ Гротъ*. Въ немъ Общество лишилось, можно сказать, своей «души», лишилось того живого центра, который давалъ импульсы для его дѣятельности. 25 мая Общество, собравшись въ экстренное засѣданіе, отслужило панихиду по усопшемъ, отправило вдовѣ покойнаго телеграмму съ выраженіемъ своего глубокаго соболѣзнованія, поручило своему секретарю В. Н. Ивановскому присутствовать на погребеніи и возложить на гробъ два вѣнка—отъ Общества (съ надписью «Незабвенному предсѣдателю») и отъ основаннаго Н. Я. журнала «Вопросы философіи и психологіи» («Создателю русскаго философскаго журнала») и постановило повѣсить въ залѣ своихъ засѣданій портретъ покойнаго;

далѣе, въ засѣданіи 9 октября постановлено: устроить публичное засѣданіе въ память Н. Я., выбрать изъ членовъ Общества особую комиссію для веденія изданія сочиненій покойнаго и учредить при Психологическомъ Обществѣ періодическую премию имени Н. Я. Грота за лучшее сочиненіе философскаго содержания. 3-го августа скончался почетный членъ Общества и его первый товарищъ предсѣдателя, заслуженный проф. Московскаго Университета, *Викторъ Алексѣевичъ Леонинъ*, одно время (въ теченіе года) исполнявшій обязанности предсѣдателя вмѣсто отсутствовавшаго изъ Москвы М. М. Троицкаго. Далѣе, Общество потеряло двухъ дѣйств. членовъ: *Льва Ивановича Поливанова*, извѣстнаго въ Москвѣ и во всей Россіи педагога и специалиста по русскому языку и литературѣ, и *Дмитрія Васильевича Постхова*, проф. Кіевской Духовной академіи. Изъ числа членовъ-соревнователей выбыли, вслѣдствіе неуплаты членскихъ взносов болѣе чѣмъ за два года, 5 лицъ.

Съ другой стороны, въ теченіе отчетнаго времени избрано въ почетные члены восемь лицъ: проф. Тюбингенскаго университета *Христофъ Зивартъ*, проф. Копенгагенскаго университета *Гаральдъ Гефдингъ*, проф. Гарвардскаго унив. (въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки) *Уильямъ Джемсъ*, проф. Варшавскаго унив. *Генрихъ Еиоровичъ Струве*, товарищъ Министра Нар. Просвѣщенія, бывшій профессоръ Московскаго универс. и товарищъ предсѣдателя Психологическаго Общества *Николай Андреевичъ Звѣревъ*, заслуженный проф. Московскаго унив. *Владиміръ Ивановичъ Герье*, проф. Московскаго универс. *Сергій Сергѣевичъ Корсаковъ* и академикъ Академіи Наукъ, бывшій проф. психіатріи и нервныхъ болѣзней Военно-медицинской Академіи *Иванъ Павловичъ Мержеевскій*. Въ дѣйств. члены избраны: магистръ прикладной математики, адъюнктъ - проф. Моск. Сельско - Хозяйственнаго института по кафедрѣ механики *Германъ Германовичъ Аппельротъ*, докторъ медицины *Федоръ Еиоровичъ Рыбаковъ*, сотрудница журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» *Вѣра Владиміровна Джонстонъ* и магистрантъ по кафедрѣ всеобщей исторіи *Александръ Николаевичъ Савинъ*.

За этими измѣненіями, къ 24 янв. 1900 года Общество состоитъ изъ: 27 почетныхъ, 9 членовъ-учредителей, 159 дѣйствительныхъ, 20 членовъ - соревнователей и 7 членовъ - корреспондентовъ, всего изъ 222 лицъ.

Въ составѣ Совѣта Общества за отчетное время произошла та перемена, что обязанности предсѣдателя взялъ на себя, за смертью Н. Я. Грота, товарищъ предсѣдателя *Л. М. Лопатинъ*. Кандидатомъ тов. предсѣд. былъ по прежнему *С. С. Корсаковъ*, секретаремъ *В. Н. Ивановскій*, тов. секр. *А. А. Токарскій*, канд. тов. секр. *Ю. И. Айхенвальдъ*, казначеемъ *Н. А. Абрикосовъ*, тов. казн. *А. А. Абрикосовъ*, канд. тов. казн. *кн. С. Н. Трубицкой*, редакторомъ Трудовъ Общества *В. П. Преображенскій*, библиотекаремъ *В. А. Гольцевъ*. Ревизіонная по дѣламъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» комиссія состояла изъ: *А. Г. Петровскаго*, *Г. А. Рачинскаго* и *В. П. Сербскаго*.

Дѣятельность Общества за отчетный годъ выражалась: а) въ устройствѣ засѣданій, въ которыхъ читались и обсуждались рефераты, а также произносились рѣчи, написанныя членами Общества; б) въ изданіи журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а также «Трудовъ» и «Изданій» Общества; в) наконецъ, въ сношеніяхъ съ различными лицами и учрежденіями.

а) *Засѣданія*. За отчетное время Общество имѣло 8 засѣданій: 1) годичное распорядительное, 1 экстренное (по поводу кончины Н. Я. Грота), 1 публичное (посвященное памяти Н. Я.) и 5 очередныхъ.

Въ очередныхъ засѣданіяхъ были прочитаны и обсуждены слѣдующія 6 сообщеній:

1) д. чл. *Н. А. Иванцова*—Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ;

2) д. чл. *Ц. П. Балалона* — Опыты Фехнера по эстетикѣ пространственныхъ воспріятій;

3) д. чл. *Л. М. Лопатина* — Къ вопросу о реальномъ единствѣ сознанія;

4) д. чл. *Н. А. Иванцова*—Францискъ Бэконъ, какъ ученый;

5) д. чл. *Д. В. Викторова*—Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора;

6) посѣтителя *В. Н. Сперанскаго*—Ученіе Шопенгауэра о правѣ и нравственности.

Въ публичномъ засѣданіи, посвященномъ памяти Н. Я. Грота и состоявшемся 6 ноября, послѣ вступительнаго слова тов. предс. *Л. М. Лопатина*, были произнесены слѣдующія рѣчи:

7) д. чл. *В. Н. Ивановскимъ*—Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота;

8) д. чл. Ю. И. Айхенвальдомъ—Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота;

9) д. чл. П. П. Соколовымъ—Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель.

б) Журналъ «Вопросы Философiи и Психологiи». Общество продолжало издавать (10-й годъ изданiя) журналъ «Вопросы Философiи и Психологiи», подъ редакцiей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствiи Н. Я. Грота (+), Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкою и при ближайшемъ участiи В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаю, Н. А. Иванцова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго и Н. А. Умова. Съ отчетнаго года изданiе журнала происходитъ при содѣйствiи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Другiя изданiя Общества. Въ 1899 году Психологическое Общество выпустило вторымъ изданiемъ сдѣланный подъ редакцiей В. П. Преображенскаго переводъ книги проф. Берлинскаго университета Фр. Паульсена—«Введенiе въ Философiю».

3) Сношенiя Общества. 26-го мая 1899 г. Психологическое Общество, въ лицѣ своихъ представителей Л. М. Лопатина, Н. А. Иванцова и А. А. Токарскаго, принесло свое привѣтствiе Обществу Любителей Россiйской Словесности и Императорскому Московскому Университету—въ торжественномъ засѣданiи по поводу столѣтней годовщины рожденiя А. С. Пушкина.

Общество привѣтствовало письмомъ и телеграммою своихъ дѣйств. членовъ: проф. Харьковскаго университета Э. А. Зеленогорскаго и проф. Казанскаго унив. А. В. Васильева по поводу исполнившихся 30-лѣтiя научной дѣятельности перваго и 25-лѣтiя научной дѣятельности втораго.

По поводу кончины Н. Я. Грота Общество получило много выражений глубокаго соболѣзнованiя, между прочимъ—отъ Общества невропатологовъ и психiатровъ, состоящаго при Имп. Московскомъ Университетѣ, и отъ слушательницъ коллективныхъ уроковъ, состоящихъ при Московскомъ Обществѣ Воспитательницъ и Учительницъ.

Въ отчетномъ году Общество пожертвовало 100 франковъ на постановку во Францiи памятника *Олюсту Контю*.

Премiя. При Обществѣ имѣется учрежденная Д. А. Столыпинымъ премiя въ 1000 руб. за лучшее сочиненiе по философiи наукъ, ближайшее присужденiе которой должно состояться, если окажутся достойныя премированiя сочиненiя, въ апрѣлѣ текущаго года.

Въ отчетномъ году постановлено учредить при Обществѣ премію имени *Н. Я. Грота* за лучшее изъ русскихъ сочиненій по философіи. Премія эта будетъ періодической; она будетъ выдаваться каждые 3 года за лучшее изъ тѣхъ сочиненій, которыя выйдутъ первымъ изданіемъ въ теченіе промежутка времени между двумя присужденіями преміи, а для перваго присужденія— за три года до него. Размѣръ преміи 500 руб., которые состоятся изъ процентовъ съ капитала 5 тысячъ, имѣющаго образоваться изъ 5% отчисленій съ членскихъ взносовъ и съ прибылей отъ продажи изданій Общества, а также изъ специальныхъ пожертвованій членовъ Общества и частныхъ лицъ и изъ другихъ, могущихъ для этого назначенія открыться, источниковъ. Подробныя условія присужденія этой преміи будутъ выработаны особо.

Изданіе сочиненій Н. Я. Грота. Въ виду выраженного вдовою *Н. Я. Грота* желанія издать всѣ или избранныя сочиненія покойнаго, Общество рѣшило взять на себя редакцію и вообще веденіе этого изданія и для этой цѣли выбрало изъ своей среды особую комиссію, въ составъ которой вошли: *Л. М. Лопатинъ, В. П. Преображенскій, кн. С. Н. Трубецкой, Г. А. Рачинскій, Г. И. Челпановъ, А. П. Басистовъ, А. А. Токарскій, Ю. И. Айхенвальдъ и Д. В. Викторовъ.*

Денежныя средства Общества составлялись изъ членскихъ взносовъ, пособія отъ Имп. Московскаго университета (400 р. въ годъ), доходовъ отъ продажи «Изданій» и «Трудовъ» Общества. Премія *Д. А. Столыпина* составляла особый капиталъ.

Секретарь **В. Ивановскій.**

Отчетъ казначея Психологическаго Общества съ 24 янв. 1899 г. по 24 янв. 1900 г.

Поступило:

Остатокъ отъ прошлаго года	86 р. 28 к.
Членскіе взносы	395 » — »
Пособіе отъ Университета за	
1/2 года	200 » — »
За продажу изданій Общества	1.344 » 75 »
0/0 по тек. счету Юнкеръ и К ⁰	10 » 42 »

°/о по вкладн. билету Моск. Учет. Банка на капиталъ Д. С. Сто- лыпина	54 р. 81 к.	
По чекамъ текущаго счета Юн- керъ и К ^о	<u>340 » — »</u>	2.431 р. 26 к.

Выдано:

На устройство засѣданій	67 » 40 »	
Почтов., телеграф. и разѣзди . .	90 » 20 »	
Канцел., типогр., переплетн. и на- градн.	41 » 55 »	
За книги и журналы для библио- теки О-ва	86 » 88 »	
За объявленія объ изд. книгъ О-ва.	73 » 72 »	
По счет. типографіи «Т-ва Кушне- ревъ и К ^о » за напечатаніе книги Паульсена	892 » 15 »	
Въ контору журн. «Вопросы фил. и псих.»	747 » — »	
За похищенныя книги въ уплату .	34 » 05 »	
За расходы при погребеніяхъ М. М. Троицкаго и Н. Я. Грота	208 » 18 »	
За портретъ Н. Л. Грота	65 » — »	
На памятникъ Огюста Конта въ Па- рижѣ 100 frs	37 » 60 »	
Внесены °/о на текущ. счетъ Юн- керъ и К ^о	10 » 42 »	
Причислены °/о къ капиталу Д. А. Столыпина	<u>54 » 81 »</u>	2.408 р. 96 к.
Остатокъ на будущій годъ		22 » 30 »

Состояніе капиталовъ Психологическаго Об-ва на 24 января 1890 г.

У казначея Общества	22 р. 30 к.	
На тек. счету Юнкеръ и К ^о	119 » 20 »	
На вкладѣ въ Московск. Учетн. Банкѣ капиталъ премій Д. А. Столыпина	<u>1.336 » 95 »</u>	1.478 р. 45 к.

Казначей Н. Абрикосовъ.

Предложеніе Совѣта Психологическаго Общества объ избраніи въ почетные члены Общества Козьмы Терентьевича Солдатенкова.

Полувѣковая издательская дѣятельность Козьмы Терентьевича Солдатенкова извѣстна всему русскому образованному обществу. Поставивъ себѣ цѣлью распространеніе въ Россіи оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, представляющихъ выдающееся научное или общественное значеніе, Козьма Терентьевичъ, щедро и безкорыстно поддерживая русскихъ литературныхъ работниковъ, блестяще выполнилъ эту задачу, давъ русскому читателю цѣлую библіотеку по всѣмъ отраслямъ гуманитарныхъ наукъ. Въ ряду его изданій не послѣднее мѣсто заняли сочиненія изъ различныхъ областей философскаго знанія. Достаточно указать на переводы «Логическихъ изслѣдованій» Тренделенбурга, «Микрокосма» Лотце, «Философіи безсознательнаго» Гартмана, «Науки и метафизики» Риля, «Исторіи этики» Юдля, «Исторіи философіи» Фулье и другихъ. Въ настоящее время имъ предпринято капитальное изданіе «Твореній» Платона въ переводѣ почетнаго члена нашего Общества, почетнаго академика отдѣленія изящной словесности Академіи Наукъ Вл. Серг. Соловьева. Наше Общество и само имѣло случай убѣдиться въ искреннемъ сочувствіи Козьмы Терентьевича столь дорогому намъ дѣлу изданія философскаго журнала въ Россіи. Съ чувствомъ искренняго уваженія и благодарности обзрѣвая многолѣтній безкорыстный трудъ К. Т. Солдатенкова на пользу науки и родного просвѣщенія, Совѣтъ Московскаго Психологическаго Общества считаетъ справедливымъ предложить его къ избранію въ почетные члены Общества.

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 1-е февраля
1900 года.**

Почетные члены:

1. Герье, Владиміръ Ивановичъ.
2. Зѣревъ, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. Наринскій, Михаилъ Ивановичъ.
4. Кожевниковъ, Алексѣй Яковлевичъ (членъ-учредитель).
5. Козловъ, Алексѣй Александровичъ.
6. Кош, Анатолій Федоровичъ.
7. Корсаковъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
8. Мержеевскій, Иванъ Павловичъ.
9. Солдатеяковъ, Козьма Терентьевичъ.
10. Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ.
11. Струве, Генрихъ Егоровичъ.
12. Съченковъ, Иванъ Михайловичъ.
13. Толстой, гр. Левъ Николаевичъ.
14. Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ.
15. Бэнъ, Александръ (Англія).
16. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
17. Гартманъ, Эдуардъ (Германія).
18. Гефдингъ, Гаральдъ (Данія).
19. Джэмсъ, Уильямъ (С. Америка).
20. Зигвартъ, Христофъ (Германія).
21. Паульсенъ, Фридрихъ (Германія).
22. Рибо, Томасъ (Франція).
23. Рише, Шарль (Франція).
24. Спенсеръ, Гербертъ (Англія).

25. Сэдживикъ, Генри (Англія).
26. Фишеръ, Куно (Германія).
27. Фулле, Альфредъ (Франція).
28. Целлеръ, Эдуардъ (Германія).

Члены-учредители:

29. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, } профессора Московскаго
30. Бугаевъ, Николай Васильевичъ, } университета.
31. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ, членъ-корреспондентъ
Академіи Наукъ.
32. Колоколовъ, Георгій Евграфовичъ, } профессора Московск.
33. Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, } университета.
34. Муромцевъ, Сергій Андреевичъ, профессоръ Императорскаго лицея.
35. Стороженко, Николай Ильичъ, } проф. Московскаго
36. Фортунатовъ, Филиппъ Ѳедоровичъ, } университета.
37. Чупровъ, Александръ Ивановичъ, }

Дѣйствительные члены:

38. Абрикосовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
39. Абрикосовъ, Николай Алексѣевичъ.
40. Адольфъ, Андрей Викентьевичъ, директоръ гимназіи.
41. Айхенвальдъ, Юлій Исаевичъ.
42. Анри, Викторъ, лаборантъ въ Laboratoire de psychologie physiologique въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ.
43. Аппельротъ, Германъ Германовичъ, адъюнктъ-профессоръ Сельскохозяйственнаго института.
44. Баженовъ, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
45. Балталянъ, Цезарь Павловичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
46. Бартеневъ, Юрій Петровичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
47. Басистовъ, Алексѣй Павловичъ, магистрантъ философіи.
48. Безобразова, Марья Владиміровна, д-ръ философіи Бернскаго университета.
49. Безобразовъ, Павелъ Владиміровичъ.
50. Бернштейнъ, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
51. Боборыкинъ, Петръ Дмитріевичъ, писатель.

52. Бобровъ, Евгений Александровичъ, профессоръ Казанскаго университета.
53. Боголѣповъ, Николай Павловичъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія.
54. Боткинъ, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
55. Брунъ, Михаилъ Исакиевичъ, присяжн. повѣрен.
56. Брюхатовъ, Левъ Дмитриевичъ, преподав. средн. уч. завед.
57. Булгановъ, Сергѣй Николаевичъ, магистрантъ политической экономіи.
58. Буцне, Викторъ Романовичъ, психіатръ.
59. Быковскій, Константинъ Михайловичъ, академикъ архитект.
60. Бѣлкинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
61. Вагнеръ, Владиміръ Александровичъ, магистръ зоологіи.
62. Васильевъ, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
63. Введенскій, Александръ Ивановичъ, проф. Спб. унив.
64. Введенскій, Алексѣй Ивановичъ, проф. Московск. духовн. академіи.
65. Вентцель, Константинъ Николаевичъ.
66. Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. унив.
67. Вешняковъ, Федоръ Владиміровичъ.
68. Викторовъ, Давидъ Викторовичъ.
69. Воробьевъ, Викторъ Владиміровичъ, психіатръ.
70. Викторскій, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
71. Виноградовъ, Николай Дмитриевичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
72. Виноградовъ, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. унив.
73. Вульффертъ, Антонъ Карловичъ, проф. Демидовск. лицея.
74. Вырубовъ, Григорій Николаевичъ, писатель.
75. Гамбаровъ, Юрій Степановичъ, проф. Моск. унив.
76. Герасимовъ, Осипъ Петровичъ, директоръ дворянскаго пансіона-пріюта.
77. Гиацинтовъ, Владиміръ Егоровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
78. Гиляровъ, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
79. Голицынъ, кн. Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
80. Гольцевъ, Викторъ Александровичъ, писатель.
81. Горбовъ, Николай Михайловичъ.
82. Горская, Зинаида Степановна.
83. Гуторъ, Василій Петровичъ.

84. Данилевскій, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
85. Де-Роберти, Евгений Валентиновичъ, писатель.
86. Дерюжинскій, Владиміръ Ѳедоровичъ, докторъ полицейскаго права, редакторъ журнала Министерства Юстиціи.
87. Дехтеревъ, Владиміръ Гавриловичъ, психіатръ.
88. Джаншіевъ, Григорій Аветовичъ, присяжный повѣренный.
89. Джонстонъ, Вѣра Владиміровна.
90. Дриль, Дмитрій Андреевичъ, докторъ уголовного права.
91. Дурдуфи, Георгій Николаевичъ, докторъ медицины.
92. Духовской, Михаилъ Васильевичъ, проф. Моск. унив.
93. Елеонскій, Николай Александровичъ, священ., профессоръ Москов. универс.
94. Ефименко, Александра Яковлевна, писательница.
95. Жуковскій, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.
96. Занцевичъ, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.
97. Зеленогорскій, Ѳедоръ Александровичъ, проф. Харьковскаго университета.
98. Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
99. Зографъ, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
100. Зыковъ, Владиміръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
101. Ивановскій, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
102. Иванцовъ, Николай Александровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
103. Иванюковъ, Иванъ Ивановичъ, д-ръ политической экономіи.
104. Казанскій, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
105. Каленовъ, Петръ Александровичъ, преподав. средн. учебн. заведеній.
106. Камаровскій, гр. Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
107. Капнистъ, гр. Павелъ Алексѣевичъ, сенаторъ.
108. Карѣевъ, Николай Ивановичъ, д-ръ Всеобщей Исторіи.
109. Ключевскій, Василій Осиповичъ, проф. Моск. унив.
110. Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
111. Колубовскій, Яковъ Николаевичъ, преподаватель Педагогич. курс. въ Петербургѣ.
112. Конисси, Даніиль Павловичъ.
113. Корниловъ, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. университета.
114. Коробкинъ, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
115. Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ, проф. Моск. унив., академикъ Имп. Академ. Наукъ.

116. Котляревскій, Сергѣй Андреевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
117. Ланге, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
118. Ланнъ, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
119. Лапшинъ, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив.
120. Лесевичъ, Владиміръ Викторовичъ, писатель.
121. Лопатинъ, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.
122. Лютославскій, Викентій Францевичъ.
123. Мальшинъ, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
124. Мамуна, гр. Иванъ Андреевичъ, врачъ.
125. Масаринъ, Ома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
126. Мензбиръ, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. унив.
127. Милюновъ, Павелъ Николаевичъ, магистръ Русск. Исторіи.
128. Минцловъ, Рудольфъ Рудольфовичъ.
129. Михайловскій, Викторъ Михайловичъ, прив. доц. Моск. унив.
130. Млодзѣвскій, Болеславъ Корнеліевичъ, профес. Московск. университета.
131. Моніевскій, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
132. Мороховецъ, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
133. Некрасовъ, Павелъ Алексѣевичъ, попеч. Моск. Учебн. Округа.
134. Немировичъ-Данченко, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
135. Новгородцевъ, Павелъ Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
136. Оболенскій, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
137. Огневъ, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
138. Охоровичъ, Юліанъ, д-ръ медицины.
139. Петровскій, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
140. Плевано, Федоръ Никифоровичъ, присяжн. повѣрен.
141. Поповъ, Иванъ Васильевичъ, доц. Моск. духовн. акад.
142. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
143. Преображенскій, Василій Петровичъ, редакторъ жун. «Вопросы философіи и психологіи».
144. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
145. Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
146. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
147. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
148. Ржондковскій, Николай Ивановичъ.
149. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
150. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. унив.

151. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
152. Рутцовскій, Л. В., прив.-доц. Спб. унив.
153. Рыбановъ, Ѳедоръ Егоровичъ, д-ръ медицины.
154. Савей-Могилевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
155. Савинъ, Александръ Николаевичъ, магистрантъ Всеобщей Исторіи.
156. Сербскій, Владиміръ Петровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
157. Серджи, Джованни, проф. антропологіи въ Римск. унив.
158. Сикорскій, И. А., проф. Кіевск. унив.
159. Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. Казанск. унив.
160. Смирновъ, Ѳедоръ Александровичъ.
161. Соболевскій, Василій Михайловичъ.
162. Соколовскій, Павелъ Эмилевичъ, проф. Моск. унив.
163. Соколовъ, Павелъ Петровичъ, доц. Моск. духовн. акад.
164. Старынкевичъ, Сократъ Ивановичъ.
165. Стрѣльцовъ, Павелъ Павловичъ, психіатръ.
166. Сухановъ, Сергій Алексѣевичъ, д-ръ медицины.
167. Танѣвъ, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. доѣвр.
168. Тимирязевъ, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. унив.
169. Тимковскій, Николай Ивановичъ, писатель.
170. Тихомировъ, Павелъ Васильевичъ, доц. Моск. дух. акад.
171. Токарскій, Ардалионъ Ардалионовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
172. Трубецкой, кн. Евгений Николаевичъ, проф. Кіевск. унив.
173. Трубецкой, кн. Сергій Николаевичъ, прив.-доц. Московск. университета.
174. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, прив.-доц. Харьковскаго университета.
175. Успенскій, Сергій Николаевичъ, психіатръ.
176. Умовъ, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
177. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, присяжн. подѣрен.
178. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Юрьевск. унив.
179. Фонъ-Штейнъ, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Московск. университета.
180. Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, проф. Моск. унив.
181. Цертелевъ, кн. Дмитрій Николаевичъ.
182. Цингеръ, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. унив.
183. Челпановъ, Георгій Ивановичъ, проф. Кіевск. унив.
184. Чижъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
185. Шварцъ, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. унив.

186. **Шервинскій**, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.
 187. **Шишкинъ**, Николай Ивановичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
 188. **Шмидтъ**, Евгений Александровичъ.
 189. **Штейнъ**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
 190. **Зверлингъ**, Сергѣй Николаевичъ.
 191. **Эртель**, Александръ Ивановичъ, писатель.
 192. **Якоби**, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
 193. **Яковенко**, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.
 194. **Ярковскій**, Иванъ Осиповичъ, инженеръ-технологъ.

Члены-соревнователи:

195. **Абрикосова**, Марья Филипповна.
 196. **Абрикосова**, Глафира Алексѣевна.
 197. **Абрикосовъ**, Александръ Алексѣевичъ.
 198. **Алябьевъ**, Александръ Александровичъ.
 199. **Андреева**, Александра Алексѣевна.
 200. **Глики**, Юлія Ивановна.
 201. **Гончарова**, Анна Сергѣевна.
 202. **Дроздовъ**, Александръ Васильевичъ.
 203. **Любенкова**, Юлія Львовна.
 204. **Львовъ**, кн. Дмитрій Петровичъ.
 205. **Мазаровичъ**, Николай Ивановичъ.
 206. **Мальковская**, Софья Александровна.
 207. **Мамонтовъ**, Михаилъ Анатоліевичъ.
 208. **Мамонтовъ**, Анатолій Ивановичъ.
 209. **Павловъ**, Александръ Владиміровичъ.
 210. **Петрункевичъ**, Анастасія Сергѣевна.
 211. **Ремезовъ**, Иванъ Дмитріевичъ.
 212. **Селивачовъ**, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
 213. **Шахъ-Назаровъ**, Семень Григорьевичъ.
 214. **Ясаковъ**, Тимошей Архиповичъ.

Члены-корреспонденты:

215. **Гелеръ фонъ-Равенсбургъ**, президентъ Берлинскаго Психологическаго Общества.
 216. **Максъ Дессуаръ**, секретарь того же Общества.
 217. **А. Байерсдерферъ**, предсѣд. Мюнхенскаго Психологическаго Общества.

218. Шренкъ фонъ-Нотцингъ, секретарь того же Общества.
219. Левицкій, И. Н.
220. Демковъ, М. И.
221. Гартвигъ, Андрей Ѳедоровичъ.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи», а во время засѣданій въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы философіи и психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

Протоколы общихъ собраній С.-Петербургскаго Философскаго Общества за 1899 г.

(Печатаются въ извлеченіяхъ).

13-ое (обыкновенное) собраніе 26-го января 1899 г.

Засѣданіе открыто въ IX аудиторіи университета въ 8 часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго въ присутствіи членовъ совѣта Я. Н. Колубовскаго, В. С. Серебrenикова и Л. В. Рутковскаго, 20 членовъ Общества и приглашенныхъ ими гостей.

Избраны кандидаты, предложенные въ 12-омъ собраніи: 1 въ дѣйствительные члены и 1—въ члены сореbнователи. Вновь предложены 3 кандидата въ дѣйствительные члены и 6—въ члены-сореbнователи. П. Д. Боборыкинъ прочиталъ докладъ на тему «Классъ философіи во французскихъ лицеяхъ и коллежахъ» *).

Познакомивъ съ судьбами преподаванія философіи во французскихъ гимназіяхъ, докладчикъ остановился на томъ походѣ, который былъ начатъ въ 1894 году въ парижскомъ журналѣ «Revue Bleue» противъ «класса философіи». Походъ этотъ вызвалъ цѣлый рядъ отзывовъ компетентныхъ ученыхъ и преподавателей философіи. Изъ нихъ такіе специалисты, какъ Поль Жане, Бутру, Фулье высказались безусловно за сохраненіе философскаго класса. Въ письмахъ покойнаго Тэна и профессора психологіи Рибо, приведенныхъ также докладчикомъ, находятся совѣты ученикамъ и преподавателямъ; но ни тотъ ни другой не относятся отрицательно къ классу философіи. Отзывъ Фулье—са-

*) Напечатанъ въ № 47 „Вопросовъ Философіи и Психологіи“.

мый горячій и содержательный, написанный на руководящую мысль, что безъ того подъема идей и нравственныхъ чувствъ, какой молодые люди могутъ получать въ старшемъ классѣ среднихъ учебныхъ заведеній, слушающа курсъ философіи, французское общество еще сильнѣе проникнется духомъ низменнаго утилитаризма, равнодушіемъ къ высшимъ запросамъ жизни или растлѣвающимъ пессимизмомъ съ полнымъ отсутствіемъ чего-либо походяго на мировоззрѣніе. Фулье въ концѣ отзыва предлагаетъ свою программу преподаванія для класса философіи. Докладчикъ изложилъ затѣмъ теперешнее положеніе этого класса въ французскихъ лицеяхъ и коллежахъ, познакомилъ съ характеромъ самыхъ распространенныхъ учебниковъ и съ тѣми философскими темами, которыя задаются на экзаменахъ ученикамъ, приобретающимъ степень бакалавра, что соотвѣтствуетъ нашему «аттестату зрѣлости». Въ послѣдней части доклада поставленъ вопросъ о желательности въ нашихъ среднихъ школахъ философскаго преподаванія, при чемъ докладчикъ указывалъ на тотъ низкій уровень общей развитости, какой замѣчается теперь въ нашихъ выученикахъ теперешней педагогической системы въ гимназіяхъ. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ: не представляетъ ли и университетское преподаваніе въ программахъ сразныхъ факультетовъ значительныхъ пробѣловъ въ смыслѣ научно-философскаго синтеза? Къ этимъ вопросамъ лекторъ подошелъ послѣ указаній на тѣ русскія среднія заведенія, гдѣ читаютъ философскіе предметы, на семинаріи и даже женскія гимназіи съ курсомъ психологіи, чего наши мужскія гимназіи совершенно лишены.

Въ преніяхъ принимали участіе: Д. П. Миртовъ, Н. А. Демьяненко, И. И. Беллярминовъ, В. И. Ламанскій, А. В. Васильевъ, Я. Н. Колубовскій и А. И. Введенскій.

За исключеніемъ одного, всѣ оппоненты были согласны съ тѣмъ, что пріобщеніе гимназистовъ къ философскому мышленію въ томъ или иномъ размѣрѣ безусловно желательно въ принципѣ. Защитникомъ англійской системы въ коллежахъ явился г. Беллярминовъ. По мнѣнію послѣдняго, преподаваніе философіи, какъ науки, въ нашихъ гимназіяхъ немислимо, но введеніе учениковъ въ формы философскаго мышленія желательно и даже необходимо, такъ какъ гимназія находится въ тѣсной связи съ университетомъ. Какъ это сдѣлать? Постановка философіи,

съ которою собраніе познакомилъ П. Д. Боборыкинъ, для нашихъ гимназій не можетъ считаться образцовою. Во 1-хъ, французская программа слишкомъ обширна и разнообразна, и, во 2-хъ, начала, лежація въ основѣ толкованія о нравственности и обязанностяхъ, отзываются прежнею іезуитскою педагогикой, стремившейся дрессировать умъ и волю воспитанниковъ въ желательномъ для ордена направленіи.

Въ протестанскихъ прусскихъ гимназіяхъ философія много лѣтъ находилась въ числѣ учебныхъ предметовъ, хотя по программѣ точно не формулированной; но въ концѣ 50-хъ годовъ она исключена, и по нынѣ дѣйствующему учебному плану въ прусскихъ гимназіяхъ не преподается даже и логика. Исключеніе философіи произошло по причинамъ вполнѣ педагогическимъ, и для насъ въ данномъ случаѣ поучительнымъ, именно вслѣдствіе невозможности правильно поставить ее въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а еще болѣе по причинѣ отсутствія надлежащихъ преподавателей.

Въ англійскихъ коллежахъ уже цѣлое столѣтіе ученики учатся философскому мышленію на греческихъ философахъ, а въ настоящее время, сверхъ того, и на логикѣ Милля. Преподаватели и тьюторы-дидакты, знающіе свой предметъ, находятъ точки соприкосновенія съ другими философами древними и христіанской эпохи. Такой методъ при современномъ строѣ нашихъ гимназій наиболѣе удобный и болѣе цѣлесообразный, чѣмъ чтеніе философіи въ краткихъ очеркахъ, какъ это дѣлается въ настоящее время въ нашихъ семинаріяхъ.

Д. П. Миртовымъ были высказаны слѣдующія замѣчанія. Признавая отсутствіе философіи въ кругу предметовъ гимназическаго курса важнымъ пробѣломъ, референтъ, между прочимъ, противопоставляетъ гимназіямъ духовныя семинаріи, гдѣ философія преподается по довольно широкой программѣ. Нельзя не согласиться, что наши духовныя семинаріи въ данномъ случаѣ дѣйствительно владѣютъ виднымъ преимуществомъ предъ гимназіями: изученіе философскихъ предметовъ весьма благопріятно отражается и вообще на развитіи семинаристовъ и, въ частности, на ихъ подготовленности къ слушанію лекцій по философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому нельзя не присоединиться къ желанію референта, чтобы и въ гимназіи было введено преподаваніе философіи, по примѣру французскихъ кол-

лежей и русских духовных семинарій. Но здѣсь возникаетъ одинъ весьма важный и трудный вопросъ: въ какомъ объемѣ ввести это преподаваніе, при какомъ количествѣ уроковъ и распределеніи учебнаго матеріала по классамъ? Въ практикѣ духовныхъ семинарій этотъ вопросъ при различныхъ уставахъ разрешался различно. Справедливость требуетъ отмѣтить, что и существующая теперь постановка преподаванія философскихъ предметовъ въ семинаріяхъ имѣетъ недочеты, тормозящіе успѣхъ дѣла и требующія устраниенія.

Заключительное слово принадлежало *А. И. Введенскому*, который сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

1) Съ абсолютной точки зрѣнія, конечно, желательно, чтобы уже и въ гимназіяхъ приобрѣталось философское образованіе. И нельзя сомнѣваться, что оно не безъ пользы можетъ быть усвоено гимназистами старшихъ классовъ, коль скоро оно оказывается полезнымъ для семинаристовъ. А въ томъ, что послѣдніе успѣваютъ приобрѣсть дѣйствительную, а не кажущуюся только пользу, Введенскій убѣдился, наблюдая надъ студентами историко-филологическаго института, въ которомъ уже третій годъ принимаютъ также и семинаристовъ.

2) Во всякомъ случаѣ французская постановка дѣла не можетъ служить для насъ образцомъ. Во-1-хъ, она только кажется хорошей; при ближайшемъ же знакомствѣ съ наиболѣе распространенными учебниками, на примѣръ, Буарака, на который ссылается П. Д. Боборькинъ, преподаваніе философіи во французскихъ среднихъ школахъ оказывается, хотя крайне широкимъ, но почти безсодержательнымъ. Оно ограничивается почти исключительно разясненіемъ философскихъ терминовъ. Вторыхъ, по французскимъ программамъ въ одинъ годъ проходитъ нѣсколько философскихъ предметовъ. Но при изученіи философіи особенно нужна постепенность, и даже для студентовъ крайне трудно понять два философскихъ предмета въ одинъ годъ. По нынѣшнимъ университетскимъ программамъ на одномъ изъ младшихъ курсовъ неизбѣжно одновременное прохожденіе двухъ философскихъ предметовъ. Въ Петербургѣ это осуществляется тѣмъ путемъ, что въ одинъ годъ проходится и логика и психологія. На высшихъ же женскихъ курсахъ оба эти предмета *при томъ же общемъ числѣ лекцій* распределены на два

года, и вообще каждый философскій предметъ проходится отдѣльно. И въ концѣ концовъ курсистки успѣваютъ въ философіи въ среднемъ лучше, чѣмъ студенты Петербургскаго университета, хотя у тѣхъ и у другихъ одинъ и тотъ же преподаватель, и хотя на *исторію* философіи студенты посвящаютъ въ общемъ итогѣ шесть годовыхъ лекцій, а курсистки — всего четыре. Такъ много значитъ постепенность въ философіи.

3) Переходя къ относительной точкѣ зрѣнія и взявъ для этого наши гимназіи въ томъ видѣ, каковы онѣ сейчасъ, А. И. Введенскій находитъ по слѣдующимъ причинамъ нежелательнымъ вводить въ гимназіяхъ преподаваніе философіи, выходящее за предѣлы главныхъ пунктовъ формальной логики: гимназическое образованіе страдаетъ болѣе крупными недостатками, которые должны быть устранены, прежде чѣмъ вводить философію, и причины которыхъ недостаточно выяснены. Напримѣръ, гимназисты не любятъ читать даже образцовыя беллетристическія произведенія. Кромѣ того, они по окончаніи курса, такъ сказать, не умѣютъ читать, т.-е. не умѣютъ управляться даже съ чисто-историческими сочиненіями: или они стараются ихъ заучивать вкратцѣ сплошь, не разбирая, что въ нихъ главное, а что второстепенное, или же отъ этого чтенія у нихъ не остается никакихъ слѣдовъ. Наконецъ, всѣ замѣчаютъ, что нынѣшніе гимназисты въ большинствѣ случаевъ приобрѣтаютъ въ концѣ концовъ не любовь и расположеніе къ гимназіямъ и преподаваемымъ въ нихъ предметамъ, а, напротивъ, какое-то отвращеніе и къ тѣмъ и къ другимъ. Нагляднымъ же доказательствомъ этого отвращенія служить малолюдность историко-филологическихъ факультетовъ, которые между тѣмъ всѣми признаются лучшимъ средствомъ къ приобрѣтенію высшаго *общаго* образованія. При такихъ условіяхъ, пожалуй, гимназисты будутъ выносить изъ гимназій такое нерасположеніе къ философіи, что не захотятъ заниматься ею даже и въ университетахъ. Когда гимназисты старшихъ классовъ начнутъ относиться, если и не съ любовью, то хотя бы безъ вражды, къ тому, что преподается имъ, тогда и наступитъ время обсудить вопросъ о расширеніи философіи въ гимназіяхъ; а до той поры достаточно для нихъ формальной логики; и надо заботиться пока не объ ея расширеніи, но о качественномъ улучшеніи ея преподаванія.

14-ое (обыкновенное) собраніе 11-го марта 1899 г.

Засѣданіе открыто въ IX аудиторіи университета, въ 8 часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго, въ присутствіи членовъ совѣта: Э. Л. Радлова, В. М. Бехтерева, Я. Н. Колубовскаго, В. С. Серебренникова, 22 членовъ Общества и приглашенныхъ ими гостей.

Утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія. Лица предложенныя на предшествующемъ засѣданіи въ новыя члены, всѣ избраны. Н. М. Штруппъ прочелъ докладъ на тему: «Объ искусствѣ», сущность котораго сводится къ слѣдующему.

Произведенія искусства имѣютъ для насъ двойное значеніе. Съ одной стороны, они доставляютъ намъ эстетическое наслажденіе. Воспринимая произведеніе искусства, мы отдаемся созерцанію образовъ и переживанію чувствъ. Но эти образы и чувства отличаются отъ тѣхъ, которые вызываются въ насъ дѣйствительностью. Мы смотримъ на нихъ, какъ на призракъ (Schein), отъ котораго можемъ освободиться каждую минуту. У насъ возникаетъ пріятное чувство эстетическаго наслажденія. Съ другой стороны, художественныя произведенія оказываютъ вліяніе на наше настроеніе, составляющее сердцевину нашей личности. Они настраиваютъ насъ на соотвѣтствующій себѣ тонъ. Эти два момента художественныхъ произведеній могутъ служить критеріемъ для ихъ оцѣнки. Всякое произведеніе, способное вызвать въ насъ игру воображенія и чувствъ, имѣетъ въ себѣ положительную цѣнность, потому что спутникъ этой игры—эстетическое наслажденіе можетъ отвлечь людей отъ грубыхъ наслажденій, въ которыхъ обыкновенно ищутъ временнаго самозабвенія отъ гнетущей дѣйствительности. Это достоинство художественныхъ произведеній увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ порождаемаго ими настроенія, которое можетъ имѣть всевозможныя цѣнности, какъ положительныя, такъ и отрицательныя. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусства призрачная сторона беретъ перевѣсъ надъ настроеніемъ. Такія произведенія мы называемъ пустыми и безсодержательными. Въ другихъ, наоборотъ, недостатки призрачной стороны восполняются пріивнесеніемъ возбудителей нехудожественнаго характера, напримеръ, кровавыхъ преступленій. Истинно художественнымъ произведеніемъ можетъ быть только то, въ которомъ призрачная сторона и возбуждаемое ею

настроение образуютъ собой полное единство. Это единство можетъ быть достигнуто не техникой и наблюдательностью, а творческой силой художественнаго гения. Подобныя произведенія мы можемъ ставить выше или ниже, согласно съ нашими взглядами или вкусами, но отрицать вполнѣ ихъ цѣнность никто не имѣетъ права.

Въ преніяхъ принимали участіе: гг. Филипповъ, Боборыкинъ, Гольдштейнъ, Дебольскій, Бехтеревъ, Нижегородцевъ, Серебренниковъ и Севъ. Одни изъ нихъ (М. М. Филипповъ) признавали взглядъ докладчика правильнымъ, но требующимъ нѣкоторыхъ дополненій и разъясненій; другіе (Н. Г. Дебольскій и В. С. Серебренниковъ) отрицали его, доказывая, что въ произведеніяхъ искусства мы имѣемъ дѣло не съ призраками, а съ преобразованной дѣйствительностью, вызывающею дѣйствительныя чувствованія, при чемъ г. Серебренниковъ указывалъ еще на то, что призрачными бываютъ лишь предметы созерцанія, а не состоянія чувствованій. П. Д. Боборыкинъ находилъ, что нельзя устанавливать критерій для оцѣнки художественныхъ произведеній, не разъяснивъ напередъ природы творчества и эстетическаго чувства. Послѣдовалъ также обменъ мнѣній по поводу различныхъ психологическихъ вопросовъ, затронутыхъ докладчикомъ, на примѣръ, что такое чувство, настроеніе, личность, какое отношеніе между ними и проч. (М. М. Филипповъ, В. М. Бехтеревъ и М. Н. Нижегородцевъ).

Сущность же остальныхъ возраженій Н. Г. Дебольскаго сводится къ слѣдующему: терминъ «призрачность», которымъ референтъ переводитъ нѣмецкое слово *Schein* для обозначенія существеннаго признака предметовъ эстетическаго созерцанія, выбранъ не совсѣмъ удачно. Лучше было бы употребить терминъ «показность». Тогда оказалось бы, что выражаемый этимъ терминомъ признакъ указываетъ собственно на общепризнанное свойство искусства—имѣть дѣло не съ самою дѣйствительностью, а только съ ея *показываніемъ* или иначе *изображеніемъ*. При этомъ выяснилось бы также, что въ дѣлѣ оцѣнки художественныхъ произведеній нельзя миновать отношенія къ дѣйствительности, такъ какъ смыслъ изображенія опредѣляется, конечно, тѣмъ, что въ немъ изображается. Лишь при такомъ условіи получается опредѣленный критерій искусства—реалистическій, если предметомъ изображенія полагается опытная дѣйствительность, или

идеалистическій, если такимъ предметомъ полагается дѣйствительность сверхъопытная (идеальная). Но отринувъ всякое отношеніе изображенія къ дѣйствительности, референтъ, естественно, не могъ придти и къ какому-либо критерию, взятому изъ сферы собственно эстетической. Поэтому ему потребовалось ввести такой критерій извнѣ, для чего ему и послужило «настроеніе». На шаткость въ опредѣленіи референтомъ этого понятія было уже достаточно указано. Поэтому г. Дебольскій указалъ лишь на то, что этимъ путемъ референту не удастся установить искомага критерія. Онъ полагаетъ такой критерій въ *соотвѣтствіи настроенія съ призрачнымъ элементомъ искусства* (т.-е. съ изображеніемъ). Но слово «соотвѣтствіе» само по себѣ ничего не значить. Между всякими взаимодействующими факторами есть своего рода соотвѣтствіе; и потому, покуда не выяснено, въ чемъ состоитъ то соотвѣтствіе, на которое указываетъ референтъ, оно остается пустымъ словомъ.

15-ое (обыкновенное) собраніе 8-го апрѣля 1899 г.

Засѣданіе открыто въ залѣ совѣта университета, въ 8 часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго въ присутствіи членовъ совѣта: Э. Л. Радлова, Я. Н. Колубовскаго и В. С. Серебренникова и 19 членовъ Общества.

А. Л. Погодинъ прочелъ докладъ на тему: «Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ — по поводу книги Vierkandt'a — *Naturvölker und Kulturvölker*», сущность котораго сводится къ слѣдующему.

Національныя особенности народа составляютъ нѣчто привнесенное, непостоянное, а потому и не опредѣляющее его исторіи. Всѣ теоріи, связывающія съ извѣстной антропологической расой или историческимъ племенемъ постоянныя психическія свойства, страдаютъ субъективностью; а теорія (Данилевскаго) культурно-историческихъ типовъ не можетъ указать, съ какого именно времени начинается типъ, и дѣлая различіе, напр., между греками и римлянами, забываетъ ихъ общее происхожденіе отъ одного народа, который по классификаціи Данилевскаго долженъ былъ бы также представлять культурно-историческій типъ. Наконецъ, историческая теорія образованія національныхъ особенностей впадаетъ въ заблужденіе, предполагая, что первое сборище людей, развившихъ впослѣдствіи національный типъ, было

вызвано наличностью извѣстныхъ общихъ свойствъ у этихъ людей. Національныя особенности объясняются тѣмъ, что неразвѣтая масса мало дифференцирована, болѣе поддается психическимъ внушеніямъ, а потому въ каждую минуту принимаетъ извѣстную фізіономію. Но такъ какъ національныя особенности не представляютъ чего-либо законченнаго или присущаго спеціально одной народности, то нельзя дѣлать народы по ихъ свойствамъ или говорить объ историческомъ предназначеніи народа. Въ качествѣ критерія для классификаціи народовъ слѣдуетъ принять признаковъ, указанный Фиркандтомъ и состоящій въ большей или меньшей степени сознательности дѣйствій.

Въ преніяхъ принимали участіе: гг. Дебольскій, Радловъ, Серебренниковъ, Васильевъ, Смирновъ, Штрупъ, Севъ и А. И. Введенскій.

Возраженія *Н. Г. Дебольскаго* таковы: докладчикъ отрицаетъ существованіе какихъ-либо постоянныхъ національныхъ особенностей. Но изъ посылокъ его, даже если признать ихъ правильными (о чемъ не поднимается вопросъ) слѣдуетъ, собственно, отрицаніе прирожденныхъ національныхъ особенностей, что не то же самое, такъ какъ вполне возможно, что въ теченіе исторіи образуются въ данной народности постоянные признаки, отличающіе ее отъ всѣхъ другихъ народностей. Если референтъ вообще не усматриваетъ такихъ признаковъ, то это зависитъ оттого, что онъ (безъ достаточной при томъ полноты) разбираетъ каждый признакъ въ отдѣльности вмѣсто того, чтобы взять содержаніе понятія народности въ его цѣлостности, т.-е. во всей совокупности его признаковъ. Классификація предметовъ на основаніи *одного* какого-либо признака (такъ называемая *искусственная* система), давно оставлена въ естествознаніи, и потому нѣтъ основанія прилагать ее и къ народностямъ. Каждая народность требуетъ выясненія именно ея своеобразія, при чемъ, въ связи съ особенностями ея исторіи, особое отличительное для нея значеніе можетъ получать то, или иное ея свойство, для одной народности, напримѣръ, религія, для другой языкъ и т. п. При этомъ нужно замѣтить; что неудача или неполнота въ указаніи такихъ отличительныхъ признаковъ, завися отъ сложности предмета и трудности его изслѣдованія, не доказываютъ еще, чтобы самого предмета, въ его особенности, фактически не существовало. Отсутствіе точнаго и общепризнаннаго опредѣленія поня-

тія не доказує еще, чтобы не было самого предмета этого понятія. Такъ, хотя мы не имѣемъ еще вполне удовлетворительнаго опредѣленія жизни, но нельзя же сказать, что жизни нѣтъ или что живое не отличается отъ мертваго. Такъ же точно и народности заявляютъ свое бытіе фактически независимо отъ степени совершенства нашего ихъ пониманія.

Возраженія *Н. М. Штрупа* сводятся къ слѣдующему.

Въ своихъ разсужденіяхъ докладчикъ упустилъ столь важный моментъ, какъ вліяніе естественно-историческихъ условій. Между тѣмъ, совершенно понятно, что обще-арійское племя, разбредшееся по различнымъ мѣстностямъ Европейско-Азійскаго материка, подъ вліяніемъ различной природной обстановки образовало цѣлый рядъ обособленныхъ національностей. На низшихъ ступеняхъ бытія вліяніе окружающей природы сводится къ самому важному — къ добыванію пищи, а потому всѣ охотничьи племена сходнѣ между собою, чѣмъ даже съ родственными имъ земледѣльческими племенами. Съ накопленіемъ же богатства, съ расширеніемъ культуры усложняются способы добыванія пропитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ отодвигаются на задній планъ цѣлымъ рядомъ другихъ потребностей, болѣе духовнаго характера. Соответственно съ этимъ все разнообразнѣе сказывается вліяніе окружающей природы и все ярче обрисовываются племенные и національныя черты.

Теорія культурно-историческихъ типовъ, созданная *Н. Я. Данилевскимъ*, отвергнута докладчикомъ безъ достаточнаго обоснованія. Теорія эта является попыткой приложить къ изученію національныхъ особенностей методъ естественно-исторической классификаціи и систематики. Можно не соглашаться съ тѣми или другими выводами и положеніями *Данилевскаго*, изложенными въ книгѣ «*Россія и Европа*», можно указать различныя увлеченія и промахи у этого мыслителя, но отрицать значеніе его труда и отвергать теоріи культурно-историческихъ типовъ даетъ право только подробный анализъ принятаго авторомъ метода, если будетъ доказана неприложимость этого приѣма къ изученію національностей. Докладчикъ же совершенно не остановился на этомъ вопросѣ.

По мнѣнію *В. С. Серебренникова*, какъ жизнь отдѣльнаго челоука слагается изъ взаимодѣйствія прирожденныхъ началъ и вліяній окружающей среды, такъ, нужно думать, и жизнь каж-

даго народа представляет собой постепенное развитие индивидуальных особенностей первоначальной группы людей, от которой произошелъ этотъ народъ.

Многія же другія возраженія, какъ это выяснилъ предсѣдатель при резюмированіи хода преній, возникали отъ того, что докладчикъ не опредѣлилъ понятія національности.

16-е (обыкновенное) собраніе 30-го апрѣля 1899 г.

Засѣданіе открыто въ залѣ совѣта университета, въ 8 часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго, въ присутствіи 27 членовъ общества.

По утвержденіи протокола предшествующаго засѣданія предложены два кандидата въ дѣйствительные члены и Э. Л. Радловъ прочелъ докладъ на тему: «Очеркъ исторіографіи исторіи философіи» *).

Указавъ кратко на попытки древности написать исторію греческой философіи, докладчикъ остановился на трудѣ Вальтера Бурлея. Въ исторіографіи исторіи философіи Э. Л. Радловъ различаетъ три періода. Къ первому относятся попытки эпохи возрожденія написать исторію философіи. Эти попытки крайне несовершенны какъ со стороны методологической, такъ и со стороны содержанія. Второй періодъ—XVII и XVIII вѣка. Два сочиненія Стэнли и Г. Горна служатъ прототипами для всѣхъ остальныхъ исторій философіи этого времени: книга Стэнли можетъ служить примѣромъ ученой, повѣствовательной исторіи, въ то время какъ у Горна замѣтно стремленіе къ конструкціи исторіи. Съ конца XVIII вѣка начинается подъемъ въ области историческаго знанія. Два представителя этого времени—Теннеманъ и, нѣсколько позднѣе, Гегель могутъ служить для характеристики двухъ направленій—ученаго и направленія идеалистической философіи. Докладъ закончился краткими указаніями на новѣйшія направленія въ исторіи философіи, а именно по исторіи проблемъ и исторіи понятій.

Въ обмѣнѣ мнѣній по поводу доклада приняли участіе проф. М. И. Каринскій, Н. Г. Дебольскій, г. Вознесенскій, В. Э. Вальденбергъ и А. И. Введенскій. Главнымъ предметомъ обсужденія было вліяніе, которое произвела философія Гегеля на науку исторіи философіи.

*) Напечатанъ въ № 49 „Вопросы философіи и психологіи“.

М. И. Каринскій съ большимъ сочувствіемъ отозвался о серьезно научномъ характерѣ реферата, который предполагаетъ широкую эрудицію въ области философской исторіографіи. По поводу высказанной въ рефератѣ общей мысли о вліяніи гегелевой философіи на научную разработку исторіи философіи въ новое время *г. Каринскій* возбудилъ вопросъ о болѣе точной характеристикѣ этого вліянія. При этомъ онъ старался развить ту мысль, что подъемъ собственно научнаго достоинства историко-философскихъ трудовъ въ послѣднее столѣтіе сравнительно съ временемъ предшествующимъ, начинается ранѣе господства гегелевой философіи и періодъ этого господства никакъ не ограничивается только гегелевой школой, такъ какъ стоитъ въ связи съ увеличеніемъ пособій вообще для историческихъ и въ частности для историко-философскихъ изслѣдованій, а также и съ возвышеніемъ общенаучныхъ требованій отъ такого рода изслѣдованій. Что же касается гегелевой философіи, то значеніе ея въ отношеніи къ развитію историко-философскихъ изслѣдованій, по мнѣнію *г. Каринскаго*, состояло въ томъ, что она, возвышая значеніе существовавшихъ прежде философскихъ системъ, тѣмъ самымъ должна была привлекать къ историко-философскимъ работамъ талантливыхъ представителей школы, а это при очень быстромъ и широкомъ развитіи школы въ учебной средѣ естественно должно было сопровождаться появленіемъ многихъ серьезныхъ историко-философскихъ работъ, написанныхъ подъ разнообразнымъ вліяніемъ доктринъ школы.

Сущность сказаннаго *Н. Г. Дебольскимъ* сводится къ слѣдующему:

Казалось бы, что референту слѣдовало точнѣе разграничить тѣ стороны вліянія Гегеля на развитіе философской исторіографіи, которыя имѣли прочное и нынѣ еще сохраняющееся значеніе, отъ тѣхъ, которыя, будучи тѣсно связаны съ частностями его системы, вмѣстѣ съ нею и пали.

В. Э. Вальдебергъ указалъ, что исторія проблемъ не есть нѣчто служебное по отношенію къ исторіи системъ. Оба эти пониманія исторіи философіи должны быть поставлены рядомъ на равныхъ правахъ; но есть серьезные основанія, почему слѣдуетъ отдать преимущество первому передъ вторымъ. Система есть нѣчто цѣльное, въ самомъ себѣ замкнутое и исторія системъ можетъ имѣть своей задачей только выясненіе именно цѣльности

каждой системы, взаимной уравновѣшенности ея частей; невозможно разсматривать каждую часть системы отдѣльно. Но тогда нельзя признать существованія на ряду съ общей исторіей философіи, еще исторіи (или исторій) отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ, или точнѣе: эти частныя науки будутъ отличаться отъ общей лишь количественно, а не принципиально, у нихъ не будетъ никакой особой задачи, никакого отдѣльнаго предмета. Какъ и общая исторія философіи, исторія отдѣльной философской дисциплины будетъ излагать *всю систему* и лишь болѣе подробно — отдѣльную часть ея; а это противорѣчитъ принципу цѣльности. Но и содержаніе науки будетъ опредѣляться чисто случайными причинами, — успѣлъ ли трактуемый авторъ написать всю свою систему, или намъ извѣстны только клочки ея. Напротивъ, съ точки зрѣнія проблемъ распределеніе задачъ между науками оказывается болѣе логичнымъ. Общая исторія философіи изслѣдуетъ *только* такъ называемыя общія проблемы, т.-е. тѣ, рѣшеніе которыхъ обусловливаетъ собой (по взглядамъ эпохи или лица) постановку и рѣшеніе частныхъ вопросовъ. Такова, на примѣръ, проблема познанія. Исторія отдѣльной философской дисциплины изслѣдуетъ судьбу только частныхъ проблемъ данной философской науки, на прим., что есть красота. откуда обязательность нравственнаго закона и т. п. Вопросъ же о связи между общими и частными проблемами и о взаимной ихъ обусловленности долженъ составить *особую проблему*, исторія которой есть порубежная область, въ которой сходятся упомянутыя общая и частныя науки.

Возраженія П. И. Вознесенскаго были таковы:

Первог. Несмотря на замѣчанія Э. Л. Радлова о томъ, что докладъ его имѣетъ чисто историографическій и вовсе не философскій характеръ, все-таки надо признать, что и въ данномъ докладѣ есть философскій элементъ. Именно трудно представить себѣ, чтобы можно было касаться понятія исторіи философіи, какъ это дѣлаетъ почтенный докладчикъ, не опредѣляя такъ или иначе соотносительнаго понятія философіи. Желательно было бы, чтобы докладчикъ яснѣе указалъ на свое отношеніе къ этой философской проблемѣ. Отчасти, конечно, мысль докладчика по этому поводу проглядываетъ въ докладѣ; на прим., Э. Л. ставитъ въ заслугу Гегелю новое опредѣленіе сущности исторіи философіи, введшее ее въ разрядъ философ-

скихъ дисциплинъ; ранѣе еще отмѣчаетъ узко тенденціозное отношеніе къ философскимъ ученіямъ древнихъ первыхъ христіанскихъ историковъ философіи, затѣмъ указываетъ на то, что и крупные современные историки философіи, въ родѣ Целлера и Куно Фишера вслѣдъ за Гегелемъ ищутъ въ исторіи философіи разрѣшенія философскихъ вопросовъ, и т. д. Другими словами, докладчикъ, очевидно, и самъ смотритъ на исторію философіи, какъ на философскую дисциплину, ибо иначе не ставилъ бы въ заслугу Гегелю и современнымъ историкамъ взгляда, возможнаго лишь при убѣжденіи, что исторія философіи—тоже нѣкоторымъ образомъ философія. Наконецъ, вѣдь безъ опредѣленнаго взгляда на сущность философіи невозможно правильно выяснить, что собственно входитъ въ исторію философіи, т.-е. указать границы и объемъ этой науки. Итакъ, слѣдовало бы лишь яснѣе опредѣлить понятіе философіи, по воззрѣнію докладчика, безъ котораго немислимо разсужденіе о задачахъ и методахъ исторіи философіи.

Второе возраженіе сводилось къ тому, что выраженіе Э. Л. Радлова о служебномъ значеніи исторіи проблемъ въ общей исторіи философіи не соотвѣтствуетъ важному мѣсту, которое занимали проблемы и вообще новые вопросы и новая ихъ постановка въ исторіи философіи. Вѣдь это были и будутъ всегда моменты первостепенной важности въ исторіи мысли, по этимъ этапамъ и судятъ о движеніи ея впередъ. Поставить вновь вопросъ—значитъ уйти далеко впередъ; и новый путь всегда велъ философію къ новымъ темамъ.

А. И. Введенскій въ своемъ заключительномъ словѣ, съ удовольствіемъ присоединяясь къ высокой оцѣнкѣ научныхъ достоинствъ доклада Э. Л. Радлова, высказалъ еще мысль, что этотъ докладъ идетъ навстрѣчу назрѣвшей научной потребности, на которую, однако, ученые обращаютъ мало вниманія: сочиненій по исторіографіи исторіи философіи почти нѣтъ. Обращаясь же къ разсмотрѣнію заслушанныхъ преній А. И. Введенскій полагаетъ, что разногласіе между Э. Л. Р. и его оппонентами въ значительной степени можетъ быть сглажено, какъ это уже во многомъ выяснилось изъ преній Э. Л. Радлова съ М. И. Каринскимъ и Н. Г. Дебольскимъ. Что же касается до В. Э. Вальденберга, то и его мнѣнія могутъ быть примирены со взглядами докладчика, именно: надо только имѣть въ виду, что раз-

работка проблемъ и разработка системъ находятся во взаимно-отъѣстии другъ съ другомъ, фактъ—легко доказываемый и теоретическими соображеніями и исторически. А поэтому по желанію для различныхъ цѣлей, можно дѣлать центромъ тяжести исторіи философіи либо исторію системъ, либо исторію проблемъ. Наконецъ, по поводу замѣчаній П. И. Вознесенскаго А. И. Введенскій полагаетъ, что можно, а при чисто историческихъ цѣляхъ и необходимо, излагать и исторію философіи и ея исторіографію, не руководствуясь своимъ собственнымъ, заранѣе установленнымъ понятіемъ философіи: вѣдь въ исторіи, если только она излагается не ради какихъ-либо особыхъ, специальныхъ задачъ, мы должны смотрѣть на изучаемыя явленія глазами ихъ современниковъ. Поэтому во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, т.-е. при чисто историческихъ задачахъ, въ составъ исторіи философіи мы должны вводить не то, что подходитъ подъ наше собственное понятіе философіи, а то, что считали философіей современники эпохи, разсматриваемой нами.

17-е (обыкновенное) собраніе 12 октября 1899 г.

Засѣданіе открыто въ залѣ совѣта университета, въ 8 часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго, въ присутствіи членовъ совѣта Э. Л. Радлова, Я. Н. Колубовскаго, В. С. Серебренникова и 23 членовъ общества.

По утвержденіи протокола предшествующаго собранія почтена вставаніемъ память умершихъ: а) членовъ — учредителей — Фанни Моисеевны Кауфманъ, проф. Василья Григорьевича Васильевскаго и б) дѣятелей въ области русской философіи — проф.: Матвѣя Михайловича Троицкаго и Николая Яковлевича Грота. Выслушанъ докладъ ревизіонной комиссіи. Лица, предложенныя въ предшествующемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены, избраны.

Д. П. Мирговъ прочелъ докладъ на тему: «Идеалъ нравственнаго совершенства по представленію Климента Александрійскаго», сущность котораго сводится къ слѣдующему:

Воззрѣнія Климента представляютъ не богословскій только, но и философскій интересъ, потому что этотъ церковный писатель является своеобразнымъ выразителемъ общаго его времени философскаго эклектизма. Эклектизмъ Климента особенно характерно обнаруживается въ его ученіи объ идеалѣ нравственнаго совершенства. По этому ученію основными элементами, составляющими

нравственное совершенство христіанина, являются: знаніе, апатія и любовь. Изъ нихъ главнымъ служить знаніе, почему и самъ совершенный христіанинъ называется гностикомъ и совершенство его гносисомъ. Во внутренней связи съ знаніемъ, представляющимъ теоретическую сторону нравственнаго идеала, стоятъ апатія и любовь, какъ отрицательное и положительное выраженіе практической стороны гносиса. По той и другой сторонѣ гносисъ находитъ свое завершеніе въ мистическомъ созерцаніи. По взгляду докладчика, этотъ идеалъ, имѣя свою основу въ церковно-христіанскомъ ученіи, соединяетъ въ себѣ и черты, характеризующія гностика еретическихъ сектъ и мудреца философскихъ школъ, при чемъ объединяемые въ немъ элементы не сохранили своей оригинальной чистоты.

Въ обмѣнъ мнѣній по поводу доклада приняли участие проф.: прот. В. Г. Рождественскій, М. И. Каринскій, В. С. Серебренниковъ, В. Д. Смирновъ, А. И. Введенскій и П. П. Лебедевъ. Всѣ они нашли докладъ очень интереснымъ строго обоснованнымъ и дѣлали замѣчанія не столько для возраженія, сколько для разрѣшенія возникшихъ у нихъ по поводу него вопросовъ.

18-е (2-е годовичное) собраніе 22 октября 1899 г.

Засѣданіе открыто въ актовомъ залѣ университета въ 8 часовъ вечера. Засѣданіе было крайне многолюдно, такъ что всѣ мѣста въ залѣ и на хорахъ были заняты и многимъ пришлось стоять.

Прежде всего В. С. Серебренниковымъ былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ Совѣта о возникновеніи, составѣ и дѣятельности общества со времени его открытія до 1-го сентября 1899 г. .

Мысль объ образованіи философскаго общества въ С.-Петербургѣ возникла уже въ 1879 году. Ее высказывали В. С. Соловьевъ, М. И. Каринскій, Э. Л. Радловъ, Н. Н. Страховъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Ф. Г. Тернеръ, А. Е. Свѣтилинъ, кн. Д. Н. Цертелевъ и др. Но слѣланная ими попытка осуществить эту мысль встрѣтила непреодолимые препятствія. Въ 1897 году вопросъ объ образованіи петербургскаго философскаго общества снова былъ поднятъ. Инициатива на этотъ разъ принадлежала М. В. Безобразовой, къ которой, кромѣ нѣкоторыхъ инициаторовъ прежней попытки, примкнули многія другія лица, такъ что проектъ устава общества, выработанный на собраніи членовъ-

учредителей 25-го марта 1897 года, былъ подписанъ 80-ю лицами. По ходатайству университетскаго совѣта, сочувственно встрѣтившаго этотъ проектъ, уставъ философскаго общества былъ утвержденъ 22-го октября 1897 года, а 7-го декабря уже состоялось первое общее собраніе членовъ общества, на которомъ были выбраны: предсѣдатель А. И. Введенскій и 6 членовъ совѣта: Э. Л. Радловъ, А. С. Фаминцынъ, В. М. Бехтеревъ, Я. Н. Колубовскій, И. И. Лапшинъ и А. П. Нечаевъ. Изъ нихъ совѣтъ общества избралъ: Э. Л. Радлова въ товарищи предсѣдателя, Я. Н. Колубовскаго—въ казначеи, И. И. Лапшина—въ библіотекари и А. П. Нечаева—въ секретари. Открытіе общества было встрѣчено привѣтствіями со стороны московскаго психологическаго общества и профессоровъ Московской духовной академіи.

Въ теченіе отчетнаго періода въ составѣ совѣта и общества произошли слѣдующія перемѣны: первые мѣсяцы исполняли обязанности предсѣдателя товарищи его Э. Л. Радловъ. За отъѣздомъ А. П. Нечаева и И. И. Лапшина въ долгосрочную заграничную командировку, избраны на ихъ мѣсто на годичномъ собраніи 11-го октября 1898 г. Б. Л. Рутковскій и В. С. Серебrenиковъ, при чемъ на перваго возложены совѣтомъ обязанности секретаря, а на втораго—обязанности библіотекаря. За переходомъ Л. В. Рутковскаго на службу въ провинцію, временное исполненіе обязанностей секретаря поручено библіотекарю В. С. Серебrenикову. Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго періода предсѣдателемъ общества состоитъ А. И. Введенскій, а членами совѣта—товарищъ предсѣдателя Э. Л. Радловъ, казначей Я. Н. Колубовскій, библіотекаръ, исполняющій въ то же время обязанности секретаря, В. С. Серебrenиковъ, А. С. Фаминцынъ и В. М. Бехтеревъ.

Число членовъ общества къ 1-му сентября 1899 г. равнялось 156-ти, изъ которыхъ 77 членовъ-учредителей, 57 дѣйствительныхъ членовъ и 22 члена-соревнователя. Несмотря на короткое время, протекшее съ открытія общества, оно уже понесло тяжкую потерю въ лицѣ трехъ своихъ скончавшихся учредителей:

С. Н. Данилло, В. Г. Васильевскаго и Ф. М. Кауфманъ.

Въ отчетный періодъ общество имѣло 16 засѣданій. На нихъ производились выборы должностныхъ лицъ и членовъ общества, произносились рѣчи, читались и обсуждались научные доклады,

рѣшались различные вопросы, касающіеся управленія дѣлами общества, и обсуждались предположенія объ изданіи его трудовъ. Рѣчи произносились по поводу трехъ случаевъ: во-первыхъ, при открытіи научной дѣятельности общества, именно двѣ рѣчи—А. И. Введенскаго «Судьбы философіи въ Россіи» и В. С. Соловьева «Жизненная драма Платона». Во-вторыхъ, на двухъ засѣданіяхъ, посвященныхъ чествованію Ог. Конта по поводу столѣтняго юбилея со дня его рожденія, было произнесено пять рѣчей, направленныхъ къ всестороннему уясненію значенія его дѣятельности—В. С. Соловьева («Объ общихъ идеяхъ О. Конта»), С. Е. Савича («О математическихъ трудахъ О. Конта»), О. Д. Хвольсона («О позитивной философіи и физикѣ»), С. М. Лукьянова («О позитивной біологіи О. Конта») и А. С. Лаппо-Данилевскаго («О позитивномъ методѣ въ социологіи Конта»). Наконецъ, на первомъ годичномъ собраніи общества—рѣчь В. С. Соловьева «О значеніи Бѣлинскаго».

Научныхъ докладовъ было сдѣлано 9-ть; изъ нихъ 1 относится къ исторіи философіи Э. Л. Радлова («Исторіографія исторіи философіи»), 1 къ оцѣнкѣ современнаго преподаванія философіи—П. Д. Боборыкина («Классъ философіи въ французскихъ лицеяхъ и коллежахъ»), 3 — къ философіи искусства—Н. Г. Дебольскаго («Объ искусствѣ»), Э. Д. Батюшкова («Утопія всенароднаго искусства»), Н. М. Штрупа («Объ искусствѣ»), 2—къ теоріи познанія—М. М. Филиппова («Объ эмпириокритицизмѣ Авенариуса») и Л. Е. Оболенскаго («Главнѣйшіе типы представленій о мірѣ, какъ онъ есть самъ въ себѣ и ихъ критика»), и 2 — къ социальной философіи А. Л. Погодина («Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ») и М. И. Свѣшникова («Новѣйшая система Соціальной философіи»).

Къ сожалѣнію, общество не могло еще приступить къ предположенному имъ изданію своихъ трудовъ, хотя бы, напр. въ видѣ переводовъ классическихъ философскихъ произведеній, и ограничилось пока содѣйствіемъ изданію «Вопросовъ философіи и психологіи». Но можно надѣяться, что не далеко то время, когда общество будетъ въ состояніи исполнить и это предположеніе. Ручательствомъ служить то огромное сочувствіе, которое со всѣхъ сторонъ встрѣчаетъ Философское Общество, о чемъ можно судить хотя бы по быстро увеличивающемуся числу членовъ: въ 1¹/₂ года оно возросло съ 80-ти до 156-ти, при чемъ

среди нихъ находятся представители всѣхъ областей умственной жизни.

Затѣмъ взошелъ на кафедру А. С. Фаминцынъ, и произнесъ рѣчь на тѣму: «Современное естествознаніе и его ближайшая задача».

Въ этой рѣчи ораторъ обращаетъ вниманіе на назрѣвшую потребность расширить районъ дѣятельности естествоиспытателей распространеніемъ экспериментальнаго метода на психическія явленія. Исключеніемъ послѣднихъ изъ предметовъ разслѣдованія и объясняется, по мнѣнію оратора, крупный недочетъ въ современномъ естествознаніи, которое хочетъ построить знаніе науки на фактахъ, а вопросъ о степени достовѣрности самыхъ фактовъ оставляетъ безъ изслѣдованія. Ни въ специальныхъ трудахъ, ни въ руководствахъ, предназначенныхъ для большого круга читателей, не встрѣчается анализа нашей познавательной способности, а равно и способа и средствъ нашихъ для познанаія внѣшняго міра. Оказывается, слѣдовательно, не разслѣдованной естествоиспытателями степень надежности и крѣпости фундамента, на которомъ покоится естествознаніе. Анализъ этого вопроса производитъ ораторъ на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ логики, психологіи и ученія о познаніи. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ разбору основоположеній и современнаго естествознанія, выясняетъ крупныя видоизмѣненія, которымъ они должны подвергнуться, если принять во вниманіе данныя выше упомянутыхъ наукъ, и указываетъ, что рѣшеніе ожесточеннаго спора между сторонниками механическаго міровоззрѣнія и виталистами лежитъ внѣ сферы естествознанія и обуславливается главнымъ образомъ данными изъ наукъ, занимающихся разслѣдованіемъ нашей психической дѣятельности. Одно изъ наиболѣе интересныхъ слѣдствій проводимаго въ рѣчи взгляда, ораторъ усматриваетъ въ томъ, что съ его точки зрѣнія дается возможность показать, что различія, наблюдаемая нами между живыми существами и такъ называемой мертвой природою, обуславливаются не столько различіемъ ихъ между собою по существу, сколько разницею предоставленныхъ намъ способовъ къ ихъ познанію, именно: явленія мертвыя природы доступны намъ лишь съ внѣшней стороны; себя же и другія одушевленные вещества мы можемъ изучать не только со стороны внѣшней, но и со стороны внутренней психической жизни. Въ заключеніе ораторъ указываетъ на

поразительные результаты, уже полученные въ экспериментальныхъ разслѣдованіяхъ, касающихся гипнотизма, какъ на ясное подтвержденіе его взгляда относительно громадной пользы для естествознанія, если оно не будетъ ограничиваться явленіями матеріальными, а распространить свои разслѣдованія и на явленія психическія.

Рѣчь А. С. Фаминцына была покрыта весьма дружными и долго несмолкавшими аплодисментами. Въ заключеніе предсѣдатель общества сказалъ нѣсколько словъ въ память почившихъ профессоровъ: М. М. Троицкаго, какъ учредителя перваго въ Россіи философскаго общества въ Москвѣ, лишь названнаго психологическимъ, и Я. Н. Грота, какъ основателя перваго въ Россіи философскаго журнала. Рѣчь В. С. Соловьева объ этихъ дѣятеляхъ отложена, по болѣзни его, до одного изъ слѣдующихъ засѣданій общества.

По окончаніи торжественнаго засѣданія, члены общества въ количествѣ 47 перешли въ залъ совѣта университета на закрытое засѣданіе. На этомъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго, въ присутствіи членовъ совѣта: А. С. Фаминцына, Э. Л. Радлова, В. С. Серебренникова и Я. Н. Колубовскаго, утверждень отчетъ о составѣ, ученой дѣятельности и приходѣ и расходѣ общества за первое 1½ года его существованія. Прочитана и утверждена смѣта на 1899—1900 академическій годъ. Выражена благодарность членамъ ревизіонной комиссіи за сдѣланную ими ревизію отчета и имущества общества. Дѣйствительными членами произведены выборы трехъ членовъ совѣта на мѣсто А. С. Фаминцына и В. М. Бехтерева, выбывшихъ по жребію, и Л. В. Рутковскаго, уѣхавшаго изъ Петербурга на службу въ провинцію. Избраны: А. С. Фаминцынъ—34 голосами, В. М. Бехтеревъ—31 голосомъ и И. И. Лапшинъ—24 голосами. Предсѣдатель общества разъяснилъ, въ какомъ смыслѣ желательно совѣту и почему возбудить вопросъ объ измѣненіи §§ 12, 13, 14, 19, 23, 24, и 15 Устава Общества. Рѣшеніе этого вопроса, на основаніи § 33, отложено до слѣдующаго годичнаго засѣданія. Въ заключеніе всѣми присутствующими членами избраны въ члены ревизіонной комиссіи на начавшійся академическій годъ: М. И. Каринскій—38 голосами, Н. Г. Дебольскій—38 голосами и И. И. Боргманъ—37 голосами.

19-ое (обыкновенное) собраніе 4 ноября 1899 г.

Засѣданіе открыто въ актовомъ залѣ университета въ 8¹/₂ час. веч. подъ предѣдательствомъ А. И. Введенскаго въ присутствіи членовъ совѣта Э. Л. Радлова Я. Н. Колубовскаго, А. С. Фаминцына, столь большого числа членовъ и приглашенныхъ ими гостей, что засѣданіе было перенесено изъ IX аудиторіи въ актовъ залъ.

Быль сдѣланъ И. И. Лапшинымъ докладъ о «Трусости въ мышленіи».

Основныя положенія первой фактической части доклада сводились къ слѣдующему: трусость въ мышленіи бываетъ двоякая—передъ людьми и передъ представленіями; яркимъ примѣромъ для второго вида является страхъ передъ философскимъ идеализмомъ, если не убѣжденіе въ логической несостоятельности послѣдняго, а опасеніе утраты тѣхъ сторонъ реального бытія, которыя различнымъ лицамъ наиболѣе цѣнны по профессіи или господствующимъ интересамъ, заставляетъ ихъ отдать предпочтеніе реализму. Это наблюдается у общественнаго дѣятеля, духовнаго лица, естествоиспытателя, такъ какъ экстраментальное существованіе первичныхъ свойствъ тѣлъ идеалистами считается недоказуемымъ, у поэта, для котораго наиболѣе цѣнны вторичныя свойства тѣлъ. Вторая часть доклада содержитъ слѣдующія психологическія соображенія: трусость въ мышленіи заключается во взаимоотношеніи между эмоціями и механизмомъ представленій. Эмоція (страха), сопровождающая конкретное представленіе, связанное съ отвлеченнымъ концептомъ философскаго мышленія, по сходству переносится на него. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ основной страха передъ философскимъ идеализмомъ является болѣзненная фобія передъ идеей небытія, пустоты и т. п. Мнѣніе Бэна, Джемса и Ренана о необходимости полного обособленія интеллектуальнаго процесса для устраненія вреднаго вліянія эмоцій ошибочно и опровергается показаніями Канта, Декарта, Спинозы и др. Лишь психологическій анализъ и логическій критицизмъ могутъ отчасти излѣчивать отъ трусости въ мышленіи. Другимъ болѣе радикальнымъ средствомъ является широкое историко-философское образованіе, которое, пріучая становиться на чужія точки зрѣнія, черезъ это содѣйствуетъ диссоціаціи между извѣстными эмоціями и теоретическими прин-

ципами. Этическія, религіозныя и другія соображенія являются скрытымъ факторомъ, заставляющимъ философовъ примкнуть къ тому или къ другому ученію, какъ то было съ Беркли, Фихте, Шопенгауэромъ. По мнѣнію докладчика, подъ вліяніемъ чувственности субъективныя основы сливаются съ объективными и заставляютъ послѣднія уклоняться отъ ихъ назначенія; потому склонность къ догматическому идеализму подобна склонности къ догматическому реализму.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе: Н. Г. Дебольскій, А. С. Фаминцынъ, М. М. Филипповъ, М. Н. Нижегородцевъ, А. Э. Лазурскій, П. И. Вознесенскій и В. М. Каринскій. Изъ сдѣланныхъ возраженій подробнѣйшими были слѣдующія:

Возраженія *Н. Г. Дебольскаго*: «Терминъ трусость», употребленный референтомъ для означенія описываемаго имъ душевнаго состоянія, едва ли можетъ считаться удачно выбраннымъ. Правильнѣе было бы замѣнить его терминомъ «опасеніе». При такой замѣнѣ отпали бы и тѣ порицанія, съ которыми референтъ обращается къ противникамъ идеализма, такъ какъ всякому мыслителю естественно и законно опасаться за исходъ тѣхъ или иныхъ умствованій, особенно въ ихъ этическихъ послѣдствіяхъ. Независимо сего референту слѣдовало бы, при оцѣнкѣ реалистическихъ взглядовъ, болѣе имѣть въ виду собственно философскія ученія, чѣмъ мнѣніе богослововъ, поэтовъ и натуралистовъ.

М. М. Филипповъ указалъ на то, что, задавшись чисто психологическимъ изслѣдованіемъ, референтъ выполнилъ его односторонне и нѣсколько тенденціознымъ образомъ. Для полного психологическаго изслѣдованія «трусости» въ философскомъ мышленіи слѣдовало бы разобрать появленія этой трусости въ самыхъ разнообразныхъ философскихъ системахъ. Вмѣсто этого референтъ подчеркнул проявленія трусливой эмоціи специально у представителей матеріалистическихъ и наивно-реалистическихъ воззрѣній. Получилось такое впечатлѣніе, какъ-будто трусость мышленія есть нѣчто специфически связанное съ названными воззрѣніями. Между тѣмъ, если бы разсмотрѣть исторію полемики разныхъ отгѣнковъ идеализма противъ матеріализма, то можно было бы подобрать гораздо болѣе яркій рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о трусости мышленія, и тогда впечатлѣніе тенденціозности было бы устранено. Съ мыслью референта относитель-

но вліянія разнаго рода емоцій на философское мышленіе М. Филипповъ вполнѣ солидаренъ и считаетъ ее согласной также съ воззрѣніями Авенаріуса. Но при обоснованіи этой мысли докладчику слѣдовало рѣзче подчеркнуть различіе между 2-мя родами емоцій, изъ которыхъ однѣ дѣйствуютъ возбуждающимъ, тогда какъ другія угнетающимъ образомъ. Этимъ было бы устранено то противорѣчіе, что, по словамъ референта, емоціи вообще (безъ указанія какія именно) въ одно и то же время и извращаютъ философскую мысль и служатъ стимуломъ къ ея величайшимъ проявленіямъ. Въ заключеніе М. М. Филипповъ сказалъ, что емоцію энтузіазма онъ считаетъ не только не извращающей мышленіе, но, наоборотъ, такой, которая весьма желательна для всякаго мыслителя.

Возраженія *Л. Е. Оболенскаго*: 1) Я присоединяюсь къ мнѣнію М. М. Филиппова, что докладъ тенденціозенъ, т.-е. рассматриваетъ «трусость мысли» *только по отношенію къ идеализму*. Между тѣмъ, почти каждое философское направленіе, вносившее что-либо новое, вызывало «трусость мысли», какъ въ своихъ послѣдователяхъ, такъ и въ окружающей средѣ. Такимъ образомъ, судя по докладу, можетъ казаться, что всѣ другія направленія мысли, кромѣ идеализма, трусливы, а это не вѣрно. Доказательствомъ этому служитъ вся исторія гоненій на философскую мысль различныхъ направленій. 2) Докладчикъ не *разграничилъ* различныхъ формъ страха, внушаемаго *философской* (свободной) *мыслью вообще*. А между тѣмъ эти формы различны, и среди нихъ есть весьма почтенныя.

Такъ, совсѣмъ иные психологическіе мотивы заключаются въ страхѣ, вызываемомъ *добросовѣстною мыслью* (т.-е. ея стремленіемъ открыть, познать и распространить среди людей *только истину*), и въ томъ страхѣ передъ мыслью, который вызывалъ внѣшнія гоненія на всякую свободную мысль и кричалъ «караулъ». Эта вторая форма заботилась не объ истинѣ, а о *полицейской охранѣ общества*, т.-е. преслѣдовала цѣли антифилософскія, цѣли общественнаго самосохраненія во что бы то ни стало, очевидно, считая его выше отвлеченной *истины*. Къ этого рода гоненіямъ на идеализмъ (и другія направленія) можно отнести и гоненіе, воздвигавшееся нѣкоторыми мыслителями (какъ, наприм., О. Контъ), налагавшими запретъ на метафизическое мышленіе не изъ одного только недовѣрія къ силамъ разума,

но и изъ желанія—«прекратить *умственную анархію*», которая де опасна для единства и цѣлости общественнаго прогресса (знаменитая формула О. Конта: цѣль—*прогрессъ*, основа и средство—*порядокъ*).

Наконецъ, третья форма страха передъ мыслью наблюдается въ разумѣ самихъ лицъ, воспринимающихъ ту или другую систему. Они пугаются ея крайнихъ логическихъ *слѣдствій*, ея противорѣчій съ привычными своими взглядами и вѣрованіями etc, etc.

Разъ г. докладчикъ полагаетъ, что онъ далъ психологическое изслѣдованіе, онъ долженъ былъ упомянуть, не мелькомъ о явленіяхъ разнаго рода страха, а показать, во-1-хъ, ихъ общую причину,—боязнь мысли вообще, и, во-2-хъ, ихъ различія, опредѣляемыя самыми различными психологическими мотивами.

3) Докладчикъ недостаточно точно опредѣлилъ, что именно онъ понимаетъ подъ идеализмомъ, отчего и вышло, что многія выраженія, сводимыя имъ на «трусость» передъ идеализмомъ, оказались трусостью, наприм., передъ *иллюзионизмомъ*. А чтобы свести ихъ на трусость передъ идеализмомъ, онъ построилъ гипотезу умственнаго отраженія, по которой на идеализмъ переносились де то, чего онъ вовсе не утверждалъ, т.-е. все сводится на ошибку трусливыхъ умовъ.

Но это не такъ. Если взять опредѣленіе идеализма, сдѣланное докладчикомъ и состоящее въ томъ, что идеализмъ есть только утвержденіе *невозможности доказательства*, а вовсе не отрицаніе того, что не можетъ быть доказано, то подобное опредѣленіе примѣнимо не только къ идеализму, но и къ позитивизму, и къ воззрѣніямъ нѣкоторыхъ софистовъ, и къ Герберту Спенсеру (его «непознаваемое»).

Но даже самъ докладчикъ не удержался, чтобы не дать въ одномъ мѣстѣ щелчка «вещи въ себѣ», хотя и чужими устами. Тотъ, кто признаетъ только *недоказуемость*, не имѣетъ права идти дальше и *отрицать* или *осмѣивать* гипотезы въ родѣ «вещи въ себѣ». Онъ можетъ только сказать: «Это—недоказуемо». При такомъ опредѣленіи (и поведеніи) никто и никогда не боялся бы идеализма и не спорилъ бы съ нимъ на той почвѣ, которую избралъ докладчикъ. Оспаривали обыкновенно именно выводы, идущіе *дальше* положенія «человѣкъ не можетъ» и были правы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое явленіе имѣло мѣсто. Во-

обще же, опредѣляя идеализмъ такъ, какъ опредѣлилъ его докладчикъ, надо было отграничить его не отъ одного иллюзионизма, а также отъ позитивизма, отъ спенсеризма и пр. Это было бы настоящее, цѣнное опредѣленіе.

Въ общемъ нельзя не быть благодарнымъ докладчику за то, что онъ поднялъ въ нашемъ обществѣ вопросъ объ условіяхъ мышленія, идущихъ извнѣ, наприм., отъ давленія предубѣжденій, умственныхъ привычекъ, етс. Но его трудъ страдаетъ тѣмъ, что не разграничиваетъ не только различныхъ психологическихъ факторовъ, но и *факторовъ психологическихъ отъ социальныхъ* (соціогенетическихъ). Я убѣжденъ, что изученіе субъективныхъ и объективныхъ условій мысли есть краеугольный камень, который ляжетъ въ основу будущей философіи. Этотъ краеугольный камень дастъ намъ истинная, грядущая исторія философіи, которая будетъ одновременно и положительной *наукой объ условіяхъ и законахъ философской мысли* (какъ всякая естественная наука), и въ то же время критикой нашей способности познаванія, — *критикой психологической и соціологической, т.-е. опирающейся на вѣтъ прошлыя ошибки мысли, ихъ условія и причины, какъ субъективныя, такъ и объективныя.*

А. Ф. Лазурскій замѣтилъ, что нельзя проводить аналогіи между тою «трусостью мышленію», о которой говоритъ докладчикъ, и разнаго рода патологическими страхами («патофобіями»): въ послѣднемъ случаѣ страхъ является совершенно безпричиннымъ, неосновательнымъ, тогда какъ въ первомъ случаѣ всегда имѣется причина, часто очень серьезная, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія самого опасющагося субъекта.

Возраженія *П. И. Вознесенскаго*: во-первыхъ, въ разосланныхъ членамъ Общества тезисахъ по реферату содержится мало указаній на то обстоятельство, что эмоція является не только возмущающимъ и задерживающимъ элементомъ для мышленія, но и возбуждающимъ въ самомъ желательномъ смыслѣ этого слова. Не слѣдуетъ забывать про то благородное волненіе истины, которое въ разное время и разными лицами именовалось различно, или какъ паѳосъ, какъ энтузіаамъ, какъ интеллектуальная эмоція, просто лобознательность, и т. п. Во-вторыхъ, нельзя согласиться съ референтомъ въ его утвержденіи, что платонизмъ всегда представлялся опаснымъ для католицизма. Можно сказать, наоборотъ, что было время, когда платоновская филосо-

фія являлась основою, весьма распространенной, возрѣній церковныхъ писателей. Вспомнимъ, что она оказала извѣстное дѣйствіе на формулировку мнѣній у отцовъ и учителей церкви, признанныхъ католицизмомъ наравнѣ съ восточной церковью. Затѣмъ платоновскимъ идеализмомъ обусловлена точка зрѣнія Ансельма Кентерберійскаго, выработавшаго извѣстное онтологическое доказательство бытія Божія, признанное и понынѣ. Вообще, едва ли возможно видѣть у католическихъ писателей XI и XII вѣка что-либо иное, кромѣ платонизма и новоплатонизма. Аристотель появляется позднѣе.

Возраженіе *В. М. Каринскаго*. Соглашаясь съ мнѣніемъ, уже высказаннымъ *Н. Г. Дебольскимъ* и *А. С. Фаминцынымъ*, что чувство робости (осторожность) въ мышленіи имѣетъ свои серьезныя основанія, *В. М. Каринскій* замѣтилъ, что можно добавить еще одно основаніе въ пользу этого мнѣнія: становясь при своихъ выводахъ въ антагонизмъ съ мнѣніемъ непосредственнаго сознанія, философъ долженъ помнить, что непосредственное сознаніе имѣетъ за собою многовѣковъ опытъ всего человѣчества. По поводу словъ референта, что онъ не имѣлъ въ виду при своей работѣ разбирать трусость въ мышленіи у философовъ по профессіи (въ родѣ *Милля*, *Спенсера* и т. п.) оппонентъ замѣтилъ, что для неспеціалистовъ чувство робости въ мышленіи особенно полезно. Кто не изслѣдовалъ самъ вопроса, а принимаетъ готовую теорію, тотъ не испыталъ всей трудности работы и не всегда понимаетъ все значеніе отрицательныхъ инстанцій (многихъ изъ нихъ даже и не высказываетъ изслѣдователь), а потому неспеціалистъ склоненъ усваивать мысль спеціалиста безъ должныхъ ограниченій и дѣлать изъ нея болѣе рѣшительные выводы, чѣмъ на какіе онъ имѣетъ логическое право, если принять во вниманіе всю массу мелкихъ фактовъ и соображеній за и противъ.

Другія же замѣчанія касались лишь частныхъ. Такъ *А. С. Фаминцынъ* находитъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ которыхъ докладчикъ видитъ проявленія трусости мышленія, можно предполагать осторожность. *М. Н. Нижегородцевъ* подтвердилъ, что трусость мышленія несомнѣнно встрѣчается въ очень разнообразныхъ случаяхъ и заслуживаетъ внимательнаго изученія во всѣхъ своихъ проявленіяхъ.

Предсѣдатель, резюмируя пренія, обратилъ особенное внима-

ніе на новизну предпринятой авторомъ задачи—изслѣдовать психологическія причины, побуждающія относиться враждебно къ тому или другому философскому направленію, независимо отъ того, будетъ ли оно признано состоятельнымъ или нѣтъ. При новизнѣ такой задачи докладчикъ, по мнѣнію предсѣдателя, былъ въ правѣ ограничиться лишь разсмотрѣніемъ ея частнаго случая, именно разсмотрѣніемъ причинъ, которыя возбуждаютъ страхъ предъ идеализмомъ: нельзя же требовать, чтобы всякій новый вопросъ разсматривался сразу во всемъ его объемѣ. А при новизнѣ изучаемаго вопроса неизбежны разные частные промахи. Но вопросъ, поднятый авторомъ, несомнѣнно заслуживаетъ вниманія: его рѣшеніе можетъ помочь объясненію нѣкоторыхъ явленій въ исторіи мысли.

20-е (обыкновенное) собраніе 17-го ноября 1899 г.

Засѣданіе открыто въ залѣ совѣта университета въ 8 час. вечера подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго въ присутствіи членовъ совѣта: В. С. Серебренникова, Я. Н. Колубовскаго и И. И. Лапшина и 24 членовъ. На этомъ засѣданіи были предложены два кандидата въ дѣйствительные члены и 1 въ члены-соревнователи. Д. Д. Гриммомъ былъ прочтенъ докладъ на тему «Къ вопросу о психологическомъ анализѣ человѣческихъ дѣйствій», сущность котораго была сведена имъ самимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Вопросъ психологическаго анализа человѣческихъ дѣйствій въ психологической литературѣ до сихъ поръ стоитъ на заднемъ планѣ. Такой анализъ соответственно двойственному значенію нашихъ дѣйствій, какъ соціально психологическихъ явленій, д. б. произведенъ съ двоякой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія самого дѣйствующаго лица (анализъ внутренней стороны дѣйствія) и съ точки зрѣнія третьихъ лицъ (анализъ внѣшней стороны дѣйствія). Психологическая литература, поскольку она вообще касается специально дѣйствій, изучаетъ ихъ только съ первой точки зрѣнія, игнорируя вторую. Что касается юридической литературы (цивилистической и криминалистической), то она въ своихъ конструкціяхъ не всегда свободна отъ произвольныхъ предположеній и даже прямого смѣшенія понятій. Последнее сказывается особенно въ двухъ направленіяхъ; одни смѣшиваютъ соціально-психологическое понятіе дѣйствія съ физиоло-

гическимъ понятіемъ движенія, характеризуя дѣйствіе, какъ особаго рода тѣлодвиженіе (Цительманъ). Другіе смѣшиваютъ дѣйствіе съ достигнутымъ при помощи его результатомъ, либо открыто включая въ число составныхъ элементовъ дѣйствія достигнутый имъ результатъ (Листъ), либо довольствуясь столь широкой и неопредѣленной характеристикой дѣйствія, что подъ нее можетъ быть подведенъ не только самый процессъ дѣйствія, но и результатъ этого процесса (большинство цивилистовъ и криминалистовъ).

2) Дѣйствіе въ техническомъ смыслѣ можетъ быть характеризовано какъ непосредственное внѣшнее проявленіе извѣстнаго волевого акта, характеризуемое тѣмъ специальнымъ эффектомъ, на который оно направлено, но который въ данномъ частномъ случаѣ можетъ и не быть достигнутъ; оно состоитъ въ совершеніи или несовершеніи опредѣленныхъ движеній, именно такихъ, совершеніе или несовершеніе которыхъ обыкновенно (при нормальныхъ условіяхъ) влечетъ за собой (и непосредственно или черезъ посредство достигаемыхъ или частныхъ результатовъ) желательный эффектъ; послѣдній въ свою очередь или совпадаетъ съ конечнымъ эффектомъ, къ которому стремится въ данное время лицо, или же онъ представляетъ собой только подготовительную стадію, средство на пути къ достиженію этого эффекта.

3) Основнымъ признакомъ, которымъ отличаются одни дѣйствія отъ другихъ, служитъ специальный эффектъ, на который каждое изъ нихъ направлено. Отсюда вопросъ о классификаціи дѣйствія сводится къ вопросу объ основныхъ типахъ, на которые могутъ быть подраздѣлены преслѣдуемые при помощи нашихъ дѣйствій результаты. Съ этой точки зрѣнія всѣ дѣйствія можно разбить на двѣ главныя группы: дѣйствія, направленные на извѣстный *физическій* эффектъ (наприм., пользование, потребленіе, распоряженіе) и дѣйствія, направленные на извѣстный *психическій эффектъ* въ отношеніи даннаго объекта или данныхъ объектовъ (наприм., воспріятіе или усвоеніе чего-либо даннымъ лицомъ, сообщеніе чего-либо другимъ лицамъ, взаимный обмѣнъ мыслей, чувствъ желаній).

4) Обращаясь къ анализу внутренней стороны дѣйствій, мы должны замѣтить, что каждый волевой актъ, обнаруживающійся во внѣшнѣмъ дѣйствіи, содержитъ въ себѣ извѣстные, познавательные,

чувственные и специфически волевые элементы. Что касается въ частности познавательныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ подобныхъ волевыхъ актовъ, то ихъ обыкновенно сводятъ къ тремъ представленіямъ: 1) представленіе объекта, — возбуждающее волевой импульсъ, 2) представленіе, антиципирующее эффектъ дѣйствія, и 3) представленіе о самихъ соотвѣтственныхъ движеніяхъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что нельзя говорить о такой постоянной комбинаціи познавательныхъ элементовъ, которая была бы свойственна всѣмъ безъ исключенія волевымъ актамъ, обнаруживающимъ во внѣ. Наличие указанныхъ трехъ элементовъ представляетъ собою только норму или общее правило. Но засимъ бываютъ какъ такіе случаи, въ которыхъ число познавательныхъ элементовъ менѣе трехъ, такъ и такіе, въ которыхъ къ указаннымъ тремъ представленіямъ приводятся еще дополнительныя представленія.

5) Говоря о мотивахъ дѣйствія, общепринятый взглядъ приводитъ подъ этотъ терминъ какъ представленіе о конечномъ эффектѣ, на который направлено дѣйствіе, такъ и тѣ познавательные и эмоциональные моменты, благодаря которымъ данный объектъ, данный эффектъ, данную комбинацію движеній изъ числа нѣсколькихъ возможныхъ. Это приводитъ къ смѣшенію моментовъ, входящихъ въ составъ волевого акта, и моментовъ подготовительныхъ. Во избѣжаніе подобнаго смѣшенія понятій удобнѣе исключить изъ понятія мотива представленіе о конечномъ эффектѣ дѣйствія и ограничивать это понятіе тѣми эмоциональными и познавательными моментами, благодаря которымъ мы изъ нѣсколькихъ возможныхъ альтернативъ избираемъ одну. Хотя послѣ этого и нельзя уже будетъ говорить о мотивахъ въ примѣненіи къ импульсивнымъ дѣйствіямъ, но это не бѣда: вмѣсто того, чтобы характеризовать ихъ какъ дѣйствія, которыя опредѣляются однимъ только мотивомъ, мы просто должны будемъ сказать, что дѣйствія въ которыхъ представленіе о конечномъ результатѣ, характеризующемъ дѣйствіе, сразу становится господствующимъ въ сознаніи, вытѣсняя всѣ противодѣйствующія ему представленія.

6) Переходя къ анализу дѣйствія съ точки зрѣнія третьихъ лицъ, мы должны сказать, что всякое дѣйствіе съ этой точки зрѣнія служитъ матеріаломъ, внѣшнимъ критеріемъ для сужденія о чужихъ волевыхъ актахъ. Соотвѣтствующія сужденія суть

сужденія по аналогіи не всегда имѣютъ только характеръ презумпцій. Благодаря этому въ данной области недостижима объективная достовѣрность, а возможна только субъективная увѣренность въ соотвѣтствіи предполагаемой воли съ дѣйствительной. При классификаціи и оцѣнкѣ чужихъ дѣйствій матеріаломъ служатъ не только самыя дѣйствія, но также разные дополнительные моменты, какъ-то: заявленія самого дѣйствующаго лица о смыслѣ и цѣли его дѣйствія, общее поведеніе его до и послѣ совершенія дѣйствія, результатъ достигнутый его дѣйствіемъ, наблюденія и показанія третьихъ лицъ. Смѣшеніемъ этихъ данныхъ, составляющихъ въ ихъ совокупности матеріалъ, на основаніи котораго мы судимъ о чужихъ дѣйствіяхъ, съ самыми дѣйствіями вызванъ между прочимъ взглядъ, согласно которому значеніе имѣетъ не дѣйствіе какъ таковое, а общее поведеніе лица.

Въ преніяхъ по поводу доклада принимали участіе: А. Э. Кони, В. К. Случевскій, П. И. Вознесенскій, А. Э. Лазурскій, В. С. Серебренниковъ и Б. А. Кистяковскій.

А. Э. Кони, признавая вполне желательнымъ примѣненіе общихъ началъ психологіи и ея выводовъ къ области уголовной отвѣтственности, гдѣ играютъ уже только роль логика и этика, не могъ согласиться съ предложеніемъ доклада объ исключеніи изъ понятія мотива дѣйствій представленія о конечномъ эффектѣ, оставивъ одни познавательные и эмоціональные моменты, такъ какъ для мотива импульсивныхъ дѣйствій докладъ все-таки вынужденъ остановиться не на этихъ моментахъ, а на конечномъ эффектѣ. Представленіе о послѣднемъ составляетъ предметъ и содержаніе того, что уголовное право называетъ *умысломъ*, не отождествляя съ нимъ *намѣреніе*, которое состоитъ въ сознательномъ выборѣ пути, приводящемъ къ умышленному результату. Поэтому при одномъ и томъ же неизмѣнномъ умыслѣ намѣренія могутъ мѣняться, такъ, на примѣръ, при умыслѣ лишить жизни врага — можно вознамѣрится его убить непосредственнымъ нападеніемъ, или коварно — отравою, или поставивъ его въ такую обстановку, среду и условія, въ коихъ онъ неминуемо долженъ погибнуть, или же, наконецъ, возбудивъ и направивъ на него мстительную силу третьяго лица. Здѣсь умыселъ будетъ направленъ на конечный эффектъ, а въ намѣреніи выразятся тѣ моменты, которые обусловятъ тотъ или другой способъ приведенія умысла въ исполненіе. Матеріаломъ для сужденій о дѣй-

ствіи въ судебной сферѣ служатъ именно тѣ данныя, которыя указаны въ докладѣ, но далеко не въ равной мѣрѣ и съ гораздо большими отѣнками и колебаніями, чѣмъ это можно предположить теоретически. Такъ наблюденія и показанія третьихъ лицъ, опредѣляющія дѣйствія, очень часто, по отношенію къ мотиву дѣйствія, страдаютъ своего рода близорукостью и неумѣніемъ проникнуть въ глубину побужденій. Яркій примѣръ этого представляютъ самоубійства, гдѣ *послѣдній толчокъ*, данный иногда пустымъ обстоятельствомъ измученной душѣ, считается зачастую кореннымъ мотивомъ дѣянія. Собственное заявленіе о цѣли дѣйствій также очень опасно. Собственное сознаніе лишь при отжившемъ процессѣ считалось «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта», а въ дѣйствительности оно бываетъ вынуждено обстоятельствами, при чемъ сознающійся торгуется и говоритъ лишь то, что неизбѣжно, — не говоря уже о случаяхъ самообвиненія подъ вліяніемъ сектантской экзальтаціи, желанія спасти близкаго или стремленія, направивъ изслѣдованіе на ложный путь, дать возможность слѣдамъ и уликамъ злого дѣла изгладиться. Притомъ надо считаться съ безсознательною рисовкою, какъ это встрѣчается въ дневникахъ, и съ пробѣлами памяти, иллюзіями и тѣми состояніями души, при которыхъ постоянная ложь въ сознаніи и глазахъ самого лжеца начинаетъ пріобрѣтать свойство достовѣрной дѣйствительности. Общее поведеніе дѣятеля имѣетъ весьма неравномѣрное значеніе. Все что было *до* дѣянія весьма важно, ибо опредѣляетъ почву, на которой могло, а иногда и должно было вырости дѣяніе; все что было *послѣ*—имѣетъ значеніе лишь въ томъ, что относится къ сокрытію слѣдовъ дѣянія, а не въ состояніи или поведеніи челоуѣка. Здѣсь очень опасны всякіе выводы,—они произвольны и всегда могутъ быть двусторонни. Въ общемъ—по правилу *ripes unite agunt*—житейское поведеніе челоуѣка вообще даетъ важнѣйшія указанія,—нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Пининскаго. Оно раздѣлено и составителями судебныхъ уставовъ при разсужденіяхъ о дознаніи четырехъ околныхъ людей.

В. В. Случевскій высказалъ возраженія относительно двухъ частныхъ положеній референта: 1) значенія результата, какъ признака, характеризующаго дѣйствіе, и 2) сдѣланной попытки разбить дѣйствіе на двѣ самостоятельныя группы, а именно на дѣйствія направленные на физическій и психическій эффекты.

Значеніе результата не одинаково для всѣхъ актовъ человѣка и въ этомъ отношеніи, по мнѣнію оппонента, надлежало бы дѣлать различіе между понятіями «дѣйствія» и «дѣянія» человѣка. Первое бѣдно психическимъ содержаніемъ и произведенный дѣйствіемъ результатъ вполне характеризуетъ его, независимо отъ того, совершенно ли «дѣйствіе» умалишеннымъ, пьянымъ, во время сна и т. п. Но даже и въ отношеніи «дѣяній», какъ внѣшнихъ проявленій нормальныхъ волевыхъ проявленій, едва ли можно признать правильнымъ заключающееся въ тезисѣ 2-мъ референта, то положеніе, что волевой актъ характеризуется тѣмъ спеціальнымъ эффектомъ, на который направлена воля, хотя бы онъ и не былъ достигнутъ. Признавать за «желательнымъ» эффектомъ значеніе отстраняющее на второй планъ «достигнутый» эффектъ (результатъ) можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы вся психическая жизнь человѣка укладывалась въ рамки сознанія. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ и, по выраженію Маудсли, сознательная психическая дѣятельность составляетъ не болѣе какъ лучъ свѣта въ обширной области темныхъ безсознательныхъ проявленій. При существованіи же этого бесспорнаго факта, объективировавшаяся во внѣ психіа представляется тѣмъ главнымъ источникомъ, при помощи котораго возможно вскрыть внутреннее содержаніе «дѣянія». Высокое психологическое значеніе объективной предъ субъективною стороною «дѣянія» признаетъ и житейская, народная мудрость, создавшая поговорку: «гдѣ рука, тамъ и голова». Значеніе этой стороны выдвигается и уголовнымъ правомъ, отказывающимся подводить подъ карательное дѣйствіе закона такіа дѣянія, которыя (какъ, наприм., обнаруженіе умысла и приготовительныя дѣйствія) оказываются съ неразвитою внѣшнею природою. Нельзя также умалять значеніе результата въ дѣлѣ оцѣнки психической стороны дѣйствія и потому, что результатъ далеко не такъ легко всегда отдѣляется отъ дѣйствія, какъ то предлагаетъ референтъ.

Второе замѣчаніе оппонента сводилось къ тому, что классификація, всегда гипотетичная, въ данномъ случаѣ не можетъ быть признана правильною и потому, что основывается на едва ли вѣрной мысли дѣленія дѣйствій по началу обособленія физическихъ и психическихъ эффектовъ (отдѣлъ 3-й). Подъ какую изъ этихъ категорій придется, наприм., подвести написаніе лживаго по содержанію письма страдающему болѣзнию сердца че-

ловѣку съ цѣлью вызвать его смерть и достигающее этого результата? Къ тому же и въ смыслѣ конструкціонномъ это дѣленіе едва ли въ состояніи представить какія-нибудь выгоды.

Замѣчанія *А. Ѡ. Лазурскаго*: кажется, нельзя такъ отдѣлять дѣйствіе отъ произведеннаго имъ эффекта, какъ это дѣлаетъ докладчикъ. Этотъ эффектъ, эти перемѣны, произведенныя дѣйствіемъ въ окружающей обстановкѣ, имѣютъ большое значеніе какъ для классификаціи дѣйствій, такъ и для распознаванія цѣлей и мотивовъ дѣйствія. Кромѣ того, докладчикъ въ своемъ психологическомъ анализѣ дѣйствія слишкомъ выдвигаетъ на первый планъ представленія, только вскользь упоминая объ эмоціяхъ. Между тѣмъ, во многихъ случаяхъ преобладающая эмоція рѣшаетъ все дѣло, такъ, на примѣръ, человѣкъ въ состояніи отчаянія совершенно иначе относится къ извѣстному предмету, чѣмъ послѣ какого-нибудь радостнаго событія.

Возраженія *Б. А. Кнстяковскаго*: изъ приведенныхъ уже возраженій выяснилось, что опредѣленіе понятія дѣйствія зависитъ отъ той точки зрѣнія, съ которой рассматриваютъ его. Для теоретика, на прим., гражданскаго права дѣйствіе вполне совпадаетъ съ его эффектомъ или результатомъ. Если же для криминалиста и важенъ анализъ волевыхъ актовъ, обусловившихъ дѣйствіе, то только съ точки зрѣнія оцѣнки психологическаго процесса у дѣйствовавшего субъекта по рубрикамъ вмѣняемости, умысла и намѣренія. Въ интересахъ справедливости теорія гражданскаго права должна даже привести къ полному отвлеченію отъ сужденія о психологическомъ процессѣ, приведшемъ къ дѣйствію, и углубить простую причинную связь между результатами дѣйствія. Поэтому въ докладѣ, посвященномъ «Вопросу о психологическомъ анализѣ дѣйствія», нѣтъ мѣста для критики юридическихъ опредѣленій понятія дѣйствія. Юристы, какъ криминалисты, такъ и цивилисты, берутъ понятіе дѣйствія въ томъ узкомъ смыслѣ, которое одно пригодно для ихъ цѣлей. Напротивъ, психологъ, углубляющійся во внутренній процессъ, обусловившій дѣйствіе, говоритъ о совѣмъ другомъ понятіи, покрываемомъ лишь однимъ и тѣмъ же словомъ—«дѣйствіе».

Замѣчанія *П. И. Вознесенскаго*: Докладчикъ озаглавилъ свой рефератъ слѣдующимъ образомъ: «Психологическій анализъ человѣческихъ дѣйствій». Въ виду этого можно предположить,

что цѣли реферата суть чисто психологическія, а именно, что, согласно характеру этой науки въ ея настоящемъ видѣ, въ рефератѣ предложена не одна классификація или описаніе основныхъ моментовъ волевого акта, а и генезисъ послѣдняго въ его цѣломъ. Другими словами, казалось бы, докладчику слѣдовало войти въ разборъ вопроса о взаимоотношеніи въ составѣ волевого акта такихъ отдѣльныхъ факторовъ, какъ идея, эмоція и специально волевое усиліе и въ связи съ этимъ коснуться состоятельности существующихъ возрѣній на участіе въ разбираемомъ актѣ душевныхъ способностей. Слова докладчика наводятъ на мысль, что онъ придерживается въ отношеніи разбираемаго вопроса трихотоміи. Между тѣмъ, нельзя еще думать, что трихотомія въ отношеніи къ вопросу о волевомъ актѣ является наиболѣе распространеннымъ и окончательно установленнымъ ученіемъ. Докладчикъ приводитъ ученія о волѣ такихъ современныхъ ученыхъ, какъ Бэнъ, Спенсеръ, Джемсъ, Вундтъ, Зигвартъ и Геффдингъ; однако, не слѣдовало бы упускать изъ виду, что еще не утратила своего значенія психологія Гербарта, проникнутая духомъ монизма, что, напр., авторъ Критики чистаго и практическаго разума—сочиненій, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ глубинѣ психологическаго анализа,—исходилъ изъ того возрѣнія, что возможно состояніе автономіи воли, въ противоположность гетерономіи, слѣдовательно признавалъ возможнымъ для воли опредѣляться не чѣмъ-либо инымъ, какъ только разумомъ, и такимъ образомъ придерживался дихотоміи. Наконецъ, вѣдь почти въ продолженіе всего средне-вѣковья общераспространено было дѣленіе душевныхъ способностей, данное Θомой Аквинскимъ, на «*facultas cognoscendi*» и «*facultas appetendi*». Итакъ, не вполне не возможнымъ оказывается думать, что дихотомія въ настоящее время совершенно устранена изъ психологіи. Казалось бы вообще, въ виду заявленія автора, что цѣли его реферата психологическія, что послѣдній преслѣдуетъ цѣли науки, а не юридической практики, вполне естественнымъ ждатель отъ реферата того, что онъ войдетъ по существу въ разборъ того, насколько правильно различеніе въ волевомъ актѣ трехъ разнородныхъ факторовъ и нѣтъ ли возможности свести эти факторы на два. Психологія, обходящая такой вопросъ, была бы только описательной наукой, чѣмъ она не можетъ быть въ настоящее время.

В. И. Серебrenиковъ сдѣлалъ два частныхъ замѣчанія: 1) Къ произвольнымъ дѣйствіямъ относятся не только тѣлесныя движенія, но и акты созерцанія: посредствомъ первыхъ мы преобразуемъ дѣйствительность реально, а посредствомъ вторыхъ—идеально, въ своемъ созерцаніи. 2) Всякое произвольное дѣйствіе предполагаетъ собой какую-либо цѣль. Если механическіе процессы объясняются отвѣтомъ на вопросъ: почему, то произвольныя дѣйствія всегда—отвѣтомъ на вопросъ: для чего.

А. И. Введенскій, резюмируя ходъ преній, съ своей стороны сдѣлалъ въ виду поздняго времени (12¹/₂ ч.) только одно замѣчаніе, съ которымъ согласился и докладчикъ. По мнѣнію А. И. Введенскаго сужденія о чужихъ душевныхъ явленіяхъ, въ томъ числѣ и о чужихъ дѣйствіяхъ, гораздо сложнѣй, чѣмъ заключенія по аналогіи, опирающіяся на наблюденія внѣшней, тѣлесной стороны чужихъ душевныхъ явленій, и выводящія изъ сходства этихъ тѣлесныхъ обнаруженій сходство сопутствующихъ имъ внутреннихъ состояній. Такія сужденія совершаются тѣмъ путемъ, что судящій *подставляетъ самого себя* на мѣсто того, о комъ онъ судить, т.-е. представляетъ себя прожившимъ ту же жизнь, какъ и другое лицо, находящимся теперь въ такихъ же условіяхъ, какъ и оно, совершающимъ тѣ же внѣшнія дѣйствія и т. д., и, вообразивъ себѣ все это, смотритъ, что въ зависимости отъ всего этого произошло бы въ немъ самомъ; это-то самое онъ считаетъ происходящимъ и въ другомъ лицѣ, о дѣйствіяхъ котораго онъ высказываетъ свое сужденіе.

21-ое (публичное) собраніе 2-го денaбря 1899 г.

Засѣданіе открыто въ актовомъ залѣ университета въ 8 час. вечера подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго въ присутствіи членовъ совѣта В. М. Бехтерева, Я. Н. Колубовскаго, И. И. Лапшина и большого числа постороннихъ лицъ. На этомъ засѣданіи была прочтена В. С. Соловьевымъ рѣчь: «Характеристика М. М. Троицкаго, Н. Я. Грота и П. Д. Юркевича».

Ораторъ лично былъ знакомъ со всѣми ними и характеристика ихъ въ его изложеніи отличалась живостью и большимъ интересомъ. Прежде всего рѣчь шла о М. М. Троицкомъ. Нельзя сказать, чтобы его взгляды, по мнѣнію оратора, отличались разносторонностью и широтою; это былъ—однодумъ, человекъ всю жизнь исключительно державшійся одной идеи и на все осталь-

ное смотрѣвшій какъ на нѣчто несуразное и даже вредное. Троицкій былъ поклонникъ англійской психологіи и въ этомъ его заслуга, такъ какъ, можно сказать, онъ первый познакомилъ русское общество съ твердыми основами философіи. На нѣмецкихъ философвъ Троицкій смотрѣлъ крайне презрительно и на лекціяхъ психологіи отводилъ имъ лишь ничтожное мѣсто, торопясь перейти «къ настоящей наукѣ»—англійской психологіи. Послѣднее же сочиненіе его «Наука о духѣ», въ двухъ томахъ, таково, что, напр., Страховъ искренно удивлялся В. С. Соловьеву, имѣвшему мужество прочитать 180 страницъ этого сочиненія, самъ Страховъ болѣе 15 страницъ одолѣть не могъ. Несмотря на полное отдаленіе Троицкаго отъ всякихъ политическихъ теорій, въ половинѣ 80-хъ годовъ и онъ попалъ «подъ сомнѣніе»; и тогда ему пришлось убѣждать высшее начальство, что эмпирическая философія совсѣмъ не то, что атеизмъ, въ которомъ его обвиняли.

Н. Я. Гротъ—полная противоположность Троицкаго. Постоянное движеніе, отзывчивость и широта взглядовъ—вотъ характеристика Н. Я. Грота. Въ отличіе отъ Троицкаго, это былъ многодумъ и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: онъ съ полнотою и многосторонностью развивалъ идею по каждой точкѣ зрѣнія, а въ то же время онъ свободно воспринималъ и даже искалъ другія идеи. По его отзывчивости его можно сравнить съ эхомъ; но онъ былъ способенъ не только повторять услышанное ученіе. Онъ лишь безпристрастно проникался тѣми доводами, которые ему казались справедливыми, не увлекаясь односторонней нетерпимостью. Какъ человекъ, Н. Я. Гротъ былъ въ высшей степени правдивый и добрый.

П. Д. Юркевича ужъ мало кто помнитъ; прошло четверть вѣка со дня его смерти; написалъ онъ мало, потому что былъ лѣнивъ и мало подвиженъ. Это былъ созерцатель спокойный и безстрастный, всегда нѣсколько грустно задумчивый. Впрочемъ, онъ обладалъ неподдѣльнымъ юморомъ и иногда, оставаясь совершенно спокойнымъ, говорилъ такія вещи, которыя заставляли слушателей смѣяться до упаду.

По окончаніи рѣчи Соловьева состоялось въ залѣ совѣта университета закрытое засѣданіе, на которомъ, кромѣ вышеупомянутыхъ членовъ совѣта, присутствовали 22 члена Общества. Въ отвѣтъ на разосланныя вмѣстѣ съ повѣстками приглашенія со-

вѣта только два члена увѣдомили, что, находясь въ Петербургѣ, они не могутъ присутствовать въ закрытомъ засѣданіи, именно, А. С. Фаминцынъ и Е. П. Бѣляева. Такимъ образомъ въ засѣданіи присутствовало требуемое § 29 устава число членовъ.

Въ этомъ засѣданіи по утвержденіи протоколовъ 19-го, 20-го и 21-го собраній избраны всѣ кандидаты въ члены общества, предложенные въ предшествующемъ собраніи. Постановлено приступить къ изданію отъ имени Общества переводовъ: Малебранша «*Recherches de la vérité*» подъ редакціей Э. Л. Радлова и «*Mé-ditations*» Декарта подъ редакціей А. И. Введенскаго.

22-ое (обыкновенное) собраніе 16-го декабря 1899 г.

Засѣданіе открыто въ минералогическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго университета въ 8 час. вечера подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго въ присутствіи членовъ совѣта: В. М. Бехтерева, В. С. Серебренникова, И. И. Лапшина, 46 членовъ Общества и 7 гостей, приглашенныхъ докладчикомъ съ предварительнаго разрѣшенія предсѣдателя.

1) Предложены 1 кандидатъ въ дѣйствительные члены и 3 кандидата—въ члены соревнователи.

2) Утвержденъ протоколъ 21-го собранія.

3) Б. А. Кистяковскій прочелъ докладъ на тему: «Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи социальныхъ явленій», въ которомъ доказывалъ слѣдующія положенія.

1) Понятія случайнаго и законмѣрнаго въ природѣ и социальномъ мірѣ зависятъ отъ точки зрѣнія, примѣняемой къ тѣмъ или другимъ явленіямъ, а не отъ характера самихъ явленій.

2) Между объектами историческаго и естественнаго изслѣдованія нѣтъ принципиальной разницы; благодаря же различію въ методахъ, примѣняемыхъ тѣмъ и другимъ родомъ изслѣдованія, сужденія, вырабатываемыя ими, основнымъ образомъ противоположны по своей логической структурѣ.

3) Различныя понятія причины и причинности зависятъ отъ предиката необходимости. Безусловная необходимость по своему содержанію тождественна съ всепространственностью и всевременностью, т.-е. съ значеніемъ для всякаго мѣста и для всякаго времени.

4) Положенія экономическаго матеріализма должны быть болѣе опредѣленно оформлены въ методологическомъ отношеніи,

и тогда они заключаютъ въ себѣ въ высшей степени важное методологическое требованіе, чтобы каузальныя соотношенія въ сферѣ развитія матеріально производственныхъ силъ изучались въ изолированномъ видѣ.

5) Вопросъ о томъ, могутъ ли всѣ социальныя явленія быть сведены къ экономическимъ процессамъ или нѣтъ, напоминаетъ вопросъ, поставленный въ XVIII вѣкѣ, можетъ ли матерія мыслить или нѣтъ, и какъ неправильно поставленный, не подлежитъ рѣшенію, а долженъ быть устраненъ.

6) При разсмотрѣннн социальнаго процесса во всей его совокупности можно установить на ряду съ матеріальными или экономическими еще социальнo-психическія каузальныя соотношенія, сужденія о которыхъ обладаютъ тою же аподиктичностью, какъ и естественно-научныя формулы.

7) Надъ всякимъ социальнымъ явленіемъ независимо отъ изслѣдованія причинныхъ соотношеній, обусловившихъ его, можетъ быть высказанъ этической приговоръ, смотря по тому, приводитъ ли оно къ справедливымъ результатамъ.

8) Такое сужденіе можетъ основываться только на отвлеченіи категорій причинности, а потому оно является сужденіемъ внѣ причинъ и дѣйствій (*jenseits von Ursache und Wirkung*). Тѣмъ не менѣе научное значеніе и правильность такого рода сужденій неоспоримы.

9) Этическія нормы такъ же, какъ и логическія и подобно математическимъ и естественнымъ законамъ не эволюционируютъ, а рано или поздно въ той или иной формѣ проникаютъ, благодаря социальной эволюціи, въ человѣческое сознаніе.

10) Подобно тому, какъ сужденія о справедливости результатовъ того или другого социальнаго процесса основаны на абстрагированнн отъ категорій причинности и необходимости, прн-сущее челoвѣку стремленіе къ осуществленію справедливаго порядка и дѣятельность въ этомъ направленнн не вліяетъ на измѣненіе хода причинно обусловленнаго экономическаго и социальнo-психическаго процесса.

11) Такъ какъ заключительнымъ звеномъ всякаго социальнаго процесса является выясненіе какого-нибудь этическаго принципа или установленіе какой-либо законодательной мѣры, то при формированнн этого послѣдняго звена цѣпи причинно связанныхъ явленій, или результата всего процесса, стремленіе къ осуще-

ствленію справедливости приобрѣтаеть первенствующее и рѣшающее значеніе.

Въ преніяхъ, которыя продолжались до 12³/₄ ч. ночи, принимали участіе: В. І. Борткевичъ, Л. Е. Оболенскій, М. И. Каринскій, А. В. Васильевъ, М. М. Филипповъ и М. Н. Нижегородцевъ:

В. І. Борткевичъ замѣтилъ, что употребленіе докладчикомъ выраженія «случайный» въ началѣ реферата можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Тутъ, очевидно, имѣлось въ виду противоположеніе точекъ зрѣнія «номотетической» и «идіографической», какъ сказалъ бы Виндельбандъ. Терминъ же «случайный» неудобенъ потому, что въ области философскаго ученія о вѣроятностяхъ ему присвоенъ совершенно иной смыслъ. Затѣмъ, оппонентъ, раздѣляя въ общемъ взгляды, нашедшіе себѣ выраженіе въ вводной части доклада, не соглашался однако съ тою мыслью, будто изслѣдованіе явленій съ точки зрѣнія причинной между ними зависимости всегда должно задаваться цѣлью обнаружить связь между явленіями, по характеру своему, независящую отъ времени и мѣста. Обратное этому, по мнѣнію г. Борткевича, замѣчается, наприм., въ политической экономіи; ея положенія предполагають осуществленную цѣлую совокупность условій, которыя не могутъ быть сформулированы исчерпывающимъ образомъ. Прогрессъ всякаго рода знанія и заключается, можно сказать, въ томъ, чтобы, съ одной стороны, ограничивать надлежащимъ образомъ положенія, высказанныя въ слишкомъ безусловной формѣ, посредствомъ указанія тѣхъ условій, при которыхъ эти положенія оправдываются, а съ другой стороны, въ сообщеніи болѣе общаго смысла такимъ положеніямъ, которыя первоначально ставились въ зависимость отъ условій, оказавшихся въ послѣдствіи несущественными для дѣла. Стремленіе же получить сразу выводы, независящіе отъ времени и пространства, неминуемо приводитъ къ формуламъ малосодержательнымъ и неинтереснымъ. Такой характеръ присущъ, между прочимъ, нѣкоторымъ изъ соціологическихъ обобщеній Зиммеля, приведеннымъ докладчикомъ въ видѣ примѣровъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ приходитъ соціальная наука, оперирующая согласно съ защищаемыми референтомъ методологическими принципами. Вообще г. Борткевичъ полагалъ, что докладчикъ придаетъ чрезмѣрное значеніе вопросамъ гносеологіи и методологіи для

успѣховъ такой специальной науки, какъ наука объ обществѣ. По мнѣнію оппонента въ общей системѣ знанія слѣдуетъ различать знанія различныхъ порядковъ, которые вовсе не обусловлены взаимно въ смыслѣ истинности или ложности. Такъ, ничто не препятствуетъ кантіанцу и позитивисту одинаково признавать законъ Мариотта или теорему Пиеагора или двумъ экономистамъ, изъ которыхъ одинъ придерживается трудовой теоріи цѣнности, а другой—теоріи предѣльной полезности, сойтись въ объясненіи такого частнаго явленія, какъ, наприм., вздорожаніе керосина въ данный моментъ времени. Докладчикъ же, по видимому, изъ числа вѣрящихъ въ возможность привести всю совокупность знанія въ такую систему, въ которой всѣ положенія, отъ самыхъ общихъ, играющихъ роль фундамента, до самыхъ мелкихъ и детальныхъ, были бы взаимно обусловлены и держались бы одно другимъ, какъ звенья одной цѣпи—и вслѣдствіе этого считаетъ возможнымъ путемъ гносеологическаго анализа обнаруживать необходимость введенія поправокъ въ тѣ или другія положенія какой-нибудь данной специальной науки, какъ, наприм., поправки, заключающейся въ замѣнѣ понятія «класса» понятіемъ «группы» въ извѣстномъ ученіи о классовой борьбѣ. Сбивчивость, происходящая отъ того, что докладчикъ недостаточно строго различаетъ знанія различныхъ порядковъ, отразилась, по мнѣнію г. Борткевича, съ особенною ясностью на сужденіяхъ г. Кистяковского о Карлѣ Марксѣ. Въ частности, говоря объ этихъ сужденіяхъ, оппонентъ высказалъ недоумѣніе по поводу того, что докладчикъ, ставя Марксу въ особенную заслугу примѣненіе новыхъ методовъ къ изученію социальныхъ явленій, вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ, что главнѣйшую цѣну историко-философской системѣ экономическаго матеріализма составляютъ нѣкоторыя положенія чисто-экономическаго характера, установленныя Марксомъ, въ родѣ его ученій объ интенсификаціи труда, о паденіи нормы прибыли на капиталъ и т. п. Но, во-первыхъ, на обязанности докладчика лежало бы доказать, что между экономическимъ пониманіемъ исторіи и указанными ученіями существуетъ необходимая логическая связь, что, какъ извѣстно, отрицается даже нѣкоторыми изъ марксистовъ. Во-вторыхъ, эти положенія чисто-экономическаго содержанія, которыя, къ тому же, далеко не обладаютъ характеромъ безспорности, не представляютъ ничего новаго съ точки зрѣнія тѣхъ

пріемовъ, съ помощью которыхъ Марксъ пытался ихъ доказать, хотя бы по сравненію съ методами, примѣнявшимися классической школой экономистовъ. Наконецъ, невѣрно, по мнѣнію г. Борткевича, будто Марксъ, какъ замѣтилъ докладчикъ, возражая оппоненту, въ отличіе отъ прежнихъ экономистовъ, не ограничился изученіемъ экономическихъ отношеній при капиталистическомъ строѣ, а ставилъ вопросъ шире, считая этотъ строй соотвѣтствующимъ одной только стадіи историческаго развитія. Однако такъ же точно поступилъ и Рошеръ, за которымъ заслуга послѣдовательнаго примѣненія исторической точки зрѣнія къ изученію экономическихъ явленій должна быть признана, несмотря на всю невѣрность его историческихъ обобщеній. По поводу той части доклада, въ которой трактуется о примѣненіи категорій справедливости къ соціальнымъ явленіямъ, оппонентъ считалъ невозможнымъ приписывать характеръ общеобязательности сужденіямъ о справедливости и выразилъ мнѣніе, что въ этомъ отношеніи, вопреки тому, что говорится въ докладѣ, велика заслуга эволюціонистическихъ ученій, отрицающихъ абсолютную точку зрѣнія въ области этики. Къ тому же докладчикъ не только не позаботился о выясненіи понятія справедливости, но даже, повидимому, считаетъ справедливость и нравственность однозначущими терминами, что, съ точки зрѣнія, наприм., эвдемонизма, представлялось бы совершенно неправильнымъ. Кромѣ того, г. Борткевичъ находилъ, что вѣра въ существованіе предвѣчныхъ нравственныхъ «истинъ» противорѣчитъ духу этическихъ ученій Зиммеля, къ которому докладчикъ примыкаетъ во многихъ отношеніяхъ. По мнѣнію оппонента, тутъ сказалось, быть можетъ, вліяніе Виндельбанда, въ сочиненіяхъ котораго его, оппонента, непріятно поражало неожиданное и немѣстное привлеченіе нравственной точки зрѣнія къ разсмотрѣнію даже такихъ вопросовъ, для которыхъ эта точка зрѣнія является, по существу, совершенно посторонней.

Возраженія Л. Е. Оболенскаго: *Необходимость и случайность* не отличаются другъ отъ друга ни по существу, ни принципиально; разница въ нихъ лишь по степени нашего знанія условій, вызвавшихъ явленіе. *Необходимостью* люди назвали то, что считаютъ безусловно - постояннымъ, какъ цѣпь причинъ и результатовъ. Это понятіе вызвано отчасти привычной ассоціаціей идеей относительно повторяющихся въ извѣстномъ порядкѣ. Въ этомъ про-

стомъ видѣ, идея постоянствъ и, такъ сказать, необходимости есть даже у животныхъ: извѣстны ихъ тревоги при затменіи солнца или испугъ, когда они видятъ экипажъ, движущійся безъ внѣшней видимой причины (вагонъ паровой или электрической конки). Ужасъ, въ который приходятъ при этомъ люди и животныя, показываетъ, что идея постоянствъ или необходимости тѣсно связаны съ инстинктомъ самосохраненія, т.-е. съ потребностью быть увѣренными въ *постоянствъ* явленій, ради обезпеченія жизни отъ *случайностей*. Отсюда явилась идея *случайности*, какъ такого явленія, которое неожиданно, не могло быть предвидѣно, т.-е. выходить изъ ряда постоянно-повторяющихся явленій. Но въ природѣ нѣтъ случайностей: случайность есть точка схождения нѣсколькихъ законо-сообразныхъ постоянныхъ цѣпей *явленій*; умъ человѣка, вслѣдствіе незнанія всей совокупности этихъ цѣпей, не въ силахъ только предусмотрѣть точки ихъ схождения. Но если бы онъ зналъ всѣ цѣпи, подготовляющія это схождение, онъ можетъ точно предвидѣть и его, такъ какъ оно дается величинами вполне закономѣрными, а слѣдовательно, и результатъ этихъ величинъ—закономѣренъ, *необходимъ*.

Поэтому исторія человѣчества отличается отъ явленій природы (какъ и наукъ той и другой ея области) вовсе не тѣмъ, что въ естествознаніи мы находимъ *необходимые* законы, стоящіе внѣ времени и пространства, а въ исторіи временныя и пространственныя «индивидуальности-случайности». Въ исторіи все такъ же необходимо, какъ и въ природѣ, разница же въ томъ, что историческая необходимость есть необходимость *sui generis*, такъ какъ тутъ дѣйствуетъ новая сила природы (сравнительно съ другими силами), *сила сознающей личности, сила ея желаній, чувствованій и идей*; сила дѣйствующая иначе, чѣмъ остальные силы природы, уже потому, что она дѣйствуетъ «для себя», т.-е. для того «микрокосма», который мы называемъ *человѣческой личностью*. Этотъ микрокосмъ работаетъ самодѣлательно для огражденія себя отъ страданій и для достиженія удовольствія. Докладчикъ перечисляя мотивы движущіе *человѣкомъ*, говоритъ только о «чувствованіяхъ» и «стремленіяхъ», упуская идеи. Но и идеи суть двигатели. Примѣръ мы имѣемъ въ борьбѣ хотя бы религиозныхъ сектъ: вѣдь «чувства» ихъ одинаковы: это — религиозныя чувства; стремленія тоже одинаковы: создать торжество, по-

бѣду *своему* религіозному пониманію. Ergo: что-же ихъ раздѣляетъ? Что вызываетъ дѣятельность, борьбу? Это—*пониманіе*, т.-е. *идея, мысль*.

Докладчикъ утверждаетъ, что идеи являются продуктомъ общественныхъ классовъ, т.-е. массы, а «личность идеолога» есть только выраженіе этой массы. Это опять не вѣрно: исторія доказываетъ, что всѣ новыя идеи—религіозныя, моральныя, социальныя и т. д. встрѣчали *именно въ массахъ жестокой протестъ, гоненія*, и лишь мало-по-малу масса освоивалась съ ними и принимала ихъ, благодаря работъ немногихъ первоначальныхъ послѣдователей. Конечно, новая идея являлась не безъ предварительныхъ условій и причинъ. Но эти причины, очевидно, вовсе не въ томъ, что она *назрѣла* или *выработалась* въ массѣ, или классовой «толпѣ». Это возможно лишь относительно самыхъ заурядныхъ вулгарныхъ идей. Всѣ же крупныя, *историческія* идеи, совершавшія перевороты въ человѣчествѣ,—всегда должны были, *послѣ своего появленія*, готовить массы къ принятію ихъ, должны были пропагандировать себя, какъ волны на водѣ отъ брошеннаго камня, отъ малыхъ кружковъ первыхъ адептовъ, до болѣе широкихъ круговъ народныхъ массъ.

Конечно, дѣйствіе идей и вообще человѣческой личности на историческія событія *не безусловно*. Этотъ «микрокосмъ», обладающій своей особой силой, встрѣчаетъ массы другихъ силъ какъ макрокосмическихъ (идушихъ отъ природныхъ явленій), такъ и микрокосмическихъ (идушихъ отъ другихъ человѣческихъ личностей). Результаты получаются, какъ и въ физикѣ, по равнодѣйствующей всѣхъ этихъ силъ. Но это доказываетъ не то, что вліяніе личности на событія равны нулю, а только то, что оно дѣйствуетъ, какъ одна изъ силъ въ *параллелограммѣ силъ*, давая ему извѣстное уклоненіе отъ того пути, по которому онъ направился бы безъ нея. Но этого мало: силы одной личности, конечно, очень слабы. Но онѣ имѣютъ способность сочетаться съ силами другихъ личностей, если эти силы дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. Отъ этого происходитъ, между прочимъ, и классовая сила, сила сравнительно уже болѣе могучая. Она борется съ такими же сочетавшимися индивидуальными силами другихъ классовъ, если онѣ являются антагонистами. Но это есть лишь одна изъ формъ сочетанія «микрокосмическихъ» силъ: часто силы *одного класса* входятъ въ сочетанія съ силами *другого*

или многихъ другихъ классовъ для *общей* борьбы или противъ макрокосмическаго противника, или противъ отдѣльнаго могущественнаго лица, или противъ враждебной группы внутри даннаго общественнаго агрегата или внѣ его (войны племенъ и націй). Примѣръ сочетанія *всѣхъ* классовъ: 1) для внѣшней борьбы съ людьми, другой примѣръ 2) для борьбы съ природой. Такіе же примѣры даются также и всѣми случаями *общегосударственныхъ* сооружений (плотинъ, мостовъ, частей, желѣзныхъ дорогъ, научныхъ учреждений и т. п., въ чемъ участвуютъ сочетанія силъ индивидуумовъ *всѣхъ классовъ* и гдѣ, стало быть, нѣтъ классовой борьбы и т. п.).

Теорія Маркса, видящая всю исторію въ классовой борьбѣ и развитіи *только экономическихъ отношеній*, на основаніи даже сказаннаго выше, является лишь односторонней *научной гипотезой*, абстрагирующей специфическія явленія отъ другихъ, но она несетъ свою долю пользы, какъ и всякая гипотеза, собирая факты, обобщая ихъ. Ея ошибка въ томъ, что она въ одной цѣпи причинныхъ зависимостей (въ цѣпи экономической и классовой) видитъ *все* и надѣется объяснить этимъ *всю* исторію. Но эта ошибка свойственна всѣмъ гипотезамъ. Развѣ теоретики флогистона или гипотезы истеченія свѣта не вѣрили когда-то, что флогистонъ или истеченіе объясняютъ *всѣ* явленія и, если не сдѣлали еще этого, то потому только, что еще не было времени подвести подъ нихъ *все*? Однако эта ошибочная вѣра имѣетъ ту полезную сторону, что заставляетъ страстно, иногда фанатически, искать подтвержденій гипотезы, и этотъ-то процессъ приводитъ къ открытію новой истины, новой гипотезы, такъ какъ масса открывающихся при такомъ изслѣдованіи фактовъ оказывается неукладывающейся на прокрустово ложе первой гипотезы. И почти всегда это открытіе дѣлаютъ самые горячіе защитники прежней гипотезы. И это не только въ наукѣ, но и въ религіяхъ, въ философіи. Лютеръ и протестанты вышли изъ самыхъ горячихъ католиковъ-монаховъ, священниковъ.

Опасность марксизма въ томъ, что онъ переноситъ свою односторонность въ мораль, въ практическую жизнь. И тутъ съ нимъ приходится спорить горячо. Все вышеизложенное примѣнимо въ частности и къ идеѣ *справедливости*. Эта идея выражаетъ все то же стремленіе личности—устранить страданія и достигнуть наиболѣе удовлетворяющей жизни. Поэтому она

дѣйствуетъ такъ же, какъ и всѣ силы тѣхъ единицъ или группъ, которыя я назвалъ «микрокосмическими», т.-е. дѣйствуетъ, отклоняя равнодѣйствующую всѣхъ силъ въ сторону интересовъ *человѣческой личности*, скрывающейся подъ групповыми, семейными, классовыми, національными и т. п. интересами. Ея значеніе, стало быть, не есть значеніе *post factum*, какъ думаетъ докладчикъ, а значеніе всякой дѣйствующей силы, но силы, какъ я уже сказалъ, *sui generis*.

Но такъ какъ въ исторіи мы видимъ постоянное осуществленіе идеаловъ, поставленныхъ въ глубокой древности идеалами справедливости (въ широкомъ смыслѣ слова) и ставящихся вновь челоѣчествомъ, то осуществленіе «справедливости» (повторяю, въ самомъ широкомъ смыслѣ), всѣхъ этическихъ стремленій людей является для челоѣка въ свою очередь «необходимостью», опирающеюся на великій фактъ дѣйствительнаго прогресса цѣлаго челоѣчества. Эта необходимость есть даже больше необходимость, чѣмъ необходимость природы: эту послѣднюю челоѣчество не разъ побѣждало, противопоставляя одинъ законъ природы другому. Да и что такое законъ (хотя бы тяготѣнія, химическаго сходства и т. п.)? Это просто *фактъ*, фактъ повторяющійся. И въ этомъ отношеніи «законъ эволюціи» вовсе не есть исключеніе изъ прочихъ законовъ природы: онъ тоже только фактъ. Но если эти якобы *необходимые факты* — *законы* внѣшней природы — побѣждались челоѣчествомъ, то въ своемъ осуществленіи справедливости онъ *самъ побѣждалъ дѣйствительность силой своихъ стремленій и соответственныхъ идеаловъ*. Здѣсь справедливость являлась *не результатомъ, а результатъ* являлся *потому, что онъ былъ справедливъ* и, слѣдовательно, *справедливость была и будетъ величайшей необходимостью* не метафизически, а *конкретно*, какъ продуктъ дѣйствительно *фактически* *всепобѣждающихъ* стремленій челоѣчества къ *своему благу*. Справедливость (мораль, этика) подобна законамъ гигиены; эти законы могутъ, конечно, быть опредѣлены для всякаго гипотетическаго существа, разъ даны его свойства. Но челоѣческая гигиена и мораль (или справедливость) въ частности обусловлены всегда временнымъ и пространственнымъ положеніемъ нашего вида и являются выраженіемъ челоѣческаго стремленія къ благу.

Возраженіе *А. В. Васильева*: Если справедливо замѣчаніе г. пред-

сѣдателя, что главная цѣль доклада г. Кистяковского — «доказать, что справедливость и необходимость совпадаютъ, и что справедливость не участвуетъ въ социальныхъ явленіяхъ», то эту цѣль доклада можно только привѣтствовать. Но мнѣ кажется, что многія утвержденія докладчика, какъ, напримѣръ, четвертое его положеніе, а также начало второй половины его доклада расходятся съ упомянутою его цѣлью. Въ послѣднемъ, заключительномъ положеніи доклада стремленію къ осуществленію справедливости придается первенствующее и даже рѣшающее значеніе въ формированіи послѣдняго звена всякаго социального процесса. Но какъ согласуется съ этимъ положеніемъ утвержденіе докладчика, что «идея справедливости ошибочно принималась за двигателя социальныхъ явленій»? или похвала его экономическому материализму за «въ высшей степени важное», по мнѣнію докладчика, «методологическое требованіе материализма, чтобы каузальные причины материально производственныхъ силъ изучались въ *изолированномъ видѣ*»?

Докладчикъ не только признаетъ законнымъ, но прямо требуетъ въ социологіи раздѣльное совершенно изслѣдованіе явленій съ точки зрѣнія категоріи необходимости и съ точки зрѣнія справедливости. Категорія необходимости, говоритъ онъ, это — категорія познанія, а категорія справедливости — категорія оцѣнки. Такъ, напримѣръ, рассматривая экономической процессъ, изслѣдователь устанавливаетъ необходимость экспроприаціи мелкихъ собственниковъ капиталистами, не справляясь съ тѣмъ, справедливо или нѣтъ это явленіе.

Но если ученый социологъ и экономистъ, рассматривая какое-нибудь социальное явленіе отрѣшенно отъ категоріи справедливости, установитъ его *необходимость*, то не будетъ уже смысла рассматривать это явленіе съ точки зрѣнія категоріи справедливости. Напримѣръ: если уже установлено наукой, что экспроприація капиталистами мелкихъ собственниковъ есть явленіе *необходимое*, то изслѣдованіе о томъ, справедливо оно или нѣтъ, будетъ такимъ же празднымъ занятіемъ, какъ разсужденіе о несправедливости того, что земля не во всѣхъ своихъ частяхъ равномерно согрѣвается солнцемъ. Плодомъ именно такого, отрѣшеннаго отъ категоріи справедливости, изслѣдованія социальныхъ вопросовъ и явилась теорія эволюціонизма, которая въ свою очередь создала такое печальное явленіе, что люди, считающіе

въ сущности капитализмъ зломъ, не только въ жизни съ нимъ мирятся, но и преусердно ему служатъ, и это только потому, что г. экономистамъ, отрѣшившимся отъ идеи справедливости, угодно было признать капитализмъ *необходимой* стадіей экономической эволюціи.

Для того, чтобы социальная наука не вліяла такъ уродливо на жизнь, социологамъ и экономистамъ необходимо во всѣхъ своихъ работахъ, при всякомъ изслѣдованіи общественныхъ явленій руководствоваться именно идеей *справедливости*. Признавать необходимымъ существующее въ современныхъ экономическихъ отношеніяхъ зло нѣтъ никакой необходимости; наоборотъ необходимо именно то, что справедливо; явленія же общественной жизни, противорѣчащія справедливости, хотя бы они были прямымъ слѣдствіемъ предшествующей имъ цѣпи причинъ и сосуществующихъ имъ явленій и отношеній,—не необходимы, а случайны, и цѣль работы экономистовъ и социологовъ—устранить изъ жизни эту случайность выясненіемъ нравственныхъ и предложеніемъ такихъ правовыхъ нормъ, которыя все болѣе и болѣе дѣлали бы *справедливое и необходимымъ*.

Міръ социальныхъ явленій, въ которомъ важнѣйшею дѣйствующею силою является одушевленный человѣкъ, не подвластенъ закону необходимости, и докладчикъ самъ сознаетъ это, потому то онъ въ концѣ своего доклада говоритъ уже о безусловной необходимости. Но необходимость безусловная уже не есть необходимость. И если капиталъ, по неоднократно повторенному выраженію докладчика, «побѣдоносно шествуетъ, давя все на своемъ пути и не разбирая, справедливо это или нѣтъ», то это не потому, чтобы подобное экономическое отношеніе было необходимо по самой природѣ людей и вещей. Слѣпя экономическія силы, по мѣткому выраженію докладчика, справедливаго и несправедливаго не различаютъ; но люди, двигающіе этими силами, не должны быть слѣпы. И всѣ ужасы уродливыхъ экономическихъ отношеній, все зло капитализма возникли и существуютъ не потому, чтобы такова была необходимая по самой своей природѣ сущность экономическихъ между людьми отношеній, а, быть можетъ, потому, что участвующіе въ этихъ отношеніяхъ люди ослѣпли, т.-е. забыли или извратили идею справедливости.

И не слѣпое броженіе слѣпыхъ экономическихъ силъ, какъ

думаетъ докладчикъ, можетъ породить справедливость: истинная справедливость дана какъ откровеніе людямъ девятнадцать вѣковъ тому назадъ, и только она можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ при оцѣнкѣ существующихъ социальныхъ явленій и надежнымъ основаніемъ для построенія новыхъ социальныхъ и экономическихъ отношеній.

М. М. Филипповъ замѣтилъ, что положенія Б. Кистяковского можно подраздѣлить на 2 рода. Однѣ изъ нихъ справедливы, но неправильно аргументированы, другія неправильно въ самыхъ посылкахъ, хотя и выведены логично. Къ числу первыхъ оппонентъ относитъ методологическое требованіе, въ силу котораго, по мнѣнію референта, оцѣнка справедливости социальныхъ явленій должна быть отдѣлена отъ доказательства ихъ необходимости. Требованіе это основательно, но доводы докладчика шатки уже потому, что онъ нигдѣ не формулировалъ положительнымъ образомъ свое понятіе справедливости, давъ лишь отрицательную формулу недѣланія (не дѣлай другому и т. д.). Но что еще важнѣе, референтъ нигдѣ не доказалъ, что данная имъ формула имѣетъ объективное значеніе, даже если подъ объективностью подразумѣвать общезначимость для всѣхъ людей. Наиболѣе общепринятой положительной формулировкой справедливости является формула: «Do ut des». Легко показать, что эта формула не включаетъ въ себѣ ничего общечеловѣческаго. Ея не признаютъ тѣ дикари, которые полагаютъ, что они въ правѣ ограбить другого, но другой не въ правѣ ихъ ограбить; не признаютъ и болѣе близкіе къ намъ бушмены, наприм., сахарозаводчики, считающіе правильнымъ получать преміи за вывозъ сахара, съ тѣмъ, чтобы кормить англійскихъ свиней за счетъ русскихъ потребителей. Отстаиваемое референтомъ «надъиндивидуальное сознаніе», поскольку оно не является чисто метафизическимъ понятіемъ, *есть сознаніе групповое и въ частности классовое*; таково, наприм., сознаніе класса капиталистовъ, признающихъ вполнѣ справедливымъ получать прибавочную цѣнность, т.-е. пользоваться чужимъ трудомъ даромъ. Именно потому, что надъиндивидуальное сознаніе является групповымъ, а не общечеловѣческимъ, оно извращаетъ правильныя социологическія сужденія и именно поэтому оцѣнка явленій, въ которую неизбѣжно войдетъ этотъ искажающій объективную истину элементъ, должна быть сознательно отдѣлена отъ объективнаго изслѣдованія. Существу-

еть, однако, и *объективный* критерій справедливости, котораго докладчикъ совершенно не усмотрѣлъ и который позволяетъ установленіе объективныхъ этическихъ нормъ, уже независимыхъ отъ групповаго сознанія. Критерій этотъ, давно указанный Спенсеромъ, есть законъ самой жизни, состоящій въ томъ, что должно существовать хотя бы грубое соотвѣтствіе между усиліями и достигаемыми ими результатами. Не будь этого соотвѣтствія, всѣ живыя существа въ концѣ концовъ погибли бы вслѣдствіе постояннаго выживанія худшихъ. Законъ этотъ, какъ и всѣ вообще законы науки, нигдѣ не осуществляется въ чистомъ видѣ и очень часто «нарушается» (вѣрнѣе отъ нихъ получаютъ отклоненія), наприм., въ капиталистическомъ строѣ. Но это нарушеніе такъ же мало уничтожаетъ самый законъ, какъ и нарушенія, или точнѣе отступленія, не уничтожаютъ законовъ физики. Если бы докладчикъ обосновалъ *объективный* критерій справедливости вмѣсто ссылки на миѣическое «надъиндивидуальное сознаніе всего человѣчества», то не впалъ бы въ рядъ противорѣчій, такъ какъ у него выходитъ, что справедливость въ одно и то же время и нормируетъ дѣятельность людей и (въ качествѣ чистой идеи) никакого вліянія на необходимый ходъ событій не оказываетъ. Последнее прямо ошибочно, ибо, *поскольку справедливость есть выраженіе закона жизни, она входитъ въ категорію необходимости и причинной зависимости и не можетъ абстрагироваться отъ этихъ категорій.*

Другія замѣчанія М. Филиппова относились къ понятію научнаго закона и къ методамъ историческаго и естественно-научнаго изслѣдованія. Взгляды Риккерта, которымъ слѣдуетъ референтъ, М. Филипповъ признаетъ совершенно ошибочными, о чемъ высказался уже печатано въ своемъ разборѣ книги Риккерта. Индивидуальное *въ строюмъ смыслъ этого слова*, т.-е. вѣчно текущее и измѣнчивое не можетъ быть предметомъ не только науки, но даже искусства, такъ какъ послѣднее схватываетъ типичное въ индивидуумѣ. Понятіе безусловной необходимости примѣнимо лишь къ аналитическимъ сужденіямъ. Всѣ же законы природы—сужденія синтетическія и при томъ покоющіяся на условіяхъ опыта. Законъ Ньютона необходимъ лишь до тѣхъ поръ, пока выполняетъ свою роль перваго приближенія, болѣе же точныя изслѣдованія могутъ замѣнить его другимъ закономъ, на что уже есть указанія въ наукѣ. Законъ этотъ всецѣло по-

коится 1) на *опытахъ* надъ *земными тѣлами*, изъ которыхъ Галилей вывелъ начало механики, стало быть, на *опытахъ*, результаты которыхъ мы лишь *ипотетически* можемъ перенести въ небесныя пространства, и 2) на *наблюденияхъ* Кеплера, относящихся къ *тѣламъ солнечной системы* и лишь позднѣе распространенныхъ на *двойныя звѣзды*. Доказательства закона Ньютона относятся поэтому лишь къ *изслѣдованнымъ телескопомъ пространствамъ* и къ *ограниченной группѣ изученныхъ и аналогичныхъ* имъ тѣлъ, но никакъ не къ *всепространственной безконечности*. Отсюда ясно, что докладчикъ имѣетъ совершенно невѣрное представленіе о законахъ природы, усматривая въ нихъ нѣчто безусловное.

М. И. Каринскій замѣтилъ, что если попробовать разсмотрѣть подробно какое-нибудь конкретное явленіе, принимая во вниманіе и всѣ прошлыя и всѣ настоящія обстоятельства, среди которыхъ находится это явленіе, то въ немъ не окажется ничего случайнаго. Да для этики и нѣтъ надобности въ случайности, а нужна только свобода воли, что не совпадаетъ съ случайностью.

М. Н. Нижегородцевъ высказалъ сомнѣнія въ возможности помирить взгляды докладчика съ историческими фактами: исторія очень убѣдительно свидѣтельствуетъ о значительной роли личности, а врядъ ли возможно для нея такое значеніе, если согласиться съ мнѣніемъ, что стремленіе къ осуществленію справедливости не вліяетъ на ходъ историческаго процесса.

Около часа ночи пренія должны были прекратиться вслѣдствіе поздняго времени.

Открыта подписка на 1900 г.

XI г.

НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

XI г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ дѣлю распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи воспитанія въ семьѣ и школахъ.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объясненія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философія В. Аври (Victor Henri), Н. Ф. Арсѣевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, Е. Варбъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вилперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, А. Е. Грузинскій, П. П. Дружининъ, В. Е. Ермиловъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, В. Е. Игнатъевъ, В. В. Каллашъ, В. Кохановскій, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, М. Любавскій, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Миновичъ, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, Г. А. Лузыревскій, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. А. Сворцовъ, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Сяницкій, Л. Д. Сяницкій, В. С. Сѣрова, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, А. П. Флеровъ, А. Н. Филипповъ, А. С. Хахановъ, П. В. Хопровъ, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевенъ, Ф. А. Эрявъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Я Яковлевъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. З. Янжулъ, и многіе друг.

Въ журналѣ два раза въ годъ печатается подробный и систематическій „Указатель текущей педагогической литературы“.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала около 20-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей подписная цѣна уменьшается на 1 руб.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 гг. продаются по 2 р. и по 3 р. съ перес., за 1895, 1896 и 1898 гг. по 5 р. съ пересылк.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обихихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. ф. Михайловъ.**

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

Вѣра и Разумъ

ВЪ 1900 ГОДУ.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1900 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. годичное издание журнала состоятъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

**Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р.,
а за границу 12 р. съ пересылкою.**

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря въ Харьковской конторѣ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; Контора В. Гиляровскаго, Столешниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовалъ, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго времени“. Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получить полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно: по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1894 г., и по 9 р. за 1895—1897 годы. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 80 р. съ пересылкою. Кромѣ того въ редакціи продаются слѣдующія книги: 1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. 2. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою. 3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри насъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп. 4. „Палство, какъ причина раздѣленія Церкви, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владиміра Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Открыта подписка на 1900 г.

на большую ежедневную политическую, общественную
и литературную газету

„Русскій Листокъ“

(XII годъ изданія).

„Русскій Листокъ“, самая дешевая изъ большихъ газетъ, издается безъ предварительной цензуры въ форматъ и по программамъ большихъ и дорогихъ ежедневныхъ изданій.

„Русскій Листокъ“ за послѣдніе три года достаточно зарекомендовалъ себя своей содержательностью и вполне опредѣлился, не нуждаясь въ самовосхваленіяхъ.

Задача издателя „Русскаго Листка“ дать за небольшую плату русскую, поступательно-передового направленія, газету, наиболѣе полную, изобилующую разнообразіемъ и свѣжестью матеріала.

„Русскій Листокъ“ получаетъ всѣ новости административной и петербургской жизни по телефону и даетъ ихъ одновременно съ петербургскими газетами.

„Русскій Листокъ“ имѣетъ своихъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ, а въ важныхъ случаяхъ посылаетъ специальныхъ корреспондентовъ, какъ напримѣръ, въ 1899 году былъ посланъ въ Гаагу и Швейцарію.

„Русскій Листокъ“ въ наступающемъ 1900 году будетъ давать по нѣкоторымъ воскреснымъ днямъ, вмѣсто вкладного полулиста, — иллюстрированныя приложенія, въ форматъ еженедѣльныхъ журналовъ, съ каррикатурнымъ листкомъ, съ рисунками, портретами, чертежами, картами, модами, руководствами и проч.

„Русскій Листокъ“ ежедневно помѣщаетъ въ фельетонѣ лучшіе романы и повѣсти извѣстныхъ писателей.

Въ газетѣ участвуетъ болѣе 200 сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Свои отдѣленія—въ Петербургѣ, Тулѣ и Калугѣ.

Подписная цѣна:

6 р. на ГОДЪ съ доставкой и пересылкой ШЕСТЬ р.
на 6 м. — 3 р. 50 к., на 3 м. — 2 р., на 1 м. — 75 к. 6 р.

Допускается разсрочка: 3 руб. при подпискѣ
и 3 руб. къ 1 мая.

Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая улица, домъ № 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ „Ученыхъ Запискахъ“ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ званія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распрежденія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 рублю. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

Съ 1-го ноября 1899 года

Въ С.-Петербургѣ будетъ выходить

большая ежедневная, политическая и литературная газета

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

„СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

Подписная цѣна:

съ доставкой и пересылкой:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 1 мѣс.
Въ Россіи	10 руб.	5 руб.	1 руб.
За границу	14 „	7 „	2 „

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока—по 2 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся на весь 1900 годъ, получаютъ газету безплатно въ текущемъ году.

Подписка принимается во всехъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи:

С.-Петербургъ, Бол. Морская, № 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія „Сверный Курьеръ“ полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаяющей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духъ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ „Сверный Курьеръ“ направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболее отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, „Сверный Курьеръ“ будетъ внимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всеми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистичными личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ раздѣлія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. „Сверный Курьеръ“ вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширения сферы общественной самодѣятельности и потому отведетъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области поставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель кн. В. В. Барятинскій.

Редакторы: кн. В. В. Барятинскій.
К. И. Арабакинъ.

Принимается подписка НА ГАЗЕТУ „МЕДИЦИНА“,

НА 1900 ГОДЪ.

(Д в ѣ н а д ц а т ы й г о д ъ).

Подъ редакціей профессора Юрьевского университета Степана Михайловича Васильева.

Издание посвященное всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены, выходитъ въ объемѣ 2-хъ листовъ (лѣтомъ 1-го листа) четыре раза въ мѣсяцъ по слѣдующей программѣ:

1) Самостоятельныя статьи, лекціи, предварительныя сообщенія русскихъ авторовъ и переводныя статьи и лекціи иностранныхъ авторовъ по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, по всѣмъ отдѣламъ общественной и частной гигиены, эпидемиологій, судебной медицины и гидрологій, а также по общей патологій, фармакологій, анатоміи, физиологій и патологической анатоміи. 2) Общие обзоры по различнымъ медицинскимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи медицины. 4) Новости медицины изъ русской и иностранной литературы. 5) Статьи и замѣтки по народной, особенно русской, медицинѣ. 6) Кратка и библиографія медицинскихъ книгъ, статей, больничныхъ отчетовъ и изданій, могущихъ чѣмъ-либо заинтересовать врачей. 7) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и о защитѣ диссертаций. 8) Терапевтической отдѣлъ. 9) Научныя корреспонденціи, хроника и мелкія извѣстія объ ученыхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, слухи и выдержки изъ газетъ, имѣющіе исключительно научный интересъ, а также правительственныя распоряженія, могущія чѣмъ-либо заинтересовать врачей. 10) Частныя объявленія и публикаціи, за исключеніемъ рекламъ, о вновь вышедшихъ медицинскихъ книгахъ.

Среди многихъ статей будетъ печататься въ видѣ отдѣльной книги продолженіе капитальнѣйшаго труда: „Handbuch der Ernährungstherapie und diätetik“, издаваемого проф. E. von Leyden'омъ, цѣною въ отд. продажѣ не менѣе 5 рублей.

Подписка принимается:

въ С.-Петербургѣ. Редакція, Гороховая, домъ № 40, кварт. 1.

Подписная цѣна за годовое изданіе:

пять руб. съ доставкой и пересылкой. Для студентовъ три руб. съ перес.

Статьи высылаются въ редакцію газеты „Медицина“, С.-Петербургъ, Гороховая, домъ 40.

Редакція газеты бесплатно помѣщаетъ объявленія земскихъ управъ, городскихъ и больничныхъ учреждений о вакантныхъ мѣстахъ для лицъ врачебнаго персонала, а равно и сихъ послѣднихъ о предложеніи ихъ услугъ.

Открыта подписка на 1900 годъ
НА
„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,
газету научно-литературную и политическую.

Девятнадцатый годъ изданія.

„Восточное Обозрѣніе“ издается ежедневно,
КРОМЪ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ. 2) отдѣлъ оффиціальныи — важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокъ и заграничій. 4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европейской Россіи, Сибири, Туркестана, со-сѣднихъ азіатскихъ государствъ.	7) Научный отдѣлъ — открытія и путешествія на Востокъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литературное обозрѣніе — критика и библиографія, особенно сочиненій объ Авіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ — свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

ЦѢна газеты:

въ Россіи за годъ—9 руб., полгода—5 руб., три мѣсяца—3 руб. и за одинъ мѣсяць—1 руб. Заграницу за годъ—12 руб., полгода—6 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., на одинъ мѣсяць—1 руб. 40 коп.

При газетѣ издается „Сибирскій Сборникъ“.

ЦѢна 2 рубля въ годъ.

Объявленія по 10 к. за строчку петита на 4 страницѣ и 20 к. на 1 страницѣ.

Адресъ: Иркутскъ, редакція газеты «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ».

Редакторъ-издатель И. И. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на издаваемый въ Баку съ ноября 1899 года
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ФОТОТИПИЯМИ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

КАВКАЗЪ И СРЕДНЯЯ АЗІЯ

въ фотографіяхъ и описаніяхъ.
ФОРМАТЪ IN QUATRO.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою:

На годъ 12 руб., на полгода 7 руб., на 3 мѣсяца 4 руб., на 1 мѣсяць 2 р.
Учебныя заведенія пользуются 25% скидкой.

Допускается разсрочка платежа.

Плата за напечатаніе объявленій въ отдѣлѣ публикацій:

	Впереди текста:	Позади текста:
За цѣлую страницу	50 руб.	30 руб. — коп.
» 1/2 страницы	30 " "	20 " — "
» 1/4 " "	15 " "	10 " — "
» 1/8 " "	8 " "	5 " — "
» 1/16 " "	5 " "	2 " 50 "
» 1/32 " "	3 " "	1 " 50 "

При многократныхъ публикаціяхъ дѣлается скидка.

АДРЕСЪ: Баку, въ контору редакціи „КАВКАЗЪ и СРЕДНЯЯ АЗІЯ“.

Отъ Редакціи:

Утвержденная г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ обширная программа нашего журнала—позволяетъ редакціи заняться всестороннимъ изученіемъ Кавказа и Средней Азійи и быть иллюстраторами текущей въ нихъ жизни, призванной къ прогрессивному оживленію съ начала цивилизаторской миссіи нашего Правительства въ этой части свѣта.

Придавая особенное значеніе роду иллюстрацій—редакція избрала только фотографію, передающую абсолютную дѣйствительность—всегда желательную, а въ изученіи естествознанія, географіи, этнографіи и археологіи—положительно необходимую.

За художественную и техническую сторону фототипій—можетъ ручаться двадцатилѣтнее занятіе этимъ искусствомъ, какъ профессіей—редактора-издателя, положившаго много труда на составленіе научно-интересной коллекціи снимковъ Азійи, имѣющихъ, главнымъ образомъ, появляться на страницахъ журнала.

Текуція событія будутъ иллюстрироваться нашими сотрудниками-фотографами, находящимися во всѣхъ мѣстахъ Азійи. Каждый № будетъ содержать 5 листовъ печатнаго текста и отъ 8—10 отдѣльныхъ рисунковъ на бristolѣ, составляющихъ къ концу года богатый альбомъ оригинальныхъ фототипій.

Редакторъ-Издатель А. М. Мишонъ.

Открыта подписка на 1900 годъ на ежедневную

политическую, литературную, общественную и торго-
вую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

съ постояннымъ КАЛУЖСКИМЪ и ТУЛЬСКИМЪ отдѣлами

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ 7 рублей,

11 мѣс. — 6 руб. 50 коп., 10 мѣс. — 6 руб., 9 мѣс. — 5 руб. 50 коп.,
8 мѣс. — 5 руб., 7 мѣс. — 4 руб. 50 к., 6 мѣс. — 4 руб., 5 мѣс. — 3 р. 50 к.,
4 мѣс. — 3 р., 3 мѣс. — 2 р. 40 к., 2 мѣс. — 1 р. 70 к., 1 мѣс. — 90 к.,
1/2 мѣс. — 50 коп.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ уплатою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Въ Орлѣ — въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зиновьевская улица, домъ № 2.

Въ Калугѣ — Знаменская ул., домъ наслѣдн. Василевскаго, противъ церкви Знаменія. Д. М. Кайсаровъ.

Въ Тулѣ — Площадная ул., близъ Кіевской, д. Блеклова, В. Н. Васильевъ.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й г. изд.)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современного состоянія начальнаго народн. образованія въ Зап. Европѣ. М. П. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Мин. Нар. Просвѣщ. В. И. Фармаковского; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлоконскаго; 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Виренюса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго. 10) Новое воспитаніе. Н. О. Арепьева. 11) Къ психологій нашихъ подростящихъ поколѣній. Н. П. П.; 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлоконскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Земницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. П. Кирпичникова, А. С. Виренюса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимицкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. Вл. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. О. Соколова; 22) Рутиня въ преподаваніи географіи. О. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. П. Карѣева; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Селиванова; 28) Сельскохозяйственное образованіе женщинъ. В. В. Бирюковича и др.

Въ каждой книгѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Б., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна:

въ Петербургѣ безъ доставки 7 р.; съ доставкою 7 р. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою 8 р.; за границу 9 р. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за 6 р. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Лиговская улица, 1.

Редакторъ-издатель Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1900 г.
НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВ. и КОММЕРЧЕСК.

ГАЗЕТУ
ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходящую въ г. Казани ежедневно.

Восемнадцатый годъ изданія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. Руководяшія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ мѣстностей Волжско-Камскаго края и примыкающихъ къ нему областей Имперіи. Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія и т. п. Сулебная хроника. Библиографія. Театръ и музыка. Ежедневныя свѣдѣнія изъ внутренней и международной жизни. Еженедѣльные обзоры хозяйственной жизни Россіи, земской и городской дѣятельности страны и народнаго образованія. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ вмѣсто статьи научнаго содержанія и злободневныя фельетоны—„Воскресные наброски“ „Замѣтки обывателя“. Торговый отдѣлъ. Смѣсь. Справочный отдѣлъ: судебныя дѣла и резолюціи по нимъ, больницы, желѣзнодорожныя поѣзда, грузы приходящіе по жел. дорогъ и пр. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ:

СЪ ДОСТАВКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	6 р. 25 к.
„ полгода	4 „ — „	„ полгода	3 „ 25 „
„ 3 мѣсяца	2 „ 25 „	„ 3 мѣсяца	1 „ 75 „
„ 1 мѣсяць	— „ 75 „	„ 1 мѣсяць	— „ 60 „

Для иногороднихъ подписчиковъ:

На годъ	9 руб. — коп.
„ полгода	5 „ — „
„ 3 мѣсяца	2 „ 75 „
„ 1 мѣсяць	1 „ — „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р.; для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 1 руб.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1900 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1900 года.

Подписка принимается:

въ Казани въ главной конторѣ „Волж. Вѣстника“ на Покровской ул., д. Пермяковой; въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руны); въ Вяткѣ—въ книжн. маг. Тиханова; въ Сарapulь—въ тип. Колчина.

Журналъ для дѣтей отъ 5 до 9 лѣтъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА,

основанный С. М. Макаровой и издаваемый съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей, педагоговъ и художниковъ, подъ редакцію Н. Х. Весселя. Подписной годъ съ 1 ноября 1899 г.

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ. XXIV г. изданія.

„Задушевное Слово для дѣтей младшаго возраста“

помѣщаетъ занимательные рассказы для маленькихъ дѣтей со множествомъ рисунковъ, коротенькія повѣсти, сказки, стишки, басни, рассказы изъ священной исторіи, легкіе очерки изъ жизни животныхъ и растений, описанія путешествій, первоначальное чтеніе, азбуку, наглядное обученіе, мелкія статьи по всѣмъ отраслямъ знаній (въ эти статьи печатаются крупными шрифтами), юмористическіе рассказы, анекдоты, игры, занятія, театральныя пьесы, музыкальныя произведенія для маленькихъ дѣтей и пр., и пр. **Всѣ статьи богато иллюстрированы.** Въ теченіе 1900 года каждый подписчикъ журнала „Задушевное Слово для дѣтей младшаго возраста“ получитъ съ доставкою и пересылкою:

52 №№ богато иллюстрированнаго еженедѣльнаго журнала „Задушевное Слово“ и **безплатныя преміи:** большую хромолитографированную картину, для украшенія дѣтской комнаты, исполненную въ 19 красокъ, по оригиналу художника Думина: „**СЪ ДОБРЫМЪ УТРОМЪ!**“ изображающую одну сценку дѣтской жизни. Размѣры картины 14 $\frac{1}{2}$ вершк. ширины и 10 $\frac{3}{4}$ вершк. ширины. Шесть томиковъ „**Новой Библиотечки Задушевнаго Слова**“ съ иллюстраціями, въ составъ которой войдутъ: I. „О Знѣ-Разинѣ, Сергѣ-Ротозѣ, Сашкѣ-Замарашкѣ и Манюшѣ-Плакушѣ“. Стихи К. Н. Льдова.— II. „Рассказы-крошки“, собранные М. Любиной.— III. „Мяу, мяушки, мяу!“ Веселые рассказы въ стихахъ К. Н. Льдова.— IV. „Прочтешь-узнаешь“. М. Васильевскаго.— V. „Я учусь по-французски“. Составлено А. Сень-Клеръ.— VI. „Подумай-разгадай“. Сборничекъ загадокъ А. Максимовой. Кромѣ того, всѣ подписчики будутъ получать въ теченіе года два журнала для родителей и воспитателей „**ДѢТСКІЯ МОДЫ ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА**“ съ иллюстраціями дѣтскихъ платьевъ, работъ и проч. „**ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА**“ въ видѣ самостоятельныхъ отдѣльныхъ книжекъ.

Подписная цѣна журнала „Задушевное Слово для дѣтей младшаго возраста“ со всѣми преміями и приложеніями на годъ, съ доставкою и пересылкою—**6 р.**, за границу—**8 р.** Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе двухъ рублей и затѣмъ черезъ каждыя два мѣсяца не менѣе одного рубля. Гг. подписч. съ разсрочкою платежа безплатныя преміи высылаются по уплатѣ послѣдняго взноса.

Подписка на „Задушевное Слово“ и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 18, и Москва, Кузнецкій мостъ, № 12, а также въ ред. „Задушевнаго Слова“, С.-Пб., В. О., 16 лнн., № 5.

Журналъ для дѣтей отъ 9 до 14 лѣтъ.**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ**

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

основанный С. М. Манаровой и издаваемый съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей, педагоговъ и художниковъ, подъ редакцію Н. Х. Весселя. Подписной годъ съ 1 ноября 1899 года. Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.

XXIV ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Задушевное Слово для дѣтей старшаго возраста“

помѣщаетъ большіе рассказы со множествомъ рисунковъ, повѣсти, путешествій и приключенія на сушѣ и на морѣ, рассказы изъ жизни отдѣльных народовъ, историческіе рассказы и біографіи замѣчательныхъ людей, рассказы изъ географіи и естественныхъ наукъ, популярныя, занимательно и живо написанныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ и знаній, стихотворенія, театральныя пьесы, игры и занятія на всѣ времена года, задачи, ребусы, загадки, анекдоты и т. п., ноты, особыя задачи на премию и т. д. Всѣ статьи богато иллюстрированы. Въ теченіе 1900 года каждый годовой подписчикъ „Задушеннаго Слова для дѣтей старшаго возраста“ получитъ **52 №№** еженедѣльнаго, богата доставкою и пересылкою то иллюстрированнаго журнала „Задушевное Слово“ и **ЧЕТЫРЕ РОСКОШНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ**: I. „Русскій литературный Пантеонъ“. Исторія ролной словесности въ классическихъ образцахъ и примѣрахъ. Составилъ Н. Х. Вессель, въ трехъ частяхъ, съ портретами писателей.—II. Русскіе писатели въ краткихъ характеристикахъ“. Съ очеркомъ постепеннаго развитія языка и объяснительными примѣчаніями къ классическимъ образцамъ русской словесности. Составилъ М. М. Бродовскій.—III. **16** выпусковъ „**БИБЛИОТЕНИ** знаменитыхъ писателей для юношества“ съ иллюстраціями.—IV. „Календарь для русской учащейся молодежи“ на 1899/1900 уч. годъ, въ изящномъ переплетѣ съ приложеніемъ „Справочника для учащихся“. Кроме того, всѣ подписчики будутъ получать въ теченіе 1900 г. два журнала для родителей и воспитателей „**Дѣтскія Моды Задушевнаго Слова**“ съ иллюстраціями дѣтскихъ платьевъ, работъ и проч. „**Педагогическій Листокъ Задушевнаго Слова**“ въ видѣ самостоятельныхъ отдѣльныхъ книжекъ.

Годовая подписная цѣна журнала „Задушевнаго Слова для дѣтей старшаго возраста“ со всѣми преміями и приложеніями на годъ, съ доставкою и пересылкою—**6 р.**, за границу—**8 р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе двухъ рублей и затѣмъ черезъ каждыя два мѣсяца не менѣе одного рубля, до уплаты всѣхъ шести рублей. Гг. подписчикамъ съ разсрочкою безплатныя преміи высылаются по уплатѣ послѣдняго взноса.

Подписка на „Задушевное Слово“ и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, № 12, а также въ редакціи „Задушевнаго Слова“: С.-Пб., В. О., 16 лин., № 5.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ VI.

Открыта подписка на 1900 годъ

на политическую, общественную, торгово-промышленную и литературную газету

ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.„Закаспійское Обозрѣніе“ въ 1900 г. будетъ выходить въ ДВУХЪ ИЗДАНИ-
ЯХЪ по программѣ столичныхъ газетъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.Въ теченіе 1900 года годовые подписчики ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ получаютъ ро-
манъ графа Л. Н. ТОЛСТОГО**ВОСКРЕСЕНІЕ**

съ портретомъ автора

и кромѣ того—роскошно-иллюстрированное изданіе

„ЗАКАСПІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ ВЪ КАРТИНАХЪ И ОПИСАНІЯХЪ“.Изданіе это будетъ выдаваться подписчикамъ ежемѣсячно отдѣльными иллю-
стрированными выпусками, заключающими въ себѣ виды и типы Закаспійской
области съ пояснительнымъ текстомъ.**Подписная цѣна на первое изданіе:**Съ пересылкой во все города Россіи: на одинъ годъ—8 р., на 6 мѣсяцевъ—
5 руб., за границу на одинъ годъ—12 руб.„Закаспійское Обозрѣніе“ (1-е изданіе) выходитъ ежедневно,
исключая дней послѣпраздничныхъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

СПЕЦИАЛЬНО для САМАРКАНДА.

Второе изданіе „Закасп. Обозр.“ является отчасти сокращеннымъ повторені-
емъ 1-го изданія, отчасти-же представляетъ собою самостоятельную газету.Второе изданіе „Закасп. Обозр.“ будетъ выходить три раза въ недѣлю пол-
ными номерами.

Подписная цѣна на 2-е изд. за годъ съ дост. и пер.—5 руб.

Подписка принимается въ г. АСХАБАДЪ: въ конторѣ редакціи (Анненковская
ул., домъ К. Федорова) и въ книжномъ магазинѣ К. Федорова, на Свобелевск.
площади, соб. домъ, а также въ МОСКВѢ, въ центральной конторѣ объ-
явленій Торговаго Дома Л. Э. Метцль и К^о (Мясницкая улица, д. Сытова) и
въ его отдѣленіи въ ПЕТЕРБУРГѢ, Большая Морская, № 11.

Редакторъ-издатель Н. М. Федоровъ.

Открыта подписка на 1900 г.
на ежедневную
общественно-литературную и политическую
газету

Донская Рѣчь.

Съ 22-го ноября 1899 года изданіе газеты переводится изъ Новочеркасска въ г. Ростовъ на-Дону.

Съ этого времени „Донская Рѣчь“ будетъ выходить при усиленномъ составѣ редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ, въ значительно увеличенномъ форматѣ, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ.

Въ предѣлахъ разрѣшенной программы въ „Донской Рѣчи“ будутъ помѣщаться: 1) правительственныя распоряженія; 2) передовыя статьи; 3) внѣшнія извѣстія; 4) внутреннія извѣстія; 5) телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства; 6) мѣстная жизнь: дѣйствія и распоряженія мѣстной администраціи, хроника г. Ростова, Новочеркасска, Таганрога, Александровска-Грушевскаго, Азова, станицъ, сель и хуторовъ Донской области; 7) юридическая хроника; 8) маленький фельетонъ (мѣстныя злобы дня); 9) большой фельетонъ (статьи критико-публицистическія, журнальное обозрѣніе и обозрѣніе періодической печати, беллетристика оригинальная и переводная); 10) театръ и музыка; 11) библиографія; 12) новости науки, литературы и искусства; 13) по Россіи; 14) разныя замѣтки.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой на 12 мѣс.— 8 р., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.—7 р., 9 мѣс.—6 руб., 8 мѣс.—5 р. 50 к., 7 мѣс.—5 р., 6 мѣс.—4 р. 50 к., 5 мѣс.—4 р., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 2 мѣс.—2 р., 1 м.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ „Донской Рѣчи“, г. Ростовъ на-Дону, Большая Садовая ул., и въ отдѣленіи конторы въ г. Новочеркасскѣ, Платовскій просп., д. Ивановой.

За редактора *Ал. Шепкаловъ.*

Двадцать восьмой годъ изданія.

Открыта подписка на 1900 годъ

28-й годъ изд.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

28-й годъ изд.

„ПРИРОДА И ОХОТА“

И

„ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Подписчики получаютъ 12 книгъ „Природы и Охоты“ (выходить ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты“ (еженедѣльно).

Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, вивьетками и проч.

Премія 1900 года:

„Охотничьи и промысловые звѣри Россіи“.

Второй большой томъ, со множествомъ иллюстрацій, съ

„Альбомомъ охотничьихъ и промысловыхъ звѣрей Россіи“.

Рисунки художественно исполнены красками (хромолитографіи).

Располагая обширѣйшими и новѣйшими матеріалами по распредѣленію и добычаю звѣрей, состоящими болѣе, чѣмъ изъ 70 сообщеній губернаторовъ о распредѣленіи звѣрей и состояніи охоты, 500—отъ лѣсничихъ и 50—отъ охотничьихъ обществъ, и желая дать возможно полный трудъ, Редакція и въ 1900 г. выдастъ „ЗВѢРЕЙ РОССІИ“, 2-й томъ, составляющей продолженіе 1-го тома.

Въ журналахъ печатаются: рассказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи.—Описаніе способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и ужения, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ—борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки и натаски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азійской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу.—Вѣтеринарный отдѣлъ.—Юридическій отдѣлъ.—Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библиографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты.—Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ перес. и дост. **15** р., на полгода **7** р. **50** к., за границу **20** р.

РАЗСРОЧКА ПО СОГЛАШЕНІЮ СЪ РЕДАКЦІЕЙ.

Адресъ: Москва, Леонтьевскій пер., домъ № 2.

Редакторъ проф. А. П. Сабанѣевъ.

Редакторъ-издатель Н. В. Туркинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЬ

Н О В Ы Й М І Р Ъ

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакцію П. М. Ольхина.

■ ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ■

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „*Новаго Міра*“ получать въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій: 1) Журналъ „*НОВЫЙ МІРЪ*“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматъ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій. 2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „*МОЗАИКА НОВАГО МІРА*“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ. 3) Журналъ „*ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА НОВАГО МІРА*“ 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія. 4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „*Библиотека русскихъ и иностранныхъ писателей*“, въ составъ котораго войдутъ: а) Шесть переплетенныхъ томовъ полного собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова (тт. 7—12). б) Шесть переплетенныхъ томовъ полного иллюстрированного собранія сочиненій Генриха Гейне (тт. 7—12). 5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированного изданія „*Живописная Россія*“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области. Лица, желающія получить въ 1900 году при „*Новомъ Мірѣ*“, „*Мозаикѣ*“ и „*Литературныхъ Вечерахъ*“ за этотъ годъ все 12 переплетенныхъ томовъ полного собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, все 12 переплетенныхъ томовъ полного иллюстрированного собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „*Живописной Россіи*“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачивають за головое изданіе „*Новаго Міра*“ со всеми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14 р.—26 рублей (заграничные подписчики 36 руб.). Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „*Новаго Міра*“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлаго годами, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „*Живописной Россіи*“ за 1900 годъ,—двѣ книги того же изданія, выдущенныя въ 1899 году, т.-е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области. Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „*Новому Міру*“ со всеми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи 1 р., роскошное изданіе—18 р., за границу—24 р., роскошное изданіе—28 р. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не мене 2 руб., остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всехъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку бесплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „*Новый Миръ*“ и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, № 12, а также въ редакціи „*Новаго Міра*“, въ С.-Петербургѣ: Васильевскій островъ, 16 липія, собственный домъ, № № 5—7.

XX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1900 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей
старшаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

(изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова).

Въ 1900 году будутъ между прочимъ напечатаны: Сара Гальборхъ, повѣсть П. В. Засодимскаго. Бобыль, историческая повѣсть А. А. Осипова. Вдова Акулина, повѣсть изъ крестьянской жизни В. М. Сысоева. Изъ моихъ путешествій по Бретани, Е. В. Балобановой.

Кромѣ того въ распоряженіи редакціи имѣется цѣлый рядъ повѣстей, рассказовъ, сказокъ, очерковъ и статей историческихъ, историко-литературныхъ и естественно-научныхъ.

Въ отдѣлѣ ОТГЛОСКИ по прежнему будутъ отмѣчаться всѣ наиболѣе выдающіяся событія въ области науки, литературы и искусства, могущія имѣть значеніе въ дѣлѣ воспитанія.

Въ 1899 году „Дѣтскій Отдыхъ“ давалъ своимъ читателямъ свѣдѣнія изъ текущей жизни въ отдѣлахъ: разныхъ сообщенія, хроника путешествій и приключеній, книжныя новости. Отдѣлы эти будутъ значительно расширены въ 1900 году.

Большинство статей будетъ иллюстрировано рисунками и снимками съ картинъ и фотографій. Въ каждой книжкѣ журнала, по примѣру предыдущаго года, будутъ помѣщаться картины на темы изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и иллюстраціи къ произведеніямъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Подробныя свѣдѣнія объ изданіи журнала высылаются редакціей бесплатно.

Условія подписки: безъ доставки въ Петербургъ, въ Москвѣ (у Печковской и въ „Дѣтскомъ Воспитаніи“) и Одессѣ (книжн. маг. „Образованіе“) 5 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой 6 р. За границу 8 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ главной конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ИЗВѢСТІЯ
МОСКОВСКАГО
Сельскохозяйственнаго Института.

Годъ VI. 1900.

Извѣстія выходятъ **четырьмя** книгами въ годъ, составляющими не менѣе **35 листовъ** текста in 8^о.

ПРОГРАММА «ИЗВѢСТІЙ».

Официальный отдѣлъ. I. Правительственныя распоряженія, касающіяся М. С.-Х. Института.—II. Постановленія Совѣта Института и относящіяся къ нимъ приложенія: а) программы и планы лекцій и практическихъ занятій въ Институтѣ; б) отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ студентами Института подъ руководствомъ профессоровъ, преподавателей и пр.; в) работы комиссій, назначаемыхъ Совѣтомъ Института для разслѣдованія различныхъ вопросовъ, и г) отчеты о командировкахъ членовъ совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ Институтѣ.—III. Нѣкоторые изъ журналовъ засѣданій сельскохозяйственнаго комитета, состоящаго при Институтѣ, а именно тѣ, которые имѣютъ особенное значеніе для учебной и ученой дѣятельности Института.—IV. Годичный отчетъ о состояніи Института.—V. Каталоги и описанія библіотеки, разнообразныхъ коллекцій и учебныхъ пособій, находящихся при Институтѣ.

Неофициальный отдѣлъ. I. Труды профессоровъ, преподавателей, ассистентовъ, студентовъ Института и постороннихъ лицъ, а именно: а) естественно-историческіе, и б) статистико-экономическіе (преимущественно касающіеся изученія русскаго народнаго хозяйства). Сюда входятъ какъ отдѣльныя самостоятельныя изслѣдованія, такъ и совмѣстныя работы, исполненныя въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, на опытномъ полѣ, или на предполагаемой опытной станціи, пасѣкѣ, въ лѣсной дачѣ, огородѣ, питомникѣ и пр.—II. Критическія и библиографическія статьи о выдающихся произведеніяхъ народнохозяйственной и естественноисторической литературы.—III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя на обсерваторіи Института

Работы могутъ сопровождаться рисунками, таблицами, чертежами, диаграммами и пр. и, до желанія автора, краткимъ резюме на какомъ-либо иностранномъ языкѣ (резюме должно быть составлено самимъ авторомъ и прислано въ редакцію одновременно со статьею). Оглавленія каждой книги „Извѣстій“, кромѣ русскаго языка, печатается еще на французскомъ языкѣ.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйствен. Института и въ книжн. магаз. Карбасникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна въ годъ, за четыре книги, 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній 2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.; отдѣльные отъ статьи статей естественноисторическихъ и статистикоэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами наложеннымъ платежомъ по разчету 20 коп. за листъ.

Редакторы: С. И. Ростовцевъ.
 Д. Н. Прянишниковъ.

Открыта подписка на 1900 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

Еженедѣльное изданіе,

необходимое книгопродавцамъ, издателямъ, бібліотекамъ, учебнымъ заведеніямъ, редакціямъ разныхъ изданій и читающей публикѣ.

ПРОГРАММА:

1. Извѣстія о новыхъ изданіяхъ: вышедшихъ въ свѣтъ, печатающихся и подготавливаемыхъ къ печати.
2. Критика и бібліографія.
3. Корреспонденціи русскія и заграничныя.
4. Разнаго рода статьи, касающіяся издательскаго и книжнаго дѣла. Дѣятельность общества книгопродавцевъ въ Россіи и за границей, а также отдѣльныхъ фирмъ и лицъ.
5. Справочный отдѣлъ. Вопросы и отвѣты. Предложеніе и спросъ. Торговля операціи. Разнаго рода полезныя свѣдѣнія по книжному дѣлу и проч.
6. Правительственныя распоряженія.
7. Объявленія въ текстъ и въ видѣ особыхъ платныхъ приложений. Въ текстъ рисунки и чертежи.
8. Безплатныя приложенія — по мѣрѣ накопленія матеріала: а) для всѣхъ подписчиковъ: каталоги и оглавленія всякаго рода новыхъ изданій, печатные и др. образцы разныхъ изданій, справочныя свѣдѣнія, сборники адресовъ торговыхъ фирмъ и т. п.
б) Для однихъ только книгопродавцевъ — „Справочный листокъ“, служащій для взаимнаго обмѣна торговыхъ и другихъ свѣдѣній между издателями и книгопродавцами, а также для разсмотрѣнія профессиональныхъ дѣлъ, касающихся тѣхъ и другихъ.

Изданіе организовано при участіи „Товарищества“, въ составъ котораго вошли слѣдующіе книгопродавцы:

К. А. Казначеевъ, Т-во И. Д. Сытинъ, Ф. И. Тастевенъ (фирма Готье), А. Д. Ступинъ, М. Д. Наумовъ, Ф. В. Бусыгинъ, А. Ф. Скоровъ, А. А. Лангъ, Г. Э. Кѣстрингъ (фирма Деибнеръ), Д. В. Байковъ, А. Я. Панафидинъ, И. К. Голубевъ, М. В. Клюкинъ, I. Н. Кнебель (фирма Гросманъ и Кнебель) и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 3 р. въ годъ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Редакторъ-издатель К. А. Казначеевъ.

ОТКРЫТА ПОДПСКА

НА

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1900 года

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Твореній Святаго Василія Великаго,
АРХІЕПИСКОПА КЕССАРИ НАППАДОКІЙСКОЙ.

Богословскій Вѣстникъ издается Московской Духовной Академіей ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ. Въ 1900 году въ журналъ будутъ помѣщаться переводы святоотеческихъ твореній (толкованіе Св. Кирилла Александрійскаго на Евангеліе отъ Іоанна и сочиненія Св. Никифора Исповѣдника въ защиту иконопочитанія); изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ болшей своей массѣ труды профессоровъ Академіи; обзорнія современныхъ событий изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, критика и библиографія. Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ продолжаться печатаніемъ автобиографическія записки Высокопреосв. Саввы, Архіеп. Тверскаго, и протоколы Совѣта Академіи. Въ частности для научнаго отдѣла журнала въ распоряженіи редакціи, между другими матеріалами, имѣются полный курсъ лекцій по каноническому праву профессора Императорскаго Московскаго Университета А. С. Павлова († 1898), который (курсъ) въ видѣ отдѣльныхъ, законченныхъ статей и будетъ напечатанъ въ теченіе 1900 года, и лекціи по пасторскому богословію покойнаго Высокопреосв. Сергія, Митрополита Московскаго, значительная часть которыхъ, касающаяся разныхъ сторонъ пастырскаго служенія, также войдетъ въ составъ научнаго отдѣла журнала въ 1900 году.

Въ качествѣ особаго приложенія къ журналу въсѣмъ подписчикамъ Богословскаго Вѣстника, по дѣ условіемъ доплаты одного рубля къ подписной цѣнѣ журнала, будутъ даны

третій и четвертый томы твореній Св. Василія Великаго, Архіепископа Кессаріи Наппадокійской.

Прим. Новые подписчики на Богословскій Вѣстникъ 1900 года, не имѣющіе первыхъ двухъ томовъ твореній Св. Василія Великаго, могутъ приобрѣтать ихъ изъ редакціи также за уменьшенную цѣну, именно, рубль пятьдесятъ (1 р. 50 к.) за оба тома (вмѣсто 2 р. 40 к. въ отдѣльной продажѣ).

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ: съ приложеніемъ твореній Св. Василія Великаго: восемь рублей съ пересылкой внутри Россіи, девять рублей за границу.

Безъ приложенія твореній Св. Василія Великаго: семь рублей внутри Россіи, восемь рублей за границу.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, редакціи Богословскаго Вѣстника.

Подписчики на журналъ съ приложеніемъ 3-го и 4-го тома твореній Василія Великаго 3-й томъ получаютъ съ первой книжкой журнала, а 4-й томъ—при іюльской книжкѣ.

Редакторъ э.-орд. профессоръ **Ан. Спасскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

Архитектуры и Художественной Промышленности:

АРХИТЕКТУРНЫЕ МОТИВЫ,

издаваемый при содѣйствіи и участіи гг.

проф. архитектуры К. М. Быковского и Н. В. Султанова, архитекторовъ: П. С. Бойцова, В. Валькотъ, Л. О. Васильева, А. Е. Веберъ, М. К. Гелпнеръ, Л. Н. Кекушева, Р. И. Клейнъ, В. А. Мазырина, И. П. Машкова, С. У. Соловьева, Ф. О. Шехтель, А. Э. Эриксонъ, В. Ф. Харламова и другихъ.

Кромѣ художественно-исполненныхъ рисунковъ и чертежей по архитектурѣ и художественной промышленности, „Архитектурные Мотивы“ будутъ содержать: 1) описанія этихъ рисунковъ, 2) свѣдѣнія о новыхъ и предполагаемыхъ художественныхъ и архитектурныхъ работахъ и постройкахъ, ихъ хроника, описаніе и оцѣнка, 3) обзоръ образцовъ современнаго и классическаго зодчества у насъ и за границей, 4) рефераты и научныя статьи, имѣющія связь съ архитектурой, 5) библиографію; біографіи и некрологи дѣятелей по интересующимъ насъ отраслямъ; вѣсти, слухи, смѣсь, справки и почтовый ящикъ въ предѣлахъ вышеприведенной программы.

Подписная цѣна на 1 серію (4 выпуск.)	5 р. съ пересылкою.
„ 2 серіи (8 „)	9 „ „ „
„ 3 „ (12 „)	13 „ „ „
„ 4 „ (16 „)	16 „ „ „

При подпискѣ въ редакціи допускается разсрочка.

Въ конторѣ изданій продаются:

Отдѣльный выпускъ „Конкурсные проекты на фасадъ гостиницы Метрополь“, цѣна 2 р. 50 к. въ обложкѣ и 3 р. въ переплетѣ. Гг. подписчики на журналъ пользуются скидкой 50 коп.

„Спутникъ Зодчаго по Москвѣ“ (изд. 1895 г.) въ переплетѣ по 75 к. экземпляръ, съ перес. 1 руб.

Редакторъ-издатель В. Бернеръ.

Тетради параллельнаго изданія:

Архитектурные Мотивы.

Современная архитектура. ◻ Классическая архитектура. ◻ Русская архитектура.

ВЪ 10 ЛИСТОВЪ КАЖДАЯ.

По 1 руб. 75 коп. съ пересылкою.

Открыта на 1900 годъ подписка на

„КАЗБЕКЪ“.

(V годъ изданія). Ежедневное изданіе.

Газета посвященная нуждамъ Кавказа. Въ 1900 г., при полученіи новой большой типографской машины, форматъ будетъ увеличенъ до размѣровъ большихъ столичныхъ газетъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная плата для городскихъ подписчиковъ: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп.

Для иногороднихъ: на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля. Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 15 к., послѣ текста 8 коп.

Подписка принимается во Владикавказѣ, въ Главной Конторѣ.

Новые подписчики на 1900 годъ будутъ получать газету въ теченіи 1899 году, со дня подписки, бесплатно.

Вниманію областныхъ подписчиковъ.

Редакція считаетъ нужнымъ обратить вниманіе областныхъ читателей на льготныя условія выписки газеты „Казбекъ“, установленныя для Терской области.

Желающіе получать газету благоволятъ заявить о томъ главной конторѣ, препроводивъ два рубля.

При условіи дальнѣйшей аккуратной уплаты по одному рублю въ мѣсяць, до полного погашенія подписной суммы, газета будетъ высылаться въ теченіи года.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ XIX.

1900 г.

РЕБУСЪ,

знакомящій читателей съ современною научною разработкой вопросовъ психической области, какъ-то:

МЕДИУМИЗМА (спиритизма), животного магнетизма, **ГИПНОТИЗМА,**

ясновидѣнія, двойного зрѣнія, мысленнаго внушенія, видѣнія призраковъ: призрачныхъ, присмертныхъ, посмертныхъ и т. п. На страницахъ журнала помѣщаются описанія сеансовъ извѣстныхъ медиумовъ въ Россіи и за границу.

Статья **АСТРОЛОГИИ**, знакомящая съ этой наукой и теоретически, и по **ОКУЛЬТИЗМУ**, заключающія въ себѣ ученіе древнихъ и новѣйшихъ оккультистовъ. Беллетристика: романы, повѣсти и рассказы.

Годъ, съ дост. 5 руб., безъ дост. 4 руб.
Полгода „ 3 „ „ „ 2 „

Разсрочка: при подпискѣ 2 руб., 1-го апрѣля, 1-го іюля и 1-го октяб. по 1 руб.

Адресъ: Царское село (Петербургской губ.), редакція журнала „РЕБУСЪ“.

Открыта подписка на 1900 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ

Годъ изданія
21-й.

ИГРУШЕЧКА

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

„Игрушечка“, вступая въ двадцатый первый годъ изданія, будетъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и художниковъ.

Въ „Игрушечкѣ“ помѣщаются статьи научнаго содержанія изъ жизни природы, историческіе очерки, біографіи, путешествія, повѣсти и рассказы оригинальные и переводные, стихотворенія, сказки, описаніе ремесль и проч. Въ журналѣ помѣщаются также рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ. Редакція журнала „Игрушечка“ съ 1897 года, не увеличивая платы на журналъ, даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатнаго приложенія шесть иллюстрированныхъ томиковъ, подъ общимъ названіемъ „Библиотечка Игрушечка“. Первые шесть томиковъ: Томъ I. Вода. II. Воздухъ. III. Огонь. IV. Небо. V. Земля. VI. Невидимый міръ, составлены проф. Ю. Н. Вагнеромъ. Въ 1898 г. подписчики получили Т. VII. Растенія. Проф. Ю. Н. Вагнера. VIII. Животныя. Его же. IX. Древній человѣкъ. Д. А. Корончевскаго. X. Дикій человѣкъ. Его же. XI. Стекло. Е. И. Чицова. XII. Желѣзо. Его же. Въ 1899 году Т. XIII. Въ царствѣ холода. Д. А. Корончевскаго. XIV. Родной край. М. О. Орлова. XV. Въ горахъ. Ю. Н. Вагнера. XVI. Лазурное море. Его же. XVII. Въ пустыни. М. О. Орлова. XVIII. Въ царствѣ солнца. Е. И. Чицова.

Каждые шесть томиковъ въ роскошномъ переплетѣ и футлярѣ стоятъ 3 р. безъ переплета 2 руб. 18 томиковъ вмѣстѣ въ переплетахъ и футлярѣ съ пересылкою 9 руб., безъ переплета съ пересылкою 6 руб. „Библиотечка Игрушечка“ 1900 года будетъ посвящена людямъ сильной воли и труда.

При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ **ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ**

Годъ XI.

ДЛЯ МАЛЮТОКЪ.

(До 8-ми лѣтняго
возраста).

Задача этого отдѣла — дать дѣтямъ занимательное чтеніе. Статьи печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. Особой подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ.

Подписчики „Игрушечки“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, кромѣ шести книжечекъ, получаютъ еще особое приложеніе, приуроченное къ этому возрасту.

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. въ Россіи:

„Игрушечка“ съ шестью томиками „Библиотечка Игрушечка“ 3 р., за границу 5 р. „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“ и двумя преміями 5 р., за гран. 7 р. „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 5 р., за гран. 7 р. „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, 2-мя преміями и педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 7 р., за границу 9 р.
„На помощь матерямъ“ отдѣльно 3 р. и 5 р. за гран.

3 р. VII г.

Открыта подписка на 1900 годъ

VII г. 3 р.

на педагогическое изд., посвященное вопросамъ воспитанія и самообразованія

НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ.

Вступая въ 7-й годъ изданія, мы будемъ пользоваться сотрудничествомъ тѣхъ же лицъ, которыя въ продолженіе шести лѣтъ способствовали успѣху этого изданія. Наша главная задача — помочь женщинамъ-матери разобраться въ вопросахъ, которые ежедневно предъявляетъ ей жизнь.

Программа изданій слѣдующая:—1) Гигіена беременности.—2) Уходъ за новорожденными.—3) Физическое и нравственное воспитаніе дѣтей.—4) Статьи по психологіи, гигиенѣ и популярно-медицинскія.—5) Обучение отстающихъ дѣтей.—6) Ручной трудъ. Различныя отрасли искусства и хозяйства.—7) Обзоръ новыхъ книгъ; извлеченіе изъ педагогическихъ и общихъ журналовъ, относящихся не только къ воспитанію дѣтей, но и къ самообразованію; дѣятельность педагогическихъ и другихъ обществъ, родительскихъ кружковъ, дѣтскихъ садовъ, пріютовъ, яслей у насъ и за границей.—8) Гигіеническая одежда женщинъ и дѣтей.—9) Этика развлеченій.—10) Совѣты по подготовкѣ дѣтей въ учебныя заведенія.—11) Разныя виды женскаго спорта.—12) Полезныя совѣты.—13) Смѣсь.—14) Объявленія. Желая придти на помощь родителямъ и воспитателямъ, живущимъ въ провинціи, редакция съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ ихъ запросы. Изданіе „На помощь матерямъ“ выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ).

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. 3 р. За границу 5 р.

Подписчики журнала „Игрушечка“ получаютъ изданіе „На помощь матерямъ“ за два рубля.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи „Игрушечка“ и педагогическаго изданія „На помощь матерямъ“; Гончарная, 10, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ Новое Время, Карбасникова и въ конторѣ г-жи Печковской (Петровскія линія). Гг. иногороднихъ подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору: С.-Петербургъ, Гончарная, д. 10, кв. 1. Редакторъ-издательница А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 Г.

Съ 1-го октября 1899 года начался третій годъ изданія

ежемесячнаго иллюстрированнаго журнала

„КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ ИЗВѢСТІЯ

ПО ЛИТЕРАТУРѢ, НАУКАМЪ И БИБЛЮГРАФІИ“.

Назначеніе журнала—дать читающей публикѣ возможность своевременно слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ области литературы, наукъ и библиографіи у насъ въ Россіи и за границею. Въ этихъ видахъ журналъ „книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ извѣстія по литературѣ, наукамъ и библиографіи“ помѣщаетъ иллюстрированныя статьи и замѣтки по вопросамъ изъ указанной области; критическіе отзывы о наиболѣе выдающихся новыхъ сочиненіяхъ, списки новыхъ книгъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статей, русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія о подготавливаемыхъ къ печати новыхъ изданіяхъ и пр. Особый отдѣлъ журнала посвященъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журналу **1 р.**; изданіе на вѣсъ **2 р.** съ доставкою и пересылкою

Объявленія для помѣщенія въ „ИЗВѢСТІЯХЪ“ принимаются съ платою по 25 к. за мѣсто, занимаемое одною строкою нонпарели въ $\frac{1}{3}$ ширины страницы.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ,

С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 16-я линія, д. 5—7.

Съ 1-го ноября въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться популярный журналъ

„ЗДОРОВЬЕ“

24 №№ въ годъ со многими бесплатными приложениями и преміями.

Названіе журнала „Здоровье“ есть въ то же время его программа. Журналъ „Здоровье“ предназначенъ для интеллигентной публики и будетъ посвященъ всѣмъ вопросамъ, касающимся здоровья человѣка, сохраненія и укрѣпленія его, а также предупрежденія и лѣченія болѣзней домашними средствами.

Кромѣ очередныхъ №№ журнала, подписчики „Здоровья“ получаютъ еще слѣдующія бесплатныя приложения и преміи:

12 приложений: „*Домашній врачъ*“. Ежемѣсячно-популярная брошюра съ описаніемъ какой-нибудь болѣзни, изъ наиболѣе распространенныхъ, и съ указаніемъ способовъ домашняго лѣченія.

12 приложений: „*Сезонный листокъ Здоровья*“. Ежемѣсячные листки съ популярными гигиеническими и медицинскими совѣтами, рецептами и наставленіями, примѣнимыми въ домашнемъ быту.

Популярный гигиеническій семейный календарь „Жизнь и здоровье“ на 1900 годъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой и со всѣми приложениями и преміями:

4 р. въ годъ, 2 р. въ полгода и 1 р. въ $\frac{1}{4}$ года.

Адресъ: С.-Петербургъ, редакція журнала „Здоровье“.

Отдѣленіе для городскихъ подписчиковъ: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 38, при типографіи П. Лобанова.

Журналъ „Здоровье“ можетъ быть высланъ желающимъ и наложеннымъ платежомъ.

На № 1 накладывается платежъ въ размѣрѣ подписной цѣны съ прибавленіемъ 25 к. почтовыхъ расходовъ, а слѣдующіе №№ высылаются по полученіи денегъ обыкновеннымъ порядкомъ. Лица, желающія подписаться такимъ образомъ, благоволятъ увѣдомить о томъ редакцію простымъ, даже открытымъ письмомъ.

№ 1-й журнала „Здоровье“ вышелъ 1-го ноября.

Извѣстія Южно-Русскаго Общества Акклиматизаціи ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходятъ ежемѣсячно книжками до 5 листовъ. Программа извѣстій: 1. Мѣропріятія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій по растеніеводству и животноводству. 2. Открытія и изобрѣтенія въ области растеніеводства и животноводства. 3. Монографіи и замѣтки по растеніеводству и животноводству. 4. Корреспонденціи. 5. Библиографія книгъ и повременныхъ изданій по растеніеводству и животноводству. 6. Журналы засѣданій Южно-Русскаго Общества Акклиматизаціи и его отдѣловъ и доклады, сдѣланные въ нихъ. 7. Справочный отдѣлъ и объявленія. Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены статьи: А. Ф. Брандта, проф. Т. Буткевича, проф. А. Н. Краснова, проф. А. П. Остапенко, проф. Л. О. Павловича, Н. И. Кичунова (садоводство), И. И. Каразина (садоводство), В. Козубова (садоводство), А. М. Кириллова (пчеловодство), М. А. Зарембы (рыбоводство), В. Н. Родзянко (энтомологія), С. А. Чернышева, К. И. Юницкаго и др. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой—3 руб.; для членовъ Южно-Русскаго Общества Акклиматизаціи: 1 руб. 50 коп. Адресъ редакціи и конторы: Харьковъ, Университетская горка, контора Н. В. Петрова.

Редакторъ Н. В. Петровъ.

Открыта подписка на 1900 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„ВОЛЫНЬ“.

Подписная цѣна:

на 12 мѣс.	6 руб.	на 3 мѣс.	1 р. 50 к.
„ 6 „	3 „	„ 2 „	1 „ 10 „
„ 4 „	2 „	помѣсячно	— „ 60 „

Розничная продажа №№ по 5 коп.

Подписка принимается:

въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Большой Бердической улицѣ, въ Архіерейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ главной конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 часовъ утра до 6 часовъ вечера.

Редакторъ-издатель Г. И. Коровицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 Г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

КУРСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Неофициальная часть „Губернскихъ Вѣдомостей“ издается по слѣдующей программѣ: I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Ученно-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія. Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленія къ №№ „Вѣдомостей“, даются телеграммы, получаемыя отъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Годовая цѣна на ежедневную неофициальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ официальной частью и приложениями шесть руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкой на домъ. Обязательные подписчики, уплатившіе за официальную часть 3 р.,—за неофициальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ. Лица, желающія получить одну только неофициальную часть, уплачиваютъ съ доставкой и пересылкою: за годъ—четыре рубля; за полгода—два рубля пятьдесятъ копеекъ; за три мѣсяца одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ. Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при Губернскомъ Правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переплетенко, Г. В. Гаврилова (Кашкина) и С. А. Третьякова. Объявленія для напечатанія въ газетѣ, принимаются въ типографіи Губернскаго Правленія, цѣны на которыя понижены.

За редактора С. П. Корниловъ.

XXXII. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДВА ЖУРНАЛА XXXII.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

и ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

на 1900 годъ.

Въ журналъ „Дѣтское Чтеніе“ помѣщаются: а) повѣсти, рассказы и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природой и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки, игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарady и пр.

„Педагогическій Листокъ“ въ 1900 г. будетъ выходить восемь разъ въ годъ (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ) книжками отъ 6-ти до 8 листовъ. Разрѣшенъ къ выпискѣ въ учительскія бібліотеки (1896 г.).

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ будутъ печататься статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школахъ и дома, по гигиенѣ домашней и школьной, законовѣдѣнію, очерки по всемірной литературѣ, общей географіи и общественно-школьнымъ вопросамъ, а также будутъ помѣщаться кромѣ статей спеціально-педагогическаго характера и статьи общенаучныя для самообразованія учителя, періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащей въ себѣ краткое изложеніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебныхъ руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналъ „Дѣтское Чтеніе“ и въ „Педагогическомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Альбовъ М. Н.—Баранцевичъ К. С.—Вагнеръ В. А.—Глинскій В. Б.—Гольцевъ В. А.—Дружининъ Н. П.—Засодимскій П. В.—Ивановъ И. И.—Коропчевскій Д. А.—Маминъ-Сибирякъ Д. Н.—Мачетъ Г. А.—Мордовцевъ Д. Л.—Новѣжнъ П. М.—Немировичъ-Данченко Вас. Ив.—Острогорскій В. П.—Потапенко И. Н.—Ремезовъ М. Н.—Рубакинъ Н. А.—Сергѣенко П. А.—Скабичевскій А. М.—Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Станюковичъ К. М.—Тихомировъ Дм. Ив.—Тихомировъ Е. И.—Чеховъ А. П.—Эварницкій Д. И.—Федоровъ-Давыдовъ А. А. Въ художественномъ отдѣлѣ: Андреевъ В. И.—Бондаренко Ѳ. Ѳ.—Чичаговъ К. И. и др.

Въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ въ 1900 г. среди другихъ произведеній будутъ напечатаны: 1) Большая повѣсть Вас. Ив. Немировича-Данченка; 2) рассказы Д. Н. Маминна-Сибиряка, К. М. Станюковича, К. С. Баранцевича, И. Н. Потапенка, М. Н. Альбова; 3) Историко-біографическіе и литературно-культурные очерки Ив. Ив. Иванова, Д. А. Коропчевскаго, Б. Б. Глинскаго; 4) Д. И. Эварницкаго: „изъ исторіи Запорожской сѣчи“.

Подписная цѣна: „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“—безъ доставки на 1 годъ 5 руб.; съ доставкой и пересылкой на 1 годъ 6 рублей; безъ доставки на $\frac{1}{2}$ года 3 р.; съ доставкой и пересылкой на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.; безъ доставки на $\frac{1}{4}$ года 1 руб. 50 к.; съ дост. и перес. на $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 50 к.

„Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“ безъ доставки на 1 г. 4 р. 50 к.; съ доставкой и пересылкой на 1 годъ 5 руб.; безъ доставки на $\frac{1}{2}$ года 2 руб. 25 коп.; съ доставкой на $\frac{1}{2}$ года 2 руб. 50 коп.; безъ доставки на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 15 к.; съ доставкой и пересылкой на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к.

„Педагогическій Листокъ“ безъ „Дѣтскаго Чтенія“—безъ доставки на 1 годъ 1 руб. 50 коп.; съ доставкой и пересылкой на 1 годъ 2 руб.; безъ доставки на $\frac{1}{2}$ года 1 руб.; съ доставкой и пересылкой на $\frac{1}{2}$ года 1 руб.

За границу на „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ 8 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, домъ № 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцы пользуются уступкой 30 к. съ экземпляра.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Открыта подписка на 1900 годъ

НА

„ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“.

Журналъ сельскохозяйственный и экономическій.

„Труды И. В. Э. Общества“ въ 1900 году издаются подъ редакцію секретаря Общества и выходятъ 6 разъ въ годъ, книжками не мене 10 печатныхъ листовъ въ каждой (не считая приложений“). „Труды“ заключаютъ въ себѣ полныя свѣдѣнія о дѣятельности И. В. Э. Общества и обзоры экономической жизни и литературы. Въ составъ ихъ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1. Журналы Общихъ Собраній, Отдѣленій и Комиссій, состоящихъ при Обществѣ.

2. Доклады, а также статьи, служащія матеріалами для докладовъ, какъ въ Общихъ Собраніяхъ, такъ и въ Отдѣленіяхъ и Комиссіяхъ, касающіеся: сельскаго хозяйства (I Отдѣленіе Общества), техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ и сельскохозяйственной механики (II Отдѣленіе Общества) и сельскохозяйственной статистики и политической экономіи (III Отдѣленіе Общества).

3. Обзоры сельскохозяйственной и экономической жизни Россіи и другихъ странъ. Обзоры дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ, земствъ и другихъ учреждений въ области, входящей въ кругъ занятій И. В. Э. Общества.

4. Обзоры русской и иностранной литературы по всѣмъ предметамъ вѣдѣнія И. В. Э. Общества. Критика и библіографія.

Въ приложеніяхъ къ журналу помѣщаются: годовой отчетъ секретаря И. В. Э. Общества, систематическій каталогъ книгъ, поступающихъ въ бібліотеку Общества, и стенографическіе отчеты преній въ Общемъ Собраніи и Отдѣленіяхъ Общества по вопросамъ, представляющимъ наибольшій общественный интересъ.

Подписная цѣна за 6 книгъ „Трудовъ“ со всѣми приложеніями 3 рубля, съ доставкою и пересылкою.

Подписчики „Трудовъ“, желающіе получать „Русскій Пчеловодный Листокъ“, издаваемый И. В. Э. Обществомъ, доплачиваютъ 1 р. 50 к. вмѣсто 2 руб., уплачиваемыхъ отдѣльными подписчиками „Пчеловоднаго Листка“.

Подписка принимается по слѣдующему адресу: Въ редакцію „Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“, С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, № 33.

ОТКРЫТА на 1900 годъ ПОДПИСКА

на большую ЕЖЕДНЕВНУЮ (360 полныхъ выпусковъ въ годъ) политико-общественную, литературную и биржевую газету

ВОЛГАРЬ

органъ Поволжья и Нижегородскаго края.

Газета „ВОЛГАРЬ“, а прежде „Нижегородскій Биржевой Листокъ“, вступаетъ въ 1900 году въ двадцать шестой годъ своего существованія въ Ниж.-Новгородѣ. Въ 1900 г. въ первый разъ редація предполагаетъ дать подписчикамъ нѣсколько безплатныхъ литературныхъ приложений, а также имѣть въ виду широко воспользоваться своимъ правомъ—помѣщать въ газетѣ

иллюстраціи къ выдающимся событіямъ русской жизни.

Слѣдуя неуклонно по пути постояннаго развитія дѣла, редація въ истекшемъ 1899 году значительно увеличила сѣть корреспондентскихъ сообщений и другихъ свѣдѣній о жизни Поволжья. Отдѣлъ навигаціонныхъ извѣстій и о происшествіяхъ по рѣчному судоходству составлялся наполовину по телеграфнымъ свѣдѣніямъ, вслѣдствіе этого освѣдомленность читателя обо всемъ выдающемся въ судоходной жизни Поволжскаго края была быстра и полная. Отдѣлъ корреспондентскихъ сообщений въ 1899 году представлялъ изъ себя довольно полную картину общественной жизни края и далъ освѣщеніе многихъ ея сторонъ; въ будущемъ году на развитіе этого отдѣла будетъ обращено еще большее вниманіе. Въ 1899 г. газета „ВОЛГАРЬ“, наравнѣ съ большими, ежедневными, провинціальными изданіями, имѣла возможность получать непосредственно всѣ тѣ телеграфныя сообщенія „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, полнотой которыхъ рассылаются столичнымъ газетамъ. Благодаря этому, читатель „ВОЛГАРЯ“ могъ слѣдить за внутренней и иностранной жизнью такъ же по провинціальной газетѣ, какъ и по столичной.

„ВОЛГАРЬ“, представляя изъ себя большую ежедневную политико-общественную и литературную газету и давая своимъ читателямъ разнообразный матеріалъ для чтенія: руководящія статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и заграничной жизни, журнальную критику, статьи и извѣстія по вопросамъ общественнымъ и промышленнымъ, изъ жизни Поволжья, Прикамья, Вятскаго края, въ 1900 году обратитъ также вниманіе на извѣстія справочнаго характера: торговыя корреспонденціи и др., необходимыя для поволжскаго обывателя.

Подписная цѣна для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою:

на 12 м. 8 р., 11—7 р. 50 к., 10—7 р., 9—6 р. 25 к., 8—5 р. 75 к., 7—5 р. 25 к., 6 м.—5 р., 5—4 р. 25 к., 4—3 р. 25 к., 3—2 р. 50 к., 2—1 р. 75 к., 1—1 р.

На время Нижегородской ярмарки

(съ 15 іюля по 10 сентября).

Иногороднымъ съ пересылкою 3 р. Тарифъ объявленій: на 1 страницѣ 30 коп. строка, на 4 страницѣ 10 к. Всѣ новые годовые подписчики на 1900 годъ получаютъ „ВОЛГАРЬ“ теперь же, со дня сдѣланной подписки БЕЗПЛАТНО до конца 1899 года.

Редація и Главная Контора „ВОЛГАРЯ“ въ Н.-Новгородѣ, М. Покровская ул.

Кромѣ того, ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются: въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій Торгов. Дома Л. и Э. Метцль, на Большой Морской; въ магазинѣ „Новаго Времена“; въ конторѣ объявленій „St.-Petersbourger Néroid“, на Вознесенскомъ проспектѣ; въ Москвѣ, въ конторахъ объявленій: Торгов. Дома бр. Л. и Э. Метцль и К^о, Шаберта, Печковской, Ремязова, Гольдина, Гиляровскаго и другихъ; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Унгеръ; въ городахъ Поволжья, у агентоу „Волгаря“.

Редакторъ-издатель Сергій Жуковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый общедоступный иллюстрированный журналъ

1-й №
вышелъ**НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ**5 ноября
1899 года.*подъ редакціей:*

проф. Н. И. Быстрова (дѣтскія болѣзни). проф. В. П. Доброклонскаго (внутр. бол.), проф. С. I. Залѣскаго (физиолог. гигиена, химія и ученіе о минер. водахъ), проф. А. К. Лимберга (зубн. бол.), проф. Е. В. Павлова (хирург. бол.)-проф. А. Б. Пеля (дѣйствит. лѣкарствъ; учен. о ядахъ), проф. А. Г. Полотебнова (кожн. и венерич. бол.), лейбъ-окулиста Н. И. Тихомірова (глазн. бол.) и проф. В. Ф. Чижа (нервн. и душевн. бол.).

НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ будетъ доставлять простыя, ясныя и научно-провѣренныя свѣдѣнія о томъ, какъ сохранять здоровье взрослыхъ и дѣтей, какъ слѣдить за ходомъ болѣзни и сознательно исполнять предписанія врача, какъ до прибытія врача подавать первую помощь, какъ устраивать гигиеническія и дешевыя жилища, какъ и чѣмъ питаться, какъ одѣваться,—словомъ, какъ устроить жизненную обстановку для того чтобы возможно болѣе продлить жизнь и, въ особенности, ея рабочій періодъ.

НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ будетъ неутомимо бороться со всеми общественными бѣдствіями, какъ голодъ, эпидеміи, пьянство, человѣческая хилость и всякія фальсификаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ

НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ будетъ разбирать вопросы нормальнаго развитія человѣка, вопросы разумной трудовой помощи, народной медицины, воспитанія и образованія въ ихъ непосредственной связи съ личнымъ здоровьемъ каждаго человѣка.

Особое вниманіе будетъ обращено на отдѣлъ „Почтовый ящикъ“: на каждое письмо подписчика послѣдуетъ точный и строго провѣренный отвѣтъ.

Кромѣ еженедѣльнаго журнала подписчики на „Народное Здравіе“ получаютъ еще 24 книжки приложеній „Библиотеки Народнаго Здравія“.

Редакція считаетъ своимъ долгомъ объявить порядокъ приложеній заранѣе:

Д-ръ П. О. Желѣзновъ, „Гигиеническая одежда“. Проф. Гаммондъ, „Гигиена сна“. Проф. Кюстнеръ, ч. I. „Женскія болѣзни“. Проф. Монти, „Гигиена новорожденнаго“. С. К. Шароновъ, „Дешевое устройство гигиеническихъ домовъ и квартиръ“. Проф. Вольцендорфъ, „Малая хирургія“. Д-ръ И. А. Мурзинъ, „Кавказскія группы минеральныхъ водъ“. Д-ръ П. К. Авиновъ, „Среднероссійскіе курорты“. Проф. Артонъ, „Лѣченіе воздухомъ и солнцемъ“. Проф. Штанге, „Лѣченіе молокомъ, кумысомъ и кефиромъ“. Проф. Гляксъ, „Лѣченіе водой“. В. А. Сумцовъ, „Гигиеническое изготовленіе консервовъ и кондитерскихъ издѣлій“. Проф. Гиртль, „Общедоступная анатомія“, ч. I. Проф. Фостеръ, „Общедоступная анатомія“, ч. II. Проф. Гиртль, „Общедоступная анатомія“, ч. I. Проф. Фостеръ, „Общедоступная анатомія“, ч. II. Проф. Монти, „Дѣтскія болѣзни“. Д-ръ П. П. Орловъ, „Южный берегъ Крыма, Ницца, Меравъ“. Проф. Говиць, „Причины женскихъ болѣзней и ихъ устраненіе“. Проф. Вольфъ, „Венерическія болѣзни“. Проф. Шарко, „Нервные болѣзни“. В. А. Сумцовъ, „Гигиеническая поваренная книга“. Проф. Цимеенъ, „Заразныя болѣзни“. Проф. Крафтъ Эбингъ, „Болѣзни воли“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 1 годъ 4 р., 1/2 года 2 р. 25 к., 1/4 года 1 р. 25 к. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р. и къ 1-му іюля 1 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ газеты „Свѣтъ“, Невскій пр., д. № 136 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Отв. редакторъ-издатель Д-ръ Мед. В. Н. Раммъ.

Открыта подписка на 1900 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

Вопросы нервно-психической медицины,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

профессора университета св. Владиміра И. А. СИКОРСКАГО
въ Кіевѣ.

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своей задачей—помимо специальныхъ исследований по психіатріи и нервной патологии—содействовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологии. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскихъ специальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологіей.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологіи представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержатъ въ себѣ вопросы этиологии и патологии болѣзней; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также терапіи нервныхъ болѣзней и нервно-психической гигиенѣ, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но независимо отъ того для успѣшнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, въ январской книжкѣ каждого года будетъ помѣщаемъ отчетъ объ успѣхахъ нервно-психической медицины и сопредѣльныхъ знаній за истекшій годъ. Отчетъ этотъ — въ критико-библіографической формѣ — будетъ содержать систематическое обзорнѣе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеніемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжками каждыя три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологии, а также по вопросамъ анатоміи, физиологіи, гигиены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ.

2) Критика и библіографія по тѣмъ же вопросамъ.

3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній идиотовъ и исправительныхъ заведеній.

4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предыдущихъ отдѣловъ.

Статьи для журнала присылаются редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б.-Подвальная, 15).

Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печат. листъ.

Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ оттисковъ. Оприсланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 р.

Лица, подписывающіяся на 4-й и 5-й годъ журнала платятъ 10 руб., на 1-й 2-й, 3-й, 4-й и 5-й года 20 руб.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Кіевъ, Б.-Подвальная, № 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина, Югансона и Розова въ Кіевѣ, а также въ нижнемъ магазинѣ Карла Риккера въ С.-Петербургѣ (Невскій, 14).

РИЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ

въ предстоящемъ 1900 году вступать въ XXXII-й годъ своего существованія. „Рижскій Вѣстникъ“, органъ русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, разсматриваетъ явленія мѣстной жизни съ русской государственной точки зрѣнія, стараясь содѣйствовать всестороннему объединенію Балтійской окраины съ Имперією. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, вечеромъ.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

Безъ пересылки и доставки: на годъ—6 р., на $\frac{1}{2}$ года—3 р., на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 50 к., на 1 мѣсяць—75 к. Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ: на годъ—8 р., на $\frac{1}{2}$ года—4 р., на $\frac{1}{4}$ года—2 р. на 1 мѣсяць—1 р.

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкой на годъ ПЯТЬ руб. и на полгода ТРИ руб.

За границу на годъ—14 руб., на полгода—7 руб., 3 мѣсяца—3 р. 50 к., 1 мѣсяць—1 руб. 75 коп.

П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я

въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу Большой и Малой Грѣшной ул., д. Лифшица, № 27/2.

Редакторъ *Л. Н. Витовскій.*

В Р А Ч Ъ,

газета, посвященная всемъ вопросамъ врачебной науки (клиники и гигиены) и врачебнаго быта, будетъ выходить и въ 1900 году по той же программѣ и подъ тою же редакцію, что и въ первыя 20 лѣтъ своего существованія.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за годъ 9 р., за $\frac{1}{2}$ года 4 р. 50 к. и за $\frac{1}{4}$ года 2 р. 25 к.

Подписка принимается у издательницы О. А. Риккеръ: Петербургъ, Невскій, 14, книж. маг. К. Л. Риккера. Исключительно къ ней-же слѣдуетъ обращаться и по всемъ хозяйственнымъ вопросамъ изданія.

Открыта подписка на 1900 годъ на духовный журналъ

„СТРАННИКЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

„ОБЩЕДОСТУПНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1900 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неслабо служитъ въ теченіе сорока лѣтъ. Кромѣ того въ удовлетвореніе существеннѣйшей потребности нашего времени редакція съ 1898 года приступила къ новому крупному литературному предпріятію, именно къ изданію „Общедоступной Богословской Библиотеки“, имѣющей своею цѣлю сдѣлать болѣе доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы. Именно:

1) При редакціи журнала „Странникъ“ издается (съ 1898 г.) „Общедоступная Богословская Библиотека“ на весьма льготныхъ для его подписчиковъ условіяхъ. 2) Въ нее входятъ лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы по всемъ отраслямъ богословскаго знанія: по Св. Писанію (гдѣ кромѣ вспомогательныхъ къ его ученію сочиненій имѣется въ виду издать и полное толкованіе на всю Библию примѣнительно къ потребностямъ пастырей и проповѣдниковъ), по Основному, Догматическому и Нравственному богословію (лучшія системы изъ русской и иностранной литературы), Библейской и Церковной исторіи (извѣстнѣйшія произведенія Фаррара, Шаффа и др.), проповѣдничеству и пр., причѣмъ для каждой отрасли представителями будутъ избраны капитальнѣйшіе труды лучшихъ богословскихъ писателей — русскихъ или иностранныхъ. 3) Ежегодно издается по два тома отъ 30 до 35 и болѣе печатныхъ листовъ въ томѣ, — всего около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта. 4) Цѣна въ отдѣльной продажѣ на годичное изданіе „Библиотеки“ четыре рубля безъ пересылки (съ пересылкой около пяти рублей), а для подписчиковъ журнала „Странникъ“ — одинъ рубль съ пересылкой, такъ что подписчики нашего журнала, прилагая по 1 рублю къ подписной цѣнѣ, ежегодно будутъ получать по два тома лучшихъ произведеній русской и иностранной богословской литературы и такимъ образомъ безъ обремененія себя приобретутъ цѣлую библиотеку этихъ произведеній, которая при отдѣльной покупкѣ потребовала бы громаднхъ расходовъ, непосильныхъ большинству нашихъ пастырей.

Редакція съ слѣдующаго 1900 года приступаетъ къ новой серіи „Библиотеки“, въ которую войдутъ два сочиненія:

а) „Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ“, въ двухъ частяхъ (правосл. востокъ и иносл. западъ) съ иллюстраціями, составляющая вполнѣ понятную потребность для современнаго поколѣнія, которое стоитъ наканунѣ новаго вѣка и поэтому должно знать, что нашъ вѣкъ внесъ въ сокровищницу міровой исторіи, и б) „Православная Богословская энциклопедія“ или Богословскій энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго богословски образованнаго человѣка свѣдѣнія по всемъ предметамъ

богословскаго и философскаго знанія. Въ трехъ большихъ томахъ. Въ 1900 г. подписчики журнала получаютъ первый выпускъ этого цѣннаго изданія, за которымъ въ свое время не замедлятъ послѣдовать и другіе.

Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна въ Россіи: а) за журналъ „Странникъ“ шесть (6) рублей въ годъ, б) съ приложеніемъ двухъ томовъ „Общественной Богословской Библиотеки“ семь (7) рублей съ пересылкой; за границей: а) за журналъ 8 руб., съ приложеніемъ „Библиотеки“ 10 руб.

Примѣчаніе. а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богосл. Библиотеки“ 2 руб. за томъ, а съ перес. 2 р. 40 к. б) Желающіе имѣть выпуски „Библиотеки“ въ изыщномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 коп. за выпускъ. в) Новые подписчики, желающіе получить уже вышедшіе четыре выпуска „Библиотеки“ (четыре тома „Православнаго Собесѣдовательнаго Богословія“) прилагаютъ по 1 руб. за томъ.

Адресоваться: въ редакцію журнала „СТРАННИКЪ“, С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 182.

Городскіе СПб. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи: Телѣжная улица, домъ № 5.

За редактора издатель проф. А. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА

Олонедкія Губернскія Вѣдомости.

„Олонедкія Губернскія Вѣдомости“ въ 1900 году будутъ выходить по *расширенной* съ 1896 года *программѣ*, при чемъ особое вниманіе обращено на неофициальную часть.

Всѣ выдающіяся событія мѣстной и отечественной жизни, все представляющее интересъ въ литературномъ или научномъ отношеніяхъ, вопросы народнаго образованія, дѣятельность общественныхъ учрежденій, прошлая и настоящая жизнь губерніи въ историческомъ, топографическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и проч.,—все это будетъ находить мѣсто въ неофициальной части и сообщается съ возможною тщательностью и полнотою.

Подписка принимается въ г. Петрозаводскѣ при Губернскомъ Правленіи.

Подписная цѣна на годъ—5 руб., на полгода—3 руб.

Редакторъ С. Левитскій.

1900 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДВА ИЗДАНИЯ. 1900 г.

I.

Ежедневная газета

Новости Дня,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Восемнадцатый годъ изданія.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской и заграничной жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и въ яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной хроники, въ „Новостяхъ Дня“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ—изъ Парижа, Берлина, Лондона, Нью-Йорка и др.

Подписная цѣна: на годъ 8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р., на три мѣсяца—3 руб., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЕМЬЯ.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „Семья“ представляетъ собою вполне взяточное изданіе, въ которомъ помѣщается разнообразный интересный текстъ, масса портретовъ (іерарховъ Православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

„Семья“ выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) взячная литература: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія—оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обзорнія и критика литературная театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческіе очерки и путешествія. 4) Биографіи. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарады, ребусы, игры, ноты. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ художниковъ. 10) Иллюстрація ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣятелей. Рисунокъ, объясненія къ рисункамъ. Вензетки и пр.

По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „Семья“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ видѣ опыта, въ 1900 г. журналъ „Семья“ будетъ пользоваться по возможности исключительно женскимъ трудомъ, какъ литературнымъ и художественнымъ, такъ и типографскимъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою 3 р. „Новости дня“ и „Семья“ 10 р.

Адресъ: Москва, Красныя ворота, соб. домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1900 годъ

на политическо - общественную и литературную газету

ЕНИСЕЙ.

ВЫХОДИТЬ въ Красноярскѣ, ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Программа газеты

- 1) Телеграммы. 2) Отдѣлъ официальный. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей совместно съ интересами сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востоку.
- 4) Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири.
- 5) Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка.
- 6) Политическія извѣстія, общія и въ частности касающіяся Азіатскихъ странъ.
- 7) Корреспонденція изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея и соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи.
- 8) Научный отдѣлъ.
- 9) Литературное обозрѣніе, — критика и библиографія, особенно сочиненій объ Азій.
- 10) Фельетонъ.
- 11) Судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній.
- 12) Смѣсь. Отвѣты редакціи.
- 13) Справочный отдѣлъ.
- 14) Объявленія.

Подписная цѣна:

съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб.,
на четверть года 2 руб. 60 коп., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

Городскіе подписчики, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, получаютъ бесплатно телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Енисей“, собств. домъ, Воскресенская ул.; въ Ачинскѣ въ отдѣленіи конторы при типографіи Е. Ф. Кудрявцева; въ Томскѣ въ отдѣленіи редакціи „Енисей“, Дворянская улица, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Иркутскѣ: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Петербургѣ и Москвѣ въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Редакторъ-издатель Е. КУДРЯВЦЕВЪ.

1900 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

1900 г.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

СЪ БЕСПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената и Собранія узаконеній и распоряженій Правительства.

Выходить два раза въ недѣлю *): по воскресеньямъ и четвергамъ
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою 7 р.
Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ — 4 руб. и въ 1-му апрѣлѣ —
остальные 3 рубля.

Правительственныя и общественныя учрежденія, а также должностныя лица этихъ учрежденій, въ правѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальные подписныя деньги (5 р.) за газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 59).

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительствующаго Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученій, обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признаваемыхъ несостоятельными, всѣствованныхъ въ право пособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностихъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Полученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщение въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“, справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3 разъ въ теченіе подписнаго года, дѣлается бесплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассационныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ админи-

*) Въ дни Рождества Христова, равно на сырной, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ два дѣтніе мѣсяца (съ 15 іюня по 15 августа) газета выходит по одному разу въ недѣлю.

стративнымъ и судебнымъ учреждениямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которую получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и къмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невозможности годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, залпросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнные § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія, указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнные въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы, лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Международный органъ

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ,

предпринятое съ Высочайшаго соизволенія

Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ

(съ октября 1898).

безъ предварительной цензуры, подъ редакціей Н. П. Собко,

съ офортами, ксилографіями, фотогравюрами, хромотипіями, исполненными въ первоклассныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ за 12 выпусковъ и 24 особыхъ прибавленій (въ объемъ до 1000 стр. текста и свыше 500 снимковъ въ текстѣ и отдѣльно): безъ достав. 8 р.; съ дост. 9 р.; съ пер. 10 р.; за границу 12 р.—Затѣмъ:

1) Допускается разсрочка взносовъ по 2 р. и по 3 р. въ теченіе первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ съ начала подписнаго года, т.-е. съ октября мѣсяца.

2) Наложенымъ платежомъ журналъ высылается лишь по присылкѣ переводомъ не менѣе 2 руб. на почтовые расходы, сверхъ подписной цѣны.

3) Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ главную контору: С.-Петербургъ, Мойка, 83 (д. И. О. П. Х.).

4) Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

ОТКРЫТИЯ ПОДПИСКИ
на ежемѣсячный научно-литературный журналъ
„КАВКАЗСКИЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемый въ г. Тифлисъ съ 1-го января 1900 г. В. Д. Коргановымъ, подъ редакцію К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3) Статьи по разнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учреждений. 4) Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5) Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6) Литературная критика и библіографія. Статьи по искусству. 7) Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8) Справочный отдѣлъ. Почтовый ящикъ. 9) Объявленія. По мѣрѣ надобности, статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Условія подписки:	Для городск. подписчиковъ.	Для иногородн.	За границу.
на годъ	9 руб.	10 руб.	12 руб.
„ 1/2 года	5 „	6 „	7 „
„ 3 мѣсяца	3 „	3 „ 50 к.	4 „

За перемѣну адреса взимается 50 к. За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается: за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр.—12 р., за 1/4 стр.—7 р. За каждые 500 экземпляровъ объявленій, прикладываемыхъ къ журналу, взимается: за 1 лотъ вѣса 5 р., за 2 лота—7 р., за 3 лота—9 р. и за 4 лота—11 р. Подписка на журналъ и объявленія принимаются въ Тифлисъ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, при книжномъ магазинѣ К. Н. Бѣгичева, на Головинскомъ пр., д. № 10.

Открыта подписка на 1900 г.

„ОРЕНБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“

общественно-литературно-политическая.

Неофициальная часть Оренбургскихъ Губ. Вѣдомостей.

■ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ. ■

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ дни послѣпраздничные выходятъ телеграммы Росс. Тел. Агентства.

Подписная цѣна: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 руб. 25 к., на 1 мѣсяць—50 к. Для лицъ, служащихъ въ казенныхъ и обществен. учрежденіяхъ, допускается разсрочка платежа.

Ежедневныя телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Вступая въ ЧЕТВЕРТЫЙ годъ существованія, какъ ежедневное изданіе, „Оренбургская Газета“ въ 1900 году сохраняетъ свою программу и будетъ служить отраженіемъ какъ иностранной, такъ и отечественной политической и бытовой жизни, а въ особенности жизни Оренбурга и Оренбургской губерніи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Оренбургъ, Караванъ-Сарай), въ почтово-телеграфной конторѣ, въ городскомъ полицейскомъ управленіи и частяхъ, въ управленіи уѣздныхъ исправниковъ, у полиц. надзир., у горныхъ исправниковъ и становыхъ приставовъ.

Редакторъ *И. Бѣлинскій.*

Вышла январьская книжка
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Оригинальныя и переводныя статьи. Отъ редакціи.—Общественно-психологическія основы воспитанія. *Е. Лозинскаго.*—„Малоуспѣшность“ учащихся и ея причины. *Г. Рокова.*—О педагогическо-психологическихъ лабораторіяхъ. Заботы русскаго общества о недостаточныхъ студентахъ въ XVIII вѣкѣ. *В. Якушкина.*—Обзоръ дѣятельности учительскихъ обществъ взаимопомощи. *Д. Жбанкова.*—Школьно-гигиеническіе вопросы въ Германіи. Проф. *Ф. Эрсмана.*—Вятская земская мастерская учебныхъ пособій. *Н. Каблукова.*—Атмосфера общественнаго воспитанія въ Германіи (по Т. Циглеру). *Д. С.*—Памяти И. С. Никитина. *Н. Василькова.* II. Критика и библиографія. Популяризація Пушкина въ юбилейныхъ изданіяхъ 1899 года. *Д. Сакумина.*—Остерманъ и Вегенеръ, Педагогика, пер. съ 6-го нѣм. изд. С. Г. Яковенко. *И. Ж.—цкаго.*—Женщины и врачи, соч. д-ра Риттера, перев. съ сокращ. дѣм. изд.—Андерсенъ, четыре разсказа: Еврейка, На могилѣ ребенка, Сонъ, Сидень; Грибуль и его похождения, соч. Жоржъ-Зандъ; Малыши, разск. и стих. для дѣтей. И. Бѣлоусова; Росинки, его же.—Подростки, разск. и сказки русскихъ писателей изъ жизни и природы, собраны для дѣтей М. Васильевъ; Дѣтскіе годы Шекспира, соч. Л. Черскаго.—П. Ф. Кудрявцевъ, Обь устройствѣ книжныхъ складовъ; А. С. Буткевичъ, О просвѣтительныхъ задачахъ земскихъ амбулаторій. *Е. З.*—Сociologia въ средней школѣ (*La sociologie dans l'enseignement secondaire*, „Rev. international de sociologie“, X, 1899); Философія, sociologia и педагогика (*Filosofia, sociologia e pedagogia*, „Rivista di Filosofia e Pedagogia“, Luglio, 1899). *Е. Лозинскаго*, и проч.—III. Рефераты и мелкія сообщенія. Тридцатилѣтне дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. *И. Бѣлоконскаго.*—Преступность малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ въ Россіи.—Къ вопросу о риварѣхъ въ начальныхъ школахъ. *Н. Тезякова.*—Переутомленіе учащихся, съ точки зрѣнія врача по нервнымъ болѣзнямъ.—Университетскіе курсы для народа въ Австріи. *А. Нейфельда.*—IV. Хроника. *Школа, литература и жизнь.* Совѣщанія о средней школѣ. „Отдѣльное мнѣніе“ кievскаго общества классической филологіи и педагогикѣ. Циркуляръ попечителя оренбургскаго округа. Инцидентъ въ области приимѣненія бадловой системы. Проектъ специализаціи женскаго образованія въ одесскомъ учебномъ округѣ. Временныя правила о сѣздахъ учащихся въ народныхъ училищахъ. *Г. Рокова.*—Изъ Англии. *Халбицкова.*—V. Объявленія.

Открыта подписка на 1900 годъ.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пресв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата уменьшается на 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Юношенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Гдѣ иногородн. просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ф. Михайловъ.*

О ПОДПИСКѢ НА „ВѢСТНИКЪ ПРАВА“, журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

„Вѣстникъ Права“ будетъ выходить въ 1900 г. подъ редакцію Г. Б. Сліозберга въ томъ же объемѣ и въ той же программѣ, какъ въ 1899 г.

„Вѣстникъ Права“ стремится дать читателямъ теоретическій и фактическій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ права, по вопросамъ текущей законодательной, судебной и административной практикѣ.

Въ составъ каждой изъ 10 книжекъ, выходящихъ въ теченіе года, входятъ:

1) Статьи по гражданскому, торговому, уголовному и административному праву.

2) Юридическія обзорѣнія, заключающіяся въ изложеніи и обсужденіи новыхъ законовъ, законопроектовъ, въ обсужденіи вопросовъ текущей практики кассационныхъ и административныхъ департаментовъ Сената, при чемъ въ каждой книгѣ излагаются и обсуждаются дѣла, разрѣшенныя кассационными департаментами въ теченіе даннаго мѣсяца (чѣмъ практикамъ дается возможность знакомиться съ разрѣшенными вопросами за 1—1½ года до опубликованія рѣшеній въ сборникахъ), указы перваго и втораго департаментовъ и перваго Общаго Собранія Сената, конны разрѣшены принципиальные вопросы, въ частности по городскому и земскому самоуправленію. Въ обзорѣніяхъ, состоящихъ изъ отдѣльных небольшихъ статей, редакция стремится отмѣтить по возможности всѣ болѣе или менѣе крупныя явленія нашей текущей юридической жизни.

3) Литературныя обзорѣнія, заключающіяся не только въ краткой оцѣнкѣ, но и въ сжатой передачѣ содержанія новыхъ явленій въ юридической литературѣ, и въ периодическихъ обзорахъ иностранной литературы.

4) Приложенія, состояща: а) изъ трудовъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества; б) практическихъ пособій, въ видѣ извлеченій изъ рѣшеній Сената и алфавитнаго указателя вопросовъ, каковыя составляются б. товарищемъ предсѣдателя С.-Петербургскаго Окружнаго Суда Н. И. Цухановымъ, и в) законодательныхъ проектовъ.

Въ 1900 г. въ приложеніи къ „Вѣстнику Права“ будетъ печататься (до 4 листовъ въ каждой книгѣ) новое переработанное и дополненное авторомъ изданіе ставшаго давно библиографическою рѣдкостью сочиненія извѣстнаго цивилиста, заслуженнаго профессора Н. Энгельмана „О давности по русскому гражданскому праву“; книга не вышуща будетъ въ продажу до окончанія печатанія ея въ „Вѣстникѣ Права“, въ теченіе 1900 г.

По опубликованіи выработанныхъ Комиссіею по пересмотру законоположеній по судебной части проектовъ, таковыя будутъ печатаемы въ приложеніяхъ къ „Вѣстнику Права“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ:	По полугодіямъ.	
		Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкою	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „
„ „ другихъ город. съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „

Съ приложеніемъ Сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, высылаемого подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за журналъ съ сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ— въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 руб. Подписка принимается: въ главной конторѣ „Вѣстника Права“, въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, С. Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28. Адресъ редакціи: СПб., Малая Итальянская, 47.

Редакторъ Г. Б. Сліозбергъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
„Ярославскія Губ. Вѣдомости“
на 1900 годъ.

„Ярославскія Губернскія Вѣдомости“ въ 1900 году издаются въ составѣ официальной и неофициальной частей два раза въ недѣлю (вторникъ и пятница), исключительно на лучшей бумагѣ.

Въ части неофициальной „Губ. Вѣдомостей“ будутъ помѣщены относящіяся до Ярославской губерніи свѣдѣнія и материалы географическіе, топографическіе, историческіе, археологическіе, статистическіе, этнографическіе и проч.; о чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ губерніи; статьи и свѣдѣнія по сельскому хозяйству.

Въ справочномъ отдѣлѣ помѣщаются: свѣдѣнія о прибывшихъ въ Ярославль и выбывшихъ, списки недоставленныхъ и неотправленныхъ почтою писемъ и телеграммъ, росписанія движенія поѣздовъ по всемъ желѣзнымъ дорогамъ, проходящимъ по губерніи, съ означеніемъ времени отхода поѣздовъ отъ всѣхъ значительныхъ промежуточныхъ станцій, росписаніе отхода и прихода пароходовъ по Волгѣ (въ навигацію), свѣдѣнія о времени приѣма въ больницахъ и лѣчебницахъ, такса легковыхъ извозчиковъ.

П о д п и с н а я ц ѣ н а

(съ пересылкою и доставкою).

1. Для Правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, пользующихся правомъ бесплатной пересылки 4 руб. 50 коп.

Примѣчаніе: Разсрочки не допускается.

2. Для всѣхъ остальныхъ лицъ четыре руб. пятьдесятъ коп. и за пересылку и доставку почтовыхъ расходовъ одинъ руб., а всего 5 руб. 50 коп.

Примѣчаніе: Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 1 руб. 50 коп. и затѣмъ по 50 коп. ежемѣсячно до полной уплаты подписной суммы.

П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я :

въ Ярославлѣ — въ помѣщеніи газетнаго стола Губернскаго Правленія (Ильинская площадь, рядомъ съ Губернскимъ Казначействомъ), съ 10 часовъ утра до 3½ пополудни; кромѣ того у гг. полиціймейстеровъ, исправниковъ и становыхъ приставовъ.

— 1900 —

АГБЮРЪ

XVIII г.

ежемесячный иллюстриро-
ванный детский журналъ съ
педагогическимъ отдѣломъ.

Во всей Имперіи един-
ственнымъ иллюстри-
рованнымъ периодиче-
скимъ изданіемъ на ар-
мянскомъ языкѣ.

ТАРАЗЪ

XI г.

еженедѣльный иллюстриро-
ванный журналъ для семей-
наго чтенія.

Программа: романы, повѣсти, рассказы, сказки. Поэмы, стихотворенія. Статьи, касающіяся воспитанія и обученія дѣтей. Путешествіе. Биографія. Критика и библиографія. Наука и искусство. Фельетонъ. Театръ и музыка. Педагогическія и научные совѣты, проекты, отвѣты. Домашнее хозяйство. Дамскія Парижскія моды, руководствѣ, шитье, кройка. Разныя извѣстія. Смѣсь. Забавы, шахматныя и другія игры, ребусы, анекдоты. Пѣсни съ нотами. Почтовый ящикъ. Объявленія.

Годовые подписчики журналовъ „АГБЮРЪ“ и „ТАРАЗЪ“ получаютъ за 10 р.:

12 №№ „Агбюръ“, иллюстриров. дѣтск. журн. съ педагогическимъ отдѣломъ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“, послѣдн. сезонныя новости Домашн. хозяйство.

24 №№ „Таразъ“, иллюстрація: наука, литература и искусство.

50 №№ „Таразъ“, еженедѣльно. Романы. Поэмы. Театръ и музыка. Критика. Статьи. Фельетонъ. Премію Сборникъ XIX вѣк. художественно-литературно-научное, роскошное, иллюстрированное издание.

Годовая плата журн. „Агбюръ“—3 р. (за границу 4 р.) „Таразъ“—6 руб. (за границу 10 руб.). Адресъ: Тифлисъ, редакция журн. „Агбюръ“ или „Таразъ“ (Tiflis, Caucase) Rédaction du journal „Agbur“ ou „Taraz“.

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.

**Ежедневная общественно-политическая и ли-
тературная газета**

„ПРИВАЛТІЙСКИЙ ЛИСТОКЪ“

ВЪ Г. РИГѢ

VII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Подписная цѣна. Съ дост. и перес.: на годъ—7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к., на 1 м.—75 к.; безъ доставки: на годъ—5 р., на 6 м.—2 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 25 к., на 1 м.—50 к.; съ пер.сыл. за границу: на годъ—14 р., на 6 м.—8 р., на 3 м.—4 р. 25 к., на 1 м.—2 р. 50 к.

Объявленія принимаются по 25 к. впереди и по 10 к. послѣ текста за строку пелита въ одинъ столбецъ. За объявленія, помѣщаемыя подъ телеграммами, взимается по 20 коп. со строки въ одинъ столбецъ. „Прибалтійскій Листокъ“ выходитъ по вечерамъ, въ форматѣ и объемѣ другихъ большихъ газетъ, заключающій въ себѣ, кромѣ передовыхъ и другихъ статей по общерусскимъ и мѣстнымъ вопросамъ, всѣ новости какъ городской, такъ и вообще прибалтійской жизни. Будучи органомъ русской прогрессивной мысли, по существу чуждой всякой узкой тенденціи, „Прибалтійскій Листокъ“ ставитъ своей задачей развитіе общественно-культурной солидарности окраины съ Россіей, на началѣ гуманнаго и всеобъединяющаго, не безпочвеннаго и мечтательнаго, но дѣятельнаго и убѣжденнаго идеализма. Подписка на газету и заказы на объявленія принимаются въ конторѣ газеты (Рига, уголъ Малой Кузнечной и Крѣпостной улицъ, д. № 2). Газета печатается въ собственной типографіи.

Съ 1-го декабря 1899 г. „Прибалтійскій Листокъ“ выходитъ въ увеличенномъ объемѣ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

НОВАЯ КНИГА:

кн. С. Н. Трубецкой.

УЧЕНИЕ О ЛОГОСѢ

ВЪ

ЕГО ИСТОРИИ.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

Томъ I. — Стр. 461.

Цѣна 2 р. 60 к.

„Вопросы Философіи и Психологіи“

М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьева.

продаются «Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. второе. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ VI. Э. Кердъ. Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Изданія Московскаго Психологическаго Общества:

К. Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣмец. подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1895. XVI + 521 стр. Цѣна 3 руб.

Г. А. Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ С. И. Старынкевича. Цѣна 2 руб.

Фр. Паульсенъ. Введеніе въ философію. 2-е изд. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 3 руб.

М. С. Корелинъ. Ранній италіанскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Москва, 1892, ст. VIII и 1087. Цѣна 6 р. 50 к.

Въ книжномъ магазинѣ „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

(Москва, Большая Никитская, д. Вельтищевой)

Н. Я. Гротъ. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основаніяхъ. Спб. 1880. Ц. 3 р. 50 к.

Его же. Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умствѣнныхъ процессовъ. Лейпцигъ, 1882. Ц. 3 р.

Его же. Нравственные идеалы нашего времени (Фр. Ницше и Левъ Толстой). 3-е изд. Ц. 30 к., съ перес. 45 к.

Его же. Устой нравственной жизни и дѣятельности. М. 1895. Ц. 30 к., съ перес. 40 к.

Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Перев. съ нѣмец. подъ ред. Я. Колубовскаго. Второе изданіе съ знач. измѣненіями и дополн. Спб. 1895 г. Ц. 2 р., за перес. 30 к.

Бинэ, В. Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Перев. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ съ англ. С. А. Котляревскаго, подъ ред. В. Н. Ивановскаго. М. 1898. Ц. 1 р. 75 к. (Изд. 3-ье «Библіотеки для самообразованія»).

Джонъ Лонкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ съ англ. А. Н. Савина. М. 1898. XVI + 736. Ц. 3 р.

НА ЖУРНАЛЬ

„Вопросы Философіи и Психологіи“,

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ПРИ СОДѢЙСТВІИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА,

НА 1900 Г.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1900 г. по 1-е января 1901 г.) безъ доставки — 6 руб., съ доставкой въ Москвѣ—6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города — 7 руб., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается **только** въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазинахъ Русской Мысли (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой), книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“ (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой.

Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9) годъ продаются по 6 р. (въ виду крайне ограниченнаго количества оставшихся экземпляровъ), третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35), восьмой (№№ 36—40) и девятый (№№ 41—45) годы по 3 руб. за каждый годъ съ пересылк. Экземпляры за 1899 г. (№№ 46—50) продаются за 6 р. съ пересылк. Подписчики на 1900 г. получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 3 руб. за экземпляръ второго года (№№ 5—9) и по 2 руб. за каждый изъ остальныхъ, до 1898 г. включительно, годов. экземпляровъ. Всѣ книгъ можно выписывать наложен. платежомъ при чемъ взимается съ каждаго руб. по 2 коп.

За переѣму адреса уплачивается 20 коп.; въ случаѣ неполученія какаго-либо номера журнала просить увѣдомлять объ этомъ контору не позже выходя слѣдующаго за неполученнымъ номера.

Въ журналѣ помѣщаются платныя объявленія—исключительно о книгахъ и художественныхъ изданіяхъ—по 10 руб. за страницу.

1. Всѣ статьи, доставляемыя въ редакцію, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и редакціоннымъ поправкамъ.—2. Время напечатанія статей и распредѣленіе ихъ по книгамъ опредѣляются редакторами сообразно наличному матеріалу.—3. Статьи, присылаемыя въ редакцію безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное ея распоряженіе.—4. Размѣръ оплаты статей гонораромъ порадѣляется по особымъ правиламъ, выработаннымъ редакціей.—5. Статьи, не принятыя редакціей, высылаются авторамъ обратно наложеннымъ платежомъ.

Всѣ статьи для журнала и письма въ редакцію должны быть адресуемы въ контору редакціи М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой.